

Влад Ростовцев

Большая ловитва

Сходники и авантюристы Земли
вятичей

18+

Влад Ростовцев

Большая ловитва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65403197

SelfPub; 2021

Аннотация

Историко-приключенческая повесть с элементами плутовского и шпионского романов. Череда больших и малых охот (ловитв): людей, зверей, обозов, «амуров», охраняемых секретов и др.

Время действия – с 972 года по 1020-й, спрессованное в один световой день. География действия: Земля вятичей, Киев, Чернигов, Смоленск, Изборск, Псков, Царьград (Константинополь).

Представлены темы «невидимых фронтов», тогдашних разведок и криминалитета – с юмором, а порой и печалью, аллюзиями и реминисценциями, использованием сленга и диалектизмов, улыбчивыми отсылками к классике.

Действие происходит в нескольких временных срезах с параллельными сюжетными линиями. За неспешным началом следуют приключения «по нарастающей»...

Основные персонажи – не безупречны и не выхолены. Самодостаточные, самоуверенные, азартные и лихие. Каждый – личность, лидер и адреналинщик. Никому из них не угрожает кончина от избыточной скромности.

В качестве специи – «внутренний глас» главного героя, родом из астрала.

Влад Ростовцев

Большая ловитва

I

... С ростом листвы на деревьях дни все длиннее, а ночи все короче. И в последний день весны третьи петухи грянули-заголосили, оповещая, что всем пора пробуждаться, считай, уже засветло.

– Наш-то опять гаркнул в полную натугу! Никому не уступит! – выделила Доброгнева своего домашнего солиста. – Да и пусть себе орет, елико осилит, абы про кур не забывал.

Молчан, муж, протяжно всхрапнув, выбрал другой бок – прежний, видать, уже отлежал. Но вежды так и оставил смеженными.

– Вскоре и подыму. Не ближняя у него дорога, а собираться сколь? Не на охоту, чай, а на торжище! – рассудила Доброгнева. Сама она, привычная вставать спозаранку, поднялась еще раньше, за вторыми петухами – сигнальщиками для хозяйшечек, что пора ставить или проверять тесто.

И чуть не запнулась на первом же шаге. Таковая оплошка вряд ли случилась бы парой седмиц допрежь. Ведь тогда ночную избу еще подсвечивал огонек в глиняной плошке с фитилем из скрученной грубой ветоши, пропитанной конопляным маслом, понеже закончился жир из свиной брюшины.

Малой, именем Третьяк, что обозначало: третий сын, за-

егозил-засопел в кроватке на коротких ножках, обжитой до него еще старшими сыновьями.

– Последышек мой, – с нежностью подумала Доброгнева. – скоро от груди отрывать. Уже и Молчан серчает: хватит, мол! Ведь с позапрошлого лета сосет. Гладкий на мамкином-то молоке!

И вспомнила, что в тягости своим третьим, молила Мокошь и Ладу о дочери! Да не судьба...

А Храбр, мужающий отрок, ноне по плечо Молчану, что всех в селище выше, и Беляй, средний сын, уж пробудились на полатях, потягиваясь ото сна. Не сверзнулись бы, впопыхах, оттуда!

Меж вторыми петухами и третьими Доброгнева успела не токмо помыться, и привести себя в полную опрятность, а и разворошить кочергой горящие угли в печи в дальнем углу от входа, сложенной из камня и глины и не остывавшей, когда зима, денно и ночью. Удостоверилась: хлеб в ней вот-вот дойдет. Проверила и иное, что истомлялось уже до полной готовности.

Накормила скот в загоне, насыпала курам проса, вынула яйца. Побаловала коровку, а скоро уж первая дойка, парой репок с руки – пусть давно уж прелые они, однако Зорька и таковым рада. Заглянула и в клеть. Прибралась в сенях. Вслед прихорошилась вся, облаченная в верхнюю, почти до пят, белую рубаху, украшенную вышивками.

Надела гривну – серебряный обруч на выю. Переплела ко-

су – знак замужества: лишь в девичестве не возбраняется ходить с распущенными волосами. А серьги с подвесками, подаренные Молчаном еще на свадьбу, не снимала почти никогда.

Поправила платок, а по зиме она носила шапочку из валяной шерсти, украшенной бахромой, и повязала его, дабы накрепко держался, ведь опростоволоситься – сущий срам! И вычернила брови печной сажей, дабы краше предстать пред мужем.

Подошла к лежанке, где на медвежьей шкуре поверх соломенного матраса досыпал Молчан, первый охотник во всей округе, вмяв своей нечесаной главой подушку, набитую с прошлой осени духовитыми лесными травами.

– Хозяин, любезный мой, вставай! – воззвала она, словно пропела.

Явно нехотя, хозяин перевернулся на спину, что-то невнятно буркнул спросонья и отверз-таки вежды. Сел, вытянул ноги, основательно зевнул. Почесал десницей грудь, всю в густом волосе. И окинул взором жену – без любезности. Ничего не молвил!

Молчан, столь неутомимый по вечерам в любом домашнем ремесле, что мог лечь чуть ли не на заре, отнюдь не любил пробуждаться. И наблюдалось сие каждое утро.

Встал, подтянул холщовые порты и босой заспешил во двор.

– Истинно Молчан! Когда дома, и рот отворяет, будто с

натугой. Даже не приветил! Вот и принаряжайся! – в сердцах подумала вслед Доброгнева. – И скрытник, каковых и не встретишь. Елико раз справлялась, об его тайном имени, коим волхв Велимудр нарек на священном обряде, ведь любопытно мне. Да куда там! Все одно молчит...

Давно уже и старшой наш прошел сей обряд, омытый пред тем в особом месте, скрытом от чуждых, и сразу же матери доверился. А у этого – рот на засове: таился, и таится. Предомной-то к чему?!

И тут же, чисто по-женски, вступила в противоречие себе самой.

– Корю его, корю, а хозяин он – справный. Столь добра накоплено в доме, что не обидятся сыновья, когда отойдем к Стрибогу и придется делить им. Добытчик, всем на зависть. Первый охотник в округе Заботливый отец. И полной еще мужской силе!

Он и посуровел лишь с годами. Допрежь и мягче был, и ласковей, и речист порой. Се судьба его принахмурила, за не сполна хлебнул в дальних отъездах, долгих! Вот и ожесточился! Аукнулись ему улещивания от старшего родича, покойного! Во всем виноват тот старый хрен! Еще и на мя поглядывал!

На все руки хват – даже шкуры выделывает сам и сети плетет. И на подарки мне щедр – никогда не обидит.

Прошу его! – чего ж тут делать, аще таков. Я ить и сама-то еще сызмальства с нором. Не медвяной он у меня! И рас-

сказывала матушка, буде зайдусь тогда до посинения, так и заулыбаюсь потом. Потому и назвали, как угадали: и добрая, и гневная...

...От реки тянуло рассветной свежестью. Роса холодила ороговевшие подошвы. А чуть дунуло, уже обутый Молчан, отойдя подальше, дабы полюбоваться обзором, всегда любезным ему по поздним веснам, аж поежился.

С возвышения ясно открывались дальние виды в любую сторону.

В напольной стороне, обратной от реки, ясно проглядывала кромка бесконечного леса, почитаемого Молчаном как одно из главнейших мест его промысла, и любимого за преогромный бор в нем. Поелику было за что любить!

Лепота окрест в красном лесу по ясной погоде! А особливо в бору на холмистом месте, где сосны-великаны на отдалении друг от друга, где нет подлеска, нет мхов, где ровный подстилок из иглиц, где самый чистый, целительный воздух и смоляной запах от разогревшейся на солнце хвои.

Здесь и буреломы – редкость. Понеже каждая соснища – с ажурной кроной в вышине и без отмерших нижних ветвей, выросла сквозь песчаную почву столь глубоко и основательно, что и ураган не страшен. А до старческого обветшания ствола и корней ей еще далече.

Да и ладно дышится не токмо в бору, а и в любом хвойнике-краснолесье, куда привольнее и глубже, чем в лиственном чернолесье с его буераками, мочажинами и колючими

зарослями.

Однако для охоты, ежели ли она умеючи, любой лес хорош: были бы зверь да птица. Не то ноне!

Все птицы – что не перелетные, что прилетные – сидят на гнездах, высиживая яйца. Добычливые тетеревиные тока – прошли. У косуль – отел. А сохатые, как растаял снег, ушли кормиться на болота и топи, до коих и доберешься не вдруг; до самого лосиного гона не жди их оттуда. Векшу после линьки незачем и добывать до самых заморозков.

От прочих, что для шкур и шкурок, тоже мало проку. Только по снегу и высмотришь след куницы, а без него не найти дупла, где она хоронится. Бобровый гон – не раньше, чем опадет вся листва. Горноста́й начнет белеть только в предзимье.

Да и у лисы добрый густой мех жди только по зиме, когда начнет мышковать в полях.

Остаются одни зайцы – не скоро еще жировать им на нивах и гумнах. И каковая от них радость для знатного зверолова?! Не бобры они, не горноста́и с куницами, даже не векши.

И не ежей же промышлять!

«Попусту Доброгнева на меня зыркнула. С утра я всегда хмур, а тут еще и тревожен, гадая, чем обернется дорога на торг, – подумалось вдруг Молчану. – Да и что с нее взять! Совсем по хозяйству замаялась, а тут еще малой.

И ведь хотел я, вслед Храбра, дочку: и в доме радость, и

матери подмога – ей бы уже по возрасту мать доверяла не токмо веник. А третий наш, неожиданный, тоже оказался сыном... Подрастет, вымахает в рост, обучу его охотничьему промыслу.

Старшой наш, он для дружины добрым ратником будет. силен, смел, сулицу метает, под стать отцу. В лесу ж от него мало толка – нет в нем, торопыге, терпения, не умеет ступать тихо. Не для него зверя скрадывать иль к тетеревиному току подобраться.

Когда в четыренадесять таков, уже не переменится!

Беляю же лишь за мамкину юбку держаться: больно робок. К ножу, прикасаясь, чуть не дрожит в опаске порезаться, а топор за рукоять возьмет – и того пуще. А ведь не малец! – ждет его по осени священный обряд.

И в кого он пошел? Доброгнева даже на меня взбрыкивает, и столь не ведает страха, что напади на нее тать, без зенок останется, лиходей! А оробей хоть раз его отец не токмо в бою, а и в дальних отъездах, давно бы осиротел Беляй!

Третьяку же передам все, в чем сам горазд. Тщиться буду, дабы, повзрослев, и меня превзошел охотничьей славой! А для сего надлежит быть с ним неотлучно, пока не возмужает и все переймет.

Хватит с меня странничать по чужим указкам, хоронясь от вражых сысков!

И ежели придут со скрытным словом, о чем предупреждал Путята, откажу и выставлю вон!

Тут Молчан ощутил, что начинает, босой, зябнуть. И решил, что пора возвращаться в избу...

Так, или примерно так – тысячу лет тому, всего и не припомнить – в поселении вятичей, что обустроилось на плоской вершине холма, устремленного в пойму Москвы-реки, зачинаялось утро.

И некому уже удостоверить название сего городища ...

II

Не успев помыслить: «Вот и сени мои», Молчан услышал оклик вполголоса.

– Молчан! А, Молчан! Погодь!

Резко повернувшись, он узрел догонявшего Некраса-кожевенника, давнего его недруга.

«Не иначе, я ослаб слухом, – огорчился Молчан. – Даже не почуял, что подползает сей змей кривоносый».

И с подчеркнутой сухостью справился:

– Чего тебе, Некрас, надобно в такую рань? С чем пожаловал?

Некрас помялся, явно не зная, с чего начать и перейти к главному.

А все же вступил в речь:

– Прознал я, что ты на торг собрался. У меня ж беда стряслась и разор велик: сгорел загон с живностью, едва отстояли избу с клетью. Хорошо хоть, уцелели выделанные кожи – продать бы их...

Возьми с собой! Добром отплачу, едва на ноги встану. Сапоги сошью лучшие и за полцены продам.

Не за себя прошу! А за Младу с детьми – мы токмо старшую пристроили, а остальных еще поднимать и кормить. Виноват ведь ты пред ней, ровно я пред тобой...

Ох, не надобно б ему упоминать про добро! И хотя поздно считать былые вины, не забыл Молчан прошлого. И не простил.

По влюбчивой младости, когда приспела пора выглядеть будущую жену, запал Молчан на Младу из недалекого селища, ниже по течению Москвы, где впадает в нее Пахра. Однако допрежь ее выглядел Жихорь – сверстник Молчана из того же поселения, что и Млада. Так прикипел к ней сиз-малства, что по пятам ходил. Сох!

Молчану сие поперек встало! И на игрище одном отозвал он Жихоря в сторонку, дабы не слышали иные.

– Не цепляйся боле к Младе! Для иного она!

– Никак за себя ее мнишь? – глухо спросил Жихорь.

– За себя! А наперекор пойдешь, не помилую!

– А ежели я дружков на тебя подниму, кто кого не помилует?

– В моих дружках вся округа ходит, и не квелые они, ажно твои. Говорю ж, не шутя: что замыслил я, то и будет!

– Не будет! – вскричал Жихорь, бросившись на Молчана с ножом коротким. Молчан и не углядел, откуда тот извлек его – кажись, в рукаве хоронил, но успел отвернуться боком

и подставить плечо.

Руда едва просочилась сквозь рубаху Молчана, а Жихорь уж корчился на траве. Кулаком десницы свалил его Молчан, и неоднократно пнул ниже чресл, где всего больней.

– Уползай вон, Жихорь! – выдохнул Молчан, во весь охват зажимая дланью ниже раны. – Теперь ты и в селище твоём не примут. Чуждый ты всем отныне!

С трудом поднявшись, Жихорь молча заковылял к ближним кустам, скрючившись и держась за чресла. Впредь никто окрест не слыхивал о нём. И горевала токмо его вдовья мать...

А едва залечила знахарка местная молчанову рану и чуть затянулась она, открылась ему Млада, вся из себя баская:

– Люб ты мне, Молчанушка!

И поделился он радостью с верным и главным другом своим Некрасом, жившим по соседству. Зело задиристый на ссоры и прю, горазд тот был и на кривду. Зато, с Молчаном на пару, не робел биться и супротив пятерых за красных девиц на игрищах, ажно бьются косачи на тетеревином токе. Не плошал и в кулачных стенках – любимой потехе в городищах и селищах вятичей.

И познакомил с ней Некраса ...

Все к сговору шло, за ним и к свадебке, ведь родители Молчана и Млады не возражали, и загодя радовались. Однако надеяться все горазды, а точку ставит судьба...

Проскоком – из богатого городища в верховьях Москвы

– объявился, будто снег на голову, Путята, старшой брат ма-тушки Молчана, осьмой из детей в той семье, обильной.

Был он в особом почете у старейшин и славен охотничьи-ми и ратными доблестями. А ко всему, по молодости, живал и в стольном граде Киеве, о коем не раз рассказывал в кругу родичей, упоминая, что был и иной Путята – тысяцкий кня-зя Владимира, да тот уж преставился.

Слушатели его и не подозревали, что прославленный их родич, здравый, именовался в Киеве отнюдь не Путятой...

И едва соскочив с коня, а в поводу и другой был, уведо-мил сестру, что прибыл за Молчаном, давно упрашивавшим Путяту взять его на какую-нибудь знатную охоту, на зверя особенного. А тут, недалече от северского приграничья, за коим начинались земли Киевского княжества, сбравшего с вятичей дань каждую осень, объявился зверь таковой особи-цы и лютости, что и самый именитый охотник в запал вой-дет! Дней через несколько пора и путь за ним...

Тур! Дикий бычара, обитавший за пределами Земли вя-тичей. Неимоверная вышина в холке, немереный вес. Злоб-ность до полного остервенения, когда на него нападали. А вдобавок редкостное проворство.

Устрашал он и тем, что мог буквально растолочь своими копытами любого всадника с лошадыю, подняв его перед тем на острейшие свои рога – в каждом боле полутора локтей, а потом сбросив оземь. Да и пронзал ими запросто! Редко, когда тур разменивал свою жизнь меньше, чем на несколько

человечьих. Трижды взять на рогатину разъяренного медведя в одиночку – сего было мало супротив одного поединка с туром всем скопом! И даже в Киеве любой княжеский лов не обходился без сопровождения дружинников в полном вооружении.

Потому и решил Путята, призванный на турью охоту во главе ее, порадовать ближнего родича, младого, подающего большие надежды в охотном промысле. Именно так и объяснил. Родители и не усомнились, ведая: Молчана он любил якоже сына, а у самого Путяты рождались лишь дочери, и заезжая в то городище, непременно отправлялся с ним в лес, где обучал всему, что сам умел. Вслед разрешили они Молчану дальний путь. А Путята пообещал им неустанно печаловаться о нем.

И воспылал, аж раздумяившись, Молчан! – на две трети соответствуя строке: «Юноша бледный со взором горящим», сотворенной Валерием Яковлевичем Брюсовым, классиком из второго ряда, мистификатором, преизрядным любителем эпатажа и автором нацеленного на скандал первого в российской словесности одностишия – о бледных ногах, не закрытых, а пора бы им!

Взбурлило в нем, мнящем стать самым лучшим, ретивое...

Тем паче, и задатки имел отменные. Ведь еще в отрочестве брал из лука векшу, лисицу, дикого гуся, а со старшими и на волков ходил, когда те начинали резать скот. Да и тще-

славен он был, тогдашний! И полагая себя выше многих, что таил со всем тщанием, всегда приосанивался, возвращаясь из леса с обильной добычей, и слаб был на хвалу. А тур – не косуля какая!

Однако кому доверить присмотр за Младой на дни и ночи разлуки? Ведь скоро игрище Лады у Москвы-реки, а там – и лес рядом, и соблазнов сколь!

Не умыкнули б в кусты или еще дальше! Млада, понятно, не из таковых – не для кустов она! А мало ли? И попросил он Некраса, по дружбе...

III

Вернулся Молчан не скоро. Славной, по слухам, случилась охота. Сам новоявленный герой городища полностью оправдал свое имянаречение, явив немногословие. Ведь сразу же, как объявился, огласил: столь испытал на охоте той, что и вспоминать не хочется. И будет молчать о ней! – уж не посетуйте.

А никто и не собирался сетовать: все и без того досконально знали, какова была та ловитва, дальняя, и отчего Молчан, по возвращении, не прихвастнул предьявлением хотя бы копыта от рогатого чудища. Ведь тур, уложив насмерть троих загонщиков и чуть не порешив Путятю, а и сам смертельно раненый – ясное дело, Молчаном, изловчился сигануть с высокого обрыва в глубокую реку, да так и пошел на дно вместе с копытами...

О том достоверно уведомила Чернава, жена гончара Бакулы, прознав от Сияны, вдовы шорника Погаста, чья дочь Отрада была замужем за бондарем Ставром, поехавшим на торг, не ближний, за обручами для бочек и кадушек, где встретил давнего знакомца – сапожника Гуляя, ставившего намедни лодочнику Завиду латку на голенище, а сей перевозил ловчего из отряда Путятя, что возвращался из похода ранее прочих, и за медовухой открылся лодочнику.

И лишь сам Молчан, с изрядным удивлением услышав на второй день сказ о своем подвиге, знал, чем завершилась та охота. Не сумел уберечься тогда Путятя! – зато и тризна его миновала...

Поначалу рана казалась не столь грозной, пущай и кровоточила вовсю. Сам Путятя, у коего все тело было в шрамах – больше ратных, а были и две отметины от медвежьих когтей, и одна – от стрелы, подлой, не брал ее всерьез.

Однако наутро, уже на обратном пути, когда оставили на лечбу двух раненых, началось нагноение стегна под перевязкой.

И пришлось, сворачивать в чащобу – к знаменитой в тех краях целительнице Добродее, бывшей, когда-то, в лета пылкой молодости, киевской, полюбовницей Путятя, позже поставившей его на ноги после жаркой сечи с дружинниками киевского князя Владимира.

Тогда ж не токмо Молчан, а и сама Добродея всполошилась. Однако сказала себе с убежденностью, от любящего

сердца идущей:

– Спасла тогда, спасу и ноне!

И спасла она. Выходила! – не токмо целительством одним, а и сердцем с душою. И даже отказала ему, когда, чуть окрепнув, наладился, было, к ней, вспомнив старое. Однако Добродеея пожурила его, сказав, что рано он вознамерился, ведь слаб еще, не окреп. Все ж посулила: может-де надеяться...

Потому-то и не стало скорым возвращение Молчана, помогавшего Добродее и охранявшего Путятю. Да и дорога не была ближней. А когда вернулся-таки, не был он встречен Младой, ибо накануне всерьез захворала и слегла ее мать. Кому и было сидеть с ней, ежели не дочери, любимой?

И что ж?! Не шибко опечалился Молчан, веря, что все одно встретятся. Хотя и крепко соскучился. Однако от кручины хорошо отвлекло застолье два дня кряду, на кое Добромир и Бояна, родители Молчана, не поскупились, выставив опьяняющий сытный мед.

Однако на третий день, а за два предыдущих домашние запасы хмельного истощились подчистую, опечалиться все ж пришлось. И еще сколь!

Под вечер, Молчан и еще двое, Стоян и Томилко, собрались ставить верши. Некрас, главный друг, не отходивший от Молчана с его приезда, а упомянувший о Младе лишь раз и невнятно – мол, ждала она Молчана, как и положено, отказался на речку, сославшись, что переел-перепил и худо ему.

Тогда-то Стоян, тоже Молчана друг, хотя не столь ближ-

ний, как Некрас, обратился к нему, а Томилко, и он из друзей, был рядом:

– Уведомить тебя хочу, да остерегаюсь.

«Чего ж он остерегается?» – миг насторожился Молчан, заподозрив нехорошее. И огласил Стояну:

– Вещай, и не скрытничай!

Стоян, набрав воздуха, словно собрался нырнуть в самую глубь, чуть помедлил, а потом выпалил:

– Понапрасну ты, Молчан, приблизил Некраса. Веришь ему во всем, даже пьете из одного ковша. А ведь не тот он! И ехидство у него на тебя лютное.

– Не возьму я в толк, о чем ты, Стоян? – напрягся Молчан, ощутив недоброе предчувствие.

– О том, что на игрище было, – твердо отвечивал Стоян.

– Да что же было-то?! – почти вскричал Молчан.

– Хороводил он там с Младой без устали. Вместе и через костер прыгали, пока не умаялись. А потом, когда все мы уж и березовицы испили, ведь разгорячились от прыжков-то, увел ее за руку в чашу...

Наблюдил он там, инде нет, сего не ведаю. Однако воротились они не сразу, и Некрас ухмылялся на все зубья свои и опять держал за руку, точно хозяин. Не один я видел, а многие! Справься хоть у Томилки, аще мне не веришь.

Да разве не поверишь, еже дело – ясное?! Вот почему от-малчивался Некрас о Младе! И точно ли захворала у нее

мать? Может, убоялась взглянуть в очи после такого-то?! Чуть придя в себя, Молчан, стараясь держаться как можно спокойнее, сказал обоим:

– Не серчайте на меня, други. Не пойду я ставить верши. Что-то неможется мне...

А погода, когда отошли они, отправился искать Некраса. Долго искать не пришлось: тот сам шел навстречу – зримо, что сам не свой.

– Чуял я, что не пойдешь ты на реку. Помыслил: пушай тому и быть! – скажу тебе днесь, о чем думаю, а то уж мочи нет таиться, – начал Некрас первым.

– Говори ж, о чем затаился – молвил Молчан, кулаки сжимаю.

И не преминул сердечный друг!

– Отступись от Млады, Молчан! Лелем заклинаю тя! Будто брата прошу. Измаялся я весь! Всегда она пред очами – и утром, и днем, и за полночь. Сплю и вижу! Только о ней и думаю...

И на что она тебе? Разве нет других? И без того все юницы в округе, и постарше их, вслед охоты на тура только и шепчутся: Молчан да Молчан, вот бы такого суженого! Лучше ты найдешь, и краше... А для меня она – единственная, нет другой. Невмочь без нее, хоть головой в колодец!

– Да что ты несешь, Некрас! – вскричал ошарашенный Молчан. – Очнись! Опомнись! Друзья ведь мы...

– Не бывает дружбы, когда любовь! Полюбишь – тогда

поймешь, – ответил Некрас, не отводя взгляда.

– Уже и не люблю я?!

– Себя ты любишь! И славу свою охотничью. За ней одной с Путятой увязался. А Младу на меня оставил, чтоб оберегал для тебя, пока ты тура воюешь.

– Мне еще и благодарить тебя, оберег ты мой в онучах? – взъярился Молчан. – Наслышан уже, аки ты на игрищах Лады и через костер с Младой прыгал, и хороводы водил, и в чаще с ней уединялся.

– И что с того, что прыгал? Было сие в утешение ей, чтоб меньше в разлуке печалилась.

– Даже и в чаще утешал ее?

– Даже и в чаще! – с вызовом ответил Некрас.

– Может, и касался ее там?

– Может, и касался. Не ты один на свете!

– Может, и любились вы?

– Может, и любились!

И не стерпев, Молчан пустил юшку Некрасу! – столь молотил, что свернул ему нос, рассек бровь – потом и шрам остался, и едва не переломал мослы. Долго потом отхаживала Некраса знахарка, однако смогла выправить нос лишь на половину.

Все ж и Некрас не оплошал! – даром, что был Молчану едва до уха. Осилит раскровенить ему уста и зуб вышибить нижний – с той поры Молчан стал щербат снизу и при резком глубоком вдохе во всю грудь чуть присвистывал...

Он боле не свиделся с Младой, когда выздоровела ее мать. А она подсылала к нему подруг и сестру свою младшую, не понимая, отчего таковое охлаждение и надеясь на встречу, дабы объясниться.

Однако Молчан будто узду закусил. Изменщица Млада иль нет, но в чашу-то с Некрасом бегала? Бегала! А зачем?!

Скоро в округе все приметили: неладно у Молчана с Некрасом, прошла дружба, будто и не было ее. Правды никто не знал, ведь оба отмалчивались. Поелику и судили поразному: кто-то винил Молчана, коему завидовали за удаль и удачливость, кто-то – Некраса, коего недолюбливали за бахвальство и скверный нрав.

По поздней весне, когда Некрас с Младой сыграли свадьбу, и молодая, баяли очевидцы, столь грустна была, что и не улыбнулась, хотя бы единою. Некрас перебрался в родное селище жены; там они и отстроились. Потом и кожевником стал, как отец и младший брат Млады.

И угрюм стал Молчан с той поры, и немногословен, аки бирюк. Так и осталось доселе...

А довелось свидеться им лишь через четыре лета – по нечаянности. У нее уж и дочь росла, а с ней и малец двухлетний. По хозяйственным нуждам приплыла она в городище Молчана вместе с младшим братом Мезеней, охромевшим еще в отрочестве. И под вечер, когда спускались они к причалу, где была привязана их гребная однодревка, выдолбленная из кряжа толстого дуба – с брусьями, прибитыми к бор-

там для устойчивости, завидели поднимающегося по той же тропке Молчана, несшего кукан с пятком крупных окуней.

Молчан шел потупленным, вспоминая вчерашнее. Тяжким был его разговор с отцом. А закончился он тем, что Добромир, хватив кулаком по столу, высказал сыну:

– Елико позорить мя будешь? Ославил уже на всю округу, засидевшись в молодцах! Не осталось у тебя неженатых дружков, у каждого потомство давно, их родители внукам не нарадуются. Один ты неприкаянный, ажно обсевок в поле...

И Молчан впервые не возразил отцу на сию укоризну...

Сообразив, что впереди – разговор сестры с Молчаном, и не желая встречать, Мезеня, шустрый – не смотри, что хроменький, замедлился и приотстал, хотя не улеглась еще в нем обида на Молчана, оскорбившего тогда не только Младу, а и всю семью, изготовившуюся к свадьбе.

– И точно, прав отец: неприкаянный я. Самому опостылело, что один, будто перст. Эх, Млада, Млада, – подумал Молчан, и вдруг, ажно кольнуло в нем. Поднял очи и остолбенел. Не почувствовал даже, что кукан из рук выпал.

Млада стояла чуть выше, бледная, пуще снега раннего.

И задрожал ее глас, когда сказала ему:

– Зря ты тогда, Молчан! Не по-душевному то...

Повинился передо мной Некрас после свадьбы, что напраслину возвел, облыжную. Не допустила я его на тех игрищах до запретного! Береглась для тебя одного. А ты и поверил, затаился! Даже спросить не захотел. И нет ноне счастья

ни тебе, ни мне...

За что ж ты, Молчанушка, отрекся от любви моей?

У Молчана и дух перехватило, и словно земля из-под ног ушла. И вмиг заледенело его сердце, да так, что и доньше не все оттаяло.

А она, уже обходя его, ведь не сообразил отодвинуться, улыбнулась как-то странно, словно сострадавая не то ему одному, не то им обоим:

– Кукан-то подыми...

IV

– Вернется сейчас, будет, чем попотчевать его и меньших, – удовлетворенно прикинула Доброгнева. – Еще и ложки оближут!

Ранним летом любила потешить домочадцев похлебкой из заквашенного теста – рачины, кою ставила накануне, а когда она достаточно закисала, опускала в горшок с кипящей водой, добавляла порубленную свежую крапиву, взбивала, а потом заправляла сушеной рыбой.

Много разнообразных блюд умела она. Вследствие чего невозможно было баять, применительно к ее семейству: «Щи да каша – радость наша!». Отнюдь, и наново отнюдь! И даже Молчан, вельми скупой на похвалу, редко-редко, а все ж одобрял вслух. А единою, насытившись до отвала и ослабив пояс, молвил, растрогав жену чуть не до слез:

– У иных стряпня, а у тя – подлинно яства!

Особливо расхотелся у него аппетит, когда хозяйка запекала цельных освеженных зайцев, поливая их брусничным соком. Кто там – русак или беляк, для печи все едино! Хотя русак – вкуснее, понеже всегда жирней, да и крупнее он.

Жаркое из заячьих ножек тоже встречало полное, пусть и молчаливое, одобрение главного едока в семье и уминалось весьма споро. А уж пироги с зайчатинной и Молчан, и Храбр с Беляем буквально сметали!

Вечер Молчан еще троих доставил. И Доброгнева уже прикидывала, как приготовить их. Хотя не те они ноне супротив осенних: маловато в них жирку.

По поздней осени Молчан уважал бобровое мясо, бобр же добывал сам. Доброгнева нарезала свежатину на крупные куски и, подержав день-другой в холодном месте, запекала. Отведав приготовление, хозяин утирал усы, собирал в горсть бороду и протяжно вздыхал в полном удовлетворении.

Жаловал он и моченую бруснику. И Доброгнева с первых лет замужества наловчилась готовить бруснику так, что пальчики оближешь! – на меду, с медовой заливкой. Однако до подачи на стол она отстаивалась в подполье, в деревянных кадках, не меньше месяца. Молчан завсегда был охоч до сей ягоды в любом ее виде, не мене, чем еще один обожатель брусники – глухарь-боровик, что отменного вкуса, ежели запечь его разделанным на куски.

А тетерева, запеченные тем же образом? А копченый лещ,

истомленный в собственном жиру?? А соленые груздочки и рыжички?

Для грибков сих не жаль было и соли, кою для иных надобностей при готовке Доброгнева расходовала чуть ли не по крупинке, как драгоценность. Она и считалась лакомством! На любом торге ее, завозимую издалека, токмо таковым и оценивали, отвергая скидки при продаже.

Кое-кто в городище даже злословил за спиной Доброгневы из недоброжелательства и ехидства: «Ишь, богатеи! Ста-точное ли дело: соль на пустое переводить?! Ох, еще аукнется им!».

Однажды дошли до нее те перетолки, и, не стерпев, высказала тем женкам, что стояли тогда рядом:

– Завидки на мя взяли? Довольство наше застит вам зенки? Надобно было выбирать себе мужа, якоже мой, и в достатке б купались!

Обильно насыщалась сия семья! Обильно и смачно! – не убавить.

И стоило Молчану высказать невзначай: «Блинков бы!», назавтра же объедался ими на вечерней трапезе...

Хозяин вошел явно нахмуренным. «А я-то чаяла: помягчает он на росе», – мысленно огорчилась Доброгнева. Однако, глубоко вздохнув с порога, точно отрешив от себя что-то недоброе, распорядился он с нежданной задушевностью: «Ну, хозяйюшка, подавай к столу!»

И не затягивая, хозяйюшка выставила на стол четыре гли-

няных горшка с овсяной кашей, приправленной кусочками копченого окорока – немного уж от него осталось, и зеленоватым конопляным маслом из орешков-семечек, купленном на большом осеннем торге.

С чего образовалось то копчение, Доброгнева помнила накрепко. Прошлой осенью Молчан, благо помогли ему те трое, что сопровождали на охоту, еле доволоч матерого кабана, отъевшегося на лещине, равно и желудях в дубравах. Вернулся весь раскрасневшийся и сам не свой с виду. Но отмолчался на ее вопрос и открылся не сразу, а много погодя.

Выгнали на него секача и принял он зверя на рожон рогатины – самого тяжелого оружия в Земле вятичей, ударив, как и должно, снизу, накрепко уперев конец древка-искепища в землю, тот налег на нее с такой силищей, вплоть до поперечины, коя рожна ниже, что чуть не поддалась она мощному до дикости напору. А поддалась бы, отвалив в сторону, конец не зверю, а охотнику...

В том, что умнут всю кашу, еще и о добавке помыслят, Доброгнева даже не сомневалась.

Ведь готовилась она со всевозможным тщанием из вкуснейшего цельного зерна, очищенного от шелухи и добротнo распаренного в печи, чтобы стало мягким, как бы набираясь силы от печного жара.

По завершении трапезы все сбылось по ее замыслу.

Насытившись, дале некуда, и запив парным молоком, все встали из-за стола умиротворенными, даже и Храбр, коего

Молчан, не посмотрев на раннюю возмужалость своего старшего, шарахнул деревянной ложкой по челу, прикрикнув: «Не егози!», когда тот допрежь отца сунулся в свой горшок.

Убирая судна и сосуды, Доброгнева к месту припомнила и прикинула: «Намедни Молчан сказывал: на опушках и лесных полянках уж поспевает земляника – скоро станет рясной. Не припоздать бы со сбором! За земляничкой подойдет и черничка. Как дозреет она и наберу пяток кузовов, спроворю пирог с ней. Сыновей полакомлю и самой в радость!»

А раз Молчан не привязчив к чернике, решила налить ему тогда добрый ковш из отбродившей сыты – пущай и он потешится ...

V

«Чего из оружия взять? – впал в размышления Молчан. – Ведь беспокойно в лесах стало».

Еще с первой капелью Доброгнева, наслушавшись соседок, пришла и выпалила:

– Бают все, что развелось в лесах лиходеев, будто лягух в болоте! Скоро, глядишь, будут остерегаться даже на торг поехать. Набегут разбойники, и все, что ни есть, отнимут. А всего пуще – могут и порешить, по злобе...

Лесные злодеи водились в их округе и прежде. Время от времени пошаливали они, случались и смертоубийства. Не зря ж, на большие осенние торги выезжали с непременно

сопровождением самых могучих в городище мужей, иных и с ратным опытом.

В телегах ехали подвое, оснащенные оружием: обоз охранялся конным авангардом из нескольких всадников и аналогичным арьергардом. У каждого, кто при оружии, было по топору и по паре-тройке сулиц. У всех – ножи немалой длины, легко достающие до сердца, а разбойнички – не вои в броне. Кто-то брал и кистени – ударное оружие для жаркого ближнего боя, проламывающее не только черепа, а и легкие доспехи. Молчан прихватывал свою охотничью рогатину, что не раз выручала его, когда хаживал со товарищи на медведей и вепрей, с ней и лук боевой. И не было случая, чтобы кто-то напал!

Однако у обозов по весне, отправлявшихся, когда подсохнет и станет проезжей дорога на торг, имелось свое отличие. В конце весны многих городищенских мужей, справных, невозможно было упросить для сопровождения и на день, что им за это не посули! Ведь все в полях они, живя не с промыслов или ремесел, а от доходов с урожаев. Да и отправлялись на сборы для переподготовки те из молодых, приписанных к ополчению, чей возраст подошел ноне.

А посему весенние обозы и их охранение сокращались, в сравнении с осенними, вдвое, а то и боле. И приходилось рисковать...

Ноне же оборачивалось и того хуже. Поздний весенний разлив выдался столь полноводным, что та часть короткого

пути на торг, вдоль правого берега реки Москвы и выше по течению, проходившая через заливные луга, еще не подсохла, дабы бы стать проезжей. Оставалось лишь отправиться иным путем – не столь торным и куда боле протяженным, в начальном своем направлении противоположном реке.

Усугубляло и то, что у главной дороги на торг лес рос лишь с одной стороны, в отличие от сей, шедшей через чернолесье. Посему надлежало остерегаться куда сильнее! – на пасть на обоз могли и с двух сторон одновременно.

– И ведь непременно выскочат с кистенями! – не усомнился Молчан.

В самом деле, для разбойного нападения в лесу лучше, чем кистень, и представить трудно. Боевая железная гирька-подвесок, соединенная цепью, ремнем или крепкой веревкой с деревянной рукояткой-кистенищем, грозна в умелых руках, круша любые кости, да и почкам с печенью не покажется мало!

Кистень позволял нанести ловкий, внезапный и поражающий удар в самой гуще тесной схватки. А если враг оказывался оглушенным от попадания в шлем хотя бы на несколько мгновений, его тут же и добивали.

А сверх того, мог разить даже без кистенища, когда подвесок привязывали просто к руке – к кисти, откуда и пошло его название.

...Ко всему, в самый последний момент, передумали ехать на торг для продажи сразу пятеро. И Молчан вечер

узнал причину, заставившую и его вельми призадуматься.

Токмо что напросились Некрас с Мезеней, однако и с их поклажей в обозе получалось лишь семь телег. И ненамного больше вооруженных, из коих конных всего трое. Заведомый соблазн для прытких головорезов!

И отошел Молчан к стене, где на колышках висел весь его арсенал, а поодаль, в самом углу, прислонена была острога – длинный шест, Молчана выше, с наконечником из нескольких зубьев, длиной в два перста, приложенных друг к другу. Ей Молчан, с непрямым напарником, управлявшим однодеревкой, брал шук в темные и тихие ночи.

– Лиходея бы острой! – усмехнулся он в душе. – Да не скоро вытащишь ее потом из него: не для боя она. А вот стрелы...

Наконечники стрел у Молчана были несхожими, хотя всех их выковал местный умелец любой кузни Домослав. У срезней, что на крупного зверя и противника без лат и кольчуги, было широкое лезвие, острое перо. А тому, кто в доспехах, лучше бы опасаться стрел с иными совсем наконечниками – узкими, гранеными, пробивавшими даже броню.

Однако бронебойные наконечники не были способны пробивать деревянные щиты, для коих требовались иные – с предельно расширенным острием, похожие на долота. Правда, сии иные оказывались бессильными против брони. И стало быть, наконечников универсальной пробиваемости попросту не существовало – у каждого их типа имелось свое

назначение.

А для охоты на пушного зверя с малыми луками предназначались, дабы не портить его шкуру, плоские, намеренно затупленные томары стрельные.

«Заполню весь тул-колчан стрелами – на три четверти возьму со срезнями, на четверть – с гранеными наконечниками. Прихвачу боевой топорик, нож с клинком чуть не в локоть, три сулицы с наконечниками в пясть, рогатину и тот свой лук, что для боя. Не токмо мне одному, тут двоим обороняться хватит, однако запас не бывает лишним», – рассудил Молчан.

И невольно улыбнулся Молчан на мысль свою о рогатине. Единою он, выпросив у отца – доброго охотника, однако куда ему до Путьяты, решил взять ее на ту охоту турью. Ведь возмечтал, первым подскакав к туру, первым и вонзить ему в бок. А сам еще не хаживал с рогатиной ни на медведя, ни на вепря, и никакого навыка не имел.

Прознав про сие намерение, Путьята, невероятный весельчак, балагур и насмешник, потешно вскричав: «Ой, держите меня, сейчас упаду! Ноженьки мои не держат!», обхохотался до зримых слезинок, чем изрядно задел вельми самолюбивого Молчана. Ведь преподал назидание: «Аще серьезен ты вне службы, не удерживай себя надолго в унылом состоянии том!».

А отсмеявшись вволю и отдышавшись, высказал, уже серьезно:

– Не серчай, однако куда тебе с рогатиной, едучи верхом? Явно, представляешь ты: рогатина у тя в деснице, а узда, правящая браздами, в шуйце, и скачешь во весь опор, вдогон за перепуганным и удирающим от тебя туром!

Не предавайся вздорным мыслям! Ежели не хочешь, чтобы он тебя, ухаря, на рога поднял, то и увернуться придется не раз, и отскочить, когда надо. Однако ты и без рогатины уже не раз с Серка падал, коего для тебя пригнал. А он, обученный даже бою, се не мерин ваш Голубок! Не отходи от него днесь, дабы обвыкся с тобой, а об ином – забудь: времени нет для иного. Через две зари отъезжаем, посему – торопись! Чаю, успеешь изготовиться – нам и верхом долгий путь.

– И вот что, – прибавил он, погодя, – перебери стрелы, дабы не подвели они, когда выйдем на тура, проверь тетиву и запасную возьми. Не рогатина, а лук будет твоим оружием главным. Горазд ты бить в цель, здесь даже мне с тобой не потягаться! – жаль не боевой у тебя лук, охотничий, да уж некогда прилаживаться к новому.

К своему нынешнему луку – боевому, из двух плеч, прикрепленных к рукояти, Молчан приладился столь хватко, будто с детства овладел им. И любил ощущать, как сии плечи, разгибаясь, посылают стрелу вперед.

Его изготовил за пару куньих шкурок знаменитый в округе мастер, до которого полтора дня пехом; еще и заночевать в пути придется.

Все же товар стоил своей высокой цены! – отменным получился оное оружие с отдельно хранимой вощенной тетивой, крепившейся своими петлями на костяные накладки. Ведь даже рукоять его, выложенную гладкими костяными пластинами, мастер подгонял точно по длани своего заказчика.

И испытав сей лук в охоте на крупного зверя, Молчан удостоверился воочию: разит, если верно целишь, наповал! Почитай, словно тот, самый памятный, с коим однажды отправился вместе с Путятой, уверенный, что на тура...

– Некрас-то каков! – ненароком припомнил он. – Загодя знал, что поддамся ему, соглашусь. Ведь вместе с Мезеней задолго до зари выехал, а поначалу утаил о нем. А доехав, поставили телегу свою близ городищища нашего. И пошел Некрас меня высматривать, а Мезеня остался товар сторожить.

Любопытно мне: аще кривоносый не дождался бы меня, рискнул он в избу постучаться? Чаю, рискнул бы! – не возвращаться же им обратно. Ведь даже топорики сообразили взять и ножи. Хитер Некрас! И ловок был прежде, вон и зуба меня лишил. Может и пригодится он, ежели навалятся на нас...

VI

– Пора уж перебрать товар наново, – прикинул Молчан. – Скопил его вдосталь. Будет, что на торге явить! – сам люблюсь...

Товар и точно был хорош! Украшением его была чета ось-

миц бобровых шкур, каждая в два локтя длиной, добытых им по осени из засады – на самом закате инде чуть позже, либо на бобровых гонах в предзимье и начале зимы, когда мех становился особо прочным и красивым, сохраняя прочность, легкость и непромокаемость, и ценился дороже даже собольего. А половина из них – самого дорогого черного цвета – шли при продаже токмо поштучно. Остальные – черно-карего и карего, ценились в два раза дешевле черных шкур. Тех, что карего, продавали десятками.

Молчан пренебрегал добычей бобров с рыжими шкурами, кои на торгах ценились ниже, чем даже карие, и продавались сороками.

Основательно размыслив, решил он не брать на торг запасенную бобровую струю, за коей всегда выстраивалась очередь из покупателей, понеже славились ее целительные свойства: от болей в животе, глухоты, для укрепления мужской силы. Ибо по всему выходило, что осенью можно будет выручить за нее куда вяще.

Ведь тогда непременно пожалуют торговые гости на ладьях и купят ее, именуемую «бобровым благовонием», для больших иноземных рынков, где вельми высоко ценилась. А дале поплывут по Оке и Итиль-реке до побережья Хвалынского моря, а то и до Тавриды либо Царьграда.

Заготовил он для торга и бобровый жир для целительных натираний, а также пух оного зверя, вычесанный Доброгневой. Должно обозначить, что Молчан, честной, никогда

не допускал скрытного подмешивания в благородный бобровый пух чуждого подшерстка, чем порой грешили ушлые продавцы из его соплеменников. Да и бобровая струя, предлагаемая им, всегда была натуральной. О качестве же пушнины и баять нечего!

Мясо же пернатой дичи, зайцев и крупного зверя, добываемое им лесным промыслом, редко, когда доходило до торгова. Меньшая часть употреблялась самим и домочадцами, а большая обменивалась в его городище на зерно, горох, мед, конопляное масло и изделия местных умельцев, потребные семье для ее насущных нужд.

По прикидкам Молчана, для нынешней продажи хватало и одной пушнины. Ибо, oprичь бобровых шкур, имелись и куньи, было изрядно векшей.

Четыре горностаевых и одну медвежью он решил прибавить вкyпе с бобровой струей на главный в году осенний торг. Редкий в сих краях соболь не встретился ему ни разу за всю зиму. А для промысла волков не получилось собрать ватагу. Погруженный в мысли сии, вышел он на двор и возвел очи горе. Наплыли тучи, нагоняемые ветром; зримо нахмурилось. И заныло колено.

– Не иначе, днесь ливанет, – подумалось Молчану. – Нога моя, когда к непогоде, чует, аки ворожея!

У ноги его десной, то бишь на одной стороне с десницей, сие чутье образовалось – нечаянно и болезненно – давным-давно: в той единственной для Молчана охоте на тура,

когда еще и не встретился с ним.

Малый отряд их конный, в коем Путята был вершником, только что выехал из бесконечного, казалось, леса, неторопливо едучи пред тем по тропе, где ни обогнать, ни разминуться. И предстала бывшая нива, где прежде пахали и сеяли, заросшая высокими травами и низкими еще кустарниками.

Чуть ли не половину того пути лесного Молчан провел в размышлениях о недавнем, порой недоумевая, теряясь в догадках и осмысливая наново.

К примеру, припомнил он, как, по прибытии Путяты, в городище начали объявляться некие конные, неведомые здесь прежде, и справившись на въезде у жителей, куда ехать дальше, прямиком направлялись к избе родителей Молчана, где квартировал оный старший родич его.

И едва тот выходил к ним, непременно снимали свои войлочные колпаки, только что не кланяясь. А вслед, когда отходили подальше, нередко и спускаясь к реке, что-то говорили Путяте, а он слушал и тоже не затворял рот.

И было оное во все дни пребывания Путяты, кроме самого первого, а длился сей срок в число перстов на двух дланях. Позде разговоров с Путятой приезжие – иные из них явно изможденного вида и с конями на подмену, непременно оставались на ночевку в избе, принадлежавшей кривой бобылке Дружине, седой уже, однако в работе – двоим не уступит. Спали там на полу и седлались поутру – на тех же конях,

уже сытых, отпоенных и оснащенных полными торбами.

Елико платил Путята за овес и бобылке, об этом Молчан не ведал и не любопытствовал. Куда боле занимало его: что за люди новые, и когда ж на тура выезжать? – так ведь и до осени проторчать можно!

Долго крепился он, и все же спросил Путяту после плотной вечерней трапезы, когда ненадолго добреют даже матерые злодеи: кто незнакомцы сии, и куда отбывают?

Тот воспринял оную любознательность с неудовольствием, явно сочтя ее неуместной. Однако ответил, что всадники те – бывалые ловчие, коих он собрал отовсюду, дабы доглядали за туром: где пасется и куда перемещается.

– А ты то что помыслил? – сурово, даже и с возмущением в голосе, высказал он Молчану, завершив свой краткий рассказ.

В душе Молчан помыслил, что Путята заведомо кривит и лукавит, излагая не то, что есть, а его, Молчана, за малоумного держит. Однако вслух высказал с напускным облегчением, хотя вышло туманно и чуток двусмысленно:

– Теперь-то ясно мне!

Пристально взглянул на него Путята, и – промолчал...

Однако и в пути долгом: не день-другой-третий-четвертый, а боле, случилось немало потаенного. Выехали с Путятой вдвоем, с четырьмя поводными конями, коих тот прикупил в городище. На другой день поутру присоединились к ним двое встречных, и у каждого тоже по два коня в пово-

ду, а к вечеру – еще двое с четырьмя в поводу, однако сии нагнали их. Все они, явно, подчинялись Путяте, словно был тот большим воеводой. Что ни прикажет, исполняли тут же, ели его глазами и открывали рты лишь тогда, когда он спрашивал.

Большей частью дороги их проходили вдоль рек и ручьев, и однажды Молчан упросил Путяту ненадолго остановиться посреди дня, дабы наскоро сполоснуть и отжать холщовую рубаху свою и порты, уже взопревшие. И не подозревал, что через два века с малым гаком в Монгольской империи будут карать за стирку одежды смертной казнью – сразу и приводя в исполнение...

Поначалу ночевали во встречных весях. И каждый раз, когда располагались на постой, хозяева совершенно очевидно ожидали их, не скупясь на угощения прямо из печи и на корм для коней – и основных, и поводных, на коих пересаживались для поддержания резвой скорости. Дважды были уговлены им и подставы – кони для смены уставших на пути следования, однако основных – как Булана у Путяты и Серко у Молчана – они не меняли.

И Молчан приметил, что потчевавшие их поселяне относились к Путяте с таким почтением, будто к старейшине племени или волхву, а он всегда знал по имени и хозяина, и хозяйку. А потом, на протяжении пути, обезлюдело, точно в глухомани, и две последние ночи пришлось коротать в лесу – у костров, выставив дозорных и настелив лапник.

Вечор же отряд пополнил еще один, подлинно богатырской стати, под коим и взмыленный конь его, немалый в холке, казался мелковатым и зримо проседал под седоком своим могучим, а единственный, что подменным был, представлялся еще меньшим.

И отъехав с Путятой изрядно вперед, он огласил столь зычно, что все остальные расслышали: «Не выехали они еще – у Булгака отец отошел. По новому их обычаю, бесовскому, будут предавать его земле – без огня и тризны. Ждать Булгака с охраной надобно третьего дня, к полудню».

Чуть погодя, когда Путята что-то выговорил ему, отчего добрый молодец словно поник весь, он огласил еще, сильно умерив прежнюю зычность и явно полагая, что шепчет: «Пасется, и никуда не отворачивает».

«Ну, и глотка! Громче охотничьего рога на большой охоте». – невольно сопоставил Молчан. И невзначай услышанное подвигло его к новым осмыслениям: «Откуда может прибыть Булгак тот с охраной? Не из Киева ли? Однако, при чем тогда тур? На кого охотиться будем? Или на одного зверя пойдут две охоты с разных сторон? Голова идет кругом ...».

По выезде из леса Молчан пристроился рядом с Путятой и не ускорялись они, хотя и опережали остальных.

– Родич мой старший, никак не возьму в толк, отчего сей зверь забрел в приграничье? – места-то для него не родные. Часом, не хвор ли? – справился он, покачиваясь в седле.

– Не смахивает он на хворого. Едва завидел меня, яриться

начал: копытами бил, загривок топорщил, ноздри раздувал, набычился весь. Вот-вот кинется. Я и отвернул из опаски. Одному против тура – неминуемая смерть! Иль на рога поднимет, иль пронзит насквозь, иль копытами истопчет. Видел, и не раз, каково это бывает – выручить, и то не успеть...

И еще на подъезде узрел: тур предо мной, не турица – та и помельче, и окрас иной. Да и откуда взяться ноне турице, когда отел у нее и в чашах прячется? Разве что совсем старая...

А тур, весь он черный, с белой отметиной по хребтине. Не рыжеватый, аки турицы и турята. Отчего же направился в сии края, про то не вею. Увидишь, сам у него и узнай, – усмехнулся Путята, многоопытный.

Однако, чуть погода, высказал:

– Не иначе, бык-одинец, шатун рогатый, коего погнали из стада. И куда ему пойти, сам не ведает... Слыхивал я не раз о таких от старых ловчих княжьих, однако не наблюдал сам.

– Поди, худо ему одному, – предположил Молчан.

– А не жалеи! – отозвался Путята. – Одинец – суть всегда бывший вожак стада, злющий. Быв в силе и самым крупным, всех остальных в стаде гнобил, всеми турицами владел. Но нашелся бык – моложе и могутнее, и место его занял. Другой теперь тур – воевода. И навряд ли во всем стаде печалются о прежнем...

Ты об ином помысли. Зачнем разделявать тура, чего себе запросишь? С него ведь можно настолько взять, что зенки

разбегутся! Лишь мясо не похвалю. Попробуешь, и сам поймешь: волчьи клыки для него нужны!

– А что ж в нем тогда потребное? – неподдельно удивился Молчан.

– Да все остальное! Загибай персты! Хребтина пригодна, дабы доспехи ладить. Из кожи, толстой, выгибают шлемы, ратные, коих не всякая стрела возьмет, и пояса из нее – лучше не бывает. Из шкуры – подошвы для обувки: нипочем им ни снег, ни слякоть. А из рогов что хошь мастерят! На славные луки идут они, на рукояти добрых мечей – не хуже, чем из «рыбьего зуба», на лучшие гребни, даже и на застежки для кафтанов.

А чей рог – самый дорогой на званных пирах, когда пускают его, полного ставленным медом, вкруговую? То-то же!

Однако не вздумай облизываться на туры рога. Не обломится! Молод ты еще, не заслужил...

– Не видать мне рогов! Путята себе заберет. Родич называется! – мысленно огорчился Молчан.

Расстройство даже на лице его проступило. И разом пропало желание задавать иные вопросы.

А не пропало желание у Путяты-насмешника! И впал он в полное ехидство над младшим:

– Никак пригорюнился? Пустое! Найду и для тебя добычу знатную. Незачем тебе хребтина на доспехи и кожа на шелом – разве ратник ты? А что скажут красны девицы, углядев на твоих лаптях подошвы из турьей шкуры? Чаю, рассудят они:

«У Молчана ножки закоченели. Видать, совсем озяб! Не надобен там такой муж! Пусть вековухи согревают его, больного!».

Стало быть, одарю я тебя кишками – тут уж никто не прицепится, еще и завидовать начнут!

– Каковыми еще кишками? – вскинулся оскорбленный донельзя Молчан.

– Турьими! Зрю: не понимаешь ты своего счастья. Однако я растолкую. Особливые эти кишки, заветные! Токмо у туров они – не у иных зверей. Ежели помыть их в родниковых водах, как бабы на реках и прудах стирают исподнее, прополоскать и помыть наново, да набить вареным мясом с салом, храниться будет с осени до весны!

Сам едал их в голодный год. Морщился, глаза жмурил, обратно лезло, зато жив. И все красны девицы разом скажут: «Таков-то муж нам и надобен – даже кишки набивать горазд!».

У Молчана аж уши запылали, еле сдержался он не ответить на злостное охальство. И ударив по крупу Серка своего, норовистого, рванул вскачь, чтобы тут же рухнуть с коня оземь, как старая деревина в бурю.

Путята на Булане тут же оказался рядом. Соскочив, по-мрачневший, высказал: «Эко тебя угораздило!» и осведомился, где боль. Узнав, что в колене десной ноги, хмуро ухмыльнулся:

– Хорошо хоть, сапог снимать незачем. И лук цел со стре-

лами – вот славно!

И помахал остальным, что справится пока без их подмоги.

Тут Молчана, и без того вельми озлобленного, сильно покорибило, как по-новому открылся ему Путятя. Ведь целостность неживого оружия, коему, бесчувственному, все одно: упало иль нет, Путятя поставил выше, чем беспокойство о беде, что страхлась с его младшим родичем – живым и страдающим. Молчан и помыслить тогда не мог, что неспроста сие...

Прощупав колено, а Молчан едва сдержал стон, покачал головой с видимым облегчением:

– Везучий ты! Иной поломал бы себе, аль вывихнул, а ты зашибся всего-то. Холодку бы сейчас на болючее место, да где его взять? Хотя нет, будет он!

И извлек из ножен, прикрепленных к поясу бронзовыми кольцами, любимый свой укороченный меч-скрамасакс длиной в локоть – с односторонней заточкой, заостренным концом и рукоятью из «рыбьего зуба», коим очень гордился, непременно уверяя, ежели объявлялся повод, что таковой редкостен даже у ближних бояр киевского князя. Разрезав же Молчану вязаный чулок, приложил концом лезвия на ушиб. Погодя, чуть полегчало.

А посему Молчан решив, что уже достанет у него сил, вознамерился ответно поддеть за злые насмешки и душевную черствость. Ибо прикинул: немедля взовьется Путятя, при его-то взрывном норове в обиходе! Вслед осведомился наро-

чито равнодушным тоном:

– Давно хочу осведомиться, родич, об обретении тобой сего ножа...

– Это нож, по-твоему?! – мигом озлился Путята, как и задумано было.

– Явно нож! Ведь ты им – сам зрил я, три вечера тому, косулю сразил. А на косулю не ходят в бой! – лесная коза она. Каковой же тут меч, ежели боле похож на длинное шило, пусть и расплющенное?

– На шило?! Не прощу тебе сего, юнец неумелый! Я в ра-
тоборствах, благомужество являя, не токмо печенегов прон-
зал мечом сим, но и ратников князя Владимира, и все испус-
кали дух! И вручили мне его старейшины наши в награду,
яко честь великую, когда вернулся из Киева.

– А зачем бы тебе столь долго жить там? Нечисто тут! Не
вражий ли ты сходник против нас, доподлинных вятичей? Я
хоть и неумелый, зато честной, и разумом пока не ослаб. Не
верю в твоих старейшин! Зачем бы ты им?!

– Да затем, что послали меня дознавать! – выпалил Пу-
тата, и осекся, вмиг осознав, что сгоряча сказанул лишнее, да
уж не вернешь...

«Вон почему в почете он у старейшин и держится с ними,
точно ровня. Знамо, Путята не токмо в ловитве, он и в ином
особенен!» – живо сообразил Молчан, сметливый.

Вслед усомнился он, достоверен ли родич его, когда за-
дирает и насмешничает, и у самого рот до ушей, а будто вы-

смаатривает холодным оком любого, над кем потешается. И предположил:

– Уж не личина ли для него любая охота, равно и сия, и едем на тура только для видимости? Однако зачем тогда он позвал меня? Ведь не обучен я выведывать!

Остальные пятеро медленно приближались к ним.

– Слышь, младшой, ты вот что! Забудь мою шутку как кривду, из пустого бахвальства сказанную, – торопливо, но со значением проговорил Путята, наклонившись к Молчану чуть не в упор, словно тщился проникнуть в его сокровенные мысли. – Сам прикинь, не гожусь я, служивый при старейшинах, в лазутчики!

– Да я уж и забыл. Мало ли что бывает в пыли при? И ты на меня не серчай, родич мой старший, не держи обиду! Сгоряча тебе сказанул, не со зла, – с внешним сокрушением отвечивал Молчан, не поверив ни единому слову Путяты.

– Не со зла? Вот и ладненько! – изобразил улыбку Путята, не поверив ни единому слову Молчана...

VII

Вознегодовав на старшего родича за неспровоцированное ерничество в его адрес, Молчан и не подозревал, что девять лет спустя вспомнит – с неизбывной тоской в собственной утробе – о турьих кишках, обещанных ему Путятой-насмешником.

И вне любого сомнения, превозмог бы он их начинку, коя, поведал тогда Путята, неудержимо рвалась обратно, не пре-

одолев и полпути от глотки до желудка. Главное, состояла она из мяса с салом: пусть и залежалый, а харч!

Поелику не до разносолов, аще оголодаешь вконец! А оно и стряслось с Молчаном в царьградском форс-мажоре. Ибо лишь наспех перекусил он поутру, дневную трапезу отложил на вечер, ведь занят был изысканием оригинального подарка для предстоящей любимой, за столом же в таверне столь любовался прекрасной Юлией, весь в предвкушении, что о насыщении и забыл...

Придя в сознание и обнаружив себя на обмазанном глиной земляном полу – без мошны, носимой на кожаном поясе, да и самого пояса, одежд, обуви, серебряного браслета с аметистом и решетчатого перстня с прорезьями, зато с избыточными повреждениями на лице и теле, неоспоримо означавшими умышленное и злостное причинение урона его здоровью, Молчан попытался определить, что с ним случилось, и как быть впредь.

Блужданию мыслей по лабиринту мозговых извилин изрядно досаждали тупая боль в помятом черепе и остаточное кровотечение из носа. При том, что око его ошую столь заплыло, что не мог обозревать им белый свет. А вот скулу, равно и ребра, боле ломило одесную.

«Скверно, что бедствие претерпел, а ладно, что живота не лишился! Подлюю татьбу учинили мне, а все же не покусились на нижнюю рубаху. И порты не зажулили! – лежат, где и были сброшены. Однако, попробуй надеть их, когда и

подняться невмочь!» – с трудом диагностировал Молчан последствия налета в съемном жилище на ночь.

А грянула сия напасть за миг, едва собрался он приступить к излишествам на деревянном ложе с матрасом повышенной комфортности, набитым гусиным пухом.

Понеже не экономил Молчан на заграничной любви!

Чуть погодя, до него дошло, что уже вовсю рассвело, и вскоре пожалует плечистый хозяин-мордоворот, затем и попрет его отсель, ведь нечем заплатить за дальнейшее пребывание.

Аще ж отказаться, ввиду немощи, может и добить, лютуя! И сколь ни зови на помощь, никто из местных и не помыслит заступиться за чужеземца, явно асоциального вида, подвергаемого злобному насилию.

Волей-неволей, пришлось, проклиная себя за вчерашнюю опрометчивость, вставать на четвереньки. А затем, опираясь лишь на шуйцу, ибо не подымалась пока десница, преодолеть, стеная, полтора шага до ложа, с трудом водрузить седалище на его краешек и чуть перевести дух.

Переведя же оный, приступил он к многотрудному облачению в порты...

Увы! – не во что было заправлять их. Ибо остался Молчан без сапог своих, дорогих и искусно выделанных. И пушай вельми прели в них ноги по причине жары, зато форс: знай вятичей! А лаптей с онучами и не брал он в торговое странствие, убоявшись прослыть невеждой по части высокой

моды.

Хотя уцелевшая из-за брезгливости злодеев нижняя рубашка до колен – в коричневатых пятнах от того истечения, отнюдь не сглаживала его неприглядный вид, заведомо вызывающий подозрения, что оный бомжует и побирается.

И покинул Молчан место скорби своей, нынешней, скорее выползая наружу, нежели выходя, и запоздало осознавая, что сам и выковал свое несчастье, разом обернувшись в маргинала из уважаемого торгового гостя.

Несмотря на рань, было душновато. Ибо лето в Царьграде, а граждане Ромейской империи, или по-другому – Романии, именовали его Константинополем, обозначая себя ромеями-римлянами, всегда преизбыточно знойное.

Исподволь начинало припекать. И вынужденно ступая на камни, постепенно нагреваемые солнцем, что причиняло дополнительный дискомфорт, ковыляющий босой страдалец морщился и охал. Ведь отдавалось во всем теле!

И обгонявшие его прохожие – в хитонах с закатанными по локоть рукавами, непременно оборачивались, дабы сообразить: безумен ли сей, либо лицедействует странным образом. Что до встречных, те попросту шарахались!

А куда направлялись стопы его, он и сам не мог сообразить. Лишь бы подальше от жилища того, рокового! И вспомнилось ему, частично увечному днесь, сколь славно все начиналось.

Тем вечером, завершив продажу всего привезенного из-

далека, напоследок и шкуры матерого волка, дабы застилать ей ложе, что было тогда в ходу у царьградцев среднего достатка со стабильными доходами, решил он отчасти расслабиться. Однако в усладу лишь чреву!

Ведь еще держался Молчан строгого наказа старшего родича: сбыв весь товар свой, а привез он и тот, что до встречи с Путятой приберегал для осенних торгов, перво-наперво озаботиться подарками для семьи, а вслед – выполнить секретное поручение, ради коего и послан был в ромейскую столицу.

И лишь дале слегка ознакомиться с профессионализмом местных утешительниц иноземных торговых гостей, непременно руководствуясь разумом и неустанно бдя за своей мошной!

Получилось же совсем напротив: и без мошны остался, и не уберег орган средоточия разума, украшенный ночными налетчиками, помимо прочих отметин насильственного свойства, здоровенной шишкой посередке чела...

Гожую таверну подсказал ему некий Басалай без определенных занятий, урожденный киевлянин из полян, давным-давно осевший в Константинополе и шпаривший на местном ромейско-греческом не хуже любого аборигена.

Данный мигрант, предложивший Молчану свои услуги, пособлял ему на торге, переводя в диалогах с прижимистыми и придиричивыми ромеями, кои могли аж полдня обследовать приглянувшиеся им меха – особенно бобровые.

А торговались те скупердяи отчаянно, выклянчивая дисконт, отчего уже вскоре сия нация натурально достала широкого натурой вятича, испытывавшего идиосинкразию (не путать с фобией!) к скидкам от заявленной им цены! И за месяц с лишком не раз случались пустые дни вовсе без выручки.

«Провижу: загниет и загнетса оная империя из-за таковых корыстолюбцев, алчных. И никто ведь не пожалеет о ней!» – вывел он единою.

Расчет с Басалаем производился ежевечерне, выражаясь в кератии, являвшемся половиной серебряного милиарисия. Сам же милиарисий приравнивался стоимостью к одной из двенадцати частей золотого солида, называемого по-гречески и номисмой. И прочие купцы из вятичей на том торге укоряли Молчана, что переплачивает, подавая скверный пример!

Ибо их искусники синхронного перевода потребовали той же оплаты и для себя. Меж тем, кератий составлял ежедневное жалование ремесленника изрядной квалификации, да и то выдавался ему лишь медными фоллисами.

«А рази ж можно сопоставить толмачей с ромейскими искусниками ремесел? Мастерить – не языками чесать!» – апеллировали к здравомыслию Молчана его критики. Однако презрел он злопыхателей сих.

Басалай же и присоветовал пригласить за компанию двоих местных из бывалых, обитающих неподалеку, обосновав: мо-

гут пригодиться толковым подсказом, когда приступит Молчан к заслуженному досугу, равно и развлечениям на любой вкус. Поелику осведомлены они о немногочисленных в сем столичном граде торговых точках, где точно не обдурят покупателей, всучив им по завышенной цене недостойные подделки, и ведают о закоулках с самой выгодной арендой помещений для ночных утех. А могут сопроводить и в запретный квартал, подсказав заведения с лучшими искусницами!

Молчан засомневался было, касаясь закоулков и того квартала, бесстыдного, помня о предостережениях Путяты – явного блудодея на своей действительной службе, имевшего бесспорное аморальное право заклеить порок наемного сладострастия и бескорыстных неразборчивых связей, опираясь на богатый собственный опыт при исполнении скрытых обязанностей.

Впрочем, тут же и рассудил, что негоже столь доверять своему старшему родичу, вельми гораздому на кривду и преувеличения!

Да и нелепо будет, оказавшись по секретной надобности столь далече от Земли вятичей, не ознакомиться с потаенными нравами бойких девиц царьградского происхождения! – даже и не прикасаясь к ним, а токмо из чистой любознательности, праведной.

И еще один резон озарил Молчана, вспомнившего к месту: в устных мемуарах своих его старший родич, превознося самого себя, не раз бахвалился умелой маскировкой дей-

ствий, вволившей в обман бдивших за ним ворогов.

«А разве не могут козни ромейского сыска затруднить мое пребывание здесь? Могут!» – прикинул сходник-дебютант.

Вслед решил он, по наивности от неопытности, что она тайная контора вряд ли заподозрит в сластолюбце и кутиле вражьего агента и обманется относительно его истинных намерений. Сим окончательно убедил себя ознакомиться с заморской порочностью, воздерживаясь пока от вкушения запретных плодов, а лишь мотая на ус, и внял предложению инициативного толмача...

VIII

Пострадавшего водрузили на Серка – с осторожностью и всевозможной бережливостью.

И Путята, осмыслив непредвиденную ситуацию, вполголоса довел до младшего родича:

– Поменялись, с твоим обрушением, многие мои планы. Забудь пока о стремяни со стороны большого колена. Пригоден ты ноне лишь для лука, и то пешим. На скаку – без упора в стремяна – промахнешься и в спящую корову. Пред тем, как начнется, определю я тебе удобное место, однако будешь стрелы пускать токмо по моей команде, иначе от тебя и во все никакого толка...

К вечеру достигнем турьего пастбища – вроде бы, бык наш пока от него не отходит. В сторонке от него и приляжем.

Весь другой день будем отдыхать; тогда и перекусим со всей основательностью. Глядишь, и успеет поправиться твое

колено – есть у мя доброе средство.

– А ежели я не в тура попаду, а в кого-то из нашей ловитвы? – разом встревожился Молчан.

– Не попадешь! – осклабился Путята. – Хотя по-всякому бывает... Аще добыча столь знатная, будь, что выйдет! Не выбирать!

И со словами теми, окончательно дошло до Молчана: старший родич его – весь в личине неправды, и направляется совсем за иной добычей...

Практически догадавшись, кто он, владелец облыжно заклеянного скармасакса, однако еще не уверовав вполне, Молчан и не подозревал, насколько серьезна структура, одним из руководителей коей был в Земле вятичей именно Путята. А проживи он еще чуть боле тысячи лет, либо стоняй на резвой машине времени из 998-го, когда отправился на тура, в 2020-й, многое узнал бы наверняка! И для начала ознакомился с темой в широком ее разрезе.

Сегодня не тайна, что разведка – вторая древнейшая профессия на нашей планете. Именно она предопределила ряд ярчайших побед Субэдэя – полководца № 1 Средневековья. С ней впрямую связаны победа маленькой Спарты над превосходящими ее численностью Афинами в Ионической войне и триумфальное продвижение легионов Рима по Западной Европе, Ближней и Средней Азии – с разгромом Карфагена, покорения Галлии и завоевания Британии.

А Византия, Китай, Индия, Япония? А Александр Маке-

донский, Ганнибал, Саладин, Тамерлан и основатель ордена ассасинов Хасан ибн Ас-Сабах, терроризировавший весь тогдашний Восток, во многом благодаря созданной им разветвленной сети тайных информаторов в государствах исламского мира на всех уровнях власти? – примеров не перечесть! И разве не спецслужбы под началом Иисуса Навина – в дальнейшем преемника Моисея, предопределили, согласно Ветхому Завету, завоевание Ханаана – Земли обетованной?

Никогда не пренебрегали разведывательными операциями и в Древней Руси. Высшие должностные лица того времени всячески опекали разведку, направляя и координируя ее действия, а наиболее отличившихся героев приткой спецслужбы сей награждали и повышали по службе. Однако понятно, что оное происходило в обстановке глубочайшей секретности...

И веди разведывательные структуры Земли вятичей служебную документацию, а до нас дошли ее образцы тысячелетней давности, включая личные дела руководящего и оперативного составов – с пометкой «Хранить вечно», то о старшем родиче Молчана изыскали бы, в переводе на современный русский язык и с вынужденными сокращениями в целях конспирации, примерно следующее.

«... В 972 г., после смерти Святослава Игоревича, осложнения внутривосточной обстановки в Киевском княжестве, первых признаков будущей междоусобицы и прихода к власти Ярополка Святославича, Путята был направлен в Ки-

ев в прямое подчинение резиденту Любославу (оперативный псевдоним Волох).

По легенде прикрытия, являлся северянином по имени Хмара, сиротой с отрочества, единственным выжившим после нападения на его селище бандформирования, изыскивавшим несколько последующих лет средства к существованию охотничьим и рыбным промыслом, а также плетением корзин на продажу.

Был отобран для внедрения в Киеве в княжескую охоту – вначале в младшую, затем и в старшую.

Прошел специальную подготовку: изучил варяжскую речь, включая и свейский диалект, освоил тайнопись, технологию ухода от слежки, методику закладки тайников, базовые навыки вербовки, передовые техники обольщения, изготовление ядов растительного происхождения. Выдержал на «отлично» экзамены по боевому применению лука, топора, ножа, копья и сулицы; рогатина – «хорошо»; кистень – «удовлетворительно».

Для подтверждения легенды прикрытия прошел индивидуальный курс установки и применения капканов, самострелов, норных и тропных петель, ямных ловушек, ковшей (морд), тенет, плашек.

Получил квалификацию «мастер-рыболов широкого профиля» (от ловли неводом до ловли на уду). Лично плетет верши. В совершенстве владеет острогой.

Прибыл в Киев транзитом через Чернигов; по запросу ки-

евского сыска, обратившего внимание на частичное несоответствие его внешности с антропологическим типом северян (узкая кость, длинные носы, более вытянутые головы), его племенную принадлежность удостоверил, как и предусматривалось планом внедрения, старейшина северян Остомысл (оперативный псевдоним Скоробогат).

С 973 г. – стажер младшей княжеской охоты.

В период зачисления в нее способствовал, по собственной инициативе, ликвидации ловчего Бахаря, заочно приговоренного Высшим советом старейшин к смертной казни за преступления против мирного населения в ходе похода князя Святослава в Землю вятичей; непосредственно ликвидировал агента Второго главного управления Секретной службы Киевского княжества, внедрявшегося в младшую княжескую охоту. В том же году, проявив себя в ловитве, повышен из стажеров в младшие ловчие.

В 974 г. привлек к агентурному сотрудничеству Голубу (по косвенным данным, хазарянку в третьем поколении), старшую помощницу ключницы жены князя Ярополка.

В 975 г. на платной основе обучал метанию технике боя двумя щитами без применения иного оружия Белоуса, грид-ня (телохранителя) князя Ярополка, заслужив его признательность; вступил в связь со средней дочерью Белоуса Милонегой, замужем за Кудлой, детским (дружинником младшей княжеской дружины); благодаря протекции Белоуса, переведен в старшую княжескую охоту. В том же году вы-

явил и ликвидировал «двойного агента» Ширяя (оперативный псевдоним Варган).

С 976 г., после смерти Любослава, исполняющий обязанности резидента в Киеве (оперативный псевдоним для связи с Центром Бушуй).

В 977 г., в ходе охоты на тура (княжеский лов), спас Истому, ловчего-старейшину старшей княжеской охоты, заслужив его признательность; вступил в связь с женой Истомы Прекрасой, интимной подругой мечника Бажена, племянника (по линии жены) Свенельда, урожденного варяга, главного воеводы князя Ярополка. В том же году утвержден резидентом.

За период руководства резидентурой организовал проведение ряда специальных операций стратегического и тактического значения.

Среди них:

уничтожение пяти новейших кораблей киевского речного флота;

ликвидация (при личном участии), под видом несчастного случая при лодочной прогулке, старшего тиуна Светозара, заместителя начальника Второй главной управы Секретной службы Киевского княжества, и тиуна Годуна, куратора службы наружного наблюдения данной Управы, вследствие чего была надолго парализована контрразведывательная деятельность против киевской резидентуры;

снятие копии с ведомости, содержавшей полный список

секретных складов старшей и младшей дружин князя Ярополка на всей территории Киевского княжества с указанием конкретных мест размещения и классификацией по типам вооружений;

уничтожение секретной лаборатории князя Ярополка;

дискредитация мечника Гордея, секретного советника военного коменданта Киева воеводы Блуда по вопросам безопасности, вследствие чего Гордей был разжалован в чине и сослан на исправление, что способствовало резкому ослаблению деятельности войскового сыска и обусловило возможность проведения тиуна Мокши, находившегося в опосредованном подчинении у резидента, в надзирающего за всем конным хозяйством княжеского войска;

ликвидация младшего воеводы Гремислава, заочно приговоренного Высшим советом старейшин к смертной казни за преступления против мирного населения в ходе похода князя Святослава в Землю вятичей;

изъятие и обеспечение оперативной доставки в Центр чертежей новейшей греческой катапульты, полученных в копиях Секретной службой Киевского княжества по линии Первого главного управления.

В 978 г. убыл из Киева в связи с предательством своего связного Немила (оперативный псевдоним Ярун), урожденного северянина; в том же году награжден почетным боевым оружием – скрамасаксом.

С 979 г., по завершении проверки, на аналитической ра-

боте в Центре.

В 980 г. – спецкомандировка в Царьград (Константинополь).

В 981 г. – в действующем резерве с прикомандированием к войсковому ополчению главным советником по безопасности; возглавляя конный разведывательный отряд, перерезал три линии снабжения войска князя Владимира; ударил в тыл его дружине, предотвратив соединение арьергарда с основными силами и нанеся противнику большие потери; был ранен в этом бою, прошел длительное лечение.

В 983 г. восстановлен на действительной службе...».

И прочитай это восемнадцатилетний Молчан, пред тем овладев грамотой, не спрашивал бы он Путятю о лишнем, воздержавшись во избежание!

Но кто б разрешил ему ознакомиться с подобным досье без допуска по самой строгой форме?! И конечно, прискорбно сие!

Ибо, получив доступ к большому массиву совершенно конфиденциальной документации о киевской резидентуре того времени, он наверняка открыл бы много небезынтересного...

Скажем, узнал, что во внешнюю разведку вятичей попадали по-разному.

Путятю и уже упомянутую целительницу Добродею (оперативный псевдоним Цветана), а в Киеве она прозывалась Веселиной, состоя при дворе младшего воеводы Гремисла-

ва, привлекли к постоянному сотрудничеству на рубеже меж закатом их юности и зарей младости, старейшины вятичей из кураторов разведслужбы этого племени. Предварительно оценив на перспективу их потенциальную профпригодность.

Старейшину северян Остомысла завербовали, организовав ему «медовую ловушку» с участием агента Смеяны из свиты княгини Ольги, принявшей в Царьграде христианство по приказу княгини, и пригрозив, что предъявят запротоколенный компромат другим старейшинам, а также главным волхвам северян.

Понимая, чем грозит ему, образцово-показательному язычнику и одному из политических лидеров своего племени, разоблачение конспиративного блуда с христианкой и избыточной разговорчивостью во время оногo, Остомысл дал вынужденное согласие на приватное сотрудничество. Но сумел оговорить: оплата за выполнение особо важных заданий должна производиться не пушшиной, как обычно, а серебряными дирхемами.

А вот Любослав вышел на контакт со спецслужбами вятичей сам, инициативно предложив свои услуги, после чего подвергся самой тщательной проверке на предмет, не «засланный» ли. Урожденный киевлянин из полян, попавших под порабощение первыми из восточных славян, он ненавидел варягов и их конунгов, ставших князьями в Киеве, считая их погубителями вольностей своего племени.

Ненависть усугублялась тем, что он являлся, по материн-

ской линии, внуком Дира, одного из соправителей Киева, и со злодейским умерщвлением варягами во главе с Олегом-Хельгом Дира, а также Аскольда, другого соправителя, вся семья Любослава скатилась на нижние ступеньки социальной лестницы; отныне путь на верхние этажи власти был перекрыт ей навсегда.

Залегендированный как владелец косторезной мастерской, он стал резидентом в Киеве еще в начале правления князя Святослава Игоревича. И пользуясь прежними связями своей семьи, создал широкую агентурную сеть, ставшую бесценным источником информации для его кураторов.

К примеру, Центр узнал о первом походе Святослава в Землю вятичей задолго до выступления киевской дружины и реализовал комплекс мероприятий, вследствие чего введенный в заблуждение князь, намеревавшийся незамедлительно наложить на вятичей дань, в последний момент передумал и решил сначала двинуться на хазар.

На счету киевской резидентуры вятичей под началом Любослава (Волоха) были и иные стратегические операции высокой эффективности. Не пришло еще время раскрыть... Разрешено лишь чуток намекнуть, слегка приоткрыв завесу над одной из самых знаменитых загадок Древней Руси.

По сей день историки пытаются понять, почему киевский князь Святослав Игоревич, чьи военно-политические деяния без камуфляжа мифов и лживых сочинительств из позднейших времен далековаты от традиционно-благостных, по-

губил себя и остатки войска на днепровских порогах. Ведь возвращаясь из похода в Болгарию, где полегли около сорока тысяч его ратников – две трети от списочного состава, он отверг совет воеводы Свенельда, решив зимовать на песчаных косах с той частью своей дружины, кою ромеи не стали добивать под Доростолом. Лишь небольшой отряд во главе со Свенельдом оставил Белобережье, убыл в Киев посуху и благополучно добрался туда.

К весне оголодавшее киевское воинство уж переварило и лошадей, исключая лишь гривы тех. И вконец отощав, отправилось в путь на кораблях. У одного из порогов (в ту пору их было за десять, а река называлась Славутичем) его уже поджидали печенеги во главе с ханом Курей; полегла вся дружина...

Для вятичей смерть Святослава, коего они подлинно ненавидели, и гибель остаточной трети его рати обернулись величайшим благом!

Они тут же перестали выплачивать Киеву дань, восстановили полную политическую самостоятельность и возрадовались за свою молодежь, которую дружинники Святослава – того, что реальным был, а не мифическим, угоняли в рабство по княжескому приказу. А помимо этих благ, получили почти десятилетнюю передышку, пока не завершилась междоусобица и из трех сводных сыновей Святослав остался в живых только один, самый жестокий и коварный.

А кто опосредованно подвел Святослава к роковому ре-

шению зазимовать с дружиной, столь выгодному для вятичей? Сколь ни жаль, однако лимит дозволенного намека исчерпан, и не велено разглашать далее из соображений государственной безопасности. Ибо Киев опять взбужает! – не воспользовался бы тайной сей. Знать, не время еще для огласки сокровенного...

IX

Заночевали в перелеске. А за ним начиналась равнина, завершавшаяся кромкой леса, однако не было зримо, каковой он величины.

По распоряжению Путяты, кое не стал объяснять он, обошлись без костров. Собирались ладить две кущи, однако передумали, поелику погода случилась теплой и безветренной. И по всем приметам выходило: не потревожит их дождь, а предстоит благоутишие.

– Там-то тур и отдыхает после дневной кормежки. А утром на пастьбу выйдет, – подсказал Путята Молчану. – Огня разводите не будем, в другой раз пригодится мое огниво.

И машинально поправил на поясе особый кармашек с огнивом из кремня, кресала и трута; трутом служила горстка высушенного мха, однако предусмотрительный Путята прихватил про запас и отломок гриба-трутовика.

– А отчего ж без огня-то? – не утерпел-таки Молчан, пыливый.

– Да оттого, что дымком от него потянет, и далеко разойдется горелый дух. А с иной стороны поля непременно по-

жалуют гости, бдящие, тут и не сумлевайся даже! Вот и унюхать могут, что не одни они здесь. Нам сие отнюдь ни к чему... И хватит о суетном! Пора тебе, сидючи, шлем примерить – поди, никогда не надевал.

– Шлем-то зачем на тура? – изобразил Молчан наивное любопытство.

– Мало ли! – хмыкнул Путята, а не разъяснил.

Незадолго до того, к семерке конной присоединились еще двое, поджидавшие у лесной развилки; оба – пешие. У каждого по две лошади в поводу – из тех, на коих возят кладь и пашут; предстали они с уныло повисшими хвостами по причине изрядной поклажи. Не иначе, где-то на отдалении, в чаще, у Путяты имелся целый склад всевозможного добра, припасенного на любой случай.

Лесовики являли страхолюдный вид, зловещую хмурость и полную молчаливость. Бороды их доставали чуть не до уха. Старший из них был лупоглаз аки филин, у другого, заметно моложе, широкий шрам разрезал щеку от подбородка до уха.

«Может статься, Путята и лешего к себе пристроит», – мысленно ухмыльнулся Молчан, глядя на сих обитателей леса. А ошибался он! Центр никогда не отдавал Путяте приказов взять в оперативную разработку леших, водяных, русалок и лесных кикимор, хотя нет оснований сомневаться, что уж русалок он бы точно вовлек, наверняка погнушавшись кикиморами.

Поклажу выгрузили лишь на привале, после чего угрюмые аборигены, так и не проронив ни слова, убыли в обратном направлении.

Оказались в ней доспехи, из коих шесть легких – для подчиненных причастников, шлемы – числом семь, и иное оружие – в дополнение к тому, что уже имелось.

Лучший шлем предназначался, конечно, Путяте: с железным наносником и кольчужной сеткой-бармицей, защищавшей шею. Новомодных шеломов, представлявших шлемы с высоченными наверхиями-шпилями, не жаловал он, ввиду очевидных для него изъянов их конструкции.

На молчанову главу шлем натянулся с большой натугой, и ее будто сдавило обручем.

– Не хмурься! – высказал ему старший родич. – Чем теснее, тем лучше держаться будет, и точно не свалится... А ты, вишь, начал уже походить на воя. Пора! Будет и на твоём веку не одна битва – не оставит нас в покое Киев!

Когда сытно отужинали жестковатой копченой олениной, привезенной лесовиками, настало время прилечь.

Путята в полевых условиях всегда следовал примеру князя Святослава: брать в изголовье конское седло, покрытое потником.

Так вознамерился и ноне. Однако вовремя вспомнил о целебном средстве, обещанном Молчану и порывшись в своих подсумках, извлек коробушку из кусков луба, сшитых полосками лыка.

Открыв крышку, молвил: «Буду врачевать твое колено. Достану целебного меда – всегда его беру его, когда отправляюсь в поход, намажу на тряпицу и намотаю округ болючего места». Вслед приступил к врачеванию...

«А тяжела была рука у Путяты! Не то что у знахарок, ласковая», – припомнил дале Молчан, однако неожиданно-негаданно громко раздалось сбоку, напрочь отгоняя былое:

– Да ты, примечаю, заснул, стоя! Уж скоро отъезжать, а ты и не изготовился. Смотри, не обернешься к вечеру третьего дня!

И Молчан весь встряхнулся, досадуя на себя. Ведь точно припаздывал со сборами. Истинно права Доброгнева!

Все ж, остратки ради, дабы жена не задирала нос и не корила всеу, напустил суровости:

– На себя оглянулась бы, неже мя поучать! Давно уж утро, а в сенях не прибрано. И метелка попусту стоит! Досадно мне сие аки хозяину...

«Досадно тебе! Еще чего! – взъярилась в душе Доброгнева. – Хозяин в охотничьем промысле и со мной на лежанке – истинно ты, не оспорю. А по хозяйству – старшая точно я, даже и не взбрыкивай! Сама, без указчиков, разберусь, когда в сенях прибираться!»

И демонстративно надулась, зримо омрачившись и поджав уста.

Осознавая, что перегнул, и не собираясь повиниться – сего вообще не было в его характере, избыточно насыщенным

гордыней, хотя и подольститься не помешало бы на дороге, высказал Молчан, вроде об ином:

– И с чего решила ты, что непременно вернусь на третий день? Ну, как товар не раскупят сразу? – чай, не осень сейчас, где все, что ни привезу, подряд сметают. Посему и не тороплюсь.

Ночевать буду на постоялом дворе, а прочие могут и на телегах. Днесь, двигаясь не поспешая, прибудем на торг лишь к вечеру. Стало быть, можем не уложиться и в два дня. Для верности жди на четвертый к полудню – тогда и стол для меня накроешь. Ведь мастерица ты меня порадовать!

И разом рассеялись тучи в уязвленной, было, душе Доброгневы! И прояснившись ликом, она простила мужу даже наперед...

Х

Округ стола в таверне, предлагавшей несколько рыбных и мясных блюд стабильного спроса, а вслед – многие закуски и десерты, сопровождаемые виноградными, гранатовыми, кизилловыми, терновыми, яблочными и грушевыми винами, воссели на табуретах, что и было заведено в едальнях Нового Рима.

Компанию Молчану с Басалаем составили скриб Фома – писец в какой-то из бесчисленных канцелярий Большого императорского дворца, и Никетас – торговец оливковым маслом в амфорах разной емкости.

Оба пришли в хламидах – недешевых длинных плащах,

оставлявших свободной десницу, застегиваясь на том же плече булавкой-фистулой.

Трапезу, спонсированную умеренно щедрым вятичем, еще не впавшим в загульные траты на яства для неких престлестниц, открыли густым рыбным супом – типовым блюдом у тамошних едоков.

А сопровождал его свежайший пшеничный хлеб отменной выпечки, нарезанный изрядными ломтями.

Продолжили жарким из мяса пятимесячного ягненка, свиной копченой колбасой, нашпигованной чесноком, и спанакопитой – пирогом со шпинатом, не пренебрегая маринованными маслинами, рагу из тыквы и чечевицы, равно и поджаренными каштанами.

На десерт, а все ромеи были жуткими сластенами, подали им фруктовый салат из кусочков ароматных яблок и сладчайшей дыни, облитых слегка подогретым медом и засыпанных измельченными фисташками.

Когда же принесли груши и абрикосы, живо умяли и их.

По ходу интенсивно прихлебывали багряное кизиловое вино, а едва пустело в кубках, подливали заново.

И мысленно оценил Молчан, отчасти уже «захорошев», что отменно оно крепостью, однако уступает вкусом хмельному вареному меду из сыты.

Не впечатлили его пирог со шпинатом, маслины, овощное рагу и поджаренные каштаны. А не возникло нареканий в желудочно-кишечном тракте относительно супа и яблок.

Вельми одобрил Молчан жаркое и колбасу. Что до абрикосов, кусочков дыни и груш, истекавших соком, то ощутил гастрономический оргазм!

Уже на старте ознакомительной беседы выяснилось: оба гостя самым удивительным образом сведущи в речи, родной для хозяина стола и его толмача. Фома же, зело косоглазый, а возрастом, похоже, сверстник Путяты, и вовсе глаголет почти без запинки.

И поразило Молчана таковое!

Ведь прибыв в сей град, узнал на месте, что оный, по убеждению здешних жителей, суть пуп всех земель на свете. И просвещен был купцами из соплеменников, что погрязшие в самодовольстве и бахвальстве ромеи полагают дикими и недостойными все иные народы.

А посему, из невероятной гордыни своей, презирают и иноземные языки, из принципа не желая напрягаться их изучением.

Сии же явно напряглись, представляя исключение из ромейских обычаев. А отчего бы? Что подвигло их?

Впрочем, зародившиеся сомнения живо погасили сами подвижники, открывшись, что оба бывали в Киевском княжестве. Там, мол, и наострились!

Фома провел в Киеве аж три лета вкупе с зимами, состоя писцом в ромейской миссии при княжеском дворе. А Никетас, выглядевший старше Молчана годков на десять, по молодости добрался на торговом судне даже до Новгорода

– в качестве подручного у богатого купца, торговавшего на внешних рынках ромейскими шелковыми тканям, славившимися по всему миру, и ювелирными изделиями, тоже знаменитыми мастерством исполнения.

Чем боле употреблялось кизилового, тем резвее разливались ромей в честь хозяина стола, всячески льстя ему слаженным дуэтом. А Басалай – подпевала, вступал по завершении очередного куплета оды особой пышности, изобильной гиперболами непомерной шири и сказочной выси.

Дошло до того, что даже молчанову браду воспели, будто бы, с их слов, совершенно неотразимую для местных див, обожавших-де сие мужское от них отличие, превыше прочих, сокрытых допрежь обнажения!

Поглядывая и вслушиваясь со стороны, резонно было бы заподозрить, что три ушлых ловкача шустро разводят убогого разумом лоха.

Однако Молчан, являя в пиршестве сем некое простодушие, присущее и мудрым, когда впервые оказываются те в столичном граде, выкатив очи на масштабы его и уровень сервиса, лохом отнюдь не являлся, что давно определил и его толмач, предупредив приглашенных участников трапезы.

У себя же на родине наш славный вятич сам провел бы кого угодно, возникни таковое желание!

И посему два результативных осведомителя местного сыска, совмещавших свои канцелярские и торговые труды с доносительством за разовые гонорары, равно и примкнув-

ший к ним мигрант Басалай, тоже нештатник, разводили его, аки умного, играя на низменных природных инстинктах. А редко встретишь мужей в расцвете лет, неуязвимых для зова плоти!

И не торопились сии хитрецы разом опустошить иноземную кошницу, ибо не разведали еще, есть ли у Молчана протекция среди самых именитых купцов из вятичей, имевших солидные знакомства и в Большом императорском дворце. Ведь не хотелось им лишнего шума!

Тем паче, они имели корыстную надежду, что данный торговый гость является сходником, засланным Секретной службой Земли вятичей.

Поелику обещано было им: за выявление любого такового каждый из них получит премию в размере аж годового оклада штатных осведомителей низшей категории! – возможно, и в золотых солидах надежной пробы.

Казалось бы, внутренний сыск могучей Ромейской империи не должен был особо напрягаться лазутчиками из дальней земли – данника ее киевского союзника. Ясно же, что вятичи не собирались воевать с ромеями: куда им, супротив великой державы – от Египта и Сирии до Закавказья и Тавриды!

Племенн сему с Киевом бы разобраться, дабы не выплачивать дань!

Однако уж несколько лет, как прежнее вполне лояльное отношение к вятичам сменилось в Константинополе-Царь-

граде на враждебное. Ибо на первый план вышли геополитические приоритеты! Младой василевс-император Василий отчаянно нуждался в войсковой помощи от Киева. А киевский князь Владимир всемерно ее оказывал. Послав на выручку шеститысячное войско, спас Василия от неминуемого свержения. И не раз еще сражались киевляне, направляемые Владимиром, за жизненные интересы Ромейской империи!

С принятием Киевским княжеством ромейской веры дружба окрепла еще боле! Ведь вслед очередной женой Владимира стала принцесса Анна – родная сестра императора Василия.

Посему в Большом императорском дворце, рассудив: «Враг моего друга – мой враг!», отдали команду ромейским спецслужбам всячески препятствовать аналогичными структурам Земли вятичей.

Ибо не сомневались оные стратеги, что вольнолюбивые вятичи способны ударить по взыскателям дани с них, когда Владимир, ослабляя оборонный потенциал своего княжества, вновь отправит киевских ратников на убой – для защиты ромейских территорий от болгар, недружелюбных империи. И нет в том никакой выгоды для ромеев, ибо ограниченному контингенту, экспортному, неизбежно придется возвращаться на защиту собственных земель ...

– Сколь ни жаль, а встаю и ухожу! – приступил к основной теме, по завершению избыточно затянувшейся прелюдии, коварный Фома.

– Да с чего же оно? – будто бы встрепенулся не менее коварный Никетос, исполнявший партию второго голоса, хотя и с явным акцентом. – Хорошо сидим, и лепота в утробах. А ты намереваешься покинуть нас, учиняя обиду!

– И точно! Неладно сие, – подпел Басалай.

Супротив ожиданий, Молчан промолчал, и не встрял с вопросом, как предполагалось, согласно апробированному шаблону.

И оказалось солидарным сожаление бывалых разводчиков! А допрежь все они и разведчиками побывали.

Нештатник же царьградского сыска Басалай по-прежнему проходил в кадровых списках Секретной службы Киева как штатный нелегал под мудреным оперативным псевдонимом Елпидифор, обозначающим на греко-ромейском: «несущий надежду», и порой доводилось ему оправдывать чаяния своего резидента, равно и дальних своих начальствующих.

Бесспорно, есть схожее в затейливых специализациях сих: и в разведке, и в разводке необходимо отменное профессиональное мастерство для результативного введения в заблуждение.

Однако же, есть и принципиальная разница. Крайне чревато для разведчика разводить собственный Центр, аки малоумного лоха!

И пришлось им наново активировать свои потуги по пробуждению у хозяина стола нездорового любопытства.

– А ведь потому покидаю, что приглашен на ужин к пер-

вой красавице Константинополя самого честного поведения, и не могу отказать ей, поелику пообещал загодя, – вразумил Фома Никетоса и Басалая.

– Не поверю, что первая красавица зазовет всего-то писца на закате лет его, а вдобавок, косоного и с перебитым носом. Даже при самой великой честности их, девы, равно и бывалые, сохнут по иным! – заподозрил Молчан кривду.

И уловив сомнения упорно молчащего разводимого, Фома, быв в реальной жизни своей единственным у родителей, тут же уточнил, что сия лепота – с косами, ниже спины, именем Афинаида, внучка его старшего брата. А днесь ей исполнилось двадцать годков, потому и собирает родичей – отметить дату.

Здесь Никетос предположил вслух, и тоже на языке Молчана, что у Афинаиды сей явно нет отбоя от воздыхателей.

– Знамо дело! – поддакнул Басалай.

– Толпой округ нее ошиваются! А ни на кого и не смотрит она! – вразумил Фома, лживый.

Мнимо удивленный Никетос незамедлительно справился, с чего бы таковая неприступность в самом расцвете молодости.

– Непонятно сие, и дивно, – подхватил мигрант, аналогично лживый.

Однако Молчан, впав в недоверие, и тут не проявил надлежащей любознательности, к вящей досаде всех троих, нацелившихся на его мошну.

И сам не ведая о том, вынудил Фому зайти на третий круг разводки...

XI

Рынок, он и в Древней Руси рынок! И на любом большом торге первой четверти одиннадцатого века, особенно по осени, широким был выбор!

Оружие и доспехи. Кузнечные, гончарные и ювелирные изделия. Древесина и поделки из нее. Кухонная утварь. Ткани – в том числе иноземные. Сыромятные кожи. Пенька. Овчины и шкуры. Седла и сбруи. Одежда на любой вкус. Обувь – от дорогих, «на выход», сафьяновых сапог из мягкой овечьей либо козьей кожи до лаптей с подошвами, подшитыми для прочности конопляной веревкой. Меха – от векш до соболей. Мед в деревянных ведрах, кадках, бочках, в глиняных кувшинах и горшках, а на любителя и в колодах. Перетопленный чистый воск – его продавали кругами и бочками. Зерно, начиная со ржи, соль, мука, хлеб. Мясо домашних животных и птиц, сало, дичь. Лошади, коровы, овцы, гуси и утки. И даже благовония издалека!

Все это могло обмениваться – скажем, продукты питания от селян на изделия ремесленников и наоборот, либо приобретаться – за серебряные арабские дирхемы или за резаны, представлявшие кусочки, нарубленные из длинных и тонких слитков серебра, видом напоминавших прутья.

Однако на сей раз не радовался Молчан предстоящей поездке, что всегда бывало прежде. Ведь торг – не токмо купля-продажа, а и праздник для души!

И домой вернешься не с пустыми руками! А помимо – с подарками для Доброгневы и сыновей.

А днесь, в самый канун отъезда, вовсе не ощущал Молчан предпраздничного настроения, и тягостно было в его душе, словно намекала она на недоброе. Началось сие намедни, когда Балуй, один из тех, кто точно намеревался на торг, уведомил Молчана, ажно старшего в обозе, что у его телеги поломалась ось колеса, а починить ее до отъезда уже не успеет.

На следующее утро вдруг занемог непреходящей хворью в утробе Скурата, еще один из намеревавшихся. Третьего дня отказался ехать Гладыш, сославшись, что полаялся с женой, и она, по злобе, побила самые лучшие из глиняных горшков, подготовленных им к продаже. «Одна за одной напасти!» – подивился огорченный Молчан.

А вечер открылась ему общая причина тех напастей. Когда вернулся из леса, Доброгнева сказала, что заходил Стоян, и что-то ему надобно.

– Ужель и он откажется? – заподозрил Молчан.

Стоян – тот самый, что когда-то открыл ему очи на Младу и Некраса, тоже собирался на торг. Давно уж прошла их прежняя дружба: повзрослели, и у каждого началась своя жизнь, без взаимной тяги. Ни размолвок меж ними не было, ни обид, ни особого интереса друг к другу. При встречах об-

щались, подобно давним знакомцам, вот и все.

«Пойду к нему, – решил Молчан. – Сразу и выясню».

Стоян сидел у порога своей избы и прилаживал грузило к неводу. Увидев гостя, встал и обтер руки о низ рубахи.

– Ну, сказывай, зачем приходил. Не стряслось ли у тебя чего? Утром ведь выезжать, – справился Молчан, настраиваясь уже на худшее.

– Не поеду я, Молчан. И тебе – не резон. Тревожно сейчас на дороге к торгу. Шалят!

– Не иначе, ты злодеев лесных напугался? Слухи это, не верь!

– Не слухи. А старшим у лихоимцев тех – Жихорь, тебе знакомый.

– Жихорь?! Его и след давно простыл, никто уже и не вспомнит!

– Может, и простыл, да вновь объявился. Днями видели его. Тебе грозился. Встречу, говорит, Молчана – за все посчитаюсь с ним. Отмщу! Не будет ему покоя!

И добавил он: «Нашей ватаге и леший не страшен! Любых разобьем!»

– Зрил-то его кто? – спросил Молчан, начиная верить.

– Яроок и зрил, когда на лодке плыл, а Жихорь его с берега окликнул. Он и рассказал Балую. А днесь и до меня дошло.

Яроок, их сверстник, перебравшийся в городище с женьтибой на Душане, местной, происходил из того же селища, что и Жихорь.

«А Млада и по сей день там», – невольно вспомнилось Молчану. И стало для него ясным, что не мог Яроок обознаться! И мигом сообразил он, почему отказался Балуй, вслед – приятель его Скурата и сосед Балуя, именем Гладыш. А от кого узнал Стоян, тут и загадки не было: сестрами состояли жены Гладыша и Стояна.

Перетерев со Стояном, Молчан, было, засомневался: может, отказаться и ему? Ведь острой нужды ехать на торг у него вовсе не было.

Запасов зерна, гороха, меда и конопляного масла, вымённых у поселян своего городища на крупную и мелкую дичь, шкуры лис, зайцев и векшей, вполне хватило бы до осени.

А о мясе с рыбой и речь не велась! Да и старшие сыновья уже мало-помалу поставляли на семейный стол – ту же рыбу, ловленную вершами, сплетенными из ивовых прутьев, ягоды, грибы, лесные орехи, птичьи яйца.

Своими были молоко из-под коровки, творог и сливочное масло. Что до репы, редьки и чеснока, они любовно взращивались Доброгневой на ее огороде.

Иссякли – без малого подчистую – лишь запасы соли. Оставалась всего-то пара-тройка щепоток. А разве нельзя перетерпеть? Тем паче, еще не полностью убыли грузди с рыжиками и соленая рыба.

По всему выходило: незачем ехать Молчану.

И не в Жихоре дело – плевать он хотел на него! Мало ему

одного раза, когда корчился, будет и второй – еще больней, ежели жив останется.

А ежели и впрямь целая шайка с ним, под его началом?

«Немного нас с оружием, – прикинул Молчан. – А вдруг не отобьемся? И сам паду, и иных погублю, над коими старшим буду».

Однако, предложи он наутро отменить выезд на торг, не согласятся товарищи его по обозу, и сами отправятся, везя на продажу изделия свои и товары. Ведь истощились их припасы! Чем кормить им семьи свои?

И отказаться ехать с ними, ослабив и без того малый отряд, было для Молчана совершенно невозможным делом. Никого и нигде не боялся он, и самым первым шел.

– Отнюдь не отверну в кусты! – постановил он для себя.

Прошел вечер, за ним ночь, и наступило утро.

Когда Молчан завершал перебор меха, добытого поздней осенью и зимой, пришло ему на ум: «Знать, неспроста, чуть ли не с зари, вспоминаю тот поход. Там засаду ставили мы, а днешь, чую, она поджидает меня». И непроизвольно, вновь перенесся он мыслями в дальнее былое...

Весь небосвод лучился звездами. И как ни заслоняли их свет кроны дерев, Молчан все же различал, пусть и с трудом, силуэты дозорных, стороживших покой остальных пятерых.

Один вершил охрану, сидя на пне, другой, тоже сидящий, на лесине – то ли срубленной когда-то, то ли рухнувшей в бурю. Четверо мирно всхрапывали на лапнике – Путята чуть

поодаль от остальных.

И лишь Молчан, у коего давно слипались глаза, все не мог устроиться, дабы наконец заснуть.

Ведь не смог он до утра смежить очи, по примеру князя Святослава Киевского, не осилил! Хотя всего и надо было: взять в изголовье конское седло, покрыв то потником, и уткнуться в него загривком.

Ан нет! От той подседельной подстилки, впитавшей за время в пути чуть не ведро лошадиного пота, столь несло изрядным запашком, что Молчан неизменно пренебрегал ей. И заподозрил: у князя того, убиенного, неладно было с носом. Ведь он и печенегов не унюхал!

Молчан уж подумывал, не предложить ли себя на подмену одному из дозорных, да вовремя осознал: он ни за что не согласится из опаски перед Путятой, а сам тот придет в ярость, узнав о молчановом самовольстве. И лишь, под утро, когда уже и дозорные поменялись, изловчился-таки заснуть на лапнике.

Разбудил его Путята:

– Вставай, засоня! Да осторожнее! – про ногу-то десную не забудь.

И добавил самым безмятежным тоном, будто добрая мать обращается к своему чуть набедокурившему несмышленишу, пребывая в замечательном расположении духа:

– Ты, припоминаю я, о туре меня вопрошал? Так он уже пасется.

Где?! И затрепетал Молчан весь!

– Подойди к опушке, и сам узришь, – присоветовал Путята, доподлинно понимая чувства, переполнившие Молчана.

Тур пасся вдаль, у кромки другой стороны поля, пощипывая свежие побеги дерев, но примерялся и к кустарникам на опушке.

– Он поначалу листвою подкрепляется. Потом траву уминать начнет, – пояснил старший родич. – Однако глянь, сколь хорош!

Чудо-зверь был и в самом деле дивно хорош – могучий, отъевшийся, весь черный, хотя белая полоса на хребтине, о коей рассказывал Путята, не проглядывалась издали. И явно пребывал в добром настроении, неторопливо помахивая длинным хвостом и похлопывая им по крупу. Похоже, отгонял слепней-кровососов.

А рога! Издали они напоминали два преогромных серпа, нацеленных друг на друга. Вот бы заручиться хоть одним таковым!

– Ну, будет! – сказал Путята изрядно погодя. – Успеешь насмотреться, когда он поближе подойдет. Пора перекусить с утра, да доспехи примерить и проверить оружие. Заодно и лук свой наново испытаешь в деле...

Ближе к вечеру непременно придут соглядатаи от наших недругов: высмотреть, на месте ли тур, и нет ли кого поблизости.

– А недруги наши, кто они? – не утерпел справиться Мол-

чан.

– Еже отъедут обратно, и все ладно будет, тогда и расскажу! А то, примечаю, ты уж извелся весь...

ХП

– Непонятно, ибо пришлый ты, – вразумил Басалая злокозненный, как и тот, шельмец, официально состоящий канцелярским клерком на самых нижних ступеньках ромейской должностной лестницы. – И не укорю, что не ведаешь наших сокровенных обычаев.

Тобой же, Никетос, истинно возмущаюсь я! Ведь обязан знать, сколь соблюдают юницы наши из благородных сословий чистоту свою, добрачную, и дорожат ей, превыше всего на свете! А брачуются порой в тринадцать и даже в двенадцать.

В термы же высших разрядов водят их – под неусыпным присмотром, особливо проверенные служанки, и никого там не подпустят, сколь ни посули.

Уже на входе сии юницы начинают стыдиться грядущего омовения!

И даже париться дозволяют себе токмо в хитонах!

А Афинаида бдит о себе и того строже: уж пять лет и в термы не ходит, даже в любимые ей допрежь Влахернские! – из предосторожности, что покусятся на нее в купальне...

«Се зря она!» – мысленно не одобрил Молчан оной опаски, живо представив ее последствия.

И заметив, что не восхитился тот рационалист, сугубый, долговременным табу на телесную чистоту, бездуховную, во имя соблюдения одухотворенной – добрачной, Фома разом допер о причине и мигом откорректировал -с присущей ро-меям велеречивостью:

– Ведь моется Афинаида лишь дома – в деревянной ван-не своей, девичьей. В пример всем иным, честь блюдушим, таковое!

И мысленно оспорил Молчан данный тезис, рассудив, что соблюдать гигиеническую честь куда надежнее в той же бане – попарясь и ополоснувшись.

– Согласен я, и винюсь! – подал голос Никетос, якобы устыдившись.

– Справедливо сие, – не отмолчался и Басалай на подпев-ках.

Однако Молчан, оправдывая и за сим столом знаковость своего имени, продолжал упорно хранить безмолвие, приво-дя уже в озлобление трех неугомонных разводчиков.

«Экий чурбан! – в сердцах осмыслил Фома. – Ничем его не пронять! Явно не дев вождедеет, а матерых блудниц! Быть по сему! Получит он таковых! – и обойдутся ему еще дороже, чем ложная непорочность...».

Ведь оный закоперщик сей разводки изначально замыш-лял подсунуть Молчану многократно апробированную му-жами деву, за мнимо порушенную невинность коей взыски-вал с доверчивых дуралеев уже четвертый год кряду.

Понеже гименопластика – нередко и многократная, втайне практиковалась особо умелыми восстановителями – по конспиративным обращениям к ним, на протяжении многих веков, задолго до второй половины двадцатого.

Насчет же влечения потенциального клиента токмо к блудницам Фома был частично неправ, исходя из того, что таковы обычно все приезжающие в Константинополь, увлекаемые дурной его репутацией, аки неразумные мотыльки – светом.

Однако Молчан представлял в тот момент скорее исключение, нежели правило, ведь еще не капитулировала в нем добродетель пред пороком, и уподобился он типовым греховодникам на стороне лишь семь дней спустя.

Причина, по коей редкий гость Константинополя оставался морально устойчивым, не хуже евнухов, напроочь равнодушных к прелестницам, являлась самой простой!

Сей просвещенный град – тогдашний центр всего цивилизованного мира, был известен далеко за его пределами – от Англии до Китая и от Скандинавии до Черной Африки – потаенным предпочтением постыдного над стерильным, а плотского над духовным, легальными и нелегальными борделями, и широким спектром замысловатых утех, вплоть до совсем уж нетрадиционных девиаций. И зело впечатлял странников и торговых гостей ассортиментом интимных услуг на любые вкусы!

Хотя надлежит признать, что на душу населения штатных

учреждений мужского отдохновения приходилось в миллионной столице все же меньше, чем в Помпеях, погребенных под вулканическим пеплом еще в 79-м.

Там – на 20 тысяч населения обоего пола, включая женщин, стариков и детей, приходилось более 30 лупанариев – с оказанием услуг по пяти секс-векторам, и выходило примерно по лупанарию на каждые три с гаком сотни благородных помпейских мужей, без учета свободных художниц, промышлявших жаждавших ласки клиентов, не затрудняясь положенной регистрацией и платой налогов в муниципальную казну.

А все же Фома, настырный, решил зайти в четвертый раз, напрягая всю изобретательность свою и импровизируя на ходу!

И огласил он причину нравственной стойкости внучки его вымышленного старшего брата.

Оказалось, что Афинаида, отвергшая термы с купальней, ради личной ванны, деревянной, претерпела в пятнадцать девических лет кручину повышенной скорбности!

Здесь и умолк он, интригуя слушателей о роковых подробностях – во всей полноте их, горестной.

И вдруг воззвал к Молчану, совокупно простирая к нему десницу и шуйцу:

– Любезный и щедрый торговый гость, молодой: откройся мне, выбеленному уже сединами не токмо на главе: вкушал ли ты доселе фрукты, именуемые персиками?

И не оскорбись за вопрос мой, недопустимо дерзкий, ведь когда решается судьба внучки старшего брата моего, не мог удержаться я...

Тут не один Молчан оторопел!

От столь замысловатого и неожиданного для них захода выпучили зенки даже подельники главного разводчика, не ведая, как и встрянуть, дабы выразить надлежащую солидарность.

– Так вкушал ты их, аль нет?! – с явным надрывом вновь справился Фома, отчетливо смахивая пошлой мелодраматичностью интонации на некоего темнокожего ревнивца, бестактно любопытствовавшего у своей Дездемоны, молилась ли она на ночь, пред тем, как собственноручно упокоить ее, а вслед, свершив преступный самосуд по-мавритански, наложившего руце уже на себя.

– Не сподобился еще, – отверз-таки уста свои Молчан, продолжая недоумевать.

О небеса! О радость, всех моих надежд превыше! Ликуй, Афинаида! – вскричал Фома, изобразив эмоциональное возбуждение на грани уже экстаза.

Однако получилось натужно и фальшиво! И Молчан, еще исполненный в тот вечер должного бдения, заподозрил возможную каверзу. Да и подельники самодеятельного актера не выразили ожидаемого им восторга.

Живо осознав, что пережал с ложным пафосом и переиграл, Фома-импровизатор тут же обратился к предыстории

несчастий некогда гламурной Афинаиды.

Всего за три дня до брачного обряда, когда уж изготовилась она впервые предаться объятьям своего возлюбленного и удостовериться, правдивы ли старшие подружки, рассказывавшие о действии сем с неподдельным восторгом, жених сей трагически усоп в одночасье! Ибо, рьяно уплетая персики, до коих был неизменно охоч, не удержал, чрезмерно увлекшись, косточку во рту, обсасывая ее и не успев выплюнуть, и соскользнула та с языка его, провалившись в дыхательное горло. Перекрыла ему дыхательные пути, а рядом никого не оказалось!

А едва подоспели на истошный кашель его, перемежаемый гулками хрипами, уж отходил он, испуская дух от удущья...

Так и откинулся в канун брачного ложа жених прекрасной Афинаиды, именем Полиевкт, означающим «вожделенный». И возненавидела она персики! И поклялась: до окончания дней своих не вожделеть их ни ртом, ни чревом, ни еще чем-либо, и даже думать запретила себе об оных косточковых фруктах!

Был и еще зарок. Афинаида твердо решила: никогда не общаться с теми, ранее неизвестными ей молодцами, кои хоть единожды употребляли персики!

Аще ж отважится она вступить в брачные узы, либо лишь познакомиться на предмет возможного сближения впредь, однако исключительно в одеждах, равно и сапожках, и под

непременным надзором кого-то из старших родичей своих мужского пола, то лишь с тем, кому их вкус вовсе не ведом от рождения!

– Вот и представь себе, любезный и щедрый торговый гость, молодой, каковое ликование испытал я, признание твое услышав! – проникновенно и эмоционально молвил Фома, все же убавив в пафосе. – Ведь извелись все родственные Афинаиде и ближние ее в пятилетних поисках счастливица, отродясь не прикасавшегося к роковому для Полиевкта фрукта. А вдруг ты предстал!

Не иначе, се – знак от судеб, вышних!

И подумалось мне – уж не укори за мою открытость: сколь любо познаться вам, дабы хоть ненамного оттаяла Афинаида сердцем, душой и плотью своей, возвышенной!

Понятно, что предполагаю сие, остерегаясь от лживых перетолков, не в ее жилище, а в ином, и в моем первоначальном присутствии как стража и опекуна. Однако, из вящего доверия к тебе, рискнул бы покинуть вас, удостоверившись во взаимной симпатии ...

– Ага! Вон он куда завел! – окончательно прозрел Молчан в своих мыслях от подобного предложения, лукавого. – Сводник сей, а не скриб!

И сомнительна непорочность оной Афинаиды, ибо излагал Басалай, что зело сведущ Фома о закоулках с самой выгодной арендой помещений для ночных утех. А ведь выдает себя за стража девичьей чести и опекуна! Явная кривда!

Мня, что доверюсь ему, не за того меня держит!

Да и не зарюсь на ее целомудрие, ежели и сохранено оно, в чем вельми сомневаюсь. Даром не нужно мне! Не за тем я в Царьград послан!

И решив категорически пресечь прения, подрубив их на корню, славный сын Земли вятичей, еще не утративший тогда пронизательности и бдительности, поднялся от стола, и зримо прихмурившись, высказал коварному Фоме с печалью в гласе, рассудив, что лжа на лжу будет праведной:

– Обеспокоен я и тревожусь, что заждались тебя, поди, внучка твоего брата и гости ее, приглашенные на праздничный пир. А ты, по доброте своей и радушию, растрачиваешь на нас их томление.

Негоже сие! Невмочь мне принять таковую жертву, великую!

А посему отпускаю тебя к непорочной Афинаиде, дабы не горевала она, что задерживаешься. Скорблю, что не доведется мне увидеться с ней и предаться полному счастью!

Ибо токмо что вспомнил: все ж преступил я с пятью персиками дозволенное, и стал нечист пред ее зарокон! Ведь еже наше судно приближалось к гавани, еще не став на якорь, подплыли на лодках торговцы теми фруктами, недостойными. Тут и поддался я ложному зову чрева, ведь согласились они принять в оплату наши резаны, хотя и втридорога содрали за свою продажу.

Ступай, ни о чем ни печалься! Верую: еще свидимся ...

ХІІІ

Самый богатый доспех – из невероятного числа сплетенных железных колечек, был, как и подобало, у Путяты.

Короткий рукав, в длину рамен, стыковался с металлическими наручами из двух сильно изогнутых пластин – червеца и локотника, защищавшими от кисти до локтя.

Остальным достались пластинчатые брони, крепившиеся на завязках, из связанных между собой и наложенных друг на друга металлических пластин.

Рознились и щиты. У Путяты и Берендея – массивные, каплевидной формы, обитые железом и оснащенные креплениями для плечевых ремней.

У прочих – небольшие и округлые из обтянутых кожей плоских деревянных дощечек, соединенных в целое.

Понятно, во многом не совпадало и оружие.

В личный арсенал Путяты входили: сабля – трофей от битых им печенегов, наносившая, не в пример мечам, резаные раны, чреватые необратимой кровопотерей, тот самый скрамасакс и копьё с длинным и широким пером, пронзавшим насквозь.

У Молчана – охотничий лук, три сулицы, боевой топорик, подсапожный нож. Четверо располагали таковым же снаряжением ратным, однако луки у них были боевыми.

Младший родич легко сообразил, почему у Путяты ни лу-

ка нет, ни сулиц: не для начальствующих они, да и бесполезны без постоянных упражнений. Сам Молчан умел колоть токмо сулицей, а рубить – топориком, привычный к этому еще с отрочества, когда старшие в городищах и селищах вятчей исподволь обучали меньших.

Не удержавшись, полюбопытствовал он, зачем потребны старшему родичу его два оружия, схожих.

– Затем, что саблю отвожу для рубящего удара, а скрамасакс оставляю для колющего, что немногим с мечом доступно. В бою резвы у меня обе длани сразу: рублю с десницы, а колю с шуйцы. И несладко любому ворогу супротив меня! А придется, обойдусь и без сабли: рубить я и скрамасаксом ловок!

На особицу оказался Берендей, коему даже Путята, превосходивший чуть ли не на вершок изрядно рослого Молчана, изрядно уступал ввысь, а вширь – и говорить не о чем! Главное его оружие представляла палица из древесного комля с массивным навершием, укрепленным металлическим обручем с шипами. Оснащена она была и ремешком, дабы надежнее держалась в деснице при ударе, а при надобности приторачивалась к седлу. И размерами впечатляла более, нежели даже габариты самого Берендея. Увидев, как ловко богатырь ухватил ее, убойную, Молчан чуток оторопел.

– Чего раззявился? Он сей палицей вогнет любой шлем – был враг, и нет его! Щиты, ежели без бляхи-накладки он, как орехи раскалывает! – приснул смешливый Путята – И

цены ему не сыскать, ежели втрое убавит глас. А то, едва слово скажет, даже кони его встают на дыбы с перепугу.

Помимо палицы, изничтожавшей щиты и шлемы, Берендей был вооружен копьем – еще длиннее, чем у Путяты, засапожным ножом, отнюдь не короче путятиного скрамаса, и обошелся без сулиц.

Меж тем, главным оружием вятичей той поры являлись именно сулицы – дротики с массивными железными наконечниками, короче и легче копья, однако длиннее и тяжелее стрелы из большого лука, а с ними и боевые топоры. Конструкция их позволяла и ударить, словно копьем, и метнуть, ровно стрелу особой убойной силы.

Особенно хороши они были в лесном бою и в болотистой местности, где имели явное преимущество над тяжеловооруженным противником.

...Приспела пора и для перепроверки Молчана-лучника.

– Соблюдай болящую ногу! Ступай осторожно, не дергайся. Дозволяю пустить три стрелы. Ежели попадешь, дозволю и боле, – распорядился Путята. И задумался вслед, какую мишень поставить.

Тут же и ухмыльнулся:

– Шуй, сымай свой колпак! Целить в него будут!

Сей Шуй, а у него и рабочей была шуйца, явно огорчился вслед. Да и кого б обрадовало, что именно твою собственность, а не чью другую, попусту издырявят, якоже решето.

– Не зрю я радости во взоре, – лицемерно изрек Путята,

потешаясь в душе. – Огорчил ты меня. Не радеешь о деле общем! Сегодня колпак пожалел, а завтра ворога пощадишь. Постыдился б! Однако пред боем буду ласков: может, еще исправишься. Бери на замену пустую торбу, где были доспех мой и шлем, да не забудь завязку к ней. Иди вдоль опушки и остановишься, когда крикну.

Шуй отошел уж не близко, когда Путята крикнул ему и обозначил, где подвесить торбу на нижнюю ветвь ясеня – от земли до нее было примерно в рост Берендея. Едва Шуй укрепил, спрыгнул и торопливо отошел, Путята, посерьезнев, обратился к Молчану: «Вот и цель твоя. Бери по самому верху – получится, будто в конного метишь».

«А ведь у меня и лук из ясеня», – подумал Молчан. – Чую, к удаче сие!» Многие охотничьи луки в городище выполняли из ясеня за упругость и прочность его древесины.

Осталось приладить тетиву из сыромятной кожи, натянуть ее, прицелиться и выпустить стрелу, извлеченную из тула.

По совету Путяты, Молчан взял в дорогу стрелы с железными наконечниками, однако немного их было – ровно по числу перстов на дланях. Ведь приобретались у прижимистого Домослава, а тот всегда норовил втридорога. И однажды потребовал у совсем еще юного Молчана, в расчете на его наивность, векшу за железный наконечник! Ано не поддался Молчан на хитрость ту и сторговал векшу за три наконечника.

Да и не нуждался он в большом числе таких. Его основным лесным промыслом являлись тогда мелкие пушные звери, а для них куда боле подходили томары стрельные – с кусочком кожи вместо острия на конце стрелы. Томары не портили шкурку и не втыкались в дерево. Да и тратиться было незачем! – их изготавливал сам Молчан. Хотя, уходя в лес, отнюдьне забывал он взять пару-тройку стрел с наконечниками от Домослава – на случай встречи с зайцами, лисой иль тетеревом.

Впрочем, на всякий случай, он осведомился у Путяты в канун отъезда, не маловато для охоты тура. Однако многоопытный старший родич успокоил его:

– При меткости твоей еще и останется.

И наказал:

– Три со срезнями возьми! Попадешь ими в брюхо тура, он скорее истечет рудой.

Меткость не подвела Молчана и на сей раз! Стрелы не токмо застряли, покачиваясь, в самом верху торбы, продырявив ее насквозь, а и оказались вплотную, словно пучком.

– Ай, молодец! – непритворно возрадовался Путята. – Ежели так, бери еще три.

Молчан извлек из тула первую из трех. «Ну, родич, держись! – подумал он. – Такогого еще не показывал тебе. Что потом скажешь?»

И выпустив стрелу, но не в сторону ясеня, а прямо над собой, выхватил и послал вторую, поразив ею оперение пер-

вой, уже падавшей. А незамедлительно пущенная вслед третья подбила вторую, бывшую уже на излете.

– Нос-то не задирай! Видывал я, как и боле стрел подряд сбивали, – отреагировал Путята после некоторой заминки. – Однако умялять тебя не стану. И даже стрелы твои подыму, дабы не наклонялся ты с такой-то ногой, а дальние – Шуй поднесет. Хорошо б твоему колену залечиться к сроку: позарез ты мне нужен в седле! Отличишься, будет тебе турий рог: мое слово – твердое!

«Ежели так, я и на одной ноге в седло запрыгну!» – возликовал Молчан, легко простив родичу его подколку о лучших, нежели он, стрелках. И представил заветный рог в своей деснице...

Ближе к вечеру с вышины развесистого дуба, стоявшего недалеко от того ясеня, разлилась переливчатая трель в несколько колен.

Сызмальства привязчивый к виртуозному птичьему пению, Молчан обратился к старшему родичу, дабы и тот разделил его чувства:

– До чего ж хорош соловушка! – прямо заливается.

Однако посерьезневший вдруг Путята не стал восторгаться голосистой птахой, разом остудив Молчана:

– Соловушка сей – наш Шуй! Мастер он подражать птицам, и зорек с дерев высматривать. А трель с коленцами – сигнал, что вдали показались гости.

Вслед добавил – уже вполголоса:

– Эх, токмо бы тур допрежь не дернул в лес, и заметили они его!

И весь подобравшийся, бесшумно ступая меж деревьями, будто скрадывал зверя, начал выбираться к опушке; за ним и Молчан, аналогично привычный к подобному ходу, без коего не видать добычи лесному охотнику.

Совсем уж на подходе Молчана цапнуло шипами от ветки боярышника, и досадуя на свою невнимательность, невольно ругнулся он – чуть слышно, а Путятя хватило и этого.

Резко обернувшись, прошипел:

– Тише ты! Замри! – пришли уже.

Место для скрытного наблюдения, кое Путятя присмотрел еще в середине дня, когда тур вовсю расхаживал по полю, насыщая подросшей травкой, оказалось вельми удобным. Лучшей обзорности нельзя было и желать! – поле просматривалось до противоположной опушки. А где же тур?!

«Ужель отошел в чащу?» – мысленно обеспокоился Молчан; что до встревоженного Путятя и упоминать незачем!

Первым углядел могучего зверя тот, кто моложе и зорче. Тур еще не покинул опушку, однако явно собирался вглубь леса, приблизившись к нему, считай, вплотную. Молчан ткнул в плечо старшего своего родича, шепнув ему, куда смотреть. И облегченно выдохнул Путятя!

Почти тут же вылетели трое конных, держась середины поля. За плечами переднего развевалась епанча серого цвета, брошенная на кольчугу, коя на Руси 998-го года еще

именовалась броней. Чета сзади была в пластинчатых доспехах, ведя в поводу лишь одного подменного коня. И Путята тут же прикинул: основной отряд – двинулся, а прибудет, как и предполагалось, не днесь.

Резко остановившись, гости начали озираться на обе опушки. Наконец, один из них, в круглом шлеме без шишака, узрев наконец тура, плетью в руке указал на него старшему. Тот долго вглядывался, потом кивнул указавшему, отдал какую-то команду и все трое повернули в обратную сторону.

А уже не развевалась, как на подъезде, ибо тронулись неспешно, и пока оставались зримы, не прибавляли в ходе.

– Точно пожалует к нам Булгак! – вдохновенно высказал Путята, исполненный азарта и предвкушения удачливого ловительства. – Что задумал я, то и сбудется! Ну, держись, упырь черниговский!

– Родич, обещал ведь рассказать, ежели ладно будет, – напомнил Молчан.

– Не держи сомнения! Сумерки настанут, и расскажу! – заверил Путята из 998-го...

XIV

– Где б затаиться до сумерек? – озаботился Молчан из 1007-го, когда отчасти восстановились от спрямления из-за силового воздействия чуждых кулаков извилины в главе его и заструились по ним мысли, перегоняя одна иную.

Увы! Воспрянув и вдохновившись, что процесс – пошел,

они, покружив, неизменно возвращались на подступы к исходной точке, напоминая замкнутый бег квадриг, начиная от стартовых стойл, на вытянутой прямоугольником и разделенной барьером арене Большого ипподрома.

И по мнению торгового гостя из славной Земли вятичей, внезапно претерпевшего лютые горести, ведь не располагал он днесь даже единственным медным фоллисом, давно уже приспела пора хотя бы одному из сих раздумий свернуть с проторенных путей! Дабы наткнуться на альтернативный выход и родить, наконец, истину, открывающую, куда податься, чем пропитаться и как хотя бы глотку смочить – ведь об омовении уже и не мечталось.

В Константинополе не особенно скаредничали на милостыню, полагая ее богоугодным делом. Однако, ввиду дефицита питьевой воды, ведь не стояла она столица на большой реке, а морская вода – не питьевая, несмотря на самый длинный в тогдашнем мире водопровод, протянутый из Белградского леса, с двумя почти десятками акведуков, и гигантские цистерны – водохранилища, представлявшие в открытом виде бассейны, а в закрытом – подземные резервуары, никто не угостил бы ей на улице чужеземца подозрительного вида, способного объясняться с местными лишь на языке жестов.

А пить уже хотелось, и вельми!

Он согласился бы прибегнуть и к услугам капилов, торговавших вином на разлив, да откуда ж наличность взять!

Вот к чему приводит опрометчивая утрата бдительности

при кутежах и загулах...

На ипподром – главное здешнее развлечение, его сводил, на шестой день от посиделок в таверне, злокозненный Фома, завзятый поклонник конных ристалищ, когда четыре колесницы-четверки, а возничие на них – в коротких туниках-безрукавках, удерживаемых кожаными ремнями наперекрест, мчатся семь скаковых кругов под рев зрителей на поднимавшихся амфитеатром трех общедоступных трибунах, равно и на Кафизме с императорской трибуной.

Являлся он главным в сем граде, именовался Большим и располагался рядом с Большим императорским дворцом, существенно превосходя вместительностью и статусом четыре остальных.

Многое впечатлило там Молчана, накрепко запомнившись ему!

Безмерное количество азартных зрителей, в несколько раз превосходившее население всей его округи на родине, мраморные индивидуальные скамьи – шириной в локоть с четвертью, многоуровневые лестничные выходы, позволявшие покидать арену споро и без заминок, тенты на трибунах от палящего солнца, бесплатная раздача овощей и сладостей по случаю присутствия на бегах василевса Василия, близость берега Пропонтиды, именуемой нынче Мраморным морем, с южной стороны ипподрома, долгий гала-концерт меж четырьмя утренними и четырьмя послеобеденными забегами – с мимами, акробатами, музыкантами, жонглерами, даже по-

единками с дикими животными особой свирепости, два ряда колонн из мрамора, пурпурного порфира и розового гранита...

И – миль пардон! – сортиры-афедроны с водным смывом и аналогично бесплатным ненавязчивым сервисом в виде пучков из кустиков, стоявших в емкостях с проточной водой, дабы не засыхали до применения.

А едва Молчан вернулся на свою скамью, сидевший рядом Фома дополнительно просветил его – с патриотической гордостью за цивилизованность Константинополя, даже не снисходя невежественным варварам, равно и жалким провинциалам собственно ромейского происхождения, кои, строго между нами, та еще кугутня. И открылось приезжому вятичу, что афедроны в ложах для высшей знати оснащены для тех же насущных надобностей специальными веничками повышенной комфортности при использовании!

Впрочем, поводов для памятных удивлений вдосталь хватило у него и в предшествующие пять дней, кои выдались на редкость насыщенными

В первый из них Басалай предложил ему обзорную экскурсию по городу, выступая в роли гида.

Для благородной цели сей Молчан не поскупился нанять экипаж с двумя неспешными мулами в упряжи. Ибо мулов и ослов в миллионном Константинополе-Царьграде, стоявшем, как и Рим, на семи холмах, имелось куда боле, нежели лошадей, а общественный транспорт напрочь отсутствовал

в нем.

По одной уважительной причине основная часть горожан передвигалась на своих двоих, осуждающе поглядывая на встреченных приезжих, поелику спесивы были чрез край и премного гордились собой, хотя едва ли половина их происходила из аборигенов сего мегаполиса. Остальные сплошь являлись выходцами из провинции, а изрядная часть нынешних спесивцев и вовсе лишь несколько лет тому прибыла покорять столицу, дабы пробиться в ней, прорасти и преуспеть.

Выехав задолго до полудня, хотя и пришлось дожидаться Басалая, вернулись уже затемно. И многое обозрели, начиная от Золотых ворот с Триумфальной аркой, двигаясь по направлению к Большому императорскому дворцу – обширному комплексу зданий разного функционального назначения, как церемониального, так и делового. Возвращаясь из походов, василевсы, а Ромейская империя владела тогда Египтом, Сирией, Малой Азией, Грецией, Балканами, островами Эгейского моря, Кипром, Критом, частью Закавказья и южным побережьем Таврии, следовали лишь сей дорогой.

Поразился Молчан невероятной высоте конной статуи императора Юстиниана на столпе, исходящем из огромного беломраморного основания, и грандиозности Храма Святой Софии – Премудрости Божией, возведенного на той же вершине Первого холма.

А внутри одного храма, главнейшего не токмо в Константинополе, а и во всей Ромейской империи, представала, по

рассказу Басалая, неопишущая лепота! И осемь порфирных колонн нижнего этажа, и пол, выложенный разноцветными мрамором, порфиром и яшмой, и настенные мозаики, краше коих и не бывает, и колико еще дивного, приводящего в изумление весь иной мир...

Однако, несмотря на посулы Басалая, усердно уговаривавшего его войти внутрь и удостовериться, восхитившись, сколь роскошно там, наотрез отказался! И негодуя на сие предложение, мысленно постановил: «Не заманишь! Не ре-негат я, аки ты, предавший родину свою и веру, завещанную предками! Не покривлю пред Стрибогом и Дажьбогом!»

По неведению, Молчан был не вполне прав, касаясь его сопровождающего. Не предавал сей разводчик и нештатный осведомитель чуждого сыска свою родину, будучи послан ей на многолетнее задание, скрытное.

Что до веры, завещанной предками, то ее, за вычетом немногих упорствовавших волхвов, сбжавших в лесную глухомань от репрессий, дружно предали по приказу князя Владимира, отчасти негодуя в душе, все киевляне – не токмо Басалай!

Ибо еще от ветхозаветных времен известно: недовольные массы, обычно зело напрягаются, когда грозят им кнутом, и солидарно разбегаются, едва опустится он со всей надлежущей тяжестью...

По ходу насыщенной экскурсии Басалай просвещал Молчана о нравах и обычаях славной столицы.

Оказалось, что многие горожане среднего, а порой и небольшого достатка обучены грамоте и риторике – искусству красиво излагать; иные, не состоя на государственной службе, либо в ведении епарха – градоначальника, разбирались и в числах с цифрами. Все, словно один, истово веруют и обильно молятся по любому поводу, а порой и без оногo.

А василевс-император выплачивает, ажно и его предшественники, дешевым уличным гетерам Константинополя по четыре серебряных милиарисия в неделю – в два раза больше, чем составляет для рядового столичного жителя, не получавшего никаких доплат, смета недельных расходов на питание.

Молчан сразу же допер, что оное вспомоществование организовано, дабы не оголодали труженицы ночных закоулков и не утратили привлекательности даже у невзыскательных клиентов, включая и чужестранных искателей отзывчивости, располагающих скудной наличностью, а в долг отказывали им.

Однако не смог он взять в толк, чем же столь любезны василевсам именно гетеры, и отчего не достаются подобные соцпособия иным категориям горожан – например, тем же малоимущим клиентам, вожделевшим.

Вслед информации о субсидировании дешевых гетер Басалай хитроумно перевел на профессионалок высокого пошиба.

И тут же заметил, словно вскользь, что способны они опу-

стошить любой кошель, и могут оказаться накладными даже для особенно богатых иноземцев.

Совсем иное дело, ежели торговому гостю из дальних земель, не старше сорока годов, а чем моложе сей, тем еще гожей, повезет встретиться с прелестницей, жаждущей чистой любви, не омраченной недостойной меркантильностью.

Однако сие – редкостная удача в корыстолюбивом Константинополе, и выпадает она не каждому, а токмо по надежной рекомендации!

При небезынтересном уточнении сем обратился Молчан во внимание!

«Что ж он молчит-то, будто трухлявый пень?! Невмочь с таковым работать!» – в сердцах подумал бывалый разводчик-разведчик-осведомитель-толмач-гид. А все ж пересилил себя и продолжил:

– Вем мне один, кто мог бы рекомендацию дать, ведь человек сей – осведомленный и внушающий доверие даже самым неприступным красавицам, понеже чист душой и всем лишь добра желает. Да и тебе он ведом.

Скорбно, что вечер обидел его ты, и пребывает он в горести.

«А Басалай, разумею, во всем един с тем ловкачом-сводником. И даже осведомлен об его горестях: не иначе, встречались они вслед ужина, либо днешь поутру. Чую: одна шайка! Вдвойне настороже буду! Впрочем, послушаю, что он еще наврет», – мигом прокрутил Молчан в своих извилинах.

Вслух же справился – в самом недоуменном тоне:

– Явно ты о Фоме баешь. Не огорчал я его! – сам поспешил смыться...

– Да се он для виду токмо! Ведь у Афинаиды той на столе ничего и быть не могло, помимо сладостей и фруктовых соков. А ему хотелось еще кизилового! – хотя бы на дорожку. Ведь не добрал он! Ты же, из добрых, уверен, побуждений, попросту выпер его... Вот и в обиду впал Фома – по лику его приметил, – растолковал Басалай, возрадовавшись, что откликнулся-таки сей неподатливый.

А с главным разводчиком-шаромыжником он и точно встретился поутру, да и все инструкции получил, посему и припоздал к Молчану.

– Стало быть, я неправ был. Однако и впрямь из добрых побуждений, – изобразил Молчан сожаление. – И не соображу, чем исправить оную промашку. А надо бы!

– Ничего и проще нет! Ведь отходчив Фома, честной, а сердце его таково, что в умиление и восторг вышним ангелам!

Вам бы встретиться, и вновь расположится он к тебе...

– Встретиться? Так ведь не ведаю, где найти его!

– Зато я вем! – успокоил Молчана Басалай – И днями доведу до него о намерении твоём.

– Согласен я, – молвил Молчан, раздумчиво. – На пятый день от сего освобожусь от всех забот своих, неотложных, и готовым буду...

– На пятый день? Вряд ли получится. Ведь тогда ристалища будут на Большом ипподроме, с присутствием и самого василевса, а никогда не пропустит такого Фома! Хотя...

Вот что осенило меня сей миг: а не встретиться ли вам на ристалищах? – ты ведь отродясь не видывал подобного чуда.

А Фома тебе все разъяснит – даже не усомняйся!

– На ристалищах? А и вправду любопытно сие!

Договорись с Фомой, пообещав ему от меня, что вслед ипподрому упою его кизилowym, раз столь любезно оно его утробе.

И заверил Басалай, что в точности исполнит...

Следующие три дня Молчан провел в компании с Никетосом, коей, ради драгого гостя, презрел, как и пообещал в таверне, даже собственную торговлю.

Так и узнал Молчан все лучшие торговые точки не только на выложенной каменными плитами улице Меса, означавший для Константинополя примерно то же, что и Невский проспект для Петербурга, а и в проулках, примыкающих к ней. И неподдельно обрадовался он, эмиссар от Путяты, одному из них! – ведь именно в нем таился, под личиной сапожника-кустаря, резидент Секретной службы вятичей в столице Ромейской империи.

По ходу закупились он подарками для Доброгневны, родителей и малого...

На третий день с Никетосом, по вечернему возвращению к подворью, недалече от церкви мученика Маманта, где но-

чевал Молчан, да и все купцы от вятичей останавливались лишь там, их поджидал Басалай.

И уведомил оный, что Фома завтра будет рад Молчану, и предлагает, когда и где встретиться, дабы уже оттуда направиться к ипподрому на повозке.

А наутро встретились они, обоюдно изобразив радость.

И уже вскоре Молчан солидаризовался с атмосферой массового ажиотажа, перемежаемого ликованием одних и унынием других.

Меж тем, сколь ни бушевали на трибунах страсти, являемые представителями двух главных фанатских группировок – венетов (голубых) и прасинов (зеленых), никогда не вспыхивали там файеры, знаменуя очередную победу над органами досмотра на входе!

Понеже, в разительное отличие от особливо пылких и рьяных футбольных болельщиков обоего пола, решительно никто из ущербных по части романтики жителей Константинополя, равно и состоящих во браке жительниц, коим дозволялось проходить на ипподром токмо с разрешения их мужей, не испытывал хронической тяги к скрытному проносу в своих естественных полостях пиротехнических изделий сих, заключенных, из благих соображений предохранения, в латексные контрацептивы...

XV

Чем слаще надежды, тем горше их крушение!

Когда потемнело, и настал час первых звезд, Молчан ожи-

дал исполнения обещанного, пребывая в настроении, дальнем от недавнего.

Как и ни бывало прежнего азарта от любопытства. А осознание, что недалек первый бой его, пришло со всей очевидностью. И стало не по себе...

Ехал он на тура, весь в запале от грядущего подвига ловчего, а получилось: подвел его Путята совсем на иное!

Не из пугливых был Молчан, отнюдь. Однако старший родич явно сводил счеты со своим ворогом и хитроумно втянул младшего.

А в чужих разборках не бывает тяги к собственному героизму! Не понимал он смысла и уже не видел цели.

Не станет же чудо-зверь пастись в сторонке, терпеливо дожидаясь, пока закончат с Булгаком сим и примутся за него!

Накрылись рога! – очевидно сие. Зря добирался в такую даль!

Тут он к месту вспомнил о манках, используемых охотниками при промысле зверя и птицы во время их гона, когда всякий самец, заслышав призыв самки, напрочь теряет осторожность, вождедея, и становится легкой добычей. Кого токмо не брал на обман сам Молчан! – и пернатых, и копытных, и когтистых, и клыкастых.

А что ноне? Его, вожделевшего сразиться с туром, Путята выманил из городища как несмышленого отрока. «На каждую дичь свой умелец. Нашелся и на меня манок!» – вывел Молчан с безусловной досадой и на себя, и на старшего сво-

его родича.

И как охотиться на тех, завтрашних, коих явно выманил тот же Путята? Не волки ведь, повадившиеся резать домашний скот!

Что сделали они ему, даже и тот Булгак, отродясь не виденный им?

Вслед припомнилось ему, что единственный у родителей: ни братьев у него, ни сестер. Одинец! – точно сей тур.

Еще мальцом невольно услышал он из шумного разговора двух поселянок, товарок его матушки, и врезалось ему в память навсегда: «Бояну-то сколь жаль! Боле не будет у них с Добромиром детишек. И не выпучивай на мя зенки! Знаю, что говорю, хотя и молчала с тобой допрежь! Когда была она второй раз в тягости, подняла, не подумав, дежу с тестом, да и надсадилась...».

«А завтра, неровен час, сам могу пасть, ежели не уберусь от стрелы либо меча. И останутся они одни... Им-то за что сие?!» – подумал Молчан, все более проникаясь неприязню к тому, кто столь хитер.

– И двуличен к тому ж! – невольное высказалось вслух, в сердцах.

...– Вижу, меньшей, не терпится тебе выведать у меня, – благодушно сказал старший родич, основательно устроившись на пне. – Не ожидай великих тайн раскрытия. О чем могу, поведаю, а нет – не посетуй!

«Уже и не ожидаю я!», – подумал Молчан, вовсе не испы-

тывая былого душевного расположения к рассказчику, однако не прерывать же его, когда сам и напросился.

– Ты справлялся, кто были сии конные. Отвечу: ближние люди тиуна Булгака, одного из начальствующих в Чернигове. Лютый враг он Земли вятичей, замышляя супротив нее, колико может! И немало достойных захватил и умучил, – продолжил Путята, не приводя конкретики. – Знаю его, считай, половину своей жизни и даже чуть боле – всегда он злодеем был!

– А откуда он взялся, аще столь нехорош? – без особого желания справился Молчан, сильно подозревая, что изобличитель злодея – сам далеко не праведник в скрытной части своего бытия.

– Происходит Булгак из дальних родичей варяга Ивора, прибывшего в Киев еще с Олегом, порешившим тогдашних правителей сего града. Как сказывали мне знающие люди некие, кои осведомлены обо всех и о каждом, Ивор, тогда еще молодой, был в таковом доверии у Олега, что даже плыл с ним в Киев в одной ладье. Потом и князю Игорю успел послужить, а вслед за ним – дети его заступили.

Однако старший его сын, Стир, впал в опалу при вдовой княгине Ольге, знавшей о шашнях покойного Игоря с женой Стира Усладой, и заподозрившей, что пособничал он сему.

Отлученный от старшей дружины, Стир скоро утратил былое величие свое. Опала ударила и по всему его потомству – даже и по прямой линии, не говоря об окольных. И Булгак

вступил в юность, немногое имея, oprичь дерзости, всегда ему присущей.

«Ну, родич, постыдился бы! Зачем мне таковая речь? – долгая и пустая. Чую: петляешь, ажно заяц, и след путаешь!» – вывел Молчан. Вслух же молвил иначе:

– Любопытно сколь! А когда ты впервой повстречался со злодеем тем?

– Еще в Чернигове. Град сей был в ту пору таков, что и Киеву не уступал числом и богатством. При том, что Киев, весь деревянный, неказист супротив даже пригородов Царьграда, а в сравнении с ним самим – явно ничтожен.

Представь: в Чернигове видел я кумиров Перуна и Дажьбога, отлитых из золота. Меж тем в Киеве, на главном капище, даже Перун стоял деревянным, а из золота только усы были. А почему? Скарედные правят в Киеве! – токмо себе гребут.

Однако запомни: Днепр у Киева шире, неже Десна у Чернигова. А чья вкуснее рыба – из днепровских вод либо деснинских, сразу и не ответишь: тут надобно основательно прикинуть...

Молчан живо осознал, что его старший родич ставит избыточно замысловатые петли, кои превосходят даже заячьи. И попытался выправить положение, поскорее закончив с Булгаком.

– Родич, – спросил он с предельной почтительностью в голосе, выражавшей полное удовлетворение уже услышанным. – А в Киеве-то что было?

Однако не поддался Путьята, не оплошал! Зане разведчик (есть таковая профессия – промышлять иноземные секреты, в разительное отличие от контрразведчика, промышляющего секреты собственных граждан, а порой и тайники, где в качестве закладок таятся шпионы из ближнего и дальнего зарубежья) суть пожизненный конспиратор до своего смертного вздоха.

И продолжил он:

– О Киеве еще успеется! А вот в Чернигове особливо запомнил я окольный град с мастерами ремесел разных и торговцами, равно и детинец, окруженный глубоким рвом, а за ним – земляным валом с деревянной стеной.

Детинец тот имел три въезда. Я же, входя в него, всегда шел чрез Погорелые ворота – двумя иными были Водные и Киевские.

Тут и столкнулся я с Булгаком впервые, сверстники мы.

И сразу же он наступил мне на лапоть. Предполагаю: по злобе! Допускаю и рассеянность...

Ты токмо представь, во что был обут он. В юфтевые сапоги из толстой кожи! А ведь состоя младшим челядинцем при дворе черниговского воеводы, Булгак, во избежание излишнего износа, не имел права носить таковых за пределами онога двора.

Вот оно, небрежение к высшим чинам!

Вот где смута таится!

Добавлю: есть предположение у меня, что на те сапоги по-

шла шкура яловой коровы, и стала она юфтевой.

Здесь я, заметь, молвил о коже, выделанной из шкуры, а вовсе не о самой корове, коя, возможно, и телкой была, быком отвергнутой, однако не утаю: доподлинно не ведаю сего, и не провижу.

И чем старше становился Булгак, наглости в нем лишь прибывало...

«Не простил Путята за скрамасакс, – пришел Молчан к твердому выводу. – Счеты сводит! Издевается!».

И впервые в жизни захотелось ему огреть своего старшего родича чем-нибудь увесистым.

Впрочем, отходить ко сну было еще рано, а занять себя – решительно нечем. Не бродить же по лесу в темноте с риском напороться на что-нибудь либо споткнуться, раскровенив лик. Лучше уж Путята, лицемерный!

– Все же, разумею я, однажды ты все ж добрался до Киева – сам о том рассказывал, и не раз. А в княжьи ловчие каким образом попал? Токмо прошу: не примешивай впредь сапогов с лаптями, – высказал Молчан, намеренно не скрывая своего раздражения от путятинных ехидств.

Сообразив, что хватил лишку и перегнул, Путята решил несколько приоткрыться и наделить Молчана некоей информацией спорной ценности:

– Не сразу, а погодя, добился я того места.

Желающих имелось много, и все с ходатайствами от не последних в Киеве людей. И за меня замолвлено было слово,

не припоминаю уж, кем...

«Не припоминает он! Опять кривда!» – поморщился в душе Молчан, досадуя на старшего родича, лживого...

XVI

... – Испытывали каждого, на что он горазд в лесу и в поле. И все старались, сколь могли, доказывая свою пригодность к ловитве.

Били влет диких гусей, хаживали на вепрей, брали на рогатину притравленных медведей, когда их с цепи отпускали, скрадывали глухарей и тетеревов, ставили капканы – всего и не сосчитать.

О турах, понятно, не велось речи: сей зверь и тогда был редок. И токмо самым достойным из старшей ловчей охоты доверялось сопровождать князя при его выездах на тура с дружинниками. А набирали тогда в младшую, да и то под начало бывалых и сведущих.

Раз от раза оставалось все меньше из тех, кто вождедел был принят. И все боле множились те, кто испустил дух допрежь отмеренного срока.

Кого-то кабан на клыки поднял.

Кого-то медведь задрал, когда соскочила с упора рогатина.

Некий из нас пал с древа – вместе с ветвью, на коей стоял, хоронясь от оленей.

Двое не дожили до зари, перевернувшись в лодке на гусиной охоте. Ведь подгребая к спящей стае, плавать они не умели...

Не досчитались и загонщика Новика, тоже из числа вожделевших в малую охоту, когда двое из соискателей целили в косуль, выгнанных, проходя положенные им испытания.

Сам определенный в тот день в загонщики и перебегая рядом, видел я, как воткнулась в его злосчастный пуп каленая стрела, дойдя до самого хребта сквозь утробу.

Сильно удивился, помню, таковому непостижимому промаху. Вслед же подумал: «А ведь не заторопись он, за миг до стрелы, обегая зачем-то меня, иное было б! Не мне ль предназначалось?»

Случались потери и среди начальствующих, надзиравших за нами и отвечавших за отбор лучших из лучших.

Вовек не запамятую скорбный случай, когда один из отстающих в наших рядах изготовил ямную ловушку с острыми кольями на дне, утаив ее от звериного догляда. Однако вместо зверя не доглядел проверявший сего ловчий-экзаменатор, именем Бахарь, перебрав накануне медового напитка особой крепости, и знатной была тризна!

Помню и иные утраты, скорбные, когда и сам не вем, отчего они...

«Чую, мутнеет в главе моей. Тут бы не повредиться разумом!» – ощутил Молчан, ибо не растрогала его, жестокосердного, трагическая судьба бывалого ловчего, не смотрев-

шего под ноги, мучаясь тяжким похмельем. Зато окрепло в нем желание что-нибудь повредить своему старшему родичу!

И преодолевая позыв сей, чреватый, не учтиво воззвал он к Путяте:

– Да тебя-то с чего приняли? Откройся! Уж моченьки у меня нет!

– Я лишь и делаю, что открываюсь! – возразил сугубо конспиративный Путята, осознавая меж тем, что Молчан и прав, отчасти.

– Не хочешь в подробностях, будь по твоей воле. Жаль мне тебя: многое теряешь по нерадивости своей! Однако не стану спорить, и продолжу.

Однажды затребовал меня ловчий Вторак, заменивший Бахаря, неосмотрительно усопшего на кольях, громко крича пред тем. А накануне была тризна, на кою никого из нас не призвали, разрешив лишь наблюдать издали. И все мы премного горевали, ощущая скорбь великую! Ведь на поминальном пиру насыщались лучшими яствами, а нам достались токмо запахи смачные.

И наказал он:

– Хмара! Днесь же идешь на оленя, а я, в отдалении, следом. Запрещаю применять лук, когда подберешься! – изловчись, и добудь иначе. Ведь придется надзирать за тобой, пусть и в сторонке. А знаю уже, как вы, юнцы бестолковые, целя в дичь, попадаете в себе подобных.

И про вашу копку смертных ям старшим, тоже осведомлен. Не хочу осиротить детей своих из-за всякого остолопа!

«Ага! Он пребывал в Киеве ажно Хмара. Проговорился! Уже интересно! Раззадорю-ка его: вдруг и на иную оплошку сподобится?» – оживился Молчан. И спросил, изображая полное равнодушие, для убедительности зевнув:

– Смекаю, что до оленя ты добирался, когда его выслеживал, против ветра, за деревьями таясь и кустами, не допуская и малейшего шороха. Не усматриваю здесь особой доблести. Сие и я умею. И почитая тебя, скажу: нечему тут хвалиться!

– А взять оленя, обойдясь без лука, тоже сумеешь? – нервно отреагировал Путята, усмотрев покушение на свою охотничью славу.

– Ежели на спор, полагаю: сумею. Хотя и не пробовал. Ведь на охоту хожу по своей воле, а не то, что ты, подневольный, коему и лук запретили!

Прикажи мне подобное, сказал бы я тому трусоватому ловчему все, что думаю о нем, потом бы и еще прибавил.

Непреложно зрю: для тебя проникнуть на службу в княжью охоту превыше было собственной гордости!

А ведь сам говорил, и не раз, сколь противны тебе киевские князья. Уж извиняй, не понимаю сего!

Замышленный выпад осмнадцатилетнего младшего родича оказался столь прицельным, что Путята, быв на тридцать лет старше, аж поперхнулся.

«Сейчас он и раскроется», – прикинул Молчан, весь в предвкушении.

Увы! Случилось то, чего он вовсе не ожидал. Нежданно-негаданно Путята расхохотался в голос и не сразу остановился. И лишь погода высказал:

– А хитрее ты, чем предполагал я. Хвалю! Подлинно хорош!

Меня, лисовина старого, чуть не вовлек в соблазн сказануть в запале лишнее, аки намедни. При том, что не обучали тебя сокровенному таинству выведывать...

Когда высмеял меч мой, и проговорился я, то не разглядел твоего коварства. Не заподозрил! Подумал: нечаянно у тебя вышло. Хотя и взяла меня досада крепкая.

А ты вон каков! Зрю: ежели основательно подготовить тебя, был бы способен и на двуногих зверей охотиться, не только на лесную дичь.

Однако не напрягайся: вовлекать – не стану. Поберегу. Ведь привязан к тебе, точно к сыну! Поможешь назавтра, отпущу ты с благодарностью...

XVII

Когда в осьмом, последнем заезде дня, все четыре квадриги выкатывали на финиш, завершая седьмой скаковой круг, Фома – преклонных годов, оторвав седалище от скамьи и вскочив, завопил столь истошно, что Молчану, возрастом двадесать семь, стало неловко от подобного моветона.

«Даже кабанчики столь не орут, когда неумело холостят их!» – подумал он в раздражении, – Зря сострадал ему!»

Причина сострадания торгового гостя из Земли вятичей к ромейскому скрибу, а предположительно, и своднику, простекала из его осведомленности в неких, чисто житейских, форс-мажорах.

Единожды по ходу утренних заездов и дважды – по ходу послеобеденных, Фома стремительно покидал свое сиденье, мраморное, и резво спешил к проходу, затем спускался – по направлению к местам срочного и досрочного отдохновения, а вслед и не уследить было за ним...

Возвращался раскрасневшимся и молчаливым.

«Не иначе, мается пузом. Эко прохватило его: никак не отпустит! Временно прощу прощельгу, хотя и тщился втюхать мне некондиционную Афинаиду. Не до сведения старых счетов, когда у противника свело потроха!», – рассудил сердобольный Молчан, когда Фома отправился в свой третий забег.

Сколь ошибался он по неведению! Косоглазый скриб гонял вниз, дабы успеть сделать до начала заезда ставку у нелегального букмекера, а вовсе не по причине желудочно-кишечных невзгод.

Ведь завзятым игроком был, и просаживал на ипподроме все накопления свои от разводов и разовых выплат за тайные доносы. Не посягал лишь на должностное жалование, ведь надобно же на что-то кормиться!

И с одних токмо проигрышей за все годы ставок мог, удалившись на заслуженный отдых по личному заявлению, жить до скончания дней своих. К примеру, приобрета или отстроив на свой вкус, каменный дом в два этажа, и наслаждаясь там прелестницами по вызову. А когда отпала бы потребность в них, ведь находился уже на переходе из стадии половой зрелости в стадию полной перезрелости и непригодности к употреблению, открыть и тайную школу разводов – с оплатой за обучение в миллиарсиях, отвергая фоллисы!

Ничем не отличаясь от прочих стойких и целенаправленных игроманов, твердо верил он, накануне очередных ристалищ, в птицу счастья завтрашнего дня, коя, шустро позванивая крыльями и весело вереща на лету, выберет его, дабы щедро осыпать золотыми солидами! – допустимо и мешками с ними.

Однако назавтра, когда оказывался в очередном разоре, осознавал, оплакивая убытки и утраченные иллюзии, что заново прилетала скаредная на злато виртуальная птица несчастья сегодняшнего дня, поскрипывая от ветхости.

И многократно представлялось Фоме в мгновения самых огорчительных обломов, что она, пролетая над остаточным гнездом былой его шевелюры, вела себя, из недостойных пакостных соображений, ажно зело невоспитанный ипподромный голубь презрядного наполнения. Еще и каркала при том...

Две первых ставки – и обе двойные, не прокатили у алч-

ного скриба! И оставалась одна надежда: сорвать куш на осьмом заезде, поставив на экспресс – комбинацию, при коей выигрыш приносило угадывание квадриг, пришедших первой, второй и третьей.

Он и поставил все, что еще оставалось у него от нажитого бесчестным трудом за последние недели – из осьми дней каждая, по примеру Древнего Рима: пять солидов, один три-мессис достоинством в треть солида и три милиарисия, оставив при себе лишь шесть фоллисов.

И по окончании заезда рухнул на скамью, явно изрыгая хулы на неведомом Молчану ромейском и неоднократно упоминая слово «архип»!

Молчан из врожденной деликатности не стал справляться, что обозначает оно. В противном же случае мог услышать в ответ, что обозначает сие Архипа – безмерного негодяя и главной днесь сволочи! А мог и нарваться на брань за свою любознательность...

Ибо, являясь возникшим-генионом, намеренно придержал тот в самом конце дистанции, и его квадрига прикатила лишь третьей, а в ставке Фомы на заезд была обозначена второй. И осквернил тем самым благородное имя свое, означающее на древнегреческом «старший всадник», оказавшись, на поверку, старшим из всех мерзавцев Главного ипподрома.

И поделом Фоме! Недостоин он сочувствия за всю свою предшествующую жизнь, порочную, равно и за нынешнее намерение оставить Молчана в одних портах, допуская по

злобе изъятие и оных.

А непростительно сие жестокосердие даже в самом начале непросвещенного единадесятого века! – далекого от человеколюбия, равно и все последующие...

В таверне под завлекательным названием «Птица-молодица», направиться куда предложил Фома – благо, и пребывало оно недалеко от ипподрома, было и в самом деле представлено преимущественно птичье.

Однако, ввиду непомерной дороговизны, а переводил ему цены злокозненный сcribe, Молчан и не помыслил заказывать представленных ему фирменными блюдами сего заведения жареных лебедей, бескостных каплунов, жирных, фаршированных по особливому рецепту, индюков под шафраном, равно и прочие кулинарные изыски, вельми накладные, по меркантильному рассуждению Молчана, для тех, кому расплачиваться за них.

И решил он ограничиться двумя утками – самыми дешевыми из всего оглашенного списка, начиненными массой из грецких орехов, вымоченных в кипятке, дабы не горчили они, луком и чесноком, пассированными на оливковом масле, и пряными травами.

«Хватит Фоме и утки! – подумал Молчан, до поры рачительный.

«Прижимист ты ноне, торговый гость! Иные из твоих соплеменников, блудных, по-иному меня кормили! Отольется тебе сие! Еще и Афинаиду припомню!» – возмущенно вывел

в уме его сотрапезник, раскатавший, было, губы на лебедей и индюков, а обрета, по его халявным представлениям, самый убогий эконом-выбор изо всей птичьей составной меню.

Впрочем, Молчан не ограничился токмо птицей, заказав и по куску холодной козлятины – в сопровождении горчицы и свежих листьев латука, презрев баранину в рыбном соусе и вымя молодой свиньи с фригийской капустой.

Уместно уточнить, что козлятина была лишь вторым номером в списке мясных предпочтений его чрева. А поначалу нацелился он, безусловный сторонник кулинарного интернационализма, на тушеную зайчатину по-ромейски, предварительно замоченную в жирном молоке, прошедшую вслед маринование в белом виноградном вине с добавкой базилика, корицы, гвоздики, укропа, петрушки, лимона, молотого красного перца и чеснока.

Увы! – Молчан остерегся во избежание, не вовремя вспомнив историю, кою услышал еще девять лет назад в селнице, отстоявшем в часе конного пути от избушки в приграничной чаще, где Добродея выхаживала Путятю.

Незадолго пред тем проник туда, незванным, некий ревнитель новоявленной киевской веры и начал поносить аборигенов за употребление в пищу зайцев, ведь в святом граде Иерусалиме их мясо считается-де «нечистым», напрочь возбраняется к употреблению, и позорно предаваться стыдобе!

Ибо подразумевалось, что шустрые ушастики греховны к употреблению их, понеже не имеют раздвоенных копыт, о

чем гласят и предписания, запечатленные в священной книге Левит. А та ссылалась на пророка Моисея, сорок лет водившего по Синайской пустыне вдохновенных им соплеменников, кои, по всей вероятности, то и дело спотыкались о русаков и беляков. И налицо – гастрономическая ересь, наказуемая небесами!

Неспешно почесав затылки вкупе с брадами, селяне подивились, в простоте своей, что зайцы, оказываются, прыгают и на лужайках этого Ерусалима, равно и в предполагаемых ими чащобах округ него. А все ж, не поддавшись укоризне пришлого критикана, презрели сей сакральный запрет, не сообразив в дремучести своей, что религия, навязываемая им, замечательна, супротив язычества, тем, что накладывает уйму директивных ограничений!

И пригрозили ретивому просветителю: аще не драпанет, немедля, окажется на вилах! Оный воспринял верно, и тотчас же... Вслед в сем селище продолжили уминать зайчатину с прежним вкусом.

«Отчего ж в христианском Царьграде лопают зайцев, равно и мы, почитающие Стрибога с Велесом, да нахваливают, а в Киеве, где ударились в иноверие, запретно сие? Не попаду ли впросак, подпав под подозрение ромеев, что скрытник я из Киева?» – почуял опаску Молчан. И перестраховался, воздержавшись от заказа лакомого блюда. А понапрасну! Поторопился он.

Ведь всего чрез шесть с половиной веков патриарх-рефор-

матор Никон, осуществляя перестройку на греческий лад, отменил в православной Руси не только старые богослужебные книги, прежние лики у икон, двуперстие, земные поклоны и Крестный ход посолонь, а и указанное табу на заячье мясо – с одновременной реабилитацией им телятины, за употребление коей можно было допрежь и живота лишиться, равно и аналогично преступных раков...

Делая снисхождение Фоме-сластене, а отчасти и себе, понеже ублажиться вкусом во благо и себе самому, не покупился на два фруктовых салата из греховных пред Афинаидой персиков и крупных слив, опять же политых слегка подогретым медом. Озаботился и жареным миндалем вкупе со спаржей.

Намеренно отказавшись ноне от обилия на столе съестного, Молчан имел тайной мыслью подпоить Фому, дабы развязался у него язык и сболтнул лишнее.

Ведь на переполненную утробу не столь хмелеешь!

А не подозревал он, что ни в Земле вятичей, ни в Ромейской державе, ни в Киеве, враждебном, ни в неоткрытой пока Америке решительно невозможно упоить разведчика, даже и выведенного в действующий резерв, до потери контроля над своим языком.

Смешным было бы и уповать!

И посему Молчан, еще не сведущий тогда в сем дополнительном профессиональном отличии ушлых бойцов невидимого фронта от бесталанных обывателей, бесполезных для

скрытного промысла, понапрасну потратился на кизиловое в объеме, зело превышавшем потребности двух типовых гло-ток.

«Ну, и придурок же мой помощничек! – подумал на ромейском Фома, когда принесли емкости с оным напитком. – Ведь ведает, что любо мне виноградное из самых дорогих, и лучше бы красное! А наплел сему невежде, не отличающему доброго хмельного от пакостного, что жить не могу без дешевого кизилового. И придется травиться им! – еще и нахваливать...»

Не вчинил ли мне Басалай насмешку за обиду, что размером своей доли уступает Никетосу? А не должны мигранты равняться в оплате с ромеями по рождению! Иначе по миру пойдет держава наша от таковой расточительности! А за то, что вчера упустил Басалай сего купца – возможно, не токмо купца и вовсе не Молчана, лишу его, по завершении дела, наградных за наводку!»

Приступили к трапезе, понятно, с наваристого рыбного супа. Хлеб к нему был в сей таверне ячменным, чуток уступая вкусом пшеничному, однако вполне хорош.

И вельми рознилось настроение их до первого кубка, и до второго, и до третьего!

Фома пребывал в непреходящей угрюмости, вспоминая финансовый урон свой и стеная в душе. И проклинал подлого гениоха, коему явно проплатили за торможение его квадриги на финише – как бы нечаянное, по случайной

оплошке, простительной, ведь оный возникший котировался на ристалищах одним из лучших.

«Когда бы мог, оскопил сего прохвоста, и зенки выколочил, негодяю, лишив и слуха, вслед и распяв!», – мысленно выносил он казни недостойному Архипу. А наособицу омрачало его то, что не располагал возможностями для приведения в исполнение данного приговора, и лишь мечтать мог...

Молчан же, напротив, был еще со вчерашнего дня исполнен самодовольства, предаваясь, отчасти, и самолюбованию.

Ведь ловко провел он своего толмача! Заодно и удостоверился, что тот промышляет не токмо синхронным переводом...

XVIII

Легли пораньше. Се распорядился Путята, ведь предстояло жаркое дело. И лучше подкопить силушку, нежели растрачивать ее всеу.

Десное колено Молчана уже почти не тревожило его. И был допущен он дозорным во второй смене. Перед сном Путята не поленился наново обмотать тряпицу с медом круг хвораго места своего младшего родича.

Много не доспав накануне, Молчан опочил на сей раз скоро и без натуги, надеясь повстречаться с Младой.

Однако, как нередко бывало в начале его сновидений, явилось ему облако, нависшее над землей, чуть не смыкаясь

с ней. Завидев Молчана, оно несколько встрепенулось, словно заждалось и воспрянуло выспрь.

«Ничего нового. Экая скука!»», – подумал Молчан. Сильно оттолкнулся и, ловко запрыгнув, встал на облаке, как влитой. За многие схожие сны он давно уж наловчился взмывать столь высоко – тем паче, в наивысшей точке подскока облако неизменно чуть проседало для большего его удобства, подобно обученной и вежливой лошади, когда не самый умелый, либо подраненный всадник ставит ногу в стремя.

Вслед началась неспешная прогулка. Ступать приходилось с осторожностью и тщательностью, будто скрадывая зверя либо чуткого глухаря. Ведь не являлось сие облако гладкой твердью, и следование по нему отчасти напоминало хождение по кочковатым торфяникам. А ежели промахнешься мимо кочки, рискуешь провалиться по щиколотку и выше. Боле десной грешила шуюя нога – дурная привычка ее зело раздражала Молчана.

Опытным путем проб и ошибок он со временем научился самостоятельно управлять являвшимся ему облаком, не нарушая правил воздушного движения и вполне приручив его. Хотя, в отличие от освоенной им езды на мерине Голубке, не мог применить шенкелей, понеже требовалось вначале оседлать облако, а вслед охватить его бока своими ногами. Однако невмочь ему было столь раздвинуть их!

И все же нашелся выход! Дабы облако повернуло, Молчан, переходил к краю противоположной стороны и начинал под-

прыгивать на самых устойчивых выпуклостях; тогда облако постигало, что от него требуется, и выруливало, куда надо. Сложнее было добиться осторожного приземления, однако и сие осилил он, освоив непрерывные грузные прыжки от полу – с середины; немного погодя, облако, сообразив и тут, включало режим пологого снижения...

Ни во снах, ни наяву не задумывался Молчан, отчего люди не летают, в подражание пернатым. Никогда не вождедел и обретения крыл. И оказаться, к примеру, гордым соколом, черпающим счастье битвы в охоте за ужами, лягушками, зайцами, сусликами, полевками, медведками и стрекозами, затем и насыщаясь ими, едва ли б вдохновило его.

Будучи по природе своей рационалистом, обдумывающим многие смыслы в стремлении проникнуть в самую их суть, дондеже не проникнув, однако все впереди, он ясно осознавал, что можно запросто грохнуться с вышины, а безрассудно сие лихачество!

И посему никогда не тянуло его в самостоятельный полет, даже с горы разбежавшись...

При том, что перелетных птиц, когда доведены они, оципаные, до полного томления в домашней печи, неизменно уважал до последней обглоданной косточки.

Вышагивая, он, чисто из любознательности, непременно созерцал, что доле деется. И всегда размышлял при том, делая выводы.

Вот и в сем верховом хождении, держа в уме предстоя-

щий бой, Молчан сообразил, что стоя на краю облака, можно прицельно стрелять из лука, поражая вражеских конных, скачущих ниже. «И даже сулицей не оплошаю! Вовремя Путьята подсказал мне, как должно ее бросать» – сказал он себе.

И мигом всплыло в его памяти совсем недавнее, когда вспыхнув, было, друг на друга, и выплеснув раздражение свое, оба разом и успокоились.

Вслед Хмара, он же Путьята от рождения, он же и Бушуй для Центра, чего Молчан и предположить не мог, продолжил воспоминания вслух.

Поведал: метнул в грудь оленю тому косарем с широким и толстым лезвием. А едва проверяющий пришел в полное изумление, равно и в счастье, что сам остался цел, ведь не стрелял «остолоп всякий» из лука, он объявил старшему, что сулицей способен гораздо лучше.

Тот поразился еще боле, захотев тут же взглянуть на подобное мастерство. Когда ж Хмара многожды попал оружием тем в сосну, росшую на некотором отдалении, и ни разу не промахнулся, он пожелал, чтобы явил то же и остальным из младшей дружины. Понеже никто из них не владел сулицей столь ладно.

На другой день Хмара и явил. А заодно открыл им собственное правило меткости и убойности своих бросков. Ведь наконецник брошенной им сулицы входил с прицельной дистанции в свиную тушу на полтора вершка.

Правило оказалось двуединым: пред броском держать су-

лицу не в центре древка, а примерно на треть от конечника; бросая, направлять немного вверх.

Ловчие тут же попробовали сами, и пришли в единодушное одобрение. А один из них – в явном авторитете, высказал Хмаре, и никто не возразил ему: «Не вполне бестолков ты! – даром, что из северян. Попробуем испытать тебя в нашей охоте, младшей. Глядишь, и получится из ты путное...».

Путята довел до Молчана и то, что в прежние времена, когда череп князя Святослава Игоревича еще не стал настольной утварью у печенежского хана Кури, оперативно-конспиративная связь между Киевом и Землей вятичей осуществлялась посредством конных эстафет, каждый этап коих равнялся совокупному дневному пробегу трех лошадей, резвых, подменявших друг друга на дистанции.

Однако не открыл он родичу своему, пытливому, что может извлечь тот ноне из рассекреченной утайки сей.

Бывший ловчий-стажер младшей княжеской охоты, поведал вечер и о напутствии своих кураторов – аще, конечно, было оно вообще:

– И наказали мне старейшины, в дальний путь снаряжая: «Будь на виду, однако не высовывайся. Бди сам, и скрытно оглядывай бдящих за тобой! Всегда бери верный след, а прочих – облазнить...»

Однако бесценная рекомендация сия: направлять чуждых по ложному следу, не могла, увы, найти применение в практических деяниях повелителя облака. А сколь ловок Путята

петлять, одновременно стирая очертания потаенных смыслов, Молчан и без того доподлинно знал.

И уже вознамерился он, рационалист и прагматик юный, наново впасть в раздражение, как вдруг открылось ему, аки выскерк молнии: чего-чего, а уж тайных смыслов для последующего проникновения в них, Путята предоставил ему с избытком! И по привычке запутывая, все же и приоткрывал исподволь...

От озарения сего, внезапного, Молчан невольно утратил контроль за своей поступью, промахнувшись мимо кочки.

И токмо собрался укорить злополучную ногу шуюю, как услышал крик: «Спускайся, трус! Заждался я!»

А что узрел он доле, вынужденно прервав верховое хождение и подойдя на истошный звук вскрай облака?

На каком-то поросшем травой пригорке посреди голой равнины, стоял – в исподней рубахе-срачице до колен, да и без портов – Жихорь, нещадно отхоженный им за удар ножом, подлый, а погода, исчезнувший, неведомо куда.

Сразу и не поверив, Молчан даже ущипнул десное обушие, дабы удостовериться, не во сне ли сие.

– Спускайся, Молчан! – возопил Жихорь и переступил с ноги на ногу, являя нетерпение. – Будет у нас новая пря! И достанется тебе!

– Совсем ты ополоумел, Жихорь! – громко, однако с достоинством отвечивал Молчан, изрядно огорошенный явной дерзостью, задевшей кичение его. – Как же я спущусь,

когда на облаке?

– Как? Спрыгни с него! – завизжал Жихорь.

– Спрыгнуть? И костей своих потом не собрать?! Не дождешься сего!

– На облаке от меня хоронишься? Не уйдешь!

– Погоди чуток: развернусь и сяду! И не надейся тогда! В гороховую муку сотру!

– Себя сотри! Спускайся, за все ответишь!

– Ну, Жихорь, держись! Успей порты надеть! Скоро буду...

– Эй, паря, подымайся! – услышал он тут же свистящий шепот и успел удивиться: с чего бы Жихорь, побитый им, завет его «парей», будто ровню, и отчего передумал он?

Машинально приоткрыв вежды, не сразу распознал во мраке склонившегося над ним Будимира, одного из их отряда.

«Пора заступать на дежурство», – сообразил Молчан, сожалея в душе, что быстро пролетело его ночное отдохновение, а с Младой и не свиделся.

Поежившись от ночного холодка и поудобнее расположившись на лесине, Молчан попытался наспех припомнить хотя бы обрывки прошедшего сна. Однако борзо улетучились они из памяти. Пришлось, дабы отвлечься и скоротать время ночного дозора, обратиться к всамделишному разговору с Путяттой, искусно вычленив из него самое-самое.

Перво-наперво рассмотрел он то молниеносное озарение,

когда за миг ему открылось безмерно, елико не явилось за весь путь, без малого в девятину.

– Конечно, потешался Путята, и очевидно сие, однако и подсказки делал, будто испытывая, соображу ли, – окончательно осознал Молчан-мыслитель, чья память редкостной была в его осьмнадцать...

XIX

Вслед за третьим кубком Фома отчасти оттаял. И потянуло его приступить к делу! Ведь вследствие проделки мерзкого гениоха, вся его наличность на текущие расходы составляла жалкие шесть фоллисов, представлявшие четверть миллиарсия!

Дома оставалась некая заначка, и не угрожало ему бедовать впроголодь до выдачи жалования на службе. Однако пополнить свой расходный достаток на безотлагательные нужды, включая и отыгрыш на ипподроме, он мог лишь за счет Молчана.

А Молчан отчасти захмелел. И ослабло в нем недоверие к Фоме-своднику!

Возжаждал он, отходя от напряжения при вчерашнем выполнении секретного задания, расслабиться неведомыми доселе наслаждениями! И голос его разума капитулировал пред чувственными импульсами...

Ибо бывают тараны, кои проламывают даже многослойную броню высшей неуязвимости!

Ежели строго по правде, то поначалу он высказал фальшивое недоумение, когда Фома спросил, напрямую:

– Каковую же деву, пылкую, желаешь ты, торговый гость? С темными власами, аль светлыми? С носом горбинкой, либо прямым, приличествующим благородным ромейкам? Пышную телом, а может, худосочную, зато с талией? Зака-зывай!

– А с чего ты взял, что вождедею твоих соплеменниц? – оспорил торговый гость, лицемера.

– Не крути! Не на торге! Поведал мне Басалай: вмиг zenки твои замаслились, едва приступил он к рассказу о сострада-тельных девицах – бескорыстных, а к тому ж и неприступных без посредника. И живо заинтересовался ты, стараясь, дабы не заметил он. Попусту старался! – не провел ты Басалая.

«Зато вчера провел, и еще сколь!» – хихикнул в душе Молчан.

– Знамо, приврал он, ради красного словца, – продолжил Фома. – Не бывает бескорыстных красавиц! – у каждой своя цена. И чем неприступнее они с виду, тем дороже запросят!

А ты завилял. Стыдись! Еще придумай, что на ипподром явился, ради ристалищ. Сдались бы они тебе!

Запомни: явное есть явное. Никому не скрыть его, сколь ни ловчиться! Не утаить арбуза в кошеле! И ты не пытайся...

А то, что взыграли в тебе желания плоти, здраво сие! В похвалу оное, не в укор! Сам прикинь: распродал ты весь то-вар свой, закупил все гостинцы, обозрел славный наш град,

а твоё судно ещё не завтра отчалит обратно. И чем заняться в остаточные дни?

Верный ответ: страстями, и только ими! Не фиалки же тебе нюхать!

Хотел потолковать о том со мной? Вот я и пред тобой. Толкуй!

И не устоял Молчан... Поддался он напору Фомы, продвнувшись на ипподроме в пух и в прах, а посему красноречивого вдвойне, а временами – и вяще!

Махнул рукой, и молвил:

– А и в самом деле, не фиалки же мне нюхать!

Вслед перешли они к материальным факторам возникновения взаимного чувства интенсивного накала.

Фома запросил вельми скромное вознаграждение за посредничество, обозначив его в два милиарисия. И объяснил: сие – его принцип в товарно-денежных отношениях с первоначальными на ниве познания изысканных константинопольских соблазнов.

Однако за второе содействие запросит уже вдвое больше, а именно: четыре милиарисия; за третье, опять же удвоив, восемь милиарисиев; за четвертое, соответственно, шестнадцать, за пятое – тридцать два, а за шестое – шестьдесят четыре. И впредь – в той же прогрессии...

А по завершении дозволенных ласк, уведомил Молчана его визави с перебитым носом, свидетельствующим о житейской бывалости, приличествует оставить о себе добрую па-

мять в девичьем сердце! Ведь теплеет в нем, доверчивом, не от одной лишь оплаты в звонкой монете, размер коей лучше обговорить заранее, а и от щедрых подарков! – в качестве дополнения к милиарисиям.

Счастье не токмо в наличности чрез край! Полное счастье, когда всего помногу!

Се заведено в Константинополе среди достойных иностранцев из купцов, блюдущих свою честь, торговую, и доброе имя земли своей.

И негоже добропорядочному сыну Земли вятичей быть прижимистее, нежели гости из Генуи, Пизы, Венеции, Аравии, Росии и даже северных стран!

Должно упомянуть, что Фома, проведший изрядное время в Киеве, практикуя там по линии сходничества, доподлинно знал разницу меж Росией, означавшей по представлениям ромеев Киев и прилегающую к нему Южную Русь, и сопредельные с Киевом территории, включая и Землю вятичей.

Девы же, расставаясь утомленными с недавними своими возлюбленными, изнурившими их, будут неподдельно тронуты браслетами, серьгами, цепочкам и прочими изделиями из серебра – не возбраняются и те, что украшены драгоценными камнями.

И воспримут их данью признательности за проявленные в ласках профессиональное мастерство на грани волшебства и неподдельный энтузиазм, равно и знаки мужского благород-

ства, заграничного!

Не огорчатся и сувенирам из золота – не исключено, и расстрогаются...

Даже не будучи силен в арифметике, Молчан живо осознал, переводя из серебряных монет в золотые, что общий размер комиссионных Фоме токмо за шесть прелестниц составит десять золотых солидов, один семиссий в половину солида – тоже золотой, и два милиарисия.

«Дороговаты, однако, таковые расценки! А мне еще платить за ласки и сувениры дарить! Перехожу в режим экономии!» – мудро рассудил сын Земли вятичей, анализируя грядущие внеплановые расходы и твердо определив для себя лимит из трех прелестниц, токмо комиссионные за коих совокупно обойдутся в один солид и два милиарисия.

Тем паче, уже вскорости его судно отправлялось в обратный путь, дабы успеть домой до первых заморозков.

О, сколь простодушен он был тогда, пребывая еще в добродетели, когда брать лишь плотскую константу той!

...Уведомляя о своей таксе, Фома подчеркнул, что она является неизменной за услуги, оказываемые им любвеобильным иноземцам, и без разницы, кто они.

Всем торговым гостям Константинополя одинаково рад он, отвергая шовинизм, расизм и дискриминацию ЛБГТ!

И откажет токмо упырям, людоедам и вражьиим лазутчикам.

При упоминании последних он едва не проткнул Молчана

взором особой бдительности, присущей охранникам в сетевых магазинах, а в недавние времена – и вахтерам на входе в общежития при ткацких фабриках.

Однако Молчан, пребывая еще в раздумьях о расходной части сметы неизведанных им удовольствий, и ухом не повел, чем зело огорчил бывшего разведчика, а ноне – осведомителя на разовых гонорарах.

Все ж пересилил Фома свое разочарование и продолжил, открыв, что никогда не выставляет он лишнего в счет оплаты – из честности своей, праведной.

Система же последовательного удвоения изобретена и внедрена им, ибо сызмальства почитает он число «два», ощущая его своим внутренним оберегом.

И дал Молчану совет – бесценный, поелику зело затратный, в чем наш славный, ано доверчивый вятич позже удостоверился на собственном кошеле.

То есть: предваряя ласки, расположить к себе избранницу свою обильным угощением по ее вкусу. Ибо убога любовь на пустое чрево!

Меж тем, испив, откушав и окрепнув плотью, обретет возлюбленная его таковую неистощимость, коя неведома нигде, опричь столицы Ромейской империи! Да и сам он, пылкий, заправится пред стартом; на пользу сие мужам!

А и верно! – когда в меню лишь «ню», вовек никому не насытиться...

Для дебюта на стезе наивысшего чувства махровый свод-

ник предложил Молчану искусницу именем Гликерия, означающим «сладкая».

И не утаил, что есть в ней и некий изъян. Посему и предлагает оную, беря всего два милиарисия за содействие.

– А изъян-то каков? – незамедлительно справился заказчик, заподозрив подвох.

– Глуповата она! – признался Фома. – И ковыряет в носу в самый неподходящий миг – на вершине страсти, когда самый венец ее, а по-нашему, апофеоз. Никак не отучить Гликерию от таковой дурости!

Однако, ежели не отворять свои вежды, приближаясь к запредельному блаженству, невоспитанность сию можно и не заметить.

Молчан – призадумался. Женскую глупость всегда полагал он вполне допустимой, а в чем-то и предпочтительной, супротив женской премудрости. Однако озвученная привычка будущей любимой, предложенной посредником, не вдохновила его, отнюдь! И по ассоциации вспомнив о скверном обычае Афинаиды, уточнил он, на всякий случай, посещает ли она Гликерия термы.

Мысленно ухмыльнувшись на подобную злопамятность, Фома заверил: посещает! – через каждые, почти, две недели, и в целом не реже, чем три раза за лето. А нижнюю рубашку свою меняет еще чаще!

И даже – время от времени – ополаскивается по месту жительства.

Тем самым проявил он низменное коварство, ибо не сомневался, будто бы неумышленно прибавив в дефектную ведомость Гликерии и малую опрятность, что получит от денежного клиента незамедлительный отказ. И мигом затребует тот иную возлюбленную!

А четыре милиарисия – вдвое от двух!

И восторжествовало коварство бывалого сводника! Неискушенный в подобных каверзах Молчан наотрез отказался вкушать блаженство с невоспитанной и неряшливой!

– Что ж, – изобразил Фома огорчение. – Когда не любя тебе Гликерия, буду уговаривать Агату: допускаю, что снизойдет. Сия наделена достойными манерами, а сморкаясь, вся деликатная, прижимает к носу рукав туники своей, им же и утираясь. Из терм ее и силком не выгонишь! Агату и дурой не назвать!

Все же не утаю: невозможно полное совершенство всего за четыре милиарисия посреднику!

Совершенство начинается – заметь, лишь начинается, с комиссионных в четыре солида, что в двенадцать раз боле...

«Спятил он, что ль? – подумал Молчан, уже протезвев, а вместе с тем и впав в недостойное лукавство пред самим собой. – Зачем мне начальное совершенство за неподъемную цену?! Всего ведь и хочу: ознакомиться с потаенными нравами ромеек, дабы не оплошать с ними впредь, выведав ноне все их повадки, хитрые. Не по ликам одним надлежит знать

врагинь из чуждой державы, а и по телам их! Для первого же ознакомления и оная сгодится!»

Вслед огласил, что согласен, ради дружбы с Фомой, на Агату...

XX

В самом деле, экс-резидент в Киеве подкинул подсказок для догадок боле, чем перстов на длани.

Зачиная рассказ свой, упомянул он, что Булгак – то ли намеренно, по злобе, то ли по рассеянности – наступил ему сапогом на лапоть на входе в черниговский детинец. И вроде бы, совершенно ни к чему добавил Путята о себе и Булгаке: «Сверстники мы».

Могло ли статься, что ему, в обличье Хмары, до крайности нужно было свести знакомство с кем-то из нижних по чину обитателей детинца, и удобнее всего – со сверстником?

Вполне! Тогда, в интересах дела, не жалко и лапоть подставить под сапог. И познакомиться дале, не обойдась вначале без крепкого словца, и не одного, тем самым избежав подозрения в недобром умысле, тайном. Понеже сквернословов, буянов и не просыхающих забулдыг никто и не заподозрит, что лазутчики они иноземные!

Могло ли быть так, что младшему челядинцу Булгаку поручили отследить прибывшего в Чернигов сверстника его – северянина Хмару, дабы наверняка выведать, кто таков?

Даже сомневаться незачем! Тогда, в интересах дела, не

грех и изобразить оплошку с лаптем. И аналогично познакомиться, ано не обойдась вначале без крепкого словца, и не одного...

Допустимо, что задание на подвиг выведывания, скрытого, исходило лишь от начальствующих над Хмарой, а начальствующие над Булгаком хлопали ушами.

Допустимо и прямо противоположное. (Молчан, размышляя о сем, не знал: Хмару в Чернигове именно заподозрили, что не северянин он, за коего себя выдает). Однако, не менее вероятно, что оба сверстника солидарно, пусть и не ведая о том, оправдали высокое доверие руководства!

А черед кончин при наборе во младшую княжескую охоту?

Один скорый труп на ином! – словно, листопад поздней осенью. С чего бы сие?

Меж тем, попадание в оную охоту – с дармовой кормежкой трижды в день, не считая приварка из отборной дичи, неплохим жалованием из княжеской казны и частью от добычи от княжьей ловитвы – рассматривалось тогда, и Молчан ведал о том из рассказов Путяты, как вельми удачный зачин для дальнейшего продвижения по службе.

Основательно отличившись в малой охоте, можно было надеяться на переход в старшую, где куда выше и жалованье, и почет. Порой сам князь похвалит и пожалует от щедрот своих! И те, кто особо зарекомендовали себя и там, заручившись и поддержкой какого-либо важного чина, могли

попасть даже в младшую княжескую дружину! – с изрядными возможностями для крайне полезных знакомств и связей, не токмо любострастного свойства.

Особливо успешные в исполнении служебных обязанностей, либо самые удачливые в связях оказывались со временем в старшей княжеской дружине, откуда, при самом благоприятном стечении обстоятельств, открывалась дорога в ближних круг избранных воевод.

А начиналось с попадания в младшую княжескую охоту...

Мудрено ли, что поступающих оказалось тридевять на каждую из немногих вакансий!

Протекцию Хмаре составил, при зачислении его в соискатели, некто с большими связями, имя и чин коего он будто бы запомнил, что суть явная лжа. И навряд ли сей некто не оставался в неведении, кем доподлинно является Хмара. Очевидно, что и помогал в прохождении испытаний в ловитве – возможно, располагая содействием кого-то из проверяющих ловчих.

Пособлял ли он вятичу, внедряемому, и в устранении конкурентов его? На предварительном умственном следствии, Молчан не усмотрел сего, а касательно составления заключения эмоционально выговорил самому себе: «Не до того сей час! В дозоре я! Время бдеть!»

Вслед укрепился он в непрерывном бдении, четко осознавая особую важность караульной службы в походно-полевых условиях. Гнал прочь все сторонние мысли и не отвлекался,

прибегая к огниву! Поелику лишь через семь веков, по инициативе государя Петра Алексеевича, на Руси начнется новомодное курение табака, завезенного Колумбом в Европу, наряду с картофелем, томатами и сифилисом...

Молчан исполнял бы свой дозорный долг до самой зари и позде, бдя и не размениваясь на иное, как вдруг налетела мшица, неисчислимая, обнаружив его сквозь темь.

И вступил он в неравный бой с невидимым врагом. Руце его не успевали хлопать по собственным челу, вые, зашею и ланитам.

А все ж одолеть лесной гнус не под силу даже былинным богатырям – не поможет и меч-кладенец!

«Досадовать буду, аще мшица, подлая, токмо меня жрет», – безо всякого сердоболия к соратникам эгоистично озаботился Молчан, всюю отбиваясь, однако начиная уже выдыхаться.

И с явным облегчением в душе услышал, как одесную и ошую раздались и иные хлопки, что непреложно означало: мшица выявила и остальных, и ночные налетчики, пикирующие с разных направлений, разделились на семь.

Молчан не вел счета, елико продолжалось пиршество крылатых кровопийц. Однако, когда неожиданный порыв ветра отчасти развеял их, начинало светлеть.

Никто и не спал уже. Лишь ворочались, почесываясь.

Ночной дозор подходил к концу, отпала потребность в прежнем бдении, и открылась возможность еще раз осмыс-

лить причины злосчастий среди тех, кто вождедел зачисления в младшую княжескую охоту.

Яснее ясного, что было невозможно предъявить коварный умысел вепрю. Не говоря уже о медведе, вконец озверевшем на цепи от каждодневного притравливания на нем злобных псов, каждый из коих мало уступал в холке теленку-переростку. Однако два утопленника, на радость водяному и русалкам, уже вызывали сомнения! Пущай и не обучены были плавать, однако могли же они, держась за дно перевернутой лодки своей, как-то догрести до берега, раз уж веслами умели!

Еще подозрительней выглядело смертоубийство с древа. Допущение, что соискатель, знающий некоторый толк в охоте, не разглядел допрежь повреждения толстой ветви, Молчан отвергал напрочь. Вот ежели подрезали ту ветвь, примерно до половины – снизу и незаметно, тогда понятно сие!

Что до нечаянной, якобы, смерти при выгоне косули, то налицо таковая кривда, что и опровергать смешно!

У Молчана не вызывало сомнений, что лучник, целясь и стреляя с ближней дистанции, может попасть в загонщика лишь тогда, когда сам того захочет. Да и Путята дал явный намек, что был настоящей он целью...

XXI

Когда в побитой главе Молчана окончательно прояснилось, поступил ему сигнал от самой смекалистой в ней извилины: надобно срочно сворачивать-валить в какой-либо

проулок, ближний! Иначе – может запросто столкнуться со стражниками дневной виглы, и мало ему не покажется...

«Одно утешно, – сообразил он, – выберись я еще затемно, и попади в лапы ночной стражи, тут бы мне и конец! – взять-то с мя нечего».

Суждение сие он вывел из рассказов словоохотливого Басалая, да и бывалые купцы из соплеменников не советовали ему шастать по ночам. Не то нарвется на татей или ночную виглу; вторая – на чреватую перспективу – бывает еще опасней!

Витязи ночных караулов – и конные, и пешие – считались в Константинополе подвижниками правопорядка с принципами и правильными понятиями насчет неподкупности при исполнении. Понеже откупиться от них не составляло затруднений для всех, кто были осведомлены о типовой таксе освобождения при задержании по мелкому, а нередко и надуманному поводу, и незамедлительно отстегивали. Посему крайне неразумно считать новаторством инициативный рэкет в допустимых пределах со стороны иных служивых наших дней – например, ревнителей современных правил автодорожного движения, способных щипать наличные даже на асфальте.

В ночном Константинополе гарантией подобного освобождения являлись, как сказывали Молчану, либо золотой семиссис, либо эквивалентные ему шесть серебряных милиарисиев. И являлось сие оптимальным решением! Ибо те,

кто скупилась из скарденности, либо располагали меньшими суммами, либо начинали качать права, что еще опрометчивей, неизбежно оказывались в застенках предварительного заключения, авансом получив в зубы, равно и ниже пояса. Аще находились недовольные, им добавляли по почкам.

Дальнейшая же колея охраны ночного правопорядка за просто могла пролечь в одну из трех городских тюрем: Ну-меру – самую страшную из них, с полным мраком в камерах, Преторий или Халку. А выбраться оттуда – было зело накладно, порой и до полного разорения, и далеко не всем удавалось. Ибо планы по наказаниям за правонарушения, спущенные сверху, не подлежали корректировкам! И для исполнителей репрессивных мер не было особой разницы меж теми, кто был уже уличен и теми, кому лишь предстояло быть таковыми: когда задержан некто, остальное – вопрос техники тех, кто «шьет дело».

А стало быть, Молчану, обнуленному по части денежных средств и не имевшему в Константинополе никакой протекции, а к тому ж, иноземцу, не владевшему ромейским, могли предъявить любой «висяк», способный довести и до казни. Тем паче, умерщвления по приговорам были там на любой вкус!

Скажем, предъяви нашему славному вятичу заговор против императора и государства, ждал бы его костер. Ему отсекли бы главу за обвинение в колдовстве, аналогично – и за простое убийство, поелику сжечь его за убийство родствен-

ника не представлялось возможным, ввиду отсутствия такового в Константинополе. А за разбой посадили бы на кол.

Имелись и преступления, за кои полагалась лишь петля, однако сие наказание представлялось многим ортодоксам Константинополя, где к уголовной ответственности начинали привлекать, едва виновному исполнялось семь лет, избыточно мягким. И убежденные противники пресловутой демократии, разлагающей изнутри великую державу, и прочего инакомыслия, кощунственного, явно проплаченного из презренного Рима с его недостойными папами, требовали отменить повешение в пользу плахи, допуская и возвращение к четвертованию, равно и сожжению в полости огромного бронзового быка, практиковавшимся в золотые прежние времена, когда и сильная рука была, и тюрем – в преизбытке, и никому не спускали за политику и коррупцию!

Однако, попади Молчан, в одночасье став нищим и босым, в застенки предварительного заключения – с последующей переадресацией в узилище постоянного содержания, и окажись он на вилах тамошнего правосудия, с ним, возможно, поступили бы жалостливее, подыскав, в трактовках средневекового гуманизма, зело щадящие наказания – без лишения живота. К примеру, ослепление, оскотление, отрезание носа, вырывание языка и усекновение руце.

Высшим же проявлением ромейского правового милосердия считались порка плетьюми, заключение в оковы и крупные денежные штрафы.

Вот ведь чем накладно пребывание на ночной улице, да и на дневной, без наличности, потребной для выкупа самого себя в случае форс-мажора...

Перебравшись в проулок, обильный нечистотами, выливавшимися их производителями вовне, Молчан произвольно подумал: «Нет, се не улица Меса, се гораздо хуже». А чрево, претерпевшее наемни от нацеленных в него ударов верхними и нижними конечностями врагов, подсказало, что неплохо бы ему и заправиться! – даже и в антисанитарных условиях.

«Мне бы выпить вначале! Не то обездвижен стану и в нечистоты рухну, – возразил Молчан чреву, отчасти уже галлюцинируя. – Так ведь не на что! А ты – о суетном... Эх, будь у меня хотя бы три фоллиса!»

А будь у него три солида, он, не раздумывая, приобрел бы осла, ибо подошвы его, оголенные, натерлись уже до крайности.

А будь у него еще и три милиарисия, обзавелся бы вполне приличной одеждой, сбросив, как недостойное и шокирующее почтенную ромейскую публику, нынешнее свое облачение, способное обратить внимание правоохранителя, не брезгующего вымогать даже у вконец опустившихся бомжей.

Осознал Молчан и еще одно затруднение. Аще, хоронясь, пока не наступят сумерки, все же доберется до постоянного двора, он заляжет там и прокормится до отплытия, распродав, хотя бы за полцены, подарки ближним. А за какие ши-

ши возвращаться домой? Без предоплаты его и не возьмут на судно!

И к месту вспомнился ему разговор с Шуем – пред самым отплытием в Царьград.

За три дня пред тем Путята, напутствуя в дальний путь и обговаривая детали, уведомил Молчана: когда доберется он до торго, куда и собирался, встретит его Шуй, давний знакомец, а отчасти и побратим. Ведь в ходе поединка с отрядом Булгака Молчану крепко подсобил Шуй, а в жарком бою с киевлянами, где тот остался без малого перста, его выручил уже Молчан.

А в завершение старший родич твердо посулил, что по встрече с Шуем не о чем беспокоиться впредь Молчану. И покривил! – аки не единожды случалось с ним.

Ибо, когда опустошили по второму ковшу, поминая минувшие дни и битвы, где вместе рубились они, старый боец Шуй посочувствовал, невзначай, Молчану, тоже бойцу со стажем, однако моложе, что его плавание, включая, понятно, и полный пансион, оплачено Секретной службой токмо в один конец.

– В один? Что за шутки?! – вскинулся Молчан.

– А ты и не ведал? – поразился Шуй. – Ох, и ловок, начальствующий мой и твой старший родич! Сам – в кусты, а мне отдувайся!

Хотя и то молвить, непростые у нас ноне времена...

Относительно непростых времен Молчан, коего за живое

взяла информация, что «токмо в один конец», попросил раскрыть в подробностях.

Шуй изучающе зыркнул взором бывалого оперативника Секретной службы, явно прикидывая, исполнить, аль нет. Все же решился.

– Не в одной передрыге побывали мы, и кончины свои обоюдно зрели, считай, в упор, и друг за друга горой стояли. Посему всецело доверяю тебе!

Да и старший родич твой души в тебе не чаает. А уж он разбирается в людях, будучи таковым сходником, что равных ему и нет, жаль, что бывает тверд пред старшими над ним. Не раз от него слышал: «Молчана бы к нам!»

А коли так, открою! Быть по сему! Однако сразу и забудь, как услышишь! Чреватое дело – помнить тайное для любого, кто не состоит в секретных рядах, ведь не бывает у нас обратной дороги...

В позапрошлом году, когда по нашей Земле прошли пожараща и выжгло многие леса, вернулись мы со старшим родичем твоим, а я состоял при нем для особых надобностей, с одного задания, о коем умолчу, ибо не вправе даже обмолвиться. Поведаю лишь, что длилось оно от зимы до лета.

Задание то являлось для твоего родича заведомо унижавшим его, поелику не дело для начальствующего с таковым опытом и изрядными заслугами, исполнять то, с чем справился бы и умелый подчиненный. Однако осерчал на него наш главный за то, что допек Путята Высший совет старей-

шин, а немало из них уже одряхлели тогда, дальше некуда, мыслями об укреплении нашего войска – с оснащением добрым оружием и справными конями.

И всполошились в оном Совете многие старцы: а вдруг, мол, киевский Владимир-князь проведает о предложениях сих и осерчает! Тем паче, всякое оснащение войска – дело хлопотное, а обленились они, сверх всякой меры. Вот и постановили о твоём старшем родиче: «Не по чину берет! Долой его с очей наших!» И прежний наш главный – явно, не орел, днесь можно и не таить о сем, не рискнул послушаться. А едва подвернулся повод, отправил Путятю в дальние края, отставив от прежней должности.

Тому бы попробовать возразить, да и он не отважился. При том, что истинный муж никогда не убоится сказать: «Нет! Против я!», аще нельзя иначе.

По возвращении твой родич узнал о великих переменах и, доверяя, довел до мя! Большинство в Высшем совете старейшин отправило на дожитие, вне его, одряхлевшее меньшинство – из тех, кому под сто и боле. Пришла младая смена им! Отставили и главного в нашей Службе, и заступил новый – ему лишь семьдесят с лишком, и духом юн. А новая метла всегда начинает с расправы над всем, что полагает мусор. И вымел он многих начальствующих.

Зато твой старший родич резко пошел вверх, как пострадавший от прежней власти. И был назначен выше прежней своей должности – совсем рядом с нашим новым главным,

сразу же и послушным став, не в пример себе же прежнему – неподатливому. Да и я, не сочти за бахвальство, тоже пошел в рост, а допрежь не продвигали меня без малого осьмь лет.

Однако старое начальство – старые печали, а новое начальство – новые!

И последовало у нас, во внешнем сыске, сокращение кадров, включая и достойных, и даже общих расходов на скрытничество. А высвобожденные средства были, якобы, переданы в Высший совет старейшин – на изыскания железных руд близ речушки Ленивки, ковыляющей меж торфяниками. По сей день не слышно о изысканиях тех, и что о сем квакают окрестные лягушки...

Возразил, было, один из первых подручных нашего главного, и в одночасье был отставлен! Славно, что тут же пригласил его к себе – на таковую же должность, главный по внутреннему сыску, где обошлись без кадровых чисток и сокращения расходов на оперативные нужды...

А Путята не высказался тогда супротив огромного ущерба нашей службе и очевидной кривды, жульнической. Остерегся он, сохраняя себя. Отмолчался!

Вем, что рискую главой своей, открывая тебе сие. Да уж наболело! А выговориться у нас отныне не с кем: тут же и донесут, дабы выслужиться...

Выбрал Путята тебя, не состоящего на секретной службе, а не кого-либо из подчиненных, по той причине, что лучшие из скрытников наших иль на заданиях в дальних пределах,

иль изгнаны из рядов, как имевших собственное мнение о порядках ноне. Еще и в потребных средствах стали ограничены мы!

Другой возразить бы мог супротив оплаты в один конец, понеже оскорбительно оно для проверенных и бывалых, и качать права, дабы проплатили и обратное плавание. Ты же привлечен со стороны, отправляешься впервые, и в совершенной секретности, о коей, oprичь тебя, ведают лишь трое.

На такомом и сэкономить – милое дело! Ведь можешь и не добраться до Царьграда, ежели кто-то подстережет тебя в пути, либо сгинуть уже на месте. Зачем же проплачивать возвращение, когда неясно, вернешься ли ты?

И нет у тебя права на возражения, ведь сам и согласился, поддавшись! А не хуже меня ведаешь, сколь лукав Путята. Не на кого тебе сетовать!

И нечего было возразить Молчану! Токмо и осведомиться мог:

– Что ж, возвращаться мне, оплачивая из своей же выручки?

– Ждал я сего вопроса! – расплылся в улыбке Шуй. – И уговорял тебе две радости...

– Да уж порадовал, куда боле! – не сдержался Молчан. – Еще и в покойники записал!

– Се я для бдительности твоей! Дабы осторожнее был в плавании и в самом Царьграде. Неправеден твой укор! – энергично оспорил Шуй. – Оглашаю первую радость: твой

старший родич добился от нашего самого главного, что получишь ты, пред отплытием, бочку с перетопленным чистым воском в кругах – для производства свечей, изъятую при задержании киевского сходника, выдававшего себя за бортника.

Продашь их, вот и оплатишь малую часть обратного плаванья с полным пансионом. А затраты твои за иную часть, большую, вернут тебе – надеюсь, по возвращении, однако не поручусь.

Не стану утаивать и вторую радость! Велено мне твоим родичем передать тебе три дирхема, за кои выручишь в Царьграде, аще повезет, лишь три милиарисия, о честном же обменном курсе и не мечтай! – алчны там менялы, дабы нанял ты портовых бродяг для выгрузки товаров и доставки их на торг.

А еще дирхем и резану – в оплату за проживание на постоялом дворе и за ежедневный аристон, означающий, по нашему, утренний перекус; прочие трапезы, уж не обессудь, оплачивай за свои!

И когда восстановил он в памяти все, что высказал тогда в адрес Путяты с большим и искренним чувством, и как веселился от сего до колик Шуй, зело огорчился, что и средства от продажи воска-конфиската, отложенные на часть обратного пути, хранил все в той же мошне, экспроприированной, а вместо них остались одни печали, кои уж не на что было утолить...

XXII

А взять того бывалого ловчего, рухнувшего в яму с кольями? Любой охотник, разумный и опытный, всегда осторожен наособицу, когда не вполне в себе. Может, сей помешал кому-то, поперек встал?

Молчан и не ведал, что истинно встал! Причем, Высшему совету старейшин Земли вятичей, заочно приговорившему Бахаря к тому, что обозначалась в тех же краях чрез тыщу без малого лет «высшей мерой социальной защиты».

И когда дошла очередь до него, а в приговоре, вынесенном за преступления против мирного населения, он значился под номером «единодесять», Путята-Хмара, внедрявшийся тогда в младшую княжескую охоту и проходивший серию испытаний на пригодность, получил особое задание. Присмотреться к Бахарю, добиться, дабы проникся тот симпатией к способному в ловитве северянину, испытываемому, а вслед заручиться его доверием и выведать подходы к нему до прибытия ликвидатора.

Однако не понадобился штатный профессионал!

В ходе полевых испытаний Хмара, выполняя тот приказ, присмотрелся к ловчему и сразу определил по сизоватому носу: вельми охоч тот до хмельного зелья! И когда Бахарь, проверив его способности по установке капканов и самострелов, высоко оценил их, высказал Хмара на радостях:

– Эх, хлебнуть бы вечером доброго меда от похвалы тако-

вой! Ведь праздник в душе моей!

– А я сегодня точно его хлебну! Друга моего переводят в старшую охоту, отмечать будем, и я позван! – не без бахвальства поделился Бахарь, бывалый.

Хмара, прекрасно знавший, что будет сим вечером, понеже весть о переводе ловчего Витони в старшую охоту дошла даже до испытуемых, к тому и вел. И молвил он с заметным сокрушением:

– Мед и сам имею вареный, что токмо ставленому и устует. Цельный бочонок! Еще в Чернигове купил на рынке. С тех пор и вожу с собой. Ведь не с кем! А одному – нет интереса...

Да, любо, когда с друзьями! Не то, что у меня!

– Точно ли цельный? – живо заинтересовался Бахарь.

– Не початый! – заверил Хмара. И признался, зримо смутившись, и даже ланиты его отчасти стали пунцовыми:

– Мечталось мне: раскупорю его для того, кто самый умелый во всей младшей охоте. Загадал даже: опробовать мед днешь, ежели испытание выдержу!

Не ведал токмо, якоже подступиться. Опасался: отказ получу. Робел. А теперь оказалось: невмочь ему...

– Да кто же сей самый умелый? – буквально вскричал заинтригованный ловчий, напрашиваясь на верный ответ.

И не напрасно надеялся он!

Вслед, снисходительно поблагодарив за ответ тот, однако яро возгордившись в душе, Бахарь перешел к главному. И

осведомился, с чего решил испытуемый, что невмочь ему? Отнюдь! Ведь пиршество завершится еще до полуночи, а да-де и продолжить не грех...

И подлинно воссиял Хмара!

Аж встрепенулся весь:

– Да я! Да тогда! Да хоть сразу!

– Не поспешай! Погодь! – остудил его молодой пыл рассудительный ловчий. – В полночь и присядем.

Скрытно отойдешь от вашей стоянки с кущами шагов на семьдесят, там и дожидайся. Да прихвати, oprичь бочонка, холстину, дабы расстелить на траве. А две чары я с пира прихвачу...

На том и порешили. А в полночь, соответствуя уговору, приступили.

Полевой их лагерь состоял из нескольких бревенчатых строений, где квартировали проверяющие из ловчих и их обслуга, и отстоящих в отдалении шалашей, уязвимых для лесного гнуса и ночной прохлады, где попарно располагались соискатели.

При убывании владельца бочонка меда из шалаша, его крепко спящий сосед, приметный раскатистым храпом, и не услышал, ведь Хмара был обучен ступать совершенно бесшумно.

И отойдя изрядно в сторону, к густым кустам, а был обучен и видеть в темноте, аки филин, он, сноровисто, орудуя ножом длинным и выгребая землю десницей и шуйцей, на-

чал откапывать искомый бочонок. Его скрытно доставил на медни и закопал в месте, загодя указанном Хмарой, посланец от Любослава в час, когда все соискатели мест в младшей княжеской охоте и проверяющие убыли на очередные испытания, а немногая обслуга занята была стряпней. А потом пришлось еще и круг сделать, дабы незамеченным никем добраться до приблизительного места намеченной встречи. Едва успел!

И еще не отдышавшись толком, заметил, что возник, несколько пошатываясь, Бахарь, аналогично умелый в бесшумной ходьбе, не уступая Хмаре и в ночной зоркости.

Первым пригубил ловчий, поймав таковой смак, что тут же налил себе вторично. И Хмара понял: непременно заручится он его доверием, и выполнить сие задание будет намного проще, чем иное.

В том ином ему предписывалось: под видом несчастного случая ликвидировать тайного агента киевского сыска, своего сверстника, внедряемого в младшую княжескую охоту, будто бы на общих основаниях, и проходившего все положенные испытания.

Он уже и обдумал способ осуществления: незаметно подпилить некую ветвь, толстую, у дерева, стоящего в третьем ряду от оленьей тропы. Понятно, что при натуральной охоте использовалась бы вышка с лабазом, находившаяся чуть поодаль. Однако, согласно программе испытаний, проверялись выдержка и терпение соискателей, равно и умение замаски-

ровать себя. Ведь олень по природе своей зело чуток, вельми осторожен, и вспугнет его любой шорох чуть ли не за сотню шагов.

Испытание было двуединым. Вначале надлежало проворно и бесшумно взобраться по заре на одно из деревьев по соседству с вышкой. При этом, для проверки ловкости испытуемых, воспрещалось использование древолазных шипов, а высота подъема должна была быть не менее двух-трех ростов, не попадая под олений зрак.

Вслед предстояло, высидев, либо выстояв, дожждаться утреннего появления оленя таковым образом, чтобы даже не заподозрил он, проходя мимо, о ближнем присутствии наблюдателя.

Соискателям дозволялось самим выбрать древо для последующего сокрытия в его ветвях. Однако все выбирали токмо одно из шести, росших рядом, ибо нижняя ветвь его была самой удобной, дабы ухватиться за нее и подтянуться.

Выход на задание сие для тайного агента киевского сыска ожидался через два дня...

Меж тем, у основательно захмелевшего Бахаря начал заплетаться язык, и Хмара не сразу разобрал, о чем тот начал сокрушаться вдруг. Пришлось, с надлежащими извинениями самой высокой степени почтительности, переспросить.

Оказалось, сомневался ловчий, сможет ли он поутру найти звериную тропу, где очередной испытуемый оборудовал замаскированную ямную ловушку с острыми кольями на

дне.

– А сама-то ловушка– тьфу для мя! – высказал он, горделиво. – Плюнуть, и растереть! Не бывало таковой скрытности, кою не углядел бы!

И точно: не бывало! – несколько зим и лет тому... Однако неизбывная тяга к хмельному, открывшаяся в нем позде участия во главе десятка в войсковом походе князя Святослава в Землю вятичей, необратимо доканчивала ноне его ловчие таланты.

Бахарь уже дошел до стадии, когда стал терять память, и то, что было вечер, не всегда помнил наутро. За пристрастие к медовухе, переходящее в запой, его еще когда выперли из войска, и только благодаря ходатайству сотского, поддержанного и тысяцким, пристроили в малую охоту.

Вот и ноне позабыл он, на каковой из трех нахоженных звериных троп, выделенных для испытаний, выкопана ловушка та. А ведь старший ловчий Тихомир дважды сказал ему, где!

И озарило Хмару! Сообразил он, чем выручить Бахаря, на совести коего, ведал он, множество убийств стариков, детей и женщин, когда состоял десятским в карательном отряде. Ибо сам помогал советами по основательной маскировке той ямы соискателю Любиму, справедливо опасавшемуся за итог сего испытания.

Ведь предыдущее – ловлю зайцев петлями – Любим завалил, поелику те, мчась и жизни радуясь, обнаружили пет-

ли на обычном пути своем по причине скверной их маскировки. И не поддались на коварство соискателя, нерадивого! Вследствие чего оказался он на грани отсева. Вот и попросил о совете соискателя Хмару, проходившего все испытания с легкостью, будто подсолнухи лужгал.

И успокоил Хмара Бахаря, сказав, что бестолков испытываемый Любим, коему вот-вот укажут вон, а главное, ленив. И наверняка вырыл яму с кольями там, где копать всего удобнее для лодырей. А из трех звериных троп, отведенных под испытания, подходила для такового токмо одна – пересекающая сосновый лес, небольшой. Причем, легче всего копались на выходе той тропы из малого бора сего, ведь песчаная почва там. По разумению Хмары, озвученному им ловчему, ленивый Любим рыл именно там. Да вроде бы, и сам говорил о сем днесь, вернувшись из леса, хотя, возможно, высказывал еще вчор.

–Тогда, в начале тропы той, когда остановлюсь близ него и спешусь, и высматривать незачем, – рассудил вслух Бахарь, представив, сколь трудно будет нагибаться ему наутро с похмельной-то главы. – Стану напрягать внимание свое не ранее, чем с середины, а допрежь – ни к чему мне...

Замаскированная яма с кольями на дне была вырыта между началом и серединой оной звериной тропы. И Хмара даже пожурил за сие Любима, указав, что лучше бы не поленился ему, а взять подальше.

Однако же и Бахарь поленился. А надо бы смотреть ему

под ноги от самого начала тропы той!

Лень – мать всех пороков и многих досрочных кончин...

А иные «утраты скорбные», по неясным причинам, среди соискателей и проверявших их ловчих, о коих будто бы вскользь упомянул старший родич?

Все походило на то, что не один Хмара засылался тогда в младшую княжескую охоту. Разве лишь вячичи полагали угрозой для себя прыткий до чужих земель Киев? Отнюдь!

– Уже и греков подозреваю я! – сообразил тут Молчан и улыбнулся, ибо никогда не видывал он их вживую, а токмо слышал от стариков, что единожды на осенний торг приплыла ладья из самого Царьграда с товарами заморскими, однако они и сами не были уже уверены в том.

– Чему возрадовался ни свет, ни заря? – услышал он за спиной и вмиг осознал, что допустил оплошку, не услышав, как подкрался Путята. Хотя и сам умел бесшумно передвигаться в лесу.

И уколол его старший родич, явно раздосадованный досрочным пробуждением своим из-за налета мшицы:

– Невелика цена охотнику, коего скрасть можно!

Молчан ощутил, как поднимается в нем раздражение, аки тесто в квашне. Уже подходит оно, и скоро ему – через край!

Посему и вознамерился врезать Путяте метким глаголом, дабы заерзал он, запинаясь в ответе.

И спросил он:

– Родич, горазд ты был прельщати меня, а собирался ль

промышлять тура въявь, не токмо в одних обещаниях?

От резвого наката сего – безо всякого приличествующего вступления, Путята зримо опешил. «Юнец, а сколь попер! Словно на зверя с рогатиной» – оценил он выпад в свой адрес.

И неожиданно почувствовал явное уважение к младшему своему родичу, живо напомнившего ему самого себя – тех же лет: той дерзостью, безоглядной, той прямотой, наотмашь. А потом его заметили старейшины и начали подгонять под свои нормы...

«Вижу: в неких подсказках моих он, мало-помалу, уже разбирается. Приспело время отчасти открыть и остальное. Днесь бой, где у Булгака боле воев, чем у меня. И буде, пришел мой час, кто тогда расскажет Молчану за что я сложил голову? Пора!» – решил он в мыслях.

И молвил вслух, четко проговаривая каждое слово:

– Запомни, и всегда держи в себе: правда у всех разная, и не бывает двух схожих. Хочешь узнать мою? Поведаю, и узнаешь...

XXIII

«А будь у меня двенадесять солидов, золотых, купил бы лошадь! Сие гораздо удобнее, нежели с избитым моим седлицем трястись на осле за три солида. Ведь даже в копчик отдает! – рассудил Молчан, прислонившись спиной, дабы передохнуть, к некоему жилищу, построенному из плоского кирпича. – А допрежь купил бы младую овцу всего за один

солид, дабы освеживали ее и поджарили на вертеле, переворачивая над умеренным огнем, а соки капали в него и шипели, испаряясь, и от запахов, сладостных, все трепетало во мне и даже слюну кружило! Истинно уверен: запивая гранатовым из посеребренного кубка, а возможно, и терновым, умял бы в один присест все седло ее, ибо самое смачное оно в том мясе. И обошелся без хлеба и фруктов!»

По ассоциации тут же восстановилось в памяти, что три его безусловно любимые, а четвертая, увы, лишь условная, напрочь пренебрегали хлебом. Иное заказывали они в престижных тавернах с меню, обильным деликатесами!

И потакал им Молчан, далекий от скаредности, неуклонно держась рекомендации Фомы-сводника, искушенного в понятиях ромейских дев блудного промысла относительно щедрых иноземцев, жаждущих отзывчивости: «Убога любовь на пустое чрево!»

Хотя и не собирался предаваться начальному совершенству, ввиду заведомо завышенной таксы оного. Впрочем, гонорар Фоме за Юлию уже вельми приблизился к ней, составив два солида, семиссий и два милиарисия.

Елико ж доброго вина употребили те чаровницы! И не довольствовались лишь им!

Все они обожали сладости из меда, молока, орехов, фруктов, о коих упоминал Путята, не пренебрегая и крупными сочными ягодами.

И не оставляли своим вниманием, девичьим, дыни, арбу-

зы, инжир, персики, гранаты, абрикосы, мушмулу, клубнику, финики и ранний виноград. Прочий же перекус оказался у них несхожим.

Агата налегала на многие сыры, особенно предпочитая козий. А вслед ее уместное чрево без остатка вместило и зажаренного молочного поросенка.

Дорофея, умяв принесенную на огромном подносе зайчатину, любимую в столице ромеев многими, запросила на добавку кусище вяленой баранины.

Феодота же потребовала фазана на угольях, фаршированного рыбой. И не соврал Путята, нахваливая пред убитием Молчана в Царьград, вкус сего яства! Вот токмо не предупредил об его цене...

А бесчестная и коварная Юлия обусловила началом предварительных ласк насыщение устрицами живьем да черной икрой, выпотрошенной из лучших рыб Хазарского моря. И обошлось сие куда накладнее даже и фазана!

«Еще и виноградным белым не пренебрегла она», – мысленно подытожил Молчан, обозвав себя словами, пакостными, о коих лучше умолчать.

Тут же основательно чихнулось ему, как бы удостоверяя истинность подсчета. И болезненно отозвалось даже в ребрах...

Вслед вернулся он из романтического в жестокую реальность, где не было виноградного белого, равно и мошны, уже изрядно похудевшей по причине интенсивной сладкой жиз-

ни, называемой праздными италийцами «дольче вита», верхних одежд, сафьяновых сапог, решчатого перстня и добытого в честном бою любимого серебряного браслета с драгим камнем.

А за один лишь браслет тот, кабы срочно продать его, пусть и за полцены, можно было переодеться, обуться, испить, перекусить, заказать запряженную мулами повозку и оплатить обращение к лекарю. Еще бы и осталось на скромное пропитание до отплытия! Молчан не сомневался в том, понеже, когда Никетос водил его по престижным ювелирным рядам, неподалеку от Большого императорского дворца, видел в одной из лавок вельми схожий.

«И передвигался бы сейчас на повозке! – подлеченный и насытившийся», – рассудил Молчан, вновь уносясь в мир иллюзий, не подозревая, сколь повезло ему остаться без ромейской медпомощи. Ведь местные лекари признавали панацеей лишь клистиры и кровопускания. Однако куда ему еще и лошадиная доза слабительного?! Сразу бы и помер, очистившись от шлаков!

Тут и вернул его в горестную явь внутренний глас, припершись ажно незванный гость, от коего не отвяжешься, и ехидно вякнувший, что следование пешком и впроголодь zelo избавляет от лишних трат, а даже и сто солидов не одарят разумом того, в чьей прохудившейся главе гуляет ветер. Ведь предупреждал же его вещий сон о пагубе знакомств с рыжими! «Быв кузнецом своего барыша, стал ты и его мо-

гильщиком!» – едко заключил сей критикан.

И потерпевший был вынужден принять оный сарказм, не оспорив и того, что неразумен был, доверившись Фоме и протезируемой тем зеленоглазой Юлии, представшей пред ним, восхищенным и распалившимся, с огненными распущенными власами, ибо выдавала себя за незамужнюю, в румянах и алой скарлате с длинными рукавами, а по прибытии в номер любви – и без оной.

Ах, Юлия, Юлия, итоговая по счету из четырех оплаченных им краткосрочных пассий, она же и роковая... Подлинно дева-вамп, пущай и рыжая!

А шпарила на старославянском, лишь ненамного уступая Фоме.

И не отнять: хороша была, чертовка она, на пригляд! Недаром он столь завелся! А иного, oprичь пригляда, и не изведal Молчан, понеже, за мгновения до вкушения итоговых ласк, ворвались те трое! – в черных повязках по самые зенки и банданах, тоже черных, надвинутых на самые чела их. И понеслось...

Что до ромейки, прекрасной, обольстительной, а вяще того, коварной, то ее, словно ураганом выдуло, едва приступили метелить ее платонического, получилось, возлюбленного, застигнутого врасплох в обличье завязтого нудиста!

Была сия, и нет...

– Помираю я! – поставил себе диагноз Молчан, продолжив-таки движение по загаженной улочке. – Вот-вот загнусь

от неизбывной жажды, и рухну в смрадные нечистоты!

Отдал бы полбрады за глоток воды!

И оставалось лишь воззвать в остаточную силу голосовых связок к встреченным прохожим:

– Люди добрые, сам я нездешний... Пить хочу!

Однако из последних волевых усилий, помноженных на неизбывную гордость свою, пресек он сие упадническое намерение, постановив в душе: «Ведь вятич я! Довольно, стыдно мне выпрашивать у скаредных ромеев» ...

«Возьми себя в ноги, раз уж руке выросли не оттуда, ведь и отбиться ими не смог! Не то завершишься уже днесь, а меня переведут в режим астральной консервации, и не скоро дождусь нового назначения!» – вновь раздался в ушах внутренний глас, исполненный укоризны, переходящей в негодование.

Имей сей собственные конечности, Молчан мог бы и возразить ему на несправедливость оного наката.

Ибо без разницы – в одеждах будь, иль нагишом, а при везении все же случается, пушай и редко, отбиться от двоих напавших, из бывалых, ежели ты и сам имеешь изрядный опыт жестоких уличных драк от первой крови и до последней – не токмо с мордобоями, а и с неумышленным, либо, напротив, преднамеренным, нанесением повреждений любой степени тяжести.

Однако супротив троих – могучих, ловких и с поставленными ударами руками и ногами, остаться относительно це-

лым удастся лишь непобедимым киногероям, либо чемпионам по боям без правил в октагоне, взбодрившимся серьезным допингом, а не пустяшным мельдонием. Кто сам прошел чрез оное испытание, неласковое, того и убеждать без надобности!

А не являлся наш вятич киногероем и чемпионом без правил. Касаемо же допинга, вовсе не употреблял! И невозможно было уличить организм его в наличии эритропоетина, анаболических стероидов, диуретиков, переливании крови по потаенным методикам, эфедрина, экстази и амфетаминов.

Молчан, отродясь не лукавя супротив чистоты спорта высших достижений, а бают, что иногда встречается она, даже кокаин не нюхал для повышения выносливости и снижения утомляемости! Тем паче, никто и предлагал ему.

Все же, стерпев напраслину обвинения в отсутствии кулачного мастерства, приступил он к процессу напряженного осмысливания, как выкарабкаться им – ему самому и оному критикану, злостному, из этой зловонной улочки в районе Четвертого холма...

«Четвертого холма? А с чего отложилось во мне сие? Думай, думай, думай! Напрягайся!! Вспоминай!!!» – воззвал он к самому себе, призывав на помощь и все извилины те, кои уже оздоровились опосля ночного экстрима.

И ведь вспомнил...

Оставив бивак, они отошли вглубь леса. Здесь Путята остановился, негромко сказав Молчану:

– Не оглядывайся! Рано еще гостям. Спят на дозорной заставе, коя для Булгака – любимое логово, когда выбирается в приграничье.

Ко сну он отходит запоздно, почивает подолгу. И будут они к полудню, не прежде. Посему рассказ мой будет долгим – незачем торопиться.

Вем, досадуешь ты, затаил в душе. Мыслишь: обманул Путята! Позвал на охоту, а оказалось: другого ловим. И вооружена его охрана не рогами, аки тур, а копьями с мечами и луками...

Однако не спеши укорять! Любишь ты Землю вятичей, и дорога она тебе, как отчий дом, как мать и отец твои. А мало лишь любить, когда беда подходит. Аще верный ты сын родине своей и родителям, берись тогда за лук со стрелами, за топор и сулицу! Не прячься за иными спинами!

Ведь вороги наши не сидят, сложа руце. Могуча и беспощадна сила сия, когтистая. Подминает под себя, будто медведь добычу, и клыками рвет. И прожорливей любой саранчи! – есть такая напасть, летучая...

Всегда были алчны киевские правители, вождедея богатств своих от трудов наших. Мало им дани, мало мехов, мало меда и воска. Еще вези, або сами отнимут! Никогда не насытятся, доселе живы!

Не перечеть дев, коих забрали на поругание! – и первым всегда отбирает их князь, блудный. На рогатину б его взять и уд отрезать!

А еще при Святославе угоняли вятичей в рабы, продавая, будто скот, на иноземных торгах.

Ноне же и на веру лютуют нашу! Изничтожить ее хотят, вырвав из нас, словно сердце! А кто из вятичей воспротивится, попав им в руки, предают огню и мечу... И сами отказались, в угоду Царьграду, от веры пращуров, окрестясь поромейски! Давно бы закабалили нас навеки, присоединив к себе подневольными. Однако пока опасаются. Не забыл тот князь, что били мы его дружину в первом ее походе на вятичей! Да и войско его нацелено ноне на иное.

Печенеги, кои упокоили его отца Святослава, досаждают ему каждое, считай, лето, набегая на земли его, разоряя их и угоняя невольников.

Было уже и таковое: разбили они Владимира, побежало его войско, а сам князь под мостом спрятался – тем и спасся; не то и его череп стал бы чашей для печенежского питья. Премного жаль, что не свершилось сие!

Допрежь для кочевников сих препоной были хазары, преграждая им путь на Киев. А разбил хазар Святослав, и хлынули печенеги из Великой Степи напрямик на Русь, точно лесная мшица, волна за волной. Ведь и Киев осаждали! И сам Святослав лишился буйной и неразумной главы своей...

Просвещая Молчана, Путята не ведал о внешнеполитиче-

ских реалиях тысячу лет спустя. Да и незачем было заглядывать ему в оную хронологическую даль. Однако еще тогда уверенно не доверял правителям в Киеве!

... – В прошлом году Владимир заключил перемирие с ними, провоевав девять лет, да так и не победив. Однако, уверен я ненадолго сие, и слаб он отогнать их обратно в Степь. А стало быть, есть у нас передышка для доброй подготовки. К тому же, ромеи для него дороже собственного люда! Ведь поклялся поддерживать их своим войском, аще запросят о помощи. И уже выручал василевса Василия, в подавлении двух мятежей.

– А как отгонит печенегов, на нас пойдет? – не утерпел Молчан.

– Не замедлит! Посему и готовиться надо, не откладывая. Мыслью: будущей весной из каждого рода будут отбирать молодых для обучения ратному делу с лета и до зимы. Дабы, когда понадобится, призвать их в дружину на бой с киевским врагом!

А для сего потребно доброе оружие и доспехи к нему, не хуже. Спросишь, откуда их взять? Частью самим изготовить, как те же топорики боевые и сулицы. И закупить на иноземных торгах многое иное – с каждого рода должно взимать на дело сие святое! Ведь не обойтись в большой битве без оснащения копьями, боевыми луками, доспехами, щитами, коих нехватка ноне. А много ли у нас коней, пригодных для боя? Почти и нет их!

Вот о чем тревожусь денно и ночью. Можем ведь и не успеть! А у нас даже иные старейшины мнят, будто все обойдется, и незачем напрягать роды. Да и князем пора обзаводиться нам: власть над племенем и дружиной должна быть в одних сильных руках: не то сейчас у вятичей...

«По тону Путяты явно: себя он видит не ниже старейшин, хотя не оглашает открыто. Похоже, и впрямь не ниже. Верно предполагал я» – подумал Молчан.

А вслух осведомился:

– А Булгак твой при чем здесь? Ведь не воевода он, иже с печенегами бьется ...

– Будь воеводы киевские столь хитроумны, аки Булгак, они бы уже давно печенегов разбили! И во благо нам, что впал он в опалу у Владимира-князя, чему мы рьяно пособили, и возвращен в Чернигов, откуда и начинал, – живо отреагировал Путята. – А с печенегами воюет, уж уверься и он, токмо по-своему. Доподлинно ведаю: есть у него, рядом с их нынешним ханом, доверенный человек. Вызвать бы, кто сей...

Думаешь, нет у меня иных дел, помимо ловитвы сего василиска? Есть! – ведал бы ты...

Однако во всей Земле вятичей никто не осилит взять его, oprичь твоего старшего родича. И ни на кого иного он бы сюда не выехал!

– Выходит, и он за тобой охотится? – начал осознавать Молчан.

– Да наша обоюдная ловитва началась, когда тебя еще и на свете не было! А доселе не удавалось поймать его и за все рассчитаться – ответил Путьята с заметной досадой в голосе.

И добавил, чуть погодя:

– Однако и ему не обломилось!

– Расскажи, ежели не тайна, – попросил любознательный младший родич.

– Пожалуй, и не тайна ноне. Внимай! – не возразил Путьята.

И приступил:

– Был у меня начальствующий в Киеве. Столько доброго для вятичей сделал – тебе и представить трудно! Одно скажу: когда б не он, Святослав-князь и по сей день творил бы бесчинства на земле нашей. Везде имел доверенных лиц, даже при княжеском дворе, и умело направлял их. И сбился с ног киевский сыск, не в силах постигнуть, кто его главный враг.

Тогда-то, а я годом ране был принят в старшую княжескую охоту, в Киеве и объявился, с пожалованием во тиуна, Булгак, примеченный тайной службой киевской по Чернигову.

С явными дарованиями выслеживания и выведывания выслужился он там до чина подвойского. И являлось то огромным повышением по службе, случившимся вскоре первой нашей встречи.

Ты, явно, уже и сам догадался, что была она не случайной для нас обоих.

Начальствующих Булгака заинтересовало, кто таков на та-

мошнем торге бойкий торговец дичью, собственноручно добытой, и корзинами собственного плетения, отчего весел по любой погоде – при том, что в тогдашнем Чернигове нечему было радоваться из-за лихоимства воеводы, а горожане ходили хмурыми, и точно ли северянин он, не похожий обликом на тех, кто происходит из сего племени.

Искали они тогда тайного надзирающего за рынком тем, однако требовался человек с явными талантами и рвением в скрытном пригляде и торговом шельмовстве, готовый служить за умеренную оплату. Понеже при согласии на верную службу получит он сытное место в первом рыночном ряду, где выбирают покупатели, кои побогаче, а их и облапошить не грех.

А мои начальствующие в Чернигове решили присмотреться к одному быстро набиравшему силу нижнему чину из детинца, начинавшему уже досаждать им своей сыскной зоркостью и сообразительностью не по годам, равно и прытью не по чину вкупе с полным отсутствием чести и совести.

Имелась у них некая надежда привлечь столь даровитого челядинца на нашу сторону, дабы иметь при дворе воеводы верного человека. И получил задание я: сблизиться с ним, подружиться, аще будет возможность, и определить, годится ли он за умеренную оплату, понеже еще мелок на службе своей в детинце.

И начали мы надзирать друг за другом, будучи еще незнакомыми.

Долго ли, коротко, а получилось так, что я, с радостью внутренней, изловчился подставить свой лапоть под его сапог, а он, с не меньшей радостью, и тоже не внешней, ступил на него. Сразу же и обрушился, изрыгая хулу: мол, злостная наглость для простолюдина не уступить дорогу слуге самого воеводы! И потупив очи, смиренно выслушивал я, ведь куда тягаться лаптю супротив сапога, пусть и юфтевого!

Однако не иссякал поток его оскорблений в лукавом намерении прощупать, до какового предела можно надавить на меня, дабы окончательно прогнулся. И даже до того дошел, что недостойно высказался о матушке моей, северянке, кою никогда не зрел я, поелику ее никогда и на свете не было.

Тут я обязан был не стерпеть, якоже северянин честной и сирота примерный!

И не стерпел, высказав, веско, хотя и негромко: «Ты, воеводы слуга, тово! Матушку мою, покойную, не замай! Не пристало нам, северянам, молча сносить подобное!»

Зримо оторопел сей, не ожидав отпора, а предвкушая полное подчинение с первой же встрече. И высказал с явной угрозой: «Еще попомнишь меня!»

А боле не общались мы, хотя и видели друг друга издали. Поелику мои начальствующие сумели прознать о том, что готовят мне начальствующие над Булгаком, и не устроило их место в первом торговом ряду! Ведь предполагался я для дел, куда больших...

Изнемогая не только от жажды, Молчан с радостью довольствовался бы и типовой трапезой ромейской бедноты: ячменной кашей, сыром и совсем уж дешевыми сушеными овощами, а свежими были у нее летом лишь горох, фасоль, бобы да зелень.

И без дискомфорта обходился бы при этом одними руге, как и большинство горожан, хотя в престижных тавернах с прелестницами освоил он и двузубые вилки, бывшие уже в употреблении у знати.

Будь днесь праздник, рискнул бы он и высунуться на оживленную улицу – в поисках ближайшей агоры, представлявшей место для собраний и торговли, где непременно раздавали бы, от щедрот василевса, медные деньги, дармовое съестное и даже выпивку!

Однако запечатлелось в нем из горделивых рассказов Никетоса, бахвалившегося пред иноземцем неисчислимыми столичными достоинствами, что ближайшим таковым праздником с халявной раздачей будет тот, что именуется у ромеев Преображение Господне, и случится он на следующей неделе.

«Не дотяну я до счастья оного!» – констатировал он, в унынии.

А не осознавал еще, что во благо ему сие!

Ибо при оголодавшей утробе гораздо плодотворнее мыслится и вспоминается...

Имелась у Молчана особенность, приводившая в изумление всех, кто его знал. Наделен он был поистине бездонной памятью, хранившей на многие лета вперед даже мельком услышанное слово.

И вельми раздражал сей феномен Путятю, когда младший, терпеливо заслушивая его воспоминания, нет-нет, а и указывал своему старшему, с нередко присущей ему бестактностью, что некогда тот приводил иную трактовку своих побед на ниве скрытности, в ратном деле и охотничьем промысле. К примеру, пять лет тому добыл он за одну ловитву в поле трех лис и четырех зайцев, завернув же на обратной дороге в лес, добыл и матерого секача с клыками в две пяди.

Сей же миг, в ходе повторного рассказа о том охотничьем подвиге, неопровержимо выяснилось, что убыло на зайца, зато прибавилось двумя лисами и новоявленной косулей, а клыки того секача вытянулись еще на пядь.

И Молчан неделикатно встрял, допустив вслух, что при подобных темпах роста оные клыки скоро обгонят неимоверной длиной своей даже туры рога. Лис же и вовсе не останется. Некому будет мышковать в полях!

Меж тем, один из фрагментов устных мемуаров старшего родича зело выручил его буквально наперед. И понапрасну Молчан не возблагодарил за то Путятю, хотя бы и в мыслях своих!

Понеже, когда по завершению третьего и последнего дня познавательного фланирования с Никетосом по торговым

точкам Константинополя дождался их Басалай, слишком настойчиво стал допытываться сей о намерениях Молчана провести завтрашний день.

Молчан, не отличаясь в том от многих из породы избыточно пытливых, терпеть не мог аналогичную любознательность по отношению к самому себе. И вознегодовал в душе на синхрониста-рenegата!

Все же ответил сухо, что на завтра собирается побродить по улице Меса – до разветвления ее близ форума Тавра, верша сие в полном одиночестве, для закрепления прежних своих впечатлений, дабы, на другой день, поделиться ими с Фомой – на ипподроме. И категорически отверг поползновения Басалая составить ему компанию!

А не пресекая тот со своими вопросами, въедливыми!

И осмысливая оное уже в своей комнате, предуготовляя сон, заподозрил Молчан: «Нечисто сие!».

Тут-то и пожаловал в его разум, из самых глубин памяти, наказ, будто бы данный старейшинами Путяте пред убийством в Киевское княжество сходником-нелегалом.

Хотя звучал ли он въявь, либо придумал о нем Путята, не изобиловавший непреложной правдивостью даже и в разговорах с младшим родичем, не ведал того Молчан.

«Бди сам, и скрытно оглядывай бдящих за тобой!»

И восприняв сей сигнал наставлением из астрала, безотлагательно вывел Молчан, отринув и сомнения: «Не иначе, таковая настырность проистекает из надобностей ромейско-

го сыска! А я, доверчивый, платил ему кератий в день!»

Вслед решил он соблюдать режим особого бдения. Ведь именно завтра собрался он выполнить задание особой важности, ради коего и был направлен в столицу Ромейской державы под видом торговца пушниной...

Да! Не помстилось Молчану, а истинно отложилось в нем, что пребывает в районе Четвертого холма.

Ведь вспомнил он слова Никетоса – подручного бесчестного сводника.

Пришли ему на память и слова Юлии, обошедшейся в ужин, подарок, пять фоллисов вознице, вдобавок и гонорар Фоме. Вознаграждение же ей самой явно оплатили злодеи из мошны, кою умыкнули. Хотя, являйся она честной девой блудного промысла, должна была вначале взметнуть его на высоты блаженства, предупредив вслед, что вот-вот пожалуют налетчики. А не пожелала украситьсь таковым благородством, удостоверив свою изменность!

Однако сетовать надлежало ему лишь на себя.

Ибо не соблюдал он уровень наполнения мошны своей и не хранил ея, зачерпывая пригоршнями на ложное, суетное и преходящее – в усладу своей плоти, прыткой.

Вот и получилось – в строгое назидание иным греховодникам-мотам из самонадеянных дебютантов на порочном сем поприще – точно по присказке: «Что имеем, не храним, а потерявши – плачем» ...

Когда на второй день поездок с Никетосом проезжали они

по другой части Месы – в сторону северо-запада и Адрианопольских врат в стенах Феодосия, поднявшись в гору, мимо некой величественной постройки, а направлялись они к рядам с товарами от золотых дел мастеров, где торговал знаковый Никетосу аргиропрат, справился Молчан, что за дивное здание то.

И услышал, что се – Храм Святых Апостолов на Четвертом холме, самом высоком месте в Константинополе, и покоятся в нем основатель сего града – император Константин Великий и мать его – Елена, титулом августа, оба святые и равноапостольные.

Следуя же к гнездышку утех с Юлией, ближе уже к полуночи, на повозке, запряженной гнедым меринном изрядной резвости, и указывала дорогу она сама, проезжали они по тому же холму. Затем и спустились немного по улице, мощеной камнем, повернули, а немного погодя, остановились в каком-то проулке по команде коварной прелестницы.

И поинтересовался Молчан, когда ступили они оземь, отчего округ свежестью веет, не в пример центру столицы.

«Что ответила она? Восстанавливай!» – отдал он распоряжение самому себе. И восстановил!

Оттого-де, что в отдалении, примерно в двадцати стадиях, либо чуть боле, протекает единственная в граде река Ликос, а не убери ее прежние градские власти в подземную трубу – примерно на половине, было б еще свежее.

«Не мог я, весь в немощи, далеко уйти от нечестивого то-

го жилища, где претерпел, – прикинул Молчан. – Невозможно сие! Стало быть, пребываю рядом с Четвертым холмом, а когда стемнеет тут, несет прохладой с реки неподалеку».

С реки! Река!! Где-то неподалеку!!!

Так ведь и Никетос что-то упоминал о ней! Напрягись, Молчан!

Он и напрягся, а вслед послышались ему слова Никетоса: – Свят сей храм, и чтим его! И скорбим, что в долине, ниже и южнее Четвертого холма, где протекает река Ликос, впадающая в Пропонтиду, творится по ночам непотребное и дышит непристойностями все округ!

Ибо на тамошних территориях, где стоит монастырь для дев знатного происхождения и особого благочестия, а начали возводиться – тружениками высоких чинов из Большого императорского дворца – и виллы в три этажа, остается еще много неосвоенных пространств. И торжествует бездуховный срам, едва заходит солнце...

Вслед, выдержав паузу, исполненную высокой морали, в знак осуждения испорченностью нравов, а прежде всего, у юнцов и юниц, не соблюдающих лучшие традиции старших поколений, кои предпочитали постели! – собственные, чужие и съемные, а на худой конец, топчаны, продолжил Никетос:

– Одно отрадно! В долине той, на ближнем от нас берегу Ликоса, определили для себя постоянный ночлег, меж двумя кладбищами из самых новых, и многие из гильдии нищих,

столь влиятельной в нашем граде, что бессильны пред ней власти.

А понеже озлоблены сии на весь белый свет, полагая, что мало подают им, а над фокусами их, вроде умирающего от голода ослика, отсутствия средств на погребение ближних, внезапного шторма и паралича ножек, и вовсе смеются, отыгрываются они на всех, кто забредает, когда стемнеет, в ту местность, включая и блудные парочки. До нитки раздевают их, еще и избивают! Вот оно, отмщение за грехи! И даже владельцы вилл обычно добираются сюда в сопровождении частных охранников с мечами и дротиками.

– Сколь же знакомо мне оное злодейство! – невольно подумал Молчан, приступая к анализу того, что восстановилось в памяти.

Южнее Четвертого холма протекает полноводная река, где можно напиться на дни вперед. Там же можно отлежаться до ночи, равно и замочить рубаху, дабы сошли пятна. Не страшна в долине той вигла, коя туда не сунется! Страшны побирушки, однако у него даже сапог нет, и взять с него нечего, да и не объявятся оные до вечера, ведь днем они промышляют.

Вывод: из-за обезвоживания на жаре промедление смерти подобно! А не помрешь, так дневные стражники повяжут, как подозрительного элемента!

«И чего ж я здесь стою?! – мигом сообразил он. – Должно действовать!»

«Вот и действуй! Не жуй сопли! Вперед, и с песней!» – подзадорил его внутренний глас.

И повернул Молчан обратно – к тому жилищу, где претерпел, дабы, взяв его ориентиром, выйти на ту улицу, мощеную камнем, спускавшуюся от Храма Святых Апостолов. А уже оттуда искать проход на юг и спуск в долину.

«Никогда не блуждал в лесах, и здесь не заплутаю, верный путь выбрав! – рассудил он, окрепнув духом. – Однако буду непременно таяться от ревнителей правопорядка, яко намедни таился от Басалая...».

С потаенностью той от выслеживавшего затейливо вышло! Предваряя ее, Молчан пробудился, когда солнце приближалось к зениту, ведь и заснул лишь с зарей, полный эмоций от замысловатого сюжета своих сновидений.

Начинались они лучше и придумать трудно! – с домашней встречи по возвращении из Царьграда, где были и его с Доброгневой родители.

Приступил к вручению подарков, купленных при содействии Никетоса, с Доброгневы, вручив ей серебряное ожерелье особого ромейского изыска и решчатый перстень с эмалью, ибо уведомил его бывалый советчик, что таковой может быть изготовлен токмо местными мастерами, и никем иным.

Дивно хорош был тот перстень, представлявший переплетенные и стоящие торчком серебряные проволоки, меж коих заливалась в ячейки, чем-то напоминая заполнение пчелиных сот, эмаль – расплавленная стекловидная масса. Никто

в городище и не видывал подобного, да ценой не уступал он золотому кольцу.

Озаботился привезти для рукоделия десятков бронзовых игл и пяток керамических катушек с ромейскими нитками, и сколь возрадовалась жена!

По три иглы и три катушки достались и родительницам, помимо отрезков дорогих тканей – тонких шерстяных и парчовых.

Отцам вручил серебряные кольца-печатки и ножи из стали добротного ромейского закала с особой заточкой.

Храбру же, кормившемуся еще грудью, досталась – на вырост – занятная погремушка, представлявшая полого бычка из тончайшего листа меди с камешками внутри, предназначенная быть, при встряхивании, и оберегом от домашней нечисти, боявшейся резких звуков и перезвона. И еще – глазурированная глиняная тарелочка с изображением голубой рыбки на доньшке.

А когда родители покинули жилище их, хорошо посидев пред тем за добрым столом, ведь расстаралась Доброгнева из самых лакомых своих запасов, и собирались они почивать, а на нем, заждавшимся ласк опосля столь долгой разлуки, уж осталась одна рубаха, любимая жена вдруг поднесла к нему каганец, и явно обнаружив что-то, взвизгнула, будто в темноте наступила на крысу: «Измену зрю!»

– О чем бы ты? – впал в недоумение Молчан.

– О блюде твоём, подлом! А я-то честно ждала! – выпалила

Доброгнева и тут же зарыдала.

– Окстись! Что несешь ты?! Соблюдал я воздержание, строгое, и мыслил лишь о тебе! – воскликнул Молчан, уже начиная негодовать на явную кривду.

– Хороша ж твоя чистота! А се – рази ж не блуд? – энергично возразила жена его, прервав рыдания. И мигом сняла нечто с его рубахи, затем и поднесла ему на уровне носа.

Дрожь прошла по всем членам Молчана, и в ступор отчасти впал! Ибо узрел длиннющий волос рыжего цвета, а откуда взялся сей, было неведомо ему. Аж потерял дар речи...

И пользуясь оцепенением тем, кинулась на Молчана любимая жена, допрежь никогда не допуская подобного, и вмазала улику в его ланиту!

А едва перехватил ей руце, изловчилась и укусила мужа в шуйцу, и не ответил он действием, оклеветанный и травмированный зубами ея. Лишь не отпускал, пока хотя бы чуть не успокоилась.

И сколь ни доказывал вслед Доброгневе непричастность свою к измене, так и не поверила. Напрочь отказала в супружеских ласках неповинному!

И содрав с постели все, чем застелила, бросила сие на пол, где и улеглась. А ему старый колушок бросила...

«Приблизнится же столь престранное! – в сердцах подумал он, переосмыслив наяву. – Однако получается, что Доброгнева – та еще волчица! Едва не загрызла мя – верного своего мужа! И без разницы ей, греховен, аль нет, абы ули-

чить понапрасну!

Впредь не стану соблюдать себя в Царьграде, понеже не собираюсь спускаться за облыжную охулку, да и укус, зверский, даже и во сне!

Все же никак не возьму в толк, откуда взялся тот волос! И с чего бы рыжий он?»

– Да с того, что послан тебе знак из астрала. Остерегайся-де рыжих в Царьграде! – прозвучал внутренний глас, пребывавший уже не первый год сварливым и надоедливым, хотя и премудрым, астральным попечителем нашего героя. – Запомни сие предостережение из сна, и переключайся на явь!

Пора уж обдумать, как наверняка выполнить задание старшего родича. Ведь ноне вороги могут строить тебе каверзы, а ты и не изготовился досель...

Каверзы и впрямь были замышлены. Усугублялись они и тем, что Фому наособицу уело, что подкачал, надзираая за Молчаном, его соглядатай.

И Фома строго выговорил Никетосу! – по полному докладу его, бестолковому. Мол, как же тот, с богатым стажем сходничества и выслеживаний, не сообразил, что оный Молчан, коей, может, всамделишный Прозор аль Давило, а вполне допустимо, Ряха либо Кострома, и даже совсем не вятич, водил его за нос, почем зря. Бродить без вразумительной надобности по улочкам и закоулкам, многим, суть почерк лазутчика, чуждого!

И неплохо бы Никетосу вспомнить, с каковыми целями сам он шатался по всяким новгородским трущобам, будучи на заданиях.

Ясно же, что сей так называемый купец искал, скорее всего, место, где надлежит ему встретиться с сходником на постоянном пребывании в Константинополе, ибо, вельми возможно, курьер он от Центра вражьего!

И надобно было предотвратить надуманные блуждания каким-либо хитроумным способом, затрудняя ему дальнейшие действия. А Никетос следовал за ним, аки коза на веревочке, а та хотя бы блеет, когда несогласная!

– Даже не сомневаюсь я, что заведи он тебя на любую заросшую пустошь и поползи там чрез непролазные кушери, ты бы и сего не пресек, а пополз вслед! – заключил разгневанный Фома свою выволочку.

Впрочем, чуть погодя, отчасти отошел он, прикинув, что еще не явно, сходник ли сей, заявивший себя Молчаном из Земли вятичей, либо просто не вполне адекватный тип из чрезмерно любознательных. И пока незачем заявлять на него в сыск, поелику нет еще достоверных данных, а токмо предположения одни. К тому ж, ежели и подтвердятся они, невелик будет доход с одного лишь доноса. Вот когда б и явку выявить, тут оплатят в двойном размере!

Тем паче, назавтра вдогон подозрительному субъекту направится Басалай, а уж от него-то не оторваться! На сем соображении и успокоился Фома...

... – И перебрался я в Киев, к чему мя долго готовили, загодя. Булгак же остался в Чернигове. И заметь, я еще не поступил в младшую княжескую охоту, а он уже заправлял большими делами в чине подвойского.

А главной обязанностью подвойского разумелось доведение до черниговцев с помощью громогласных бирючей всех приказов воеводы – со всяческим восхвалением сих и запугиванием недовольных, коих Булгак тут же ставил на особый учет. И мало кто из них задерживался на белом свете боле одного лета либо одной зимы.

Иной же его обязанностью – сия держалась в строгой утайке – являлось прославление черниговского воеводы в пределах всего Киевского княжества, включая даже Новгород. Не умалю тут Булгака: справился он отменно, никуда не выезжая при том! Ведь вести о заслугах воеводы, каковых и в помине не было, равно и об его рвении на службе Ярополку, тоже лживом, и великой любви к князю – тут даже мне смешно, дошли до самых верхов княжеского двора.

И единожды воеводу призвали в Киев, возведя в чин княжьего мужа. А оный чин столь высок, что на него облизились многие из самых знатных потомков варягов, прибывших в Киев еще с Олегом. Вслед Ярополк назначил его своим ближним советником, взяв в полное доверие и осыпав почестями.

Ты спросишь, отчего состоялось оное? Да Булгак изловчился! Изрядно шельмовал тот воевода с пошлинами, взимаемыми в Чернигове для передачи в княжескую казну.

А таковых пошлин немало было. Всех и не упомяну ноне, однако некие назову: перевоз, гостиная, торговая, вес и мера, вира, продажа. Не баю уже, что воевода безбожно драл с черниговских купцов и владельцев мастерских, набивая мошны свои, многие.

И предложил ему Булгак, доподлинно зная, что смышлен мошенник сей издалека чужую выгоду для себя, выделить толику доходов от казнокрадства и татьбы на поприще прославления и величания. Уразумев суть, согласился воевода, хитрющий, не прогадав, а выиграв. Ибо по получении той толики Булгак подлинно развернулся!

По его указаниям в заповедной дубраве, где располагалось излюбленное черниговцами капище, вырубали всего за одну ночь половину священных деревьев, оповестив ошеломленных горожан, что вдруг усохли они!

Сразу же на всех площадях и торгах сего града огласили, что повинны, по всей вероятности, злые кудесники из вятичей либо черные маги из нечестивого Царьграда, однако не исключались и козни скрытных врагов, солидарных с явными.

Скрепя сердце, и за щедрую мзду, вслух согласились с оным измышлением местные волхвы, коих Булгак тайно вознаграждал от имени воеводы золотом, серебром и пушниной,

не поскупившись и на мед с воском, а пред тем изрядно запугав.

И было объявлено: во избежание дальнейших происков вражьих колдунов, вкупе с тайными их сообщниками в Чернигове, и спасения оставшихся дубов, капище вместо со всеми кумирами надлежит срочно перенести в иное место, дале от прежнего.

Не все горожане поверили и согласились. Однако, дабы урезонить смутьянов сих, незамедлительно объявленных зачинщиками крамолы против воеводы, а выше – и князя Киевского, змий, о коем повествую, организовал выезд на место делегации из некоторых знатных черниговцев.

Оные делегаты, небезразличные к секретным дарам, а прибавили, не поскупившись, мадьярского вина – по бочонку на каждого, ибо по бочке – уж слишком, тоже побаивались Булгака, от безнаказанности уже заматеревшего в лютости. И осмотрев свежие пеньки, выразили гласное единодушие с объявленным переносом.

Вслед, подрубая в спешке корни, выкопали оставшиеся дубы, в три обхвата каждый, коих подвергли срочной пересадке в дальнем месте, где и усохли они, не дожидаясь иного лета, даром, что считались священными.

Меж тем, возмутились самоуправством дерзким верховные киевские волхвы, ничего не получившие от Булгака. И обратились, дабы учинить возмездие, к ближним боярам князя Киевского, бывшего тогда в очередном походе.

Прозорливый Булгак и сие предусмотрел! Ибо допрежь кляуз от служителей Перуна, Дажьбога и Мокоши подготовил обоз для Киева с такими же секретными дарами, что и для знатных черниговцев, прибавив на сей раз по мешку арабских фиников. Большую часть телег отправил он на боярские дворы, а меньшую – волхвам-ревнителям. И вновь сбылось его провидение...

А взамен погубленного капища был срочно обустроен некий постоялый двор для избранных торговых гостей, прибывавших в Чернигов со своими товарами, равно для именитых чинов, странствующих по служебным надобностям от Киева через Чернигов до Новгорода и иных дальних земель Киевского княжества, останавливаясь и на обратном пути.

От чуждых взглядов и самовольных проникновений его оберегали высокий частокол, а на нем – охрана, на треть конная, при луках со стрелами, копьях и боевых топорах. Отныне никто из простолудинов не смел и приблизиться к оному месту!

Вот она, бесовщина-то! Ведь Булгак, изничтожив то капище с согласия воеводы, предал свою веру еще до Владимира-князя, изменив ей при нем уже вторично.

Сразу за воротами тесовыми встречали прибывших красны девицы в румянах на ланитах. И сказывали мне достоверные люди, были они столь пригожи, что и глаз не оторвать! Понеже понимал Булгак-подлец толк в красе девичьей, перепортив многих из тех красавиц.

Вслед вели в главный дом постоянного двора – к столам, накрытым, объявляя, что воевода привечает драгих гостей по законам черниговского гостеприимства, а не присутствует здесь сам, поелику весь в делах неустанных.

А уж столы-то подлинно ломились! Сказываю и тут, со слов доверенных людей, что были в прислуге на тех пирах, вкушая позде объедки. Помимо всем известных яств, выставляли журавлей с пряной зеленью, перепелов с чесночной подливой, кукушек, жареных в меде, грибы особого засола, зайцев в лапше и гусиные потрошки с хреном. Завершали обычно медовыми пряниками и коврижками. Остального, о чем баяли мне, уж и не упомяну. А рыбного не жалую, вне заданий скрытных, посеми и не запоминал о нем.

Бывало, что засыпали на столах, бывало, что и под лавки рушились. И понятно, отчего: столько ставленого меда выпить токмо богатырям под силу!

Тех же, кто оказывался богатырями, приглашали, по завершении трапезы, попариться в совершенно секретной мыльне, где ожидали их красны девицы, нагие. Однако не те, кои встречали на пороге, а куда боле искушенные, состоявшие при этом и на тайном осведомлении у Булгака, запоминая все, что неосторожно было сказано в хмельном пылу утех, и докладывая вслед.

Добавлю, что небольшой пруд рядом – для охлаждения в нем распаренных докрасна тел, был вырыт, по распоряжению святотатца Булгака, на месте священного родника.

Отъезжая, гости, вконец изнуренные яствами и ставленным медом, а посетители конспиративной мыльни и любо-страстием, обращались к Булгаку – главному распорядителю на пирах сих, со словами признательности, ежели могли еще шевелить языками. Однако тот, гадюка лесная, потупив zenки свои в изображении скромности, отвечивал: мол, он-то что! – верный слуга у воеводы. А воеводе черниговскому, славному, и за стол присесть некогда – лишь распорядиться, дабы о гостях озаботились. Не бывает иных таких радетелей во благо князя Ярополка во всем княжестве Киевском!

Понятливые гости солидарно покачивали главами и мотали на ус: дескать, надобно прославить сего начальствующего в Чернигове по всем городам и весям, дабы и впредь так же встречали их здесь яствами, ставленным медом и прелестницами без одежд.

Сице и взошел Булгак! – трех лет с тремя зимами хватило ему с лихвой. Когда ж воевода призван был ко двору князя Ярополка и укрепился в силе, то добился перевода Булгака в киевский сыск с пожалованием в тиуна. Не из благодарности за великие услуги, а из опасения, что осведомленный в его прошлом Булгак непременно прильнет к новому воеводе в Чернигове и может многое поведать тому о прежнем...

«Говорлив он просто избыточно! – решил в уме Молчан в укоризну старшему своему родичу. – Опять его понесло! Елико можно-то? Когда ж до сути дойдет?!»

И в досаде, высказал, не без ехидства:

– Разумею я, окончилось тем, что она гадюка лесная вышла на след твоего начальствующего...

– Не на его, а на мой! – запальчиво высказал старший родич, будто и не заметив явной издевки. Хотя тут же добавил:

– Однако передумал я. Долог сей рассказ. Вот отловим Булгака, тогда и расскажу, не спеша...

XXVII

Решив последовать совету внутреннего гласа, Молчан еще раз припомнил наставления Путяты за три дня до убытия на торг, а уже оттуда – перемещения в гавань на реке Москве.

Старший родич довел тогда, где находится место встречи, кое изменить нельзя. Однако допрежь надобно было обследовать подходы к нему, помня, когда и с каковой стороны сворачивать с улицы Меса, а затем пройти до двухсот шагов по тому проулку. И не останавливаться, увидев домишко с прибитым вверху деревянной двери, уплотненной железным листом, мужским сапожком с приметной заплатой, а следовать вперед, не подавая виду.

Второе, на что обратить внимание: приоткрыта ли сия массивная дверь примерно на палец – будто бы для доступа свежего воздуха.

Ежели приоткрыта она именно на палец, можно зайти в другой раз, не опасаясь засады. Аще ж приоткрыта много шире, либо закрыта, нельзя заходить ни в коем разе! Иначе

– не избежать роковой оплошки!

А к чему приводит короткая память на здравые наставления, ведают ноне даже дети, памятуя огорчительный пример небезызвестного профессора Плейшнера, понапрасну утратившего бдительность, в прямое отличие от наделенного чисто нордическим характером штандартенфюрера Макса Отто фон Штирлица – по-простому, по-нашенски, Юстаса для Алекса.

А еще подсказал Путята, допуская, что за младшим его родичем пойдут «топтуны», измотать их на улице Меса и ближних к ней трех огромных рынках бесчисленными подходами к торговым точкам.

Дал и рекомендации по незаметному определению, отслеживают ли его, а вслед и попробовать оторваться – точно не получится с трех начальных попыток, однако на девятой-десятой – вполне возможно, ведь новичкам нередко везет по первости! И припомнив посылы те, твердо решил Молчан внять им...

«Не напрасно ли я уверовал в ловкость Басалая? Вдруг и он оплошает днесь? – задумался Фома, заканчивая утреннюю трапезу. – Что тогда? А тогда Басалай с ним и Никетос, снимая с себя ответственность и опасаясь урезания доли, запросто могут донести в сыск, что не известил его о подозрительном чужеземце. Ведь подлецы оба!

Как избежать сего? Ясно, по отчету Басалая, что завтра уломаю сего торгового гостя приступить к ознакомлению с

подопечными моими из гулявых дев, подготавливая момент полного опустошения его мошны под видом налета неизвестных злодеев. Однако не спасусь тем от гнева сыска, а нечем мне откупиться ноне... А! Сообразил! Надо бить челом Юлии! – она и разрулит».

Будущая вамп Молчана состояла оперативником Секретной службы ромеев с лицензией на оболъщение, специализируясь на дипломатических представителях из иных пределов, прибывающих ко двору василевса с официальными визитами. А последующими шантажами занималась уже не она.

Официально Юлия числилась женой Пахомия – неприемного чиновника среднего звена, состоявшего для особых поручений при дромологофете, курировавшем в империи почту, разведку и дипломатию.

На деле же была птицей высокого полета, хотя и засекреченной! Ибо ромейкам запрещалось состоять на государственной службе; им дозволялись лишь ведение домашнего хозяйства, продолжение рода, розничная торговля, монашество и услаждение ромеев.

Однако имперские спецслужбы закрывали zenки на гендерные ограничения, полагая их зряшными!

Ибо кого из потенциальных объектов вербовки – приверженцев гетеросексуальной ориентации, мог соблазнить тот же чахлый Пахомий – в парике из-за убыли в собственных власах? Смешно и баять...

Совсем иное дело – прекрасная Юлия с крутыми бедрами и персями, строго перпендикулярными тулову, пышущая здоровьем и темпераментом!

Да и не обходится общемировая практика тайных профессиональных сообществ без привлечения бойких прелестниц, прошедших интенсивную спецподготовку под началом заслуженных мастериц горячего интимного цеха, для организации «медовых ловушек», вельми чреватых для тех, кто угодил в них.

Послужной список рыжеволосой подвижницы сей нелегкой профессии, благородной и жизненно необходимой для актуальных разведывательных нужд, требовавшей особых умений и специфических навыков, отличался широкой охвата и подлинным интернационализмом прямого действия! Поелику числились в нем арабы, венецианцы, генуэзцы, франки, болгары, мадьяры, норманны, англы, русы и аборигены Черной Африки.

И за пять лет беспорочной службы случился у нее лишь один прокол, когда личный секретарь посла Священной Римской Империи Германской Нации опочил в ее объятиях уже на первом тайном свидании, понеже отказало сердце, а не успели его завербовать, хотя зело рассчитывали на получение конфиденциальной информации о порочных наклонностях его начальствующего.

По результатам тайного расследования сего прискорбного инцидента зеленоглазой Юлии с вычерченными, согласно

тогдашней моде бровями, объявили выговор без занесения в личное дело.

А в отдельном письменном приказе – под роспись, ей указали – в замысловатой стилистике канцелярита, не всегда доступной нормальному разуму, однако легко понимаемой искушенными знатоками:

а) всецело отдаваясь служебному долгу и объектам разработки, постоянно помнить о делах скрытной государственной надобности, соблюдая их приоритет над личными потребностями и пресекая в себе бесконтрольную импульсивность;

б) в целях профилактики летальности при исполнении, избегая срыва задания и возможных дипломатических осложнений, срочно переходить на шадящую мануальную терапию – с отказом от традиционных и нетрадиционных техник и поз, либо пренебречь и одной, при возникновении у подопечных сильной грудной боли, падения пульса, одышки, обильного потоотделения, синюшности, протяжных хрипов, конвульсий и очевидного закатывания глаз;

в) в случае клинической кончины приступить к реанимационным мероприятиям по прилагаемой методике, включая экстренное очищение желудка и обильное кровопускание, для чего, следуя на оперативную близость, иметь при себе заправленную спринцовку надлежащей емкости и добротный заточенный ланцет...

«Врешь, не уйдешь! Понапрасну тужишься!» – мыслен-

но постановил Басалай, отслеживая попытки отрыва от него объекта, выдающего себя за купца – возможно, что и в самом деле из вятичей, коего заподозрил он уже в первый день их знакомства.

Та самоуверенность, спесивая, базировалась на твердом убеждении Басалая, что доподлинно знает он технику наружного наблюдения и типовые уловки тех, кто пытается обдурить самоотверженных бойцов невидимого внутреннего фронта, идущих по следу, аки гончие, не реагируя и на насущные утробные позывы, однако не стаей, а чаще порознь, и не подавая гласа.

Он и сам нештатно промышлял по сей части, регулярно скрадывая подозрительных лиц по заказам ромейского сыска. А в качестве оперативника Секретной службы Киевского княжества, ноне контролирующего в главном порту Константинополя прибытия-убытия торговых судов и тех пассажиров, что вызывали особый интерес.

Да и его самого интенсивно «пасли» в прошлом не в одной спецкомандировке. «Наружка» свеев, помнится, буквально по пятам ходила!

Заподозрен же был сей, уверяющий, что торговый он гость из Земли вятичей, из-за несоответствия его психологическому портрету истинного купчины, по определению являющемуся законченным жлобом.

И не мог натуральный торгош согласиться, без пререканий и сбивания цены, на гонорар толмача в каждодневный

кератий, что на три фоллиса боле типовой таксы!

А то мотовство в таверне? Редкостны купцы, оплачивающие за иных!

Стало быть, и подлинная личина оного, именующего себя Молчаном, похоже, отнюдь не торговая...

А и Молчан пребывал тогда в азарте!

Еще в полдень, выйдя из Адрианополюских ворот на северное ответвление улицы Меса – под приглядом ромейского чиновника, недоверчивого к торговым гостям с Руси, обозрел он, не поворачиваясь и кося изо всех сил, подключая боковое зрение, первый же общественный парк на пути к площади Августейон, названной в честь Елены Августы, матери императора Константина, отрывшей некогда в Иерусалиме Гроб Господень и Животворящий Крест.

И высмотрел хоронившегося там, на лавочке в глубине, Басалая. Ведь имел орлиное зрение!

Изображая простолюдина, оный напялил цветной перепоясанный хитон без какой-либо вышивки, приличествующий лишь крестьянам и кустарям без мотора, а отнюдь не толмачам из категории отчасти умствующих.

Сей пронира, чуждый, мылился ввести в заблуждение и в ином, не подозревая, что не на того напал!

Вместо обычных для него высоких сапожек, щегольских, держал ноги в дешевой обуви из черной кожи с ремешками и белых полотняных чулках. А пуще всего сразил смешливого Молчана тем, что кардинально изменил и лик, преобра-

жившись из жгучего, хотя при сединках на висках, брюнета со стрижкой, оставлявшей открытыми уши, и полукруглой бородкой аналогичного цвета, в шатена с волосами чуть не до плеч, как у интенсивных монашествующих, и клиновидной каштановой брадищей.

«Во, оборотень! Еще бы волчи клыки приладил! – вывел наш славный вятич. – А не провел охотника, знаменитого добычливостью своей! Никому от меня не спрятаться! – ни в лесу, ни опричь его».

Мигом сбросилось в нем напряжение от предстоящей ловитвы, кою предполагал еще вчера, и нахохотавшись в душе, расслабился он, решив оттянуться днесь. И удостоверить Басалая, кто есть ху!

Ибо, аще серьезен ты, не удерживай себя надолго в оном унылом состоянии!

И началась забава Молчана с преследователем! Куда только не таскал его за собой!

Основательно вымотал Басалая, фланируя по всей улице Меса, шириной в тридесять пять шагов, во всю ее протяженность, украшенную двухэтажными тенистыми крытыми портиками – галереями, перекрытие коих опиралось на колонны. И заглядывал там чуть ли не в каждый из бесчисленных низких пассажей, где на уровне улицы размещались магазинчики – типа современных бутиков.

Вслед обошел медный рынок, рынок аргиропратов – торговцев ювелирными изделиями и громадный Артополеон –

главный хлебный рынок Константинополя с пекарнями и булочными, торгующими наисвежайшей выпечкой. Не преминул обследовать лавки с мукой, медом, растительным маслом – преимущественно оливковым, сыром, мясом, соленой рыбой и овощами. Заглянул на рынок благовоний, где самыми ходовыми были мускус, амбра и мирра. И сделал некую покупку – с тайным умыслом.

А по ходу наново поразился, сколь разумно устроено в римской столице регулирование цен. Оным занимался префект Константинополя, устанавливавший своим распоряжением цены на товары первой необходимости на одном уровне – с одновременным категорическим запретом на торговлю с привлечением посредников, что приводит к неизбежной ценовой накрутке, в прямой ущерб покупателям. И попробовал бы кто ослушаться!

Так обстояло тогда во «Втором Риме». Не то в «Третьем»! – иные видать, префекты, кои остаивают полярные взгляды на посредников и накрутки...

Однако, мало-помалу, ощутимо пропотел он, подозревая, что Басалай, коего Молчан исподволь держал в зоне своего надзора, используя приемы, подсказанные Путятой, взмок еще боле. И надоело ему сие, ведь приедается любая потеха!

Когда же солнце покатилося в западном направлении, пришел он к выводу, что оказывается под угрозой выполнение сей день важнейшего задания от старшего родича. Ведь затемно не шастают по сапожным мастерским: чай, не гуля-

вый дом! И неровен час, вскорости закроется до утра место встречи, коего изменить нельзя – даже и не пробуйте!

И пришлось ему прибегнуть к некоему приему ухода от слежки, столь секретному, что нельзя разгласить и в нынешнем веке, дабы не взяли его на вооружение вороги. Однако не сработал он. Прибег ко второму, секретному еще вяще, и опять рассмешил Басалая. И на третий раз кряду наново не случилось повода мысленно возблагодарить Путятю за бесценные советы.

Впрочем, Молчан и не удивился тому, памятуя, что рекомендации родича как матерого сходника в больших чинах срабатывают отнюдь не всегда.

А посему, еще в середине процесса слежки, Молчан обмозговал две дерзостные идеи креативного, представилось ему, характера, способные, предположил он, на время обездвигить любого «топтуна». Особливо приглянулась ему та, что озарила в некоей бакалейной лавке.

Однако сразу и унял его внутренний глас, указав: не время проливать растительное масло, даже завозное пальмовое, используемое и в мыловарении, встревая в чужую историю сакрального свойства, да и необходимый час небывало жаркого заката наступит лишь девятьсот лет спустя с гаком в треть века.

Донельзя огорчился Молчан! Все ж не ослушался, поелику воспринимал внутренний глас персонифицированной озвучкой наводок и подводок из астрала и своим незри-

мым оберегом. А сей, могучий и всезнающий, имевший, по убеждению Молчана, прямой выход в горние пределы, многократно выручал на самом уже краешке, дважды и смерть отвел. Не украшает неблагодарным быть!

И преследуемый Басалаем, он приступил к обдумыванию диверсионного плана «Б». А и тут влез внутренний глас, категорически оспорив:

– Жгучая пряность под хвост встречного выючного животного – суть затасканный и отнюдь не креативный восточный сюжет. Вот наказать ей, загодя просушив и перемолов в крупинки, ось всего седалища чуждого Запада было бы оригинальным и зело эффективным!

Оное много круче, неже суетно ломиться с топором в оконные проемы в пустом заблуждении, что надобно прорубать их. Сколь воспели бы чрез десять веков данное геройство дальние потомки твои!

Увы! – в одиночку не осилить тебе данного подвига. И негде нам срочно раздобыть караван-другой с красным перцем, дабы туго забить заряд...

К тому ж, дороговато платить целый кератий за стручок! А вот отовариться по ходу движения шилом, вслед же внезапно и ловко воткнуть его – оное в самый раз. Эффект – аналогичный, зато дешевле и плагиата нет!

И не стал вступать Молчан в прения, понеже, подзуживаемый внутренним гласом, ощутил явную неприязнь к чуждому иноземью и оси его, непотребной, мысленно простер-

шись на десять веков вперед.

Скрытно для преследователя он заполучил шильце, кое незаметным уместилось в длани его, а обошлось всего в два фоллиса. И по-прежнему в движении, стал высматривать объект применения. А ведь высмотрел!

Объектом тем оказался немолодой выючной осел на поводу у хозяина, нагруженный амфорами изрядной величины, явно пребывавший в дурном расположении духа и злобно скалившийся на встречных обеими челюстями, в коих не доставало без малого половины зубьев.

«Се – старый боец. Уважаю!» – подумал Молчан. Вслед резво увернулся от оного длинноухого, и ловко свершил под-сказанную диверсию.

Что случилось дале, жутко и вспоминать! Ибо проектная мощность хвостатого грузоперевозчика в одну ослиную силу вмиг увеличилась, как минимум, втрое, и будто просеку прошиб он в задней от Молчана толпе.

Не обошелся без повреждений и нештатный преследователь, хотя счастлив был уже тем, что со временем смог самостоятельно встать, а далеко не все соседние с ним оказались столь удачливы.

Неуправляемые ослы – всегда оружие массового поражения!

И не зря опасался Фома: вслед за Никетосом оплошал и Басалай...

XXVIII

– Ежели не доберусь к воде до полудня, кранты мне! – с прискорбием вывел Молчан.

– Сие тобой заслужено, убогим! А мне придется отдуваться перед начальством! Еще и выговор с занесением влепят! – не стерпел внутренний глас, вскипев. – Вот всегда ты таков, себялюбец! Радеешь лишь о своем эго! Хороша ж признательность за бесценные наставления мои и подсказки!

Нет, не рискнул бы с тобой в разведку даже за тройную доплату!

А разве ты предавался, жуируя, тягостным раздумьям о судьбах любимой родины, в подобие некоему патриоту из будущего, тоскующего о ней – без отрыва от Парижа и Полины своей Виардо и состоя на паевых сексуальных началах с ее мужем? Ни разу! До чего ж не повезло мне с подопечным...

Достал ты мя! Баста! Приговариваю тебя к своему молчанию, пока не извлечешь нас из той непотребной дыры, не стану обозначать ее из приличия, в кою погружены мы по твоей личной вине. Тебе-то – поделом, а мне за что?! Не я вожделем ту распутницу с бородавкой за десным ухом!

Оттого-то она и распускала власа, что таила ее под нами, а ты, доверчивый слепец, даже не удосужился на строгий предварительный досмотр...

Никогда не дали бы таковому добро на службу в таможене, а посему и не озолотишься на ней! Недостоин ты оногo счастья!

И нечего было возразить на сей монолог, вельми экспрессивный и желчный...

Меж тем Молчан уже выбрался на улицу явно цивилизованного облика, что удостоверялось наличием на ней домов в пять, семь и девять этажей.

На нижних этажах виднелись ставни; верхние были оснащены балконами и небольшими окнами с остеклением. И ведал он, что сии громадины предназначались для сдачи горожанам, кои и мечтать не могли о коттеджах.

И вельми устраивало его, что не заметил он домов в два этажа с входными дверьми из железа, скрепленного большими гвоздями, что в Константинополе неоспоримо свидетельствовало о высоком социальном статусе и изрядных доходах владельцев таковых жилищ. Ведь тогда увеличилась бы вероятность наткнуться на дневную стражу, встречи с коей не жаждал он!

К оному моменту Молчан уже определился с маршрутом. Надлежало доковылять до Храма Святых Апостолов, где не станут прессовать его стражники, ведь все ромеи зело набожны, и убоятся они осквернить себя силовым воздействием на убогого и страждущего в близости от высокочтимого места. А уже оттуда спускаться к реке Ликос, помня, что сия – южнее храма.

Тут вдруг явилась ему из памяти его, бездонной, пара десятков слов по-ромейски, включая и базовое, значение части коих объяснил, всеу, Басалай, а иные он запомнил, когда тот

переводил на рынке, затем и по граду водил.

И сообразил Молчан, как употребить сей миг шесть из них! Ведь от природы наделен он был изобретательным и прытким разумом, будучи виртуально шит не пустяшной драгвой, а золототканой нитью.

Оставалось лишь выведать у прохожих, каковая дорога ведет к храму. Однако встречные горожане по-прежнему шарахались от него, исключая саму постановку вопроса. А все же, вскорости, улыбнулась ему удача!

Завидев приближавшуюся аборигенку средних лет, милостивую и в приталенной тунике, коя глядела на него с явной опаской, однако и с любопытством, переходящим даже в некое сострадание, перспективное для дальнейшей разработки, вкупе с зачатками симпатии, еще боле перспективной, ибо даже нещадно отхоженный Молчан выглядел отчасти пригожим, а относительно молодой лик его не смогли состарить даже зримые последствия ночного мочилова, сообразил он: «Се – спасение мое!»

И едва оказалась она в трех шагах, внутренне изготовившись, в случае чего, сразу и дернуть в сторону, воззвал к ней со всей проникновенностью:

– Йа сас! Пу инэ эклисиа апостолос?

Что в вольном переводе означало: «Здравствуйте! Где тут церковь апостолов?»

А когда махнула она десницей в нужную сторону, сообразив, что бедолага оный – чужеземец, намеревающийся поби-

раться у храма, и вряд ли поймет объяснения в акустическом исполнении, поклонился ей, сложив руки в районе сердца, а подняв главу, вперил в нее взор чисто мужского наполнения. И ажник засмушалась она, представив в фантазии своей нечто, о чем умолчим из присущей сему повествованию целомудренной деликатности и глубочайшей конспиративности относительно чисто женских тайн...

Еще шагов за семьдесят до Храма Святых Апостолов обнаружил Молчан, что нацелились на него многие десятки зло злобных зенок!

Ибо вступал он на заведомо чужую и заповедную территорию, явно попутав берега и подпадая под жестокие кары за браконьерство.

Понеже кормежка с апостолов являлась здесь потомственным промыслом и семейным бизнесом; все ампула передавались из поколения в поколение. И никаких вакансий на роли убогих, покалеченных, юродивых и просто оборванцев в рубище, годами не мывшихся, ради полного вхождения в образ, и источавших тот еще духман, не предвиделось даже на годы вперед!

Пришлось срочно остановиться, оставив мечту напитаться щедротами кого-то из obsługi, высказав свое чаяние с помощью жестикуляции, мимики и вспомнившегося ему базового слова «нэро», означавшего именно воду.

Однако, рискни он продвинуться к храму еще на десяток шагов, его бы, вне всякого сомнения, смяли и доби́ли по

подозрениям в недобросовестной конкуренции, нарушении корпоративной этики и умышленном сбивании расценок.

Осознав, что противостоящие ему силы далеки от ангельской кротости, Молчан подал назад. И остановившись поодаль, начал прикидывать, у кого б наверняка осведомиться, как спуститься к улице Ликос, а сие, уверился он, не вызовет затруднений. Ведь пребывая босым оборванцем – в синяках, рассечениях, шишках и кровоподтеках, он смотрелся вполне органично на фоне здешних профи от Мельпомены – музы высокой трагедии, ибо безусловно трагичными были страдания, кои изображали те – в гриме, либо без оногo, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, из поколения в поколение, из века в век.

А опасения, что надобно остерегаться ему дневную виллу, отпали сами собой: ревнители службы той и не забредали сюда, понеже корпорация церковных побирушек исправно отстегивала в префектуре, взяв на себя взамен почетную функцию по соблюдению правопорядка и пресечению всех чуждых элементов, а пуще всего, потенциальных еретиков, яко инородных тел.

В ожидании предпочтительного выбора Молчан наблюдал за ходом представления, анализируя самые колоритные сцены в нем. И отнюдь не впечатлила его, смешливого, нарочитость разыгрываемых страстей, кои, по причине отсутствия должных дарований и явному наигрышу, изображались скорее по ведомству Талии – музы комедии, а Мельпомена и не

ночевала здесь.

Хотя один из исполнителей воистину удивил его! Ибо исхитрился обучить ворону, дабы та периодически садилась ему на главу, и кропотливо вбивала клюв в многострадальное темя, попутно лакомясь неисчислимыми насекомыми на оном. Сие изображало подвиг истинной веры, ведь только подлинны страдальцы за нее удостоятся загробного блаженства, и мученику вельми охотно подавали, бросая в зело уемистую глиняную миску.

Словом, действо в жанре надрывной трагедийности, стимулирующее сопереживание у зрителей фоллисами, а изредка – даже кератиями, не вызвало адекватного отклика в душе и сердце Молчана. А вызвать материальный отклик оно не могло по определению – ему самому кто б подал!

«Нет, не заслушивает аплодисментов оный балаган! Таковых паяцев потребно лишь освистывать!» – рассудил он, взыскательный. И владей в совершенстве ромейским, непременно обратился бы к сей труппе несменяемого состава с пафосным призывом: «Любите паперть в себе, а не себя на паперти! Театр начинается с буфета, а на вас глядя, враз лишишься аппетита!»

Однако вместо сего обратился к выбранному им ромею, явно из благочестивых, направлявшего стопы свои к храму: «Йа сас! Пу инэ нэро?», помогая себе жестикуляцией и мимикой...

Фома пребывал в унынии! Отпросившись ненадолго со

службы и покинув свою канцелярию, токмо что узнал он от прибывшего Никетоса скорбные известия. Называвшийся Молчаном исчез в неизвестном направлении!

С рассветной ранью предполагалось отправить в застенок предварительного заключения его, представлявшегося купцом из вятичей, по обвинению в предерзком злодействе супротив хозяина жилища, где в целях прагматичной оптимизации романтических чувств сдавались на ночь комнаты по схожей цене. А подлый собственник жилья в ту же ночь гульнул на радостях от неосмотрительно выданного ему аванса, запоздало встал, и притащился, с двумя вызванными стражниками, оплаченным свидетелем и загодя расцарапанной ланитой, в злополучный для Молчана номер, когда того и след простыл.

И шибко озлился Фома, что Юлия явно недоглядела за приглашенными криминальными элементами невысокого пошиба, каждый из коих получил за труды свои по солиду, не считая сафьяновых сапог, браслета с аметистом и перстня в прорезях, а на молчановы порты и не позарились они. Было же наказано ей: смотреть в оба, дабы подозрительного чужеземца не забили до смерти, а все ж и не очнулся он до стражников. Однако не сумела добиться строгого соблюдения заданных пропорций! А почему? Из-за самонадеянного небрежения достойным опытом ветеранов!

При том, что поначалу проявила похвальную предосторожность. Памятуя, как тот германец, резвый со старта, аки

дятел, атакующий личинки на древе, откинулся, синяя и конвульсируя, уже в позе снизу, она, динамя торгового гостя, сознательно затянула переход к апофеозу ласк, пока не нагрязнула группа силового воздействия. Ибо убоялась, утратив над собой контроль, скопытить и его. А не желала множить жмуриков, да и начальство возбраняло сие!

К тому ж, осточертело ей таскать с собой спринцовку и скальпель на каждое свидание по служебным надобностям, вот и презрела прихватить их, следуя на подработку по заказу Фомы. Тем паче, сей иноземец обязан был, по плану операции, оставаться живым! – хотя бы до надлежащего времени.

Ведь в застенке предварительного заключения из него, пребывавшего в болевом шоке и психологическом ступоре, а еще и под обвинением – при свидетеле – в попытке разбойного нападения на владельца съемного жилья, тут же вытрясли б признательные показания даже в том, что он – тайный агент китайцев, раз уж добирались те до Константинополя.

И не отвертеться ему! Вследствие чего каждый из трех нештатников получил бы вознаграждение в размере годового оклада тайных осведомителей низшей категории. Понятно, что Никетосу и Басалаю надлежало, по справедливости, отстегнуть Фоме по две трети от наградных, хотя не наработали они и на остаточную треть! Ноне ж и Юлии, будь у нее потаенная совесть и секретная честь, следовало отдать взад половину солидов, составивших ее долю из конфискованной

мошны, за допущенный брак и перенесенный организатором стресс. Однако зело сомневался Фома в наличии упомянутых моральных качеств...

XXIX

– Да уж продолжи! – чуть не взмолился Молчан, сей миг осознав свою оплошку.

И прекрасно понимая вящее разочарование младшего, а рассвет уже проявился во всей красе, одновременно желая избежать даже малого раздора в канун боя, молвил уязвленный в душе Путята, снизойдя до Молчана:

– Утешься! Зане не утаю, что было с Булгаком, еже он упустил мя в Киеве. Буду краток, а то уж пора подымать отряд.

Послали его, разжаловав из тиуна, на исправление, в Царьград – под видом толмача. Там завсегда ошиваются посланцы от Киева. А Булгак шпарит по-гречески, не хуже, нежели я.

Добавлю, что наказание могло быть и строже, да в Киеве, пока шло долгое расследование, переменялась власть. И воссел Владимир-князь, поставивший в начальствующие над тайной службой киевской своих людей, близких ему еще по Новгороду.

А те, памятуя, как Булгак привечал их в Чернигове, замолвили за него слово перед Владимиром, дабы разжаловал, а все ж не упек в узилище. Понеже, применительно к чину тиунов, во всем княжестве Киевском только князь, и никто иной, имел право вершить суд над ними...

– Ты и язык греков ведаешь? Откуда сие? – не сдержался любопытствовать Молчан.

– В Киеве чему не научишься! Однако сами они именуют себя ромеями, – туманно ответил бывалый конспиратор.

И младший его родич понял: ничего он не скажет боле, а откроется не прежде, чем захочется ему самому.

– И никто не распознал его? – вернул Молчан рассказ в прежнее русло.

– Незачем и распознавать было: тамошний сыск загодя ведал, кто таков Булгак, еще и не приплыл он.

– А как же прознали о нем? – вновь не утерпел младший родич.

– Нашлись таковые, кои уведомили греков, – не утаил Пу-тята, ничего боле не прояснив.

«Любопытно мне, кто сии таковые? Уж не сам ли Пу-тята?» – мигом прикинул Молчан.

И ложной была его догадка! Старший родич, чудом успев умчать из Киева после предательства связного, зализывал в то время душевные раны, на кои придиричивое и желчное начальство периодически подсыпало соль.

И оные печали отчасти утолило лишь награждение мечом-скрамасаксом, аки почетным боевым оружием. А на перспективу ему посулили за грядущие подвиги щит, выкованный в совершенно секретной кузне!

К тому же подпал он под скрытую проверку бдительного руководства, решившего досконально разобраться, не по

путятиной ли оплошке – пока неведомой, однако теоретически вероятной, изменщик Немил, под оперативным псевдонимом Ярун, предал служебный долг. И преступил моральный кодекс бойца невидимого фронта, одновременно поправ и нравственные идеалы, свойственные, аки сказывают, пламенным промысловикам вражьих секретов, состоящим на службе в нашеньском Центре, в разительное отличие от подлых иноземных лазутчиков – заведомо аморальных уже по определению!

Параллельно в конспиративной его конторе началось и куда более глубокое бурение сущности недавнего Хмары, носителя в Центре оперативного псевдонима Бова, на предмет, не вступил ли тот в Киеве на скользкую тропу, став объектом вражьей перевербовки и «двойным агентом».

Ведь мало ли?! Сегодня он – наш, а завтра – ворог-разложенец, клюнувший на чуждые нравы, гнусные дирхемы, вражьи, да голых девок! И наоборот.

Лучше уж – для вящей надежности и во избежание! – перебдеть с холодной головой и горячим сердцем, предварительно вымыв руки, дабы чистыми были при любом последующем вскрытии.

А резидента Ромейской империи в Киеве уведомил об убывающем Булгаке преемник Хмары под оперативным псевдонимом Мазай, получив оперативную информацию от совершенно секретного агента, близкого к Душице, влиятельной наложнице князя Владимира.

Грунтовка с буйством бузующих сорных трав меж колеями – се вам не автобан!

И живо заподозрил Молчан, начиная понемногу и ускоряться, ведь дорога шла под уклон, а ступать босиком по утрамбованному накатом колес повозок суглинку сущее блаженство в сравнении с передвижением по раскаленному уличному покрытию, что строительство вилл в окраинной низине далеко еще до реального бума и полного совершенства.

А тут же вспомнил он о градациях совершенства от Фомы и невообразимо захотелось узреть его воочию, дабы незамедлительно загрызть в самом буквальном смысле! Однако не в плане каннибализма, хотя одолел бы, кажется, в один присест, и цельного гуся, запив третью четверти хлебного вина, а из чувства праведного возмездия.

Ибо суровое добро, карающее за зло, непременно должно быть с пудовыми кулаками! А кулаки Молчана даже и не сжимались днесь. Касаемо же зубьев, те остались все же целы, и лишь четыре из них зашатались, являя очевидное – невероятное. Не зря, оберегая их, увертывался, как мог, и подставлял под нацеленные удары руце свои, пока не лишился чувств.

Что до единственной достоверной прорехи в нижнем

ряду, сия являлась отметиной девятилетней давности от Некраса.

Заметив невдалеке ряды вертикально стоящих каменных плит, догадался Молчан, что они означают.

И подумал: «Каковая дорога ведет к ромейскому храму, уже ведаю я – чрез алчных, злобных и бесталанных побирушек! Каковая же ведет на погост в сей земле, еще не пройде-на мной. А иного раза выяснить, может и не случиться...».

И возобладала в нем любознательность, превыше жажды и глада. Пройдя еще немного, обнаружил он новую колею, ответвляющуюся от той, по коей двигался, и свернул на нее.

Вслед подошел вплотную, и с пристальным вниманием рассмотрел на ближних к нему местах погребений надгробные плиты с надписями, где значились имена усопших, род их занятий и добрые пожелания родственников, а иногда были и портретные изображения. Чудно было сие Молчану-язычнику!

А ощутив нечто трогательное в посмертных упоминаниях сих, впервые в жизни усомнился он, всецело ли правильны традиции вятичей, о коих Нестор-летописец поведал веком спустя: «И радимичи, и вятичи, и северь один обычай имяху: ... еще кто умряще, творяху тризну над нимъ и по семь творяху краду над нимъ, и въсложажуть и на краду, мерьт-вца сожьжаху, и посемь собравше кости вложажу в судину малу...».

«Может, и надобно б, – подумалось ему, – не токмо ограж-

дать могильные курганы наши частоколом из столбиков, а и увенчивать их чем-то?»

Тут и услышал он громкий возглас, доносившийся от базовой колеи...

«Упустили, и уже не настичь! Десять бы клистиров Юлии, да подряд, дабы навсегда запомнила! А хозяину, загулявшему невпопад, тридесять плетей по седалищу, голому, вслед и солью посыпать!» – впал в бешенство Фома, осмыслив нависшие угрозы.

Аще является сходником сей беглец, за ним и иные стоят, ведь явно встретился с кем-то втайне! – по ротозейству Никетоса и неразумному падению Басалая от буйного осла. И вполне могут те иные, когда доберется он до них и уведомит, приступить к сведению счетов, вплоть до роковых исходов. А невозможно схорониться в Константинополе от каждого сходника-убийца!

Надлежит срочно делать ноги, либо ложиться на дно!

«Сей же день возьму на службе отпуск без содержания и рвану подальше от столицы! – оперативно рассудил Фома. – Предупрежу и Басалая с Никетосом, дабы затаились на ближайшие дни.

Загульного того не жаль мне, и не закручинюсь, когда его упокоят! А доберутся вдруг и до Юлии, хотя ничего не ведомо о ней тому вятичу, oprичь имени и облика, не возрыдаю и о ней!»

И приступил к неотложным действиям...

Молчан подлинно оторопел! Ибо сей возглас прозвучал на его родном языке – в басовой тональности, неоспоримо уверяющей мужское начало.

И изрыгало оное начало столь непотребное, что никогда не употребляется всуе даже первейшими асами матерщины, кои выпускают из себя сокровенное лишь на неконтролируемой стадии аффекта с приставкой «супер».

«Свой! Земеля!» – набатом ударило в его извилинах.

И тут же, аки джинн, вызволенный из поллитровки с «Солнцедаром», а любой, кто не понаслышке изведал последствия от употребления одного напитка, называвшегося в обиходе «скипидаром», «клопомором», «тошниловкой», «рыгаловкой», да и лучшим красителем для заборов, искренне порадовался бы за шайтана арабской национальности, выскочил на первой космической скорости внутренний глас, мигом нарушив собственный обет!

И завопил – аж заложило слуховые отверстия нашего вятича: «Чего-й стоишь-то, лапоть?! Бегом!! Не то уйдет сей!!!»

Резко повернув и семеня изо всех сил, хотя подниматься не в пример хуже, чем спускаться, Молчан выгреб на дорогу в направлении уже от погоста.

И узрел, шагах в пятидесяти, мужа в длинной тунике с рукавами – среднего возраста и роста, однако невероятной ширины в плечах, повернувшегося в его сторону и уже поднесшего десницу к короткому мечу-ромфиту на поясе.

– Да свой я! Не остерегайся! – крикнул Молчан, что было мочи.

По всему виделось: оторопел сей муж! А не подвинулся встречно. Ибо облик Молчана вызывал лишь явные подозрения, и ничего опричь!

И в десятке шагов расстояния недоверчиво спросил он гласом таковой мощи, что Молчан невольно подумал: «Будь и у меня сей, незачем втыкать шило в ослиный круп! Гаркнул бы в ухо, и тот пол-улицы опрокинул»:

– Откуда речь мою знаешь?

– Родная она мне! Вятич я! – воскликнул Молчан.

– Вот-та на! Ужель земляка встретил? А сам-то ты откуда?

– У реки Москвы мое городище!

– Ха! А мое у Нары. Слышал о таковой?

– Не токмо слышал, а и побратим мой из тех краев.

– А как звать его? Может, и мне знаком?

– Прозывается Шуем. Не в одной сече бились рядом...

– Шуем?! А с виду каков он?

– Широка в плечах, а до тебя далеко ему. По-соловьиному горазд – заслушаешься! В последнем бою отсекали ему малый перст на шуйце. Угрюм...

– Так ты побратим друга детства мово и юности, коего соловушкой звал! – вскричал земляк с громадным размахом плеч. – А я Нечай, из Варанги – варяжской стражи василевса. Слышал об одной?

Еще бы не слышать Молчану, когда о ней ведали не в од-

ном Константинополе, а и далеко за пределами! Вся она, организованная правившим императором Василием Вторым, рассматривавшим ее как свою личную гвардию и стратегический резерв в сражениях, в основном состояла из варягов-русов, присланных из Киева князем Владимиром; были в ней и восточные славяне, наводившие на врагов ужас главным своим оружием – двуручными топорами, бравшими любые доспехи. И платили им токмо золотом! – иное они отвергали.

Отбор в сию стражу был жестким, зачисляли самых лучших из нанимавшихся воев. И избранные те пользовались таковым респектом, что с ними, когда учиняли уличные дебоши, не рисковали связываться ни дневная вигла, ни даже ночная, пред коей трепетали все горожане, не относящиеся к знати.

– Пентарх я, пятью командую! – огласил вслед сей легионер, явно исполненный фанаберии. – А было, и в декархах ходил, десяток имел под началом.

– Ужель не угодил кому? – заподозрил Молчан.

– Твоя правда: не угодил! А виной тому – наговоры, зависть к доблестям моим и лютая ревность.

– Ревность-то при чем? – удивился жаждущий и оголодавший.

– При том! На пятый день от моего назначения заступил я в караул во дворце василевса с десятком своим. И тут прицепился ко мне начальствующий над всем караулом. Отпетая

мразь! Вознегодовал за свою полюбовницу. А я-то чем повинен, что сама призвала меня к себе? Попробуй, не поспеши, аще дева ромейская просит, слезами обольешься вслед! Ведь мстительны ромейки!

Слово за слово, и попер он, остервенев. Однако успел чуть увернуться я, и подлый удар его пришелся не впрямую, лишь нос чуть свернул мне, да юшка пошла. Что оставалось? Только врезать в ответ!

А когда врезал, и рухнул он, и долго отливали его, пока не очухался, оказалось: челюсть ему свернул. Дело житейское, чего печалиться? Тем паче, оную ему все же поставили, куда надо, пушай и не сразу, а на третий день, ведь бестолковыми оказались два первых костоправа. А сей взбух! Наябедничал! И вернули меня в прежнюю мою должность – якобы, за избиение старшего...

Тебя-то как кличут?

– Молчан я, торговый гость.

– Торговый гость? – Нечай сначала прыснул, а вслед расхохотался в полный бас, не скрывая причины своего крайне неуважительного ржания.

– Зрю: все свои доходы на роже носишь! Счастье твое, что доверчив я. А вот дневная стража, угоди ты ей в лапы, могла и усомниться! – молвил он, от души высмеявшись. – И куда ж тащишься, босой и битый? Нет округ торго, где выдал бы порты свои за пушнину, и вряд ли найдутся охотники на них.

Так что приключилось-то? Колись! Пред земляком – не

засорно!

– Испить бы мне! – отворил Молчан уста, на коих уж и соль проступала, рассудив, что не время для сурового спроса за насмешки. Да и силы не те...

– Гранатовое вино сгодится? – осведомился Нечай.

Он еще спрашивает!

– Сам бы не отказался. А ведь нету! – уточнил земля-подлец.

И Молчан подумал, что вслед за Фомой с радостью загрыз бы и оного!

– Да будет тебе, не кукусь! Мне все одно возвращаться надобно за кольцом, что у меня стырили. Там и напою тебя, – утешил его уроженец городища у Нары. – Еще и накормлю, наказав воришек подлых и изъев у них.

– Так тебя без кольца оставили? – с натугой в иссохшей гортани выговорил Молчан, изображая участие и предуготовляя ответку насмешнику.

– То-то и оно! А с чего б я, по-твоему, орал, сквернословя?

– Да мало ли... Вдруг грызнула за причинное место кусачая живность? Иному недоумеваю я: с виду могучный ты, еще и варяжский стражник – чай, и сам василевс у тебя в знакомцах ходит! Однако оплошал! И дивно мне...

– Ну, ты и змей! В рваньё одном, а изловчился ж ужалить! Уел!

Зрю: непрост ты. Хвалю! Сам я велик разумом и уважаю

таковых же. За то и пощажу! Не то сей миг раздавил бы тебя, сжав в жменю, дабы закапало из оной, – провозгласил потенциальный знакомец василевса, явно исповедая правило: «Скромность украшает токмо того, коему нечем боле украситья».

«Чую: оный не уступит бахвальством и Путяте!», – подумал Молчан.

– Не тронув тебя по благородству своему, всем на зависть и в удивление, открою, сколь наказан был за чрезмерную доброту, – продолжил Нечай. – Ведай же, что провел я ночь близ стен женского монастыря. О прочем узнаешь по пути, ведь должно поторопиться, пока воришки не заныкали мое кольцо. А дорого оно мне! – ибо в дар от любимой мною инокини, еще не давшей обетов.

Однако отнюдь не пренебрегаю и теми, кто уже дал их, став монахинями. Ведь широк я и душою чист в свободное от службы время!

Не зря ж столь любят меня монастырские девы, а с ними и послушницы! Подлинно на руке носят, и не удивляюсь тому, понеже таковых, яко я, не сыскать боле во всем Константинополе и окрестностях! А все ж дорожу сей инокиней, превыше прочих, и не таю от тебя сего, ибо не настоятельница ты ея...

Да ускоряйся же, ускоряйся, аще жаждешь! Быстрее дойдем, скорей и напьешься! Вон уж, за поворотом, и тот шалаш будет. Там и накрою их!

Представь, когда пробудился я – в кустах, недалеко от потаенного лаза под монастырской стеной и виноградника, а высоко уж поднялось солнце, зрю: отрады моей и след простыл. Ведь невмочь ей пропустить общую молитву! И чую: на вые у меня нечто. Цап, а там – серебряная цепочка, пропущенная чрез таковое же кольцо. А ведь и не почувствовал во сне, как надевала оное.

И даже боле того растрогался, еже увидел рядом, на холстинке, кусок овечьего сыра, три просвиры – се хлеб их, выпекаемый для служб, и малый мех с вином – тоже церковным, однако отменно вкусным. Ночью и не заметил, что принесла их...

– Ужель до капельки выдул? – справился Молчан, на всякий случай.

– Еще б мне и не выдуть, когда заслужил! И не пропадать же добру! Однако не стал закусывать, а прихватил с собой сыр с просвирами.

«Может, еще не дожрал, тая за пазухой?» – возмечтал Молчан в последней надежде на чудо. А тщетной оказалось она, поелику Нечай тут же и поведал о судьбе сыра, просвир, кольца, а заодно и цепочки.

Оказалось, возвращаясь, наткнулся он на трех мальцов, выскочивших из-за дерев, росших поодаль. Оные явно были детьми побирушек, промышлявших в граде и возвращавшихся сюда на ночлег. А злобных попрошаек тех опасался и сам Нечай, а посему, пробираясь затемно на свидание, все-

гда брал с собой ромфит, хотя боевым имел иной меч, и поддевал кольчужку под тунику.

Обступили его те мальцы и начали выпрашивать еду, распознав, что не пуста его поясная сумка. Сжалился он, отдав и сыр, и просвиры, после чего прыгнул на него самый шустрый и начал обнимать – из благодарности, решил в простоте душевной Нечай, и еле отцепился. А когда, отшагав уже изрядно, заметил свою ошибку, тут и огласился он, с досады, на всю округу...

– Нет, опоздаю с тобой, квелым! Стой здесь, и жди! А увидишь, что пробегают мимо, закричи мне во всю мощь, – распорядился Нечай. И рванул!

Не сразу воротился он. Молчан зело засомневался, дождется ли, отчетливо ощущая, что ноги уже подкашиваются, и рухнув, нипочем не встанет!

А наконец, и земляк объявился! И в деснице держал он амфору! И в шуйце его лепешка была, немалая! «Не чудится ль мне? – подумал Молчан.

Не почудилось! И едва начал поглощать он волшебнейший из напитков, именуемый водой, а вслед откусывал от лепешки и снова пил, поведал ему Нечай, как добыл он оное. Когда увидев его, кинулись прочь воришки, сообразил он, что побегут под защиту старших, кои где-то поблизости несут охрану и готовят еду, ведь не на земле же ночуют дневные добытчики по возвращении их, и ужинают не воздухом. Да кольцо с цепочкой наверняка передали им.

И угадал! В глубине того леска обнаружили шалаши, откуда выскочили пятеро – трое женского пола и двое мужского.

Тех, что мужского, пришлось тут же и урезонить: одного – сапогом, ниже чрева, иного – кулаком в переносье. А пока оные корчились, обнажил свой ромфит, предостерегая вопящих, относившихся к женскому полу, от неразумных действий, и объяснил им: как пентарх Варанги, пресекающий злодеев по долгу службы, тут же обезглавит сих двоих, напавших на него при исполнении, вслед и уничтожит все шалаши, ежели не вернут ему кольцо с цепочкой, заплатив за моральный урон водой да едой.

И услышал он проклятия в три женских гласа вкупе с оскорблениями его мужского достоинства – пришлось и мечом взмахнуть, после чего одна из них извлекла из глубин своих лохмотьев кольцо, вторая – цепочку, а третья побежала за водой, принеся и лепешку, ведь к готовке еще не приступали они...

– Да не озирайся ты! – заключил победоносный добытчик. – Не рискнут они за нами вдогон! Ежели ж рискнут, всех порублю! – никого не оставлю. И начинай свой рассказ! Вельми любопытно мне, как увечат гостей торговых.

И поделился Молчан своими печальями, кое-что и утаив.
– Фома? Скриб в императорском дворце? Косоглазый и с переносьем, вмятым? – заинтересовался Нечай по завершении горестного повествования.

– Ха! Вем такового... Друг мой на него в большой злобе! Подсунул ему тот Фома девицу, не из дорогих, а вслед он все лето по лекарям ходил, и вельми потратился. А сводник сей отказался оплатить хотя бы половину расходов!

И хватит о сем! Пора выручать тебя из беды. Вот что надумал я. Доведу тебя до одного сада, а садовник знаком мне, где и схоронишься. Вечером принесу еду, питье и одежду с обувкой; там и заночуешь. А поутру, когда вернусь с ночного дозора во дворец, жди меня. Вместе пойдем: рядом со мной не страшен тебе ни один дневной стражник...

Что пообещал Нечай, то и вышло. А наутро забрал бедолагу из сада и довел до места его временного проживания в ромейской столице. Тамошняя охрана не обрадовалась ему, ведь надеялась, что не вернется и можно будет пожить хотя бы частью от подарков, закупленных Молчаном.

А те пришлось распродать за полцены. Однако хватило лишь на пропитание до отплытия и оплату обратного пути морем до Меотийского озера; сие – с учетом четырех солидов, врученных героем Варанги пред отходом судна.

– Да ведь не вернуть их тебе, – начал, было, возражать Молчан.

– Вернешь Шую, аще встретишь. Доведешь, что от друга детства его – на память о проказливой нашей юности. Пущай поднимет чару за Нечая!

Дал бы тебе и куда боле, да и сии еле занял. Поиздержался я с зазнобами – хоть побирайся!

Доброго тебе пути! И отчего-то мню: видимся не в последний раз...

По возвращении и доклада Путяте, а сам тот примчался в городище по первопутку, попросил Молчан о встрече с Шумем. Однако отказал ему старший родич, сославшись, что занят Шуй и увидятся позже, как освободится тот от выполнения задания особой важности.

Освободился Шуй лишь в канун лета. И передал ему Молчан то, что наказано было, однако не солидами, кои не были в ходу на территориях вятичей, а серебряными дирхемами – в эквиваленте.

Дале не преминули они обмениваться новостями, перетереть о Путяте, и отмечая свиданьице то, осушить за Нечая, коей при последующем общении представился ему много глубже, чем при первой встрече. А явно нарочитые бахвальство его и пофигизм наводили на мысли о скрытном и хватком уме под личиной простака и бузотера...

XXXI

– И долго ли он в том Царьграде толмачил? Сразу, поди, и выгнали оттуда? – ловко составил Молчан очередной вопрос свой, в надежде, что старший родич приоткроется чуть боле.

– Эх, и зелен ты! – высказал Путята с заметным сочувствием к явленной простоте. – Зачем же сразу-то? Надобно было сначала приглядеть за ним: куда ходит, с кем встречается, что вынюхивает. Понеже и дозволили ему греки целых

два лета и две зимы шататься, таясь, поздними вечерами.

И каждый раз начинал с прогулки, будто бы, по улице Меса, главной в граде том. Шастает Булгак, вроде бы, а потом – ныр в проулок, по секретным надобностям своим, и ищи его, аки ветра в поле!

Настал, меж тем, срок, еже вконец зарвался Булгак, вербуя себе сходников и докладывая в Киев. Изрядно порадел он в Царьграде на радость своим начальствующим. Искусник!

Столь ловок был, что многое за ним не доглядели даже греки, перехитрить коих мало кому удается. Пришлось уведомить их еще раз...

Не стали они предавать его казни – там паче, публичной: не рвалась Ромейская держава ссориться с Киевом, – продолжил Путята. – А Булгак, сколь ни крути, был при киевских посланниках открытым толмачом, не скрытным.

Таковых можно лишь ненадолго бросить в острог, ихний, а позже, когда заявятся переговорщики от соплеменников их, придется все же отпустить, предписав незамедлительно и навсегда убыть, откуда засланы были.

Однако ромеи, а ими считаются и армяне, выходцы из Македонии, ведь Василий, нынешний правитель страны сей, именуемый василевсом, суть девятый подряд армянин на царьградском троне – причем, и по отцу, и по бабке по материнской линии, рассудили поступить по-иному – в памятное назидание всей киевской тайной службе.

И всех подручных Булгака, по сходничеству, коих сумели

изловить, сожгли – туда им и дорога!

Еще и повезло им, несказанно! Ведь ноне за сходничество карают там лишь на костре.

А в прежние времена запекали в огромном полом быке, стоявшем на площади под названием Воловий форум, а пересекала ее та самая улица Меса, и отлит он был для наказания закоренелых злодеев. Их помещали связанными в чрево быка сего, закрывали вход и разводили снизу огонь...

Молчан аж содрогнулся внутренне, представив воочию!

Старший родич, зоркий, заметив некие физиономические изменения в младшем и неверно истолковав их, тут же добавил:

– Скорбишь, что подлый Булгак уцелел в тот раз? Порадую тя: уцелел, да не вполне!

Не сразу его, задержанного, хватились. Ведь не докладывал он никому, куда шляется в свободное от толмачества время.

И токмо на второй день полномочные киевляне забили тревогу и отправились наводить справки в присутственных местах дворца василевсов. Там им до них и довели, что к чему, и даже назвали место, где вытребовать оного.

Содержали его в некоем подвале, неподалеку от ипподрома – места, где при огромном скопище со всего града проходят гонки на колесницах.

Заметь: заточили Булгака без применения к нему пыток, на кои сам он очень охоч был в Киеве. И даже ни о чем не

спрашивали! Лишь наказали...

Ведая, елико опасен для них сей злокозненный толмач, греки оставили ему чету вельми зримых отметин, дабы не сунулся он в Царьград впредь. Взяли, и лишили оногo лазутчика десного уха, оставив к тому же и долгий след от раскаленного железного гвоздя на его шуюей ланите.

Завидев его таковым, возопили ходатаи: почто исказили лик киевлянина честного, в греческом сведущего?

И хозяева подвала, при исполнении, соблюдая приличия, как и надлежит в общении с иноземцами, вхожими во дворец василевсов, дали разъяснение, соболезнуя с виду и гораздо потешаясь в душе.

Ошибка-де вышла – сего злосчастливого приняли за ночью татя! Ведь шастал он в сумерках, незнамо зачем, по царьградским трущобам, куда его никто не заманивал, вот и заподозрили.

А татей они клеймят и увечат! – могли бы и иное отсечь, однако смилостивились.

Вслед они, скрытно потешаясь еще боле, предложили, что во искупление погрешности своей, случайной, замолвят, из чистого доброжелательства, слово перед высокими чинами Ромейского государства для продления безвинному страдальцу из Киева срока пребывания в Царьграде еще на одну зиму.

Ведь надо же ему окрепнуть от перенесенных тягот, да и ожоги заживают долго! – а целителей они предоставят сво-

их, из служебной лекарни, причем не требуя оплаты за оное попечение.

Поблагодарив за сию протекцию, однако яро негодуя в душе, ходатаи забрали меченого отныне Булгака, прозывавшегося в Царьграде Остромиром, и отправили его домой на первом же судне киевском.

Осмысли теперь, младшой, сколь извилисты пути земные! – не угадаешь, где рухнешь, и почему; где вознесешься, и отчего. Меж тем, причины бедствий, равно и счастлих наших, вытекают одна из другой.

Не предай меня единою мой помощник, не пошел бы Булгак по моему следу. Не упусти он меня тогда, не сослали б его в Царьград. Не окажись он там, донныне остался бы с ухом!

Все мы – заложники судеб своих! Однако порой причастны и сами ...

С той поры Булгаку и невмочь стало высунуться за пределы Киевского княжества, ведь опознали бы его сразу же и заковали в железы, а там, глядишь, и второго уха лишили.

Хотя вряд ли лишился бы он живота своего, поелику способен многое рассказать. А заслужив тем, что всех выдал, мог оказаться на должности в нашей секретной службе. Дабы стал он своим среди чужих супротив прежних своих, уже чуждый им...

– А ты бы казнил его, ежели поймал? – не удержался Молчан.

– Сразу же, и рука б не дрогнула! – не стал отпираться

Путята. – Самое благое дело отмстить Булгаку за тех, кого замучил он в киевских и черниговских застенках. Да ведь и на меня не единожды подсылал убивцев.

Однако нельзя! Иное дело, будь он злодеем мельче. А от мертвяка в больших чинах нет никакой выгоды!

Меж тем, аще Булгака разговорить – тут, знамо дело, не смогу обойтись без пыточного мастера – сколь многих своих спасти сможем!

Коли не заупрямится, не стану отправлять его на казнь. И выведав все, что нам надобно, предложу ему выбирать самому.

Согласится служить на нас, возьму его. Однако для вящей надежности заставлю вернуться к прежней вере! Прикажу волхвам, дабы провели над ним нужный обряд.

И непременно извещу о сем Киев через своих людей, доверенных! Якоже прознают в змеюшнике том, каков суть аспид их корноухий герой, то без промедления приступят к строгому дознанию по всем его начальствующим, равно и чинам, над коими начальствовал сам Булгак: вдруг и они изменщики? Долго им не до вятичей будет!

Разрешу ему даже чтить, превыше всех, Перуна – главного кумира в прежнем Киеве, а не Стрибога, коего почитаем главным мы.

А откажется служить нам под строгим надзором, на то его воля! Стало быть, сидеть ему, закованным в колодки, в сырой и смрадной яме до скончания дней своих. Сострадать

ему точно не стану!

И Молчану открылось во всей полноте, сколь могущественен на вятичской службе тайной его старший родич, аще имеет право казнить и миловать вражьих сходников по своей воле, а волхвы у него в подчинении ходят...

XXXII

«Одно славно, – подумала Доброгнева, собирая снедь для мужа: вдруг проголодается в пути? – не встретится он, едучи на торг, с нечистью. С обозом-то никакой лешак не страшен!».

Суеверная, равно и все вятичи, особливо опасалась она лесной нечистой силы. Более, чем той, что обитала в жилищах и хозяйственных постройках: овинников, бабаев, домашних кикимор, невидимых днем и выдирающих мужские власа ночью, а также банников, обожавших пугать моющихся женщин – пуще всего тех, кои брюхаты.

И при убытиях Молчана на лесной промысел, Доброгнева не сомневалась, что при встрече со злыми людьми он осилит постоять за себя. Даже и крупные звери не столь тревожили ее: знаменитому уже охотнику не нужна подсказка, где отступить, а когда ударить первому. А вот ежели леший, тут жди худа!

Сей властелин леса был опасен дурной привычкой своей: сбить человека с лесной дороги, дабы плутал тот, завести в

непроходимые трущобы и погубить его там.

А уж насчет «водить кругами» – вообще его любимая забава! Ежели он незаметным обходил кого-то в лесу, замкнув круг, тот не мог преступить черту и метался внутри.

Еще одна опасность, чреватая, заключалась в том, что у лешего имелись заветные тропы, наподобие звериных. Горе было тому, кто ненароком ступал на таковую!

И невозможно было спутать его ни с кем, повстречав в лесу! Не в том верная примета лешего, что огромен, космат и не расстаётся с котомкой – таковой с виду может оказаться и бродягой, хоронящимся от людских глаз, голюю перекатной. Главные его зримые особицы в ином: одежда всегда наизнанку, ходит с шуюим лаптем на десной ноге и десным лаптем на шуюей, и при этом никогда не надевает шапку. Что до словесного портрета – не имеет ни бровей, ни ресниц, зеленоглаз, – то мало от него было толку. Ибо кто ж осмелится разглядывать лешего в упор?!

Впрочем, Доброгнева доподлинно ведала, чем Молчану расположить к себе косматого лесовика. Страсть, сколь охоч был он до вареных куриных яиц, поелику не неслись куры в его владениях, да и не водились. И всегда благодарен тем, кто, заходя в лес, приносил ему любимое его лакомство, положив его на пенек. Посему и не отпускала она мужа на охоту без того, чтобы положить ему в кармашек на поясе свежайшее вареное яичко из утренней кладки.

А в соседний кармашек клала зубок чеснока, чей запах не

переносим был для лесной кикиморы – карги малого размера, покрытой травами и мхом. Терпеть не могла чесночного духа и болотная кикимора, жившая в топях и всегда готовая завлечь в свою трясиину.

Летом в тот же кармашек добавлялось по листку крапивы, мяты и плакун-травы, а полыни – сложенную вдвое веточку, дабы отгонять назойливых русалок.

Однако, чем отвратить водяного, не слыхивала ни от кого Доброгнева. И коли Молчан отправлялся на охоту за крупным зверем или многой дичью пернатой на телеге и с возможной ночевкой близ опушки, она всегда опасалась, что ненароком потянет его к воде, ведь проистекали через тот бескрайний лес две речки.

На одной из сих, сказывали старшие поселянки, промышляли бесстыжие русалки, заголяя перси свои и намеренно не прикрываясь тиной, а на другой – злобный и хитрый водяной, вельми сноровистый утащить на дно любого, кто проходил мимо.

Впрочем, русалки представлялись Доброгневе малой опасностью для Молчана, исходя из того, что он сам рассказал ей единожды – перед сном, еже уж загасили огонь в глиняной плошке.

Случилось сие вскоре от возвращения его с первым снегом из того злополучного плавания в Царьград – исхудалым, помятым, в драном зипуне, рваной рубахе и прохудившихся лаптях – меж тем убывал в сапогах сафьяновых, и без ка-

кой-либо выручки, хотя брал с собой отборный товар.

Тогда и поведал обычно неразговорчивый с ней Молчан, никак заснуть не могший, а маяться бессонницей одному скучно ему было, как единою, еще в холостой жизни, слышал он зазывное русалочье пение. А все ж не поддался!

И припомнила Доброгнева о том, не подозревая о некоем умолчании у мужа в самом конце его рассказа.

Забредя в самую чащу в погоне за подраненным оленем, Молчан угодил в лешачий круг, и до самых сумерек не мог выбраться из него – тут уж было не до поиска подранка. И дабы поскорее добраться до опушки, где оставил он телегу и паслась на привязи кобыла Каурка, решил сократить путь, рискованно пойдя напрямик через овраг, коему не было ни конца, ни края.

Выбравшись-таки, он ощутил убытие сил и недоумение в утробе, ведь рыскал по лесу весь день, подкрепившись аж утром. И углубился в заросли лещины. Тем временем и луна взошла...

А неподалеку, с десной стороны, протекала речка. И вдруг донеслось до него некое пение, причем не в один голос, однако без внятных слов. «Русалки!» – мигом сообразил Молчан. О коварных повадках сих существ он был премного слышан еще с отрочества, когда начал хаживать в лес за добычей, понеже на широкой и полноводной реке Москве, рядом с коей прошло его детство, они точно не водились.

Выходя из воды лунной ночью и неведомым образом заби-

раясь на деревья, речные русалки, оснащенные рыбьим хвостом взамен ног, чем отличались они от болотных русалок, оснащенных гусяными ногами с черными перепонками, начинали качаться на самых крепких ветвях, издавая завлекательные мелодии самого задушевного свойства.

Аще находился доверчивый дуралей, подходивший к самому берегу, тут ему и конец! – русалки спрыгивали с ветвей, резвей кузнечиков, увлекали бедолагу в воду, а там доводили щекоткой до смерти.

Хотя иные заслуженные рассказчики уверяли, что никакой щекотки не бывает у русалок и в помине, а жертвы их – непременно мужского пола, испускают дух от сладострастного истощения. Обычно кто-то из дотошных, а хуже того, недоверчивых слушателей выражал недоумение.

А главные сомнения высказывались относительно сплошной чешуи на хвосте рыбьем, защищающей сокровенное у русалки, ровно кольчужный доспех оберегает грудь ратника. И возможно ли тут исхитриться страстям?!

На скептицизм сей следовал четкий ответ маловеерам: не след отчаиваться, а надобно угадать по времени! Понеже у русалок регулярно, однако не чаще пяти раз подряд, бывают ночи, когда вольны они, уступая чувственным позывам, сбрасывать хвосты со всей наличной чешуей и принимать чисто женское обличье – вестимо, без одежд. Тогда и голосят они с особым пылом...

А старый горшечник Желан баял, и клялся в честности

своей, не всеми принимаемой на веру, что по молодости лично видел лунной ночью чету русалок. Однако не соблазнилися ими!

Хотя сами ноги принесли его на звуки, трогательные, почти вплотную к берегу. Уже готов был он всецело поддаться, а едва всмотрелся в них, призывно улыбавшихся ему, разом потухли все его порывы!

Со слов Желана, голосистые певуньи оказались на ближний пригляд далеко не юницами и даже не ягодками из второй половины пятого десятка. Возраст их представился ему ближе к преклонному, однако глазки они строили не по годам своим, а будто гулены из бывалых молодух. И когда кокетливо поводили плечами, сразу и начинали колыхаться, аки полевые травы на ветру, их безразмерные перси.

Еще Желан запомнил, что наели они таковые окорока, будто кормились одними утопленниками, и не бывало у них «рыбных дней».

Длинные власа их, зеленые с проседью – как сказали бы ноне, мелированные, были взлохмачены. И не ухожены настолько, что сии пособницы водяного, похоже, никогда не расчесывались. А та, что была еще старше, нежели иная, оказалась к тому же щербатой – с немногими зубами в остатке, отчего и улыбка ея, обращенная к Желану, вконец охолодила его.

И вмиг выветрился хмель в главе его! И возопил он: «Чур меня, чур!» – прося о подмоге охранного духа, оберегающего

от нечистой силы. И ринулся прочь изо всех ног!

Восстановив сие в памяти, Молчан спросил себя: «А не взглянуть ли самому на сию речную нечисть? Ведь Желан и соврать мог. Вдруг, напротив, милы русалки, а не отвратны, и ночь сия для них – та самая? Будет, что вспомнить, иным на зависть!». И даже приостановился, размышляя.

Впрочем, обдумав наспех и доверившись внутренним своим ощущениям, здраво рассудил: «Что за прок слушать пение и прельщаться взаимно, когда кишки от недоеда сводит? Лучше потороплюсь к телеге, зане осталась у меня там половина краухи в тряпице. А зубок чесночка и без того со мной!».». И даже приостановился, размышляя.

И последовал он сему резону. Однако, неспешно излагая, благоразумно утаил от жены о первоначальных своих намерениях. И даже не привел честную причину, по коей не направился тогда к реке.

Взамен открыл Доброгневе, что oprичь нее никого, даже и русалок, не держит в потаенных желаниях своих с первого же дня брачевания. И растрогалась она, доверчивая! Услышав ее всхлипы, тихие, нежданно проникся и сам Молчан, не вполне искренний, вспомнив и загул свой, изменный, в Царьграде, вышедший ему боком. А она-то, дожидаясь его, верила! И словно во искупление, однако и с нахлынувшей сердечной приязнью, крепко обнял он жену свою, безгрешную супротив него, повернувшись на десный бок.

В ту ночь и зачали они Беляя...

А не прошло и трех дней, Доброгнева выведала у многознающих товарок самый верный отворот от прилипчивых, точно банный лист, русалок: бросить в них полынью. С той поры и стала снабжать его веточками растения оного.

Доживи она, премудрая, до наших дней, вполне возможно, придумала бы способ куда круче!

Скажем, плеснуть из полного стакана неразбавленным абсентом (а оное название и означает по-французски: «полынь»), крепостью не меньше 70 градусов, доходя и до 90, в зенки либо на топлес серийной губительнице экстремалов, беспечных, покарав ее навек. Ибо срамница та, мнившая себя бессмертной, рухнула б с древа, аки мешок с цементом, не успев и пискнуть. И скопытилась еще на лету!

Хотя, с иной стороны, бережливая хозяйюшка едва ли б пошла на это, ввиду дороговизны сего зелья, в разительное отличие от бесплатной веточки.

Не бая уже о том, что Молчан мог запросто выдуть его еще по дороге на охоту. И не по 30 капель, разведенных ледяной водой с прибавкой расплавленного сахара, а разом, не разбавляя, и до дна – с непредсказуемыми последствиями, не исключая и полного одурения, еже зайца с медведем спутаешь, и пойдешь на него с рогатиной...

XXXIII

...Аккуратно выложив на дно телеги, высланное чистой рогожей, рассортированные меха в кожаных мешках и оставив Храбра с Беляем надзирать за ними, Молчан вернулся

за оружием, еще не облачившись в дорогой кольчужный доспех – подарок от старшего родича своего по возвращении из Булгара. И подойдя к стене, где оно содержалось, а Доброгнева уж присела на лавке, завершив сбор припасов, задумался, брать ли кистень.

Мог пригодится он, ведь невеликим получалось охранение обоза, и придется всюду вертеться, отбиваясь. Тут кистень пришелся бы в самый раз. Да вот незадача! – не мастак он был с оружием сим. И оставил его, да и рогатину.

В последний момент передумал брать с собой и лук, решив ограничиться осемью сулицами в туле, рассудив: «Если нападут на нас с двух сторон и окажутся вплотную, не успею и натянуть тетиву. А сулицы в таком бою сподручнее будут! – в кого-то, метнув, попаду, а иного проткну в упор».

Оставалось определиться о времени оповещения тех, кто поедет на торг, о том, что угроза разбойничьего нападения – вельми явная. Прямо сейчас, или позже, уже немного отъехав, дабы избежать перетолков от провожающих?

А непременно спросят они, чего ж не предупредил их еще вчера, едва сам узнал. Что им ответить? Нечего...

Однако, возможно ли было успеть оповестить их? Бегать ночью по всему городищу от избы к избе, поднимая хозяев?

И о чем бы тогда судачили днесь завистники его и иные злые языки? Молчан нисколько не сомневался, о чем. Хором закричали бы, что ослаб он, измельчал, изошел дрожью,

страшась ехать чрез лес. Пыжится, а попусту! Не заступник он, не защитник! Нет ему веры боле!

Явно, что прав был его старший родич, поучая младшего: «Никогда не поддавайся стадности! Не иди на поводу у толпы! – отказаться всегда труднее, нежели согласиться, однако преодолевайся. И накрепко запомни: самый подлый в ней тот, кто орет громче всех, подзуживая и будоража иных, а случись угроза, удирает первым».

Однако не отважился он совсем уж пренебречь мнением городищенского общества. И пришел Молчан к окончательному решению: оповестить уже в пути. И подумал при сем – в некое самооправдание: «Не я ноне рвался на торг, а они упросили меня. Из-за них сам рискую. Пусть и они за себя рискнут! А оробеют, захотев вернуться, с них и спрос будет. Не стану им возражать и отговаривать. Поелику не я изошел дрожью!».

Где вернее всего ожидать лиходеев, он определил еще ночью, основательно прикинув перед сном. А в начале того осмысления вспомнилось ему, к месту, напутствие Путяты – перед отправкой в Тьмутаракань...

Высказал тогда старший родич:

– Забудь о царьградском конфузе! По младости с кем не бывало. По себе помню: ромейки, они завлекут, кого хошь, и разумом повредишься! А тут еще и не одна была, а в явном створе с башковитыми умельцами. Радуйся, что жив остался, ноги унес, да еще наткнулся на того Нечая ...

Редкостно встретить подобное везение. Истинно для мя: даже не в рубашке родился ты, а подлинно в доспехах!

Аще в Тмутаракани, а будешь успешен там, и в Киеве, пойдет иначе, чем наметил я, действуй, основательно взвесив!

Наперед же, столкнувшись с непредвиденностью, чреватой, заруби на носу: ежели будет у тебя хоть толика времени пред схваткой с ворогом, поставь себя на его место, рассудив, что сам бы сделал на нем. Сице и угадаешь его коварные замыслы. Большим подспорьем может обернуться сие...

И Молчан последовал мудрому назиданию своего старшего родича, давно уж павшего. Долго угадывал он в бессонной темноте замыслы Жихаря, дважды вставая испить воды. Собрался уже в третий раз отхлебнуть из ковша, а вдруг понял: похоже, угадал.

Место возможной засады не вызывало у него никаких сомнений. Беданов камень – там, где замедлялся любой обоз! Оный Бедан запечатлелся в памяти поселян, проезжавших сим маршрутом, неразумным ухарством, вследствие коего сумел оправдать свое имя бедой, организованной им на собственную выю.

Предыстория из уст очевидцев того ДТП начала одиннадцатого века сильно рознилась в деталях, что обычно и бывает со свидетельскими показаниями. Одни утверждали, что Бедан, едучи во главе обоза и заспорив с Дубыней, ехавшим вслед, чья кобыла резвее, избыточно разгорячился и выкри-

кивал срамное, другие – что срамцом тогда, напротив, Дубыня был, трети – что громко сквернословили оба, а четвертые клялись, что Бедан, скарета от рождения, пил из экономии одну воду, исключая разве, когда его угощали.

Однако все сходились, что Бедан, незнамо с чего, заорал вдруг на савраску свою, смиренную, и приступил нещадно охаживать ее кнутом. И заржав с подвизгом, рванула она, чуть подскочив вначале, и понеслась, аки жеребец лихой! Амчающаяся за ней телега подпрыгивала, тарыхтела и столь круто кренилась на обе стороны поочередно, что непонятным было, почему никак не перевернется.

И все очевидцы затаили тогда дыхание в недобром предчувствии,

Впереди был единственный на всем пути крутой поворот – с огромным валуном, в двух шагах от дороги. Никто и не пытался выкопать его, перенеся в сторону, ибо реализация сего намерения представлялась заведомо невозможной. А посему все возницы притормаживали, подъезжая. И следовали со всевозможной осторожностью. Все! – за роковым исключением.

Извечное жизненное правило: кто не рискует по глупости, чаще остается цел.

Ополоумевший Бедан рискнул и просчитался. Резко кувыркнувшись в воздухе, выброшенный из телеги, пал он загревком на валун, свернул выю и незамедлительно испустил дух. И осиротела несправедливо взгретая савраска, когда вста-

ла-таки она, а по бокам ее стекала обильная пена. А сокрушалась ли она бессловесная животиная об утрате неадекватного хозяина, неведомо сие...

– Аще шайка Жихоря поджидает нас – заждется, поди, заерзает! – рассудил Молчан. – Ведь выезжаем с большим опозданием, да и поедем неспешно. Да и не ближний путь до Беданова камня? Могут и пресечь ожидание, решив, что не выехали днесь, либо в последний момент передумали и рискнули-таки ехать ближней дорогой. Однако, допускаю, что будут сторожить, доколе не начнет темнеть.

А с чего решил я, что Жихорь навалится по дороге на торг? Возможно, поторопился с выводом. Придется наново обдумать...

Ежели его ватага и разобьет нас, добыв весь товар, каковая им выгода? Ни на ближние, ни на самые дальние торги не сунуться им с мехами, медом и воском: сразу же скрутят их аки татей! Поелику всех знатных охотников и бортников знают во всей округе и даже далече от нее. Да и умельцы от всяких ремесел тоже известны на всех окрестных торгах, из какового бы городища либо селища они ни прибывали.

И что получит, Жихорь, oprичь наших животов, аще уцелеет сам, непременно положив при этом многих своих? В чем барыш для него, а пуще, для его пособников? Ведь они, получится, полезут на нас задарма, животами своим рискуя? Не верю в столь глупых разбойников!

Меж тем, на обратной дороге телеги будут загружены куда

мене, нежели днесь. И в основном, провизией, от коей не откажется ни один лесной злодей.

А половина, считай, из наших будет возвращаться и с выручкой, кою легко и увезти, и запрятать, и купить на нее, что захочешь. Ибо не опознаешь по резанам, дирхемам, серебряникам, даже и златникам, откуда взялись они.

Припозднимся либо нет, торг – дело неспешное, быстро тут не управишься. Начнем к вечеру, продолжим наутро, а вернемся, по любому, не ране, чем третьего дня.

А возвращаться будем расслабленными, не помышляющими об опасностях и утратив бдительность. Тут-то им и ловчее напасть!

Будь я Жихорем, выбрал бы именно сие. Хотя не ведаю, умен он или глуп ноне.

На оной здоровой мысли его и сморил сон...

– Что притихла-то? – обратился он к Доброгневе, изобразив бодрую улыбку. – Жди третьего дня к вечеру. Ты и соскучиться не успеешь!

– Тревожно мне, – не сразу ответила Доброгнева. – Прямо в сердце защемило. Пустое, конечно, не принимай близко. А все же остерегайся в пути! И помни: всегда я тебя жду, ненаглядный мой...

И так сказала она: «ненаглядный мой», что в душе ее мужа, сурового, чуть ли не слеза навернулась.

«До чего же не хочется отъезжать! – подумал он. – Обнять бы ее сейчас, приголубить! Могу ведь и не вернуться. И

останется семья без хозяина и кормильца... Легко быть смелым, когда отвечаешь лишь за себя. А я ноне за них, четверых, в ответе».

И вспомнил он свой самый первый бой, а легко ему было в канун его, отбросив из памяти и родителей своих, и Младу...

XXXIV

Перекусили не избыточно, намеренно не отяжеляя чрева свои до боя. А коней накормили сытно. Водопой им обеспечил ближний ручей, не узкий, с чистым глиняным дном.

Шуй был уже готов в вышний дозор свой, однако Путята придержал его:

– Погодь! Еще успеется. Допрежь рассудим о главном. Собирай всех.

И когда тот исполнил, а собрались еще Невзор, Будимир, Первуша и Берендей, Путята изложил, что задумал.

– Гостей будет боле нашего. Разумею я: двенадцать – сие любимое число у Булгака. Нас, почитай, в половину мене. А иначе и нельзя было.

Елико ни таились мы, окольными дорогами едучи, порой и замедляясь, у Булгака везде в приграничье свои глаза и уши. Донесли бы ему, что едем на тура большим числом, сразу заподозрил неладное.

Молчан, отслеживая и реакцию остальных, мигом приметил, что при упоминании Булгака никто и бровью не повел, явно точно ведая, кто таков.

– Немного вас собрал, но самые вы лучшие! Таковых даже у Булгака нет. – продолжил меж тем Путята. – И трех-четырех из них можно не принимать в расчет. Два-три будут ловчими: немного толка от них в ратном деле.

А один среди иных – мой человек, обратно уйдет с нами, а перед тем – и в бою не оплошает. Буде кто нанесет ему, сторяча, рану, башку тому оторву! Понеже запоминайте накрепко.

Опознать его легко даже издали: кого бы ни держал под седлом, всегда вплетает в гриву алую ленту – будто бы на счастье; к оному и Булгак давно привык, не заподозрит. Есть и еще верная примета: кистень, притороченный; в охране у Булгака токмо он с оружием сим, коим троих уложить может.

И получается: нас уже почти поровну. А ведь и ударим первыми!

Как ударять будем? Двое со мной во главе рванут отсюда, а пятеро, под началом Невзора, дождутся, пока мимо них гости промчатся.

Тут и вылетим на них, отвлекая, мы с Берендеем. Опешат они от дерзости сей: кто наглецы таковые, что осмелились вдвоем супротив многих? И притормозят чуть, а сие и надобно, дабы успели вы подоспеть к нам. Тут же вмиг различит меня Булгак, а будет он чуть позади двух первых – всегда так ездит из предосторожности. Застит ему глаза и разум злоба, и ринется он!

И наступит твоя очередь, Невзор! Выводи своих, немедля,

и вскачь ударяй в спину им, либо, наискось, в бок! – вас они уже проскочат. Верю: продержимся мы с Берендеем до подмоги, ведь норовя сразить нас, будут они мешать друг другу. Да и мой человек завалит кистенем своим хотя бы одного.

Вы же, oprичь Молчана, на скаку пускайте в них стрелы – лучше сзади, а не получится, в коней, пока не поднажали на нас вороги, сообразив, что попадают в охват, и надобно им прорываться.

А уж потом колите сулицами их и берите в топоры. Никто не должен уйти!

Однако Булгак мне живым нужен! Шуй, расчищай путь Молчану, выводя на Булгака!

Молчан, твоя цель – конь Булгака, избегая сразить самого! Опознаешь его по длинным власам из-под шлема – у иных таковых нет. Промахнешься стрелами, пускай в ход сулицы: исхитрайся, как сможешь! А когда окажется Булгак без коня, либо под ним, скрутят его иные – ты прикрывай их, будучи рядом.

А одолеем ворога, ждут всех награды щедрые! Сами ведаете: никогда не скуплюсь отличать за доблесть...

Об остальном обговорю с Невзором: после меня он – начальствующий. Все, что еще надобно, от него и узнаете...

Осмотрите оружие, дабы не подвело в бою, и облачайтесь в доспехи – в тени не перегреетесь в них. А допрежь проверьте наново, хороши ли привязаны кони, не забыв и подменных.

Левша, едва снарядишься, сразу же и отправляйся на дозорное древо! Подменять тебя будет Будимир – равно с тобой зоркий. Будимир, ежели при тебе покажутся гости наши, не вздумай выводить трели, как Левша: сице не получится у тебя, и не распознаем твой сигнал. Лучше закукуй – сие любой сможет, да и мы разберем. И лишь прокукуешь восемь раз, сразу спускайся и беги к остальным!

Пойдем, Невзор! И отошли они ...

XXXV

«Кажись, собрался-таки! И ничего не забыл, – мысленно подытожил Молчан. – Впору и выходить. Вон и Доброгнева уж изготовилась... Одно тревожит: вдруг Жихорь перехитрит мя?

Отъедет наш обоз, а сей со своей ватагой подберется по дороге вдоль реки и ударит по городищу. И кто будет оборонять стариков, женок и малых? Из тех, кто сейчас не в поле, а напугался ехать на торг, лишь Скурата и Балуй испытаны в ратном деле. Однако их избы на разных окраинах городища: не успеют они сплотиться, аще налет. За доблесть Стояна и Гладыша не поручусь я! А Яроок знаком с Жихорем еще с детства – может статься, что в сговоре с ним ноне. Всякое тут возможно...».

И верно! Осьмь лет тому, когда вернулся он из своей последней скрытной поездки по заданию Путяты в Булгар на

Итиле, побывав и в Бияляре – крупнейшем в Булгарии граде, и в Суваре, знаменитом своим базаром, узнал, что в его отсутствие объявилась, ниже по течению Москвы, артель лесных лиходеев.

Поначалу она грабила небольшие обозы, обходясь без убийств, и лишь оставляя обозных без груза и лошадей. А в самом конце весны, как и днесь, ударила, обнаглев, по селищу – недалече от того, где жила Млада. Большинство поселян трудоспособных лет пребывало на отдалении в полях, а остальных застигли врасплох. И разграбили селище подчистую, бесчестя юниц и женок! Еще и запалили иные избы. А немногих, кто сопротивлялся, упокоили. ...

С изрядным опозданием кинулись за ними вслед все, кто примчались с полей, завидев дымы, да где там! И не догнали лиходеев.

Услышав о сем, Молчан не на шутку встревожился! Понятно, его городище не шло в сравнение с тем селищем: тут и в разгар полевых работ оставалось не столь и мало мужей, занятых ремеслами. Да и с напольной стороны было укреплено, не в пример селищу, рвами и земляными валами с частоколами на их вершинах.

Однако со стороны реки и оно не имело надежной защиты. А ведь разбойный налет внезапен, аки смерч-вихрь по ясной погоде и чистом небе!

И решил Молчан – бывалый, а единою и крепко битый, отчего и предусмотрительным стал, ведь умный извлекает и

из собственных ошибок, а из одних чужих и дурак извлечь может, преподать жене, на тревожный случай, уроки по обращению с оружием.

Прикинул, на что хватит у Доброгневы, всегда стойкой духом, сил и сноровки, и вывел: вполне управится с сулицей, топориком и не длинным ножом. «Копье для нее тяжеловатым будет, – рассудил он. – Кистенем я сам толком не умею. А натянуть корду-тетиву моего боевого лука она не осилит».

Вслед объявил ей о своем намерении, сославшись: мало ли что, а вдруг пригодится? Думал: уговаривать придется, когда возразит она: не по-женски, мол, сие. А на удивление его, загорелась Доброгнева! И взялась обучаться столь рьяно, что в который раз осознал Молчан, елико повезло ему с женой...

Прежде прочего, овладела сулицей. Уже вскоре научилась ловко втыкать ее в мешок с соломой, укрепленный на уровне мужской груди. Муж подсказал, что смертелен для врага укол в треугольную впадинку между грудиной и горлом. А внимая его показам и наставлениям, наловчилась и метать оное оружие, попадая им шагов с десяти в крупную репу, не уступавшую в поперечнике изрядному кулаку Молчана, насаженную на вкопанное копьё.

Передал ей Молчан и начальные навыки обращения с боевым ножом, указав: «При росте твоём, мужского ниже, всегда бей в брюхо, а получится – поверни нож в ране. С намотанными на него кишками никому не выжить! А ежели нава-

лится кто на тебя, а нож держишь в деснице, полосни им по чуждой вые, да лезвие протяни с оттягом – точно испустит дух злодей сей!»

Однако даже не помышлял обучить ее метанию ножей: искусство то требует сильной мужской руки и многого времени, дабы овладеть им. Не для женок сие!

А вот легкий боевой топорик в самый раз им! Он и рубит лучше меча, и пробивает глубже, и удобнее на ближнем расстоянии. «Руки твои короче мужских, а стало быть, чем ближе ты к ворогу, тем труднее ему замахнуть на тебя, либо отвести руку для колющего удара. В сем сила твоя! – вразумил жену бывлой ратник. – Размахнувшись, бей с десной стороны, целясь в надплечье. Ежели ж попадешь наискосок в место, откуда выя растет, и того лучше!» И сам Молчан удивлялся, наблюдая, сколь скоро освоила Доброгнева технику сих ударов, отрабатывая их на свиной туше, поставленной стоймя.

Еще боле удивился Молчан, обнаружив, по завершении краткого курса молодого бойца, что зело понравился он Доброгневе! И столь вошла в азарт, что попросила обучить ее и стрельбе из лука!

А едва попытался вразумить, что не женское дело – лук, а с его собственным, боевым, и не управиться ей, оспорила, немедля: «Зато управлюсь с малым луком, что подарил ты Храбру, чая его в охотники!»

И произвольно чесанул Молчан темя: нечего было воз-

разить!

Ибо вятичей, коих предполагали к охотничьему промыслу, обучали владению луком еще с пяти годков, да и Храбру было уж шесть. А Доброгневе – под тридесять, и сил у ней боле, чем у малого. Пришлось уступить ее напору...

Освоив тот лук старшего сына, и столь ловко, что даже возревновал Храбр, у коего в ту пору не получалось и правильно наложить стрелу, Доброгнева придумала новое! Захотелось ей на охоту, дабы проверить в лесу, целя в дичь, обретенные навыки! А сыновей есть с кем оставить всего на день.

Услышав сие, Молчан поначалу подлинно онемел, а вслед – в неистовство пришел! Ведь Доброгнева на гордыню его посягнула, не понимая того!

«Еще и попадет с первого же раза! – прикинул он, ярься. – И нос свой задерет до небес! Затем и хвалиться станет: для нее-де и ловитва – нехитрое дело! Каково ж мне, первому охотнику во всей округе, будет выслушивать сие?! А вдруг прознают давние завистники, да потешаться надо мной начнут? Ведь непременно скажут, премного радуясь: мол, измелчал Молчан, коли жена его промышляет дичь, а сам-то, видать, уж неспособен... Ни за что! Никогда!! Близко не подпущу до леса!!!»

И напрочь отказал ей! – в самой невежливой манере. Хотя и дозволил изредка упражняться и с сулицей, и с ножом, и с боевым топориком, и даже с луком. Порой и упражнялась

она, когда Молчан уходил на охоту.

Однако покинул Доброгневу былой азарт, будто его и не было.

И обида разъедала душу, и саднила в сердце, точно харкнул на них Молчан собственной желчью. А ведь тщилась она, как лучше, о похвале мечтая...

Теперь же ощутил Молчан сожаление. «Зря я вспылил в ту пору. Попусту на нее окрысился! Неправедно обляял! Не заслужила она такового», – мысленно покаялся он. Однако повиниться вслух – даже и не подумал.

А вслед обратился к жене:

– Не серчай, ежели что! А дабы не тревожился я за вас, когда отъеду, снеси в клеть оставшиеся три сулицы, а с ними и нож тот, с коим обучал тебя, и топорик второй мой – мне-то и одного хватит.

Храбру же накажи проверить свой лук, новый, и стрелы перебрать, да держать при себе – с ножом засапожным, пока не вернусь...

И напряглась Доброгнева, и без того вся встревоженная худыми предчувствиями.

А осознавала, ведая мужа, почти, как себя: не резон встречать с вопросами. Ежели захочет, сам откроет!

Он и открыл, с осторожностью подбирая каждое слово. Ведь и остеречь надобно, и не допустить лишнего беспокойства у жены. Посему скрытая лесть будет вельми уместной.

– Ты как-то – еще когда закапало с крыш, баяла мне: мол,

развелось в лесах лиходеев! И опасалась, что могут набежать они на городище наше.

Вспомнив поутру те слова твои, рассудил: а ведь всякое может быть! И похвально предостережение твое, берегинюшка ты моя! Лучше излишняя опаска, нежели беспечность от скудоумия да лени! Хотя и не верится мне...

Похвала за предостережение вельми порадовала Доброгогну, а от ласкового слова «берегинюшка», коего не слышала от Молчана за все лета их супружества, аж зарумянилась она.

– А посему – вот мой наказ! – продолжил ее любимый муж. – Едва почувешь недоброе, без промедления собирай детей, и беги с ними к валам. Никакие злодеи не набегут оттуда! – напасть они могут токмо снизу, от реки. Там и рассудишь, вместе с иными, кои вокруг будут, как не поддаться ворогам, допрежь не придут с полей – вам на выручку.

При необходимости испроси совета у Скураты и Балую, ежели окажутся рядом. Проверены они боем и не убоятся любых лиходеев.

Покидая дом, не забудь оружия в клети – памятно мне, сколь ладно управляешься с ним. Все оставь, а оружие – захвати! Прикажи от меня Храбру: чтобы нес его, а лук свой и тул со стрелами доверил Беляю. Тебе же хватит и малого в руке.

Аще понадобится, не жалеите с Храбром ни стрел, ни сулиц, ни ножей, а ты и топорика! Беляй же пушай с Третья-

ком хоронится.

И не страшитесь ни на миг, помня о скорой подмоге!

Выслушав Молчана, пообещала Доброгнева: еще случится недоброе, исполнит мужний наказ в точности. Как велено, тому и быть! И отлегло у Молчана на сердце, ведь не сомневался, что жена его не устрашится любой напасти и устоит пред ней, сумев и сынов сберечь.

А все ж не предполагал он, сколь размахнется Доброгнева с его убытием на торг...

XXXVI

Узнав, наконец, о роли, предназначенной ему, Молчан, внутренне обрадовался, что не придется пускать стрелы в людей Булгака, ни в чем не повинных пред ним. Особливо в ловчих – уж точно не причастных!

Загодя пожалел коня черниговского злодея. Открылось ему, зачем Путята наказывал взять три стрелы со срезнями. Не для тура их намечал!

А касаясь тура, по всему выходило: предстояло тому уцелеть, и огорчало сие. Однако днесь не столь уж мечталось ему, как накануне, о рогах, вожделенных. Ведь до него, новичка в ратном деле, окончательно дошло: никак не обойдется без крови – уже не миновать оно, и много ее будет, а может, и его собственная.

И время ли размышлять о пустом?

Время прилаживать тетиву!

Приладив и натянув ее для проверки упругости, извлек

из тула все стрелы, наново осмотрев каждую из десяти. Оказались в порядке все три сулицы, равно и боевой топорик с подсапожным ножом, с коим он был неразлучен еще с отрочества. Оставалось удостовериться, хорошо ли привязан конь да приторочить оба тула и топорик. А дале, предварительно ласково огладив Серка и высказав ему добрые слова, осторожно водрузиться в седло, попробовав привстать в стремени.

Вслед за испытанием сим Молчан с радостью ощутил: десное колено, и без того почти не беспокоившее уже при ходьбе, вполне выдержит стремя, и не станет помехой для пуска стрел на скаку. С той же осторожностью он мягко спустился оземь и начал облачаться в пластинчатый свой доспех.

А облачившись, не без труда натянув шлем, и взяв в шуйцу можжевеловую рукоять щита своего, округлого, вдруг ощутил прилив азарта, как пред большой охотой. И вмиг отлетели от него даже остаточные сожаления!

Не осталось в нем и мысли одной, oprичь о грядущем бое. Ни о Младе, ни о родителях, ни о туре.

На коня! – вперед, и скорее б!

Мысленно он уже взлетел в седло, изготoвившись рвануть вскачь, однако пришлось прерваться. Ах, как не вовремя затребоваЛ его Невзор! – на самом волнительном месте...

Неизменно глядевший лишь исподлобья и отчасти косоротый Невзор, обвел собравшихся строгим взором, словно ошупывавшим каждого в явном недоверии к тому. Все бы-

ли на месте, исключая Левшу в смотровом дозоре. Зато стоял Берендей, коему, вроде бы, полагалось выслушивать перед боем токмо от Путяты, из чего Молчан сразу вывел, что Невзор и точно второй по старшинству в их отряде.

До указаний по существу Невзор потребовал полного внятия, выразительно посмотрев при этом на сжатый кулак свой. Добавил, что спрашивать его могут, токмо испросив разрешения на вопрос. И началась суцая придиричивость!

Будимиру было резко предъявлено, что засапожный его нож вылез из голенища аж на половину перста боле положенного и может выпасть при скачке. Первуше основательно досталось за доспех, сидевший на нем и в самом деле кривовато, однако надо ли было орать из-за столь малого огреха? А Берендей выслушал о себе многое, о чем не принято высказывать при красных девицах, за неплотно затянутый узел на привязи его коня. И Молчан, замыкающий в сем разборе, ясно осознал: крепко получит на орехи и он.

И получил! Да столь, что запылыхали его уши. Невзор, набравший обороты в предыдущих укоризнах, не проявил и тени снисхождения к младшему родичу своего начальствующего.

И даже возраст его – на заре младости, а посему не самый зрелый, не стал принимать во внимание, огласив с ехидством и явным намеком на родственные связи Молчана с Путятой: «Начнется сеча, сопли твои уж никто не утрет! Сам изворачивайся!»

А всего-то и выявил Невзор две оплошки мелкие, ежели и были они взаправду. Две! – а елико пришлось выслушать!

Перво-наперво, недостаточно острый, объявил Невзор, наконечник у одной из стрел – с последующим уязвлением не без угрозы: «Не бывает тупых наконечников у справного лучника! Будь моя воля, отведал бы ты за сие!»

А еще представилось ему, что шлем Молчана, натянутый чуть не по уши, все же сидит избыточно высоко.

И наслушавшись брани, ощутив и явное недоверие к себе как к предстоящему ратнику, Молчан почувствовал, что убывает в нем боевой пыл.

Все же превозмог себя. Испросил разрешения, получив согласие, высказанное нехотя и сквозь зубы, и справился: надобно ли ему брать на врагов щит, раз не обучен владеть им? Ведь без щита ему будет удобнее прицеливаться на скаку и пускать стрелы.

У Будимира, Первуши и Берендея zenки на лоб полезли! Понеже сами они никогда б не рискнули на подобное, пребывая в подчинении у желчного, придирчивого и непредсказуемого в реакциях Невзора.

Да и Невзор, ожидая некое любопытство, праздное, и изготовившись жестко урезонить Молчана, заметно удивился. Ведь строго по делу был вопрос! И ответил не сразу, поначалу сам спросив:

– Ужели совсем не обучен ты закрываться щитом?

И когда Молчан подтвердил, что не обучен – даже и на

земле, не то, что в седле, Невзор, покачав головой, являя недоумение, что таковое могло быть вообще, осведомился:

– А не боязно будет без щита-то?

Молчан, весь подобрившись и отслеживая каждое произносимое слово, с достоинством обозначил, что и без щита не раз он участвовал в охотах на волков, клыкастых, а скоро – бывалые охотники уже пообещали ему, что возьмут с собой, намеревается и на медведя в берлоге сходить – пусть на первый раз и в подмоге.

Выручит же его, при случае, сулица, коя намного длиннее, чем замах любого боевого топора. Ею, едино метательной и колющей, он владеет ловчее всех сверстников в городище и даже многих старших. А от прицельной стрелы с ближнего расстояния не успеть прикрыться щитом!

И Невзор, удивленный еще боле, подвел черту:

– А ты соображаешь, вроде. Размыслил не по годам своим!

От щита и точно мало проку, когда не владеешь им. Одна помеха! А сулица, аще и впрямь ты ловок обращаться с ней, не подпустит любой топор для удара им.

К тому ж, завалить коня под Булгаком обязан именно ты – сам и решай, как сподручнее.

Дозволяю не брать щит. Быть по сему!

Вслед за тем Невзор приступил к детальным наставлениям о месте и назначении каждого в грядущем боевом строю. Берендею наказал в особицу: «Едва рванете на черниговцев, опережай начальствующего при сближении с ними. Грудью

его прикрывай!»

И повторил, вслед за Путятой, о человеке того в отряде вражьем, напомнив и обе приметы, верные.

Внимая и запоминая, никто из них не сомневался в том, что недолго им дожидаться боя. И необстрелянный еще вражьиими стрелами Молчан, изначально не искавший приключений на свое седалище, исключая согласие поучаствовать в дальней охоте на тура, вновь ощутил бойцовский импульс: «Скорее б!» ...

XXXVII

Выходя провожать Молчана, Доброгнева надела любимейшее свое украшение – жемчужное ожерелье.

Сам собрал он все перламутровые горошины для него, отыскивая раковины-жемчужницы в недалекой речке с прозрачностью, чище неба ясного, и глиняным дном красноватого цвета.

Как происходило сие в подробностях, Добродея не ведала, а спрашивать Молчана не захотела. Однако о самом промысле, понятно, была наслышана.

Во времена тысячелетней давности в реках, на берегах коих селились вятичи, промышляли жемчуг белого цвета. И жемчужные бусы с торгов, равно и одежды, вышитые жемчугом, приобретенным там же, не были великой редкостью у жен состоятельных мужей.

За ним ходили обычно до скончания лета, начиная от вто-

рой его половины. Предварительно мылись в бане и молились духам, ибо считалось, что жемчуг мог даваться в руки только человеку, чистому душой и телом.

Использовался плот с отверстием посередине. Высмотрев на дне жемчужницу в водогляд – полуою берестяную трубу, ее извлекали через отверстие длинными деревянными щипцами или просто ходили в воде и нащупывали раковины ногами. Найдя в раковине жемчужину, ловец тут же клал ее в рот для упаривания-истомления, а затем оборачивал в мокрую тряпицу и клал за пазуху, чтобы жемчужина твердела.

Что было любо-дорого для Доброгневы на особицу? Да то, что муж сам собрал жемчужины для нее. Сам! Не на торге купил, а добыл собственными трудами, вслед отдав умельцу, дабы тот просверлил их, нанизал и наладил крепление. А елико холодности от него претерпела!

Когда навсегда памятным вечером ее, невесту, привели в дом к Молчану-жениху, где молодую встретили хлебом, равно и медом, забрасывая зернами ржи, дабы она была зажиточной и плодovitой, сколь мечталось ей о будущем счастье брачном! И когда, согласно обычаю, она разувала жениха перед тем, как в новых рубахах возлечь им на брачном ложе, тоже мечталось ей...

А оказались напрасными мечты!

На медовый месяц подарили им, как и подобало, бочонок чистейшего, на совесть процеженного меда, дабы молодые съели его за месяц, и первый ребенок в семье родился бога-

тырем.

Однако первенец их припозднился с появлением на свет. Зане муж не особливо усердствовал с его зачатием. И не только потому, что собственный их дом ладил с нанятыми помощниками, дабы побыстрее отселиться от родителей, не докучая им, и уставал, наработавшись за день.

Случались ведь порой и дни отдыха. И что же? Даже и тогда, в редких любовных ласках с ней, был, аки судак мороженный. По всему видать: не лез ему в горло мед из того бочонка!

И ведала Доброгнева, в чем причина того, да изменить ничего не могла.

Однако она, даром что моложе Молчана на пять весен, оказалась старше его по уму и мудрее сердцем. Все понимала, все в себе таила, ни за что его не упрекала. И оттаял он-таки понемногу. А впредь – мало-помалу проникся к ней. И когда затяжелела она будущим Храбром, отправился на речку ту добывать жемчуг на ожерелье.

Вручая его, готовое, обошелся без нежных слов. Буркнул лишь: «Это твое. Носи!». Вроде, как и повинился за прежнюю, однако не вслух.

Не укорив его за гордыню и в мыслях своих, Доброгнева, молча, приняла ожерелье.

И неожиданно для Молчана поклонилась ему.

«Да куда ж годится таковое?! Мне б обнять ее за всю сердечность и терпеливость! Зацеловать во искупление холод-

ности своей, прежней, из-за Млады! А я?!» – мгновенно ощутил Молчан угрызение совести.

И неожиданно для Доброгневы и себя самого, обнял ее и впился устами в уста...

С того дня и наладилось их супружество. А позже и расцвело.

И предаваться бы им безмятежной жизнью в полном достатке до истечения дней их, земных, как однажды – ни свет, ни заря – незадолго до весеннего торга, а весна в том году объявилась на диво ранней, пожаловал в городище, в сопровождении троих, Путята – старший родич Молчана.

Муж не часто упоминал его в разговорах с Доброгневой, однако неизменно с почтением. А когда как-то спросила, чем занимается родич сей, Молчан ответил, что по купеческой части он, исполняя особые торговые поручения главных старейшин Земли вятичей, кои нельзя доверить никому другому.

И не приглянулся Путята Доброгневе при первой же их встрече!

Говорливый, шумный, развеселый, с шутками своими, прибаутками, нескромными. И будто праздный весь. А ее Молчан всегда при деле был, и при ней, жене его любезной!

И ко всему, ухарь по всем ухваткам, явно охочий до женского пола! Вон как взглянул на нее, токмо в избу зашел. Словно облапил взглядом своим, охальным!

А когда намекнула о том мужу, усмехнулся Молчан, зага-

дочно, и вразумил ее: «Не принимай к сердцу! Купцы, что даже в заморские страны ходят, все таковые!»

На второй день, а вечер купно провели у родителей Молчана, ведь мать его приходилась Путяте младшей сестрой, отправились они, будто бы, на охоту. На некотором отдалении от них следом поехали и те трое верховых, будто охраняя.

Доброгнева заметила еще накануне, что старший из них – без малого перста на шуйце, хорошо знаком Молчану, ведь обнялись они при встрече.

И с чем же они вернулись? Заяц один да рябчиков четыре. Рябчиков, коих Молчан никогда и не считал за промысловую птицу!

«Неладное тут! Явно замутил сей старший родич!» – обеспокоилась Доброгнева, не подавая и виду.

А поутру ускакали все четверо. Путята пред убийтием подарил ей браслет серебряный, молвив, посерьезнев: «За то, что мужа хранишь!»

Не надела Доброгнева тот браслет – из внутреннего недоброжелательства к старшему родичу своего мужа, и впредь всегда игнорировала...

XXXVIII

Меж тем, Молчан удостоверился: все в сборе. И вывел в мыслях: «Либо не донеслось до них известие о Жихоре, либо

решили они презреть его».

В любом случае предстояло действовать по намеченному плану. И да поможет всем Стрибог!

В канун особенно опасных дел Молчан не избегал взывать к небесам.

Вот и в ожидании схватки с отрядом Булгака, обратился он к Стрибогу, Дажьбогу, Перуну и Сварогу – богу неба и небесного огня. Обращался не вслух, лишь шевелил беззвучно губами.

И не расслышал, что обозначился сзади Путята, спросив чуть ли не в ухо:

– Досталось тебе от Невзора? Не подслушивал я, а вем: досталось! У Невзора иначе и не бывает.

Однако в бою мало ему равных. Могуч! Единожды меня, раненого, спас, когда с дружиной Владимира-князя бились. На себе вынес...

Доверяю ему, равно самому себе. И ты доверяй: суров он, зато надежен. Истинный вой!

Молчан обернулся. Путята уж облачился в кольчужный свой доспех с наручами, из ворота коего проглядывала чистая рубаха василькового цвета.

Белого он не чтит, полагая, что тот боле годится для одежд на погребальном костре в мирные дни, а на смерть в бой идучи, лучше всего васильковый.

И уверял, похохатывая: «В рубахе такого окраса, особого, я на том свете точно приглянусь Ладе! И подберет она

мне, богиня брака, невесту – самую пригожую изо всех покойниц!»

Решив, что верным было бы восстановить перед боем самые лучшие отношения со старшим своим родичем, Молчан попробовал подольститься:

– Родич, вспоминал токмо что о подвигах твоих, киевских, и аж завидки взяли! Мне бы то, да не сумел бы...

Герой ты! – и не стану баять по-иному. Горжусь, что в родстве мы!

Путята вначале не поддался на столь бесстыдную лесть через всякий край. И молвил с откровенной недоверчивостью:

– Что-то странна речь твоя, горячая, будто улещиваешь красную девицу. Не похоже сие на тебя...

– Знамо, не похоже. Ведь выправился, осознав неправоту! Теперь-то, перед схваткой, нет резона таиться. Может, и боле повинился бы, да токмо сам ты немного рассказывал о своих подвигах, – живо оспорил Молчан старшего родича, одновременно запуская, аки живца, и лукавство.

И клюнул Путята!

– Ладно, будь по-твоему! Раз еще нет соловья иль кукушки с дозорного древа, и в нетерпении я, поведаю еще об одном свершении в Киеве – чисто время скоротать... Все одно, боле нечем отвлечься.

Однако учти: едва встрянешь, сразу же и прерву речь!

– Родич, о чем ты?! Осознал ведь я, и каюсь за преждее! –

пылко воскликнул Молчан с таковой искренностью, что чуть сам в нее не поверил.

И одновременно изготовился к потоку многословия, зряшного, присущего Путяте-рассказчику, любившему излагать во всех подробностях.

– Тады приступаю, – молвил старший родич. – Было сие за год до моего срочного убытия из Киева.

Получил я приказ из Земли вятичей от начальствующих своих: уничтожить вражье гнездо по изготовлению бессмертия и злата.

Не утаю – теперь можно – удивился я: зачем исполнять оное? Однако с приказами не спорят!

Тем гнездом, злокозненным, являлась совершенно секретная обитель личного волшебника князя Ярополка, утаенного даже от ближних его бояр, не говоря уже о волхвах, всегда ревнивых к чужим доходам. Поелику доморощенные киевские чародеи и маги заморского обучения, знающие иноземные языки и даже таинства чисел, промышляли – однако сие строго меж нами! – на одной и той же делянке.

Аще получали с нее завидный урожай одни, непременно чувствовали себя обделенными иные. Отсюда и обоюдная злоба...

Каждый день кудесник, именем Фрастен и происхождением из варягов, никогда, кажется, не спавший, напрягался над превращением ртути в чистое злато. Дабы затем, уже в киевских мастерских, отливали, по освоении данного волшеб-

ства, множество слитков.

Сие, по мечтаниям Ярополка-князя, позволило бы Киеву, не имеющему золотиносных рудников, обрести таковую казну, что и войско перевооружить хватит, и стать сверхкняжеством! Подозреваю: оно и натолкнуло моих тогдашних начальствующих на мысль: пресечь таковое во избежание!

А бессонными ночами продолжал Фрастен создание эликсира бессмертия для князя – с грядущим приемом по три капли натошак каждое полнолуние. Было заготовлено множество вершков, корешков и порошков магического свойства, общим числом седемсот, включая и содержимое склянки с величайшей драгоценностью – чудодейственной мочой единорога.

Имелось даже совсем уж бесценное сокровище! С виду представляло оно обычную щепку – таковых полно в любой мастерской, работающей с деревьями, и выметают их после работы, аки мусор. А та была еще и обветшалой, годившейся, на беглый пригляд, лишь на растопку.

На деле же, истово веровал Фрастен, она была исполнена невообразимого волшебства, являясь частицей сандалового ларца-реликвария, где некогда хранилось малое извлечение из кучки, оставшейся после самосожжения птицы Феникс с регулярным жизненным циклом ровно в тыщу лет! Вследствие чего, гласило давнее предание, та птица, восстав из своего пепла и прихорашиваясь, обнаружила недостачу махового пера на шуюем крыле.

И столь огорчилась от невосполнимой утраты в изначальной комплектации, равно и душевного непотребства злоумышленников, воспользовавшихся для совершения хищения временным отсутствием ее в полном обличье, что решила не переродиться вновь, наказав: еже спалит себя по наступлении очередного отведенного срока, развеять прах, во избежание иных посягательств на него!

Ибо рассудила: лучше уж навсегда стореть дотла, чем в следующий раз, при таком повреждении нравов, возродиться вообще без крыл, да и клюва, подвергаясь насмешкам и уничтожениям десять столетий кряду...

Чудо-щепка предназначалась для помешивания волшебной смеси на завершающей стадии изготовления эликсира для вечного бытия земного.

Волшебнику сему токмо наемни, и я об этом ведал от доверенных людей, доставили с оказией из дальнего Кордовского халифата секретную посылку от тамошнего мага Менахема, знакомого ему с юности, по совместному обучению в школе практического бессмертия. Содержала она, oprичь щепотки высушенного и истолченного корня мандрагоры, небывалой магической силы, слиток неведомого металла, потребный для новых опытов, а также зашифрованную инструкцию, запечатленную на пергамене с вязью арабских букв.

И погрузился я в раздумья: посредством чего исполнить тот приказ? Фрастен денно и ночью изыскивал вечную

жизнь и сотворение злата на верхнем уровне пристройки к пустовавшему запасному княжьему терему. Его возвели на случай пожара в первом, дабы было куда переселиться самому князю с домочадцами, ближней его дружине и многочисленной челяди.

Охрана, надзиравшая за входом в сию пристройку, состояла из вооруженных до зубов мордоротов самого грозного вида, кормящихся и ночевавших на нижнем ее уровне. Мимо них не проскочила бы и мышь!

Все же имелась у мя зацепка в лице старшего над ними — княжьего гридня Мокши, повышенного из личных телохранителей воеводы Блуда. Изловчились мои доверенные люди и застигли на исполнении греха, не подобающего мужской природе, оного Мокшу с неким Чаяном, старшим челядинцем в княжьем дворце, бывшим в особом доверии у огнищего тиуна, управлявшего всей дворцовой челядью. При том, что оба были женаты.

Видать, не хватало Мокше, красномордому, и Чаяну, женоподобному, мест в подсобных уголках княжьего терема, где и не подобраться было к ним при совершении непотребства!

Додумались отправиться верхом в отдаленную дубраву, измыслив предлогом: надышаться-де им лесным духом, да соловьев послушать. Вот и послушали! Везде был у меня зоркий догляд!

Сказывали мне, перепугались сии блудники, застигнутые,

до полной бледности, и даже персты их подрагивали.

А еже не дозволили им надеть порты, представившись тайными стражниками скрытного сыска под секретным попечением лично князя Ярополка, и пообещали доставить в сем виде, срамном, в узилище – для неминуемого наказания, незамедлительного, тут и взмолились они! И выдав, не сходя с места, сокровенные сведения о пороках и лихоимстве многих важных лиц княжьего двора, поклялись служить честно и без оплаты.

Не умолчали они даже об одном боярине, утаившем перстень самого князя, оброненный им в мыльне, а oprичь того, небезразличного к отрокам, состоя ране в недостойных сношениях и с женоподобным Чаяном.

И по следам того задержания задумал я некую хитрость, памятуя, что чрез седмицу Ярополк соберет в князьем тереме совет с участием большой и малой дружин, куда непременно явится и Мокша.

Он и явился! А едва вышел после совета из терема и направился к пристройке той, приблизился к нему добрый молодец в богатом обличье. И внутренне затрепетал Мокша, его узрев! Ведь был тот одним из тех, кто застукал его с Чаяном и боле остальных угрожал. А вслед и не встречался он с ним, ничуть о том не жалея.

И став пред Мокшей вплотную, молвил негромко ему сей: – Вижу, узнал мя! Да не дергайся ты: не кусаюсь! Улыбнись, ажно старому другу, не то пожалеешь и изойдешь кро-

вавыми соплями, сидючи на колу! Не знает пощады к ослушникам тайная стража наша!

Теперь отвори уши. Худо ты приглядывал за своим магом!

Поступили к нам верные сведения, что снюхался он с ро-меями. Бежать к ним надумал, чая продать секрет бессмер-тия за три цены! А план побега изложен был в той посылке, что сам ты ему и передал. Однако допрежь сумели мы скрыт-но перехватить ее и разобрать инструкцию на пергаменте.

За недосмотр свой заслуживаешь самой мучительной смерти! Однако приняли мы в расчет, что при побеге ма-га-изменщика вороги Киева собирались прикончить тебя первым, а охрану уже потом. Посему временно помилован ты.

По нашему секретному докладу князю, повелел он сего: «Фрастена вывезти скрытно за пределы града, там и прикон-чить! А обитель его должна сгореть дотла». Однако главное тут исполним сами...

Теперь заруби на роже своей, прыщавой: нынче, за пол-ночь, на этом же месте подойдет к тебе наш человек.

Скажет: «Помнишь дубраву ту – с соловьями?».

Ответишь: «До скончания дней своих не забуду!»

Все, что ни прикажет он, исполни в точности! Иначе, сам ведаешь...

И никому ни слова о нашем разговоре! Князь Ярополк лично распорядился: кто хоть намеком обмолвится, тому го-лова с плеч! А ежели нам, вернейшим слугам своим, тайным,

посулил такое, что тут говорить о мелкоте, яко ты!

Да и не забудь прихватить кистень, с коим охранял Блуда: пригодится!

И не прощаясь, да и не оборачиваясь, добрый молодец пошел своим путем, оставив Мокшу ошарашенным и внутренне содрогающимся...

– Не утомился еще с рассказа моего? – прервал свое повествование Путята. – А то смотри: могу и умолкнуть...

XXXIX

– Да что ты, родич мой?! Любопытно ведь, чем завершится! – воскликнул Молчан, открывая для себя небезынтересные детали из типовой практики тайных подвигов.

– Тогда продолжу, – молвил Путята, с явным удовольствием вспоминая секретные дела давно минувших дней.

– За полночь Мокша дождался на оговоренном месте еще одного моего человека доверенного. И когда спросил тот: «Помнишь дубраву ту – с соловьями?», ответил с самым искренним чувством: «До скончания дней своих не забуду!»

И услышал Мокша: тут же пойдут они ко входу в пристройку, где стоят сейчас, борясь со сном, два его мордоворота, при том, что до прихода сменщиков их, храпящих сейчас на лавках за стеной, еще достаточно времени. А вслед должен распорядиться он: пропустить сего по приказу воеводы Блуда. И ни звука чтоб!

– Сам я и поднимусь к Фрастену, – сказал незнакомый ему доселе тайный стражник скрытного сыска под личным

попечением князя Ярополка. – А ты внизу стой и бди!

Погодя, токмо спушись с магом и поведу его скрытным путем, минуя главные ворота, почувешь гарь. Шепни тогда тупорылым своим, однако именно шепни – не ори: «Запахло, точно при пожаре. Ну-ка бегом наверх, да тихо, чтоб чародея не перепугать!»

Едва рванут они, и ты – вслед за ними! Там уже полыхать будет. Берись тогда за кистень и круши их затылки насмерть! Потом, для верности, подтащи их тулова к самому огню, и ногой подвинь. Нельзя им оставаться живыми! – таков приказ. Либо они, либо ты! Дале сунь в огонь руце и держи, елико сможешь. И облачение твое непременно должно подгореть. А уж даде направляйся вниз. И голоси, спускаясь: «Пожар! Пожар!»

Пока твои иные сторожевые пробудятся, пока сообразят, что к чему, и соберутся тушить на втором уровне, хотя и нечем тушить им, выгорит все, что надобно. А когда прибегут от княжьего терема, концов уже никто не сыщет!

Не исполнишь, как сказано, не доживешь до утра! Наши люди будут рядом – никому не улизнуть от них, как не смог улизнуть ты в дубраве!

А исполнишь, ходить тебе в обгорелых героях борьбы с огнем! И вскорости, по нашему прошению, возведет тебя князь за подвиг твой во тиуны!

Хочешь стать княжьим тиуном, токмо князю и подсудным? Чую: хочешь, и вельми! Станешь!

– Здесь я, пожалуй, чуток урежу, – изрек Путята. – И обозначу доверенного моего человека уже вошедшим в обитель княжеского волшебника. И вмиг ошеломил он его, обойдясь без приветствия, зато отпустив ему, заслуженному кудеснику, седобородому, могучий щелчок в морщинистое чело, на коем сразу обозначилась некоторая припухлость.

Вслед известил перепуганного уже Фрастена, представившись со всей внушительностью:

– По поручению верховных волхвов я, волхв второго посвящения, переодетый для отвода зенок в ночного сторожа, излагаю и довожу!

Не тайна нам, что ты – мошенник и прохиндей, еще и чернокнижник, напрямую связанный с нечистью, дуришь любимого нашего князя!

Елико резан выманил у него на опыты свои, бесовские и лживые! А нам не достает даже на малый ремонт капищ – главного источника доходов наших, oprичь треб на погребальных обрядах.

Аще ж изобретешь ты бессмертие, останемся мы и без оных треб! И кому будут надобны Перун с Дажьбогом? Нечем станет кормиться нам, и по миру пойдем...

Невмочь терпеть таковое! И не станем терпеть!

Посему – внимай! И токмо пикни у меня! – разом язык отрежу и зенки выколю!

Сей миг собери самое свое дорогое. Сие дозволяем мы, однако не боле одного узелка.

Вслед облей оба стола греческой смесью, зажигательной, что содержишь, не объявляя о ней даже князю, вон в той сулее зеленоватого стекла. Мнишь, не ведали мы? И не забудь брызнуть остатками смеси на стены.

Буду ждать исполнения, доколе не рассвирепею. А свирепею я скоро! Торопись!

И заторопился мастер чужодейства, то и дело запинаясь в одежде своей, доходившей ему аж до пят. Когда же исполнил, что было ему приказано, распорядился мой человек:

– Поджигай, дабы полыхнуло! Используй инструмент свой потаенный, о коем также осведомлены мы. Некогда мне возиться с огнивом!

И не дрожи! Целым выйдешь. Стража нас пропустит...

– И хватит! – молвил Путята, как выдохнул. – Кончен сказ!

– Да почему ж сие?! – взволновался Молчан.

– Потому! Все что задумал я, то и сделали. Все, что вложил в уста доверенных своих людей, то они и высказали. А остальное не интересно и вспоминать...

– А с чародеем тем, что случилось? Ужель не пощадили его?

– Еще сколь пощадили! – ответил старший родич с заметной укоризной. – Долго он потом скрытно состоял при наших главных старейшинах.

Бессмертия ему и не заказывали. Однако все же попробовали его на изготовлении злата, и вскоре удостоверились: пустая затея та! Зато он передал нам секрет «жидкого огня»,

ромейского, а сие дорогого стоит!

– А волшебная моча? А чудотворная щепка? А небывалый порошок из корня мандрагоры? С ними-то что?

– Щепка с порошком остались у него – никто и не позарился. А вот мочу, заветную, он сам не уберег!

Врата ведь заперты были, находясь под охраной вратников. Пришлось предуготовить иной уход. И когда Фрастен поднимался по веревочной лестнице на крепостную стену, а потом спускался с обратной стороны, где ждали уже кони, включая подменных, не уследил он за склянкой.

Треснула она! И вытекла на его хламиду самая драгоценная жидкость на всем свете белом! – при том, что сама она была желто-зеленого цвета и с некими коричневыми вкраплениями. Сей невероятный урон Фрастен обнаружил, когда подсаживали его в седло. И весь в неутешном горе, облысел он в ту же ночь, и вконец расшатался от сокрушения его одинокий верхний зуб.

Ведь тот единорог был последним во всем единорожьем племени. И некому боле мочиться для эликсира бессмертия!

– А что стало с тем гриднем? Возвысился ли он до тиуна, ведь обещалось ему? – воззвал к рассказчику Молчан, любопытствующий.

– Открыть тебе, что ль? – засомневался с виду Путята, вечный забавник в душе. – Открою, однако лишь потому, что усомнился ты! А я своему слову хозяин! – даже когда передаю его через иных.

Провели мы твоего Мокшу в княжьи тиуны, не переживай за него! И ему, подсудному отныне лишь князю, в чем и заключалась отличие сего чина от иных, что уже объяснял тебе, стал не страшен ни один воевода. Благо, освободилась для него вакансия, вельми полезная для нас. Не опасаясь поведать о том вслух, однако предостерегаю: услышав ноне, на завтра же забудь! И не вспоминай впредь! Целее будешь!

А начну с того, что тот Мокша упокоился прошлым летом – поскользнулся вдруг, спускаясь по лестнице в княжьем тереме, и челом ступеньку повредил. А рядом, по нечаянности, никого не оказалось – бывает иногда и таковое, хотя и не все поверили. В любом случае, признали его кончину несчастным случаем при исполнении служебных обязанностей. И уже никому не расскажет!

Тут Молчан ощутил недобрую догадку о своем старшем родиче. Не потому ль открывается он днесь, что вполне допускает его смерть в бою? А мертвые ведь не болтливы...

XL

... – Вслед я решил приложить силы, дабы еще раз повысить Мокшу и определить старшим помощником конюшего тиуна. А сей чин суть второй по важности в тиунстве после огнищего тиуна. Ибо конюший тиун отвечает за все княжеские конюшни и за содержание конного хозяйства в войске.

Однако возникла преграда!

У воеводы Блуда, был секретный советник по безопасности мечник Гордей, изобильно промышлявший по женской

части.

Редкостная, не утаю, гадина, и премного досаждал нам.

А ничего не могли поделывать с ним, понеже был в полном доверии у воеводы, а тому благоволил сам князь Ярополк.

И домогаясь очередной взаимности, наткнулся на решительный отказ! Некая мужатая заявила ему: не покорюсь-де тебе, дондеже муж мой не станет старшим помощником конюшего тиуна. Добавлю, что сей муж ведал о том замысле и зело одобрял рвение своей жены.

Гордей, воспламененный отказом, начал вовсю хлопотать. И возникла угроза, что вакансию ту займет не Мокша. Пришлось мне принимать самые безотлагательные меры!

И вскоре настал час, когда допросилась о тайной встрече с воеводой Блудом некая Синеока, бывшая полюбовница в отставке его секретного советника, отвергнутая им, ради иных. Вслед открыла ему: вступив в любовную связь с Гордеем, понеже тот запугал ее всякими угрозами, слышала от него таковое, что не может боле молчать и поступиться своими душевными приличиями!

Оказалось, со слов ее, что гнусный Гордей имел своим излюбленным занятием, по завершении постельных ласк, люто надсмехаться над благодетелем своим и изобличать его в страшных грехах! А она внутренне страдала от сего, и столь глубока была ее печаль, что стало ей невмочь!

И Блуд услышал тайное мнение о себе своего секретного советника в передаче Синеоки. Даже не сомневайся, бы-

ло оно во многом достоверным, особенно по невероятному казнокрадству и неисчислимым поборам со служивых, состоявших в подчинении сему воеводе.

Рассказал, якобы, Гордей Синеоке и том, почему дотла сгорел некий секретный склад в пригороде. Стоял бы он и доселе, а вдруг Ярополку-князю взбрело навестить его, а никогда не проверял он войсковые склады допрежь, дабы удостовериться, хороши ли оказались сапоги, сшитые для конников княжеского войска. Поелику нынешние исчерпали сроки износа и не подлежалиуже починке. Блуд – старший войсковой начальник в Киеве надзирал и тут.

Сапоги и точно изготовлены были, их даже на тот склад завезли, заполнив его чуть не доверху. Однако в ночь секретно исчезли: вечером были, а утром уж нет их! А куда исчезли, и за какую цену, ведали во всех подробностях лишь Блуд и Гордей. И не огорчать же было им князя! Пришлось прибегнуть к огню, списав на него огромные убытки...

Не утаю – теперь уже можно, что старшим в ночном обозе по вывозу сапог был мой доверенный человек, ноне покойный.

Сего, о чем поведал я, вполне хватало для усекновения главы блудного Блуда, распорядись о том прозревший князь. Однако узнай он о прямой измене Блуда, одного усекновения было бы мало! Подразумеваю тайные сношения Блуда со сводным братом Ярополка Владимиром, княжившем тогда в Новгороде. О них, был ошибочно уверен Блуд, ведали

в Киеве токмо он и Гордей.

А секретный советник и об том сболтнул Синеоке, по ее рассказу, открывая для Блуда прямой путь на кол! Сие было в ту пору нередким делом, и к примеру, Святослав-князь предал оной казни защитников целого града болгарского Филиппополя за то, что отказались сдаться они.

Доподлинной правдой были и слова Гордея, молвленные по неосторожности, глупой, разным его полюбовницам, а с иными из них он Блуду наследовал, и случалось, они делились с ним о воеводе. Не придумали мы, а просто свели их воедино, будто бы лишь Синеоке высказывал.

Когда перепьет Блуд, то ночью под себя ходит. Изю рта у него вонища. Уже колико раз выводили лечбой дурную болезнь на причинном месте его. И многое тому подобное, включая срамные слова Блуда о махоньком мужеском начале у приблизившего его князя Ярополка, с коим единожды парился в одной мыльне.

Окончательно ж доби́ли Блуда слова секретного советника о нем, коих он точно не говорил Синеоке: «Насквозь продажен и весь к предательству склонен! Узнает о том князь, быть Блуду с главой, усеченной! Пора и мне о своей озаботиться...».

По завершении того извета, наполовину состоявшего из честного доноса, единовременно пришел воевода в лю́тый гнев и ужас! – аж зашевелелись власа его, где еще росли. Вслед решил отмстить своему секретному советнику по без-

опасности столь, что возрыдает тот! И отмстил уже на второй день...

Не рискнул он прикончить злыдня сразу же, отложив сие до перевода того на дальние окраины княжества. Однако довел до Ярополка-князя, что подозревает Гордея в чуждых сношениях со свеями чрез купцов их. И хотя прямых свидетельств нет, лучше бы побережься!

Дабы же не насторожить тех торговых гостей, а по совещению и лазутчиков, завязавших знакомства со многими киевскими семьями варяжского происхождения, и продолжая тайное наблюдение за оными, ни расспрашивать ни о чем секретного советника – особливо, с применением клещей с шильцами. Не подавать, до поры, и виду!

А для полной уверенности тех, что не раскрыт преступный их промысел, объявить во всех людных местах Киева чрез биричей: Гордей, провинившись-де на службе князю, разжалован из мечника, однако, памятуя о былых заслугах его, кара ему ограничится высылкой в дальнюю весь – под особый надзор.

«Быть по сему!» – заключил Ярополк-князь, заслушав Блуда.

Радуюсь тогда, вместе с тем и скорбел я, что убыло из служебной казны, доверенной в мое распоряжение, аж тридцать подотчетных серебряных дирхемов, бывших в тогдашнем Киеве в особом ходу, ведь сребреники и златники начали там чеканить таче – уже при Владимире-князе.

А на меньшее алчная Синеока не согласилась. При том, что Блуд вознаградил ее душевные приличия тремя соболями, а за перенесенную глубокую печаль прибавил пригоршню резан. И стану укорять: все, что наказал ей через третьих лиц, исполнила доподлинно, и ни в одном слове не поперхнулась...

Тем паче, недолгим оказался век Синеоки, знавшей лишнее. Едва тайно вывезли из Киева опороченного ею секретного советника по безопасности – в скрытной повозке и в железах, на всякий случай, – переела она грибков соленых в гостях у подруги своей, задушевной; там и окоченела.

Не оставил ее в живых Блуд! Остерегся! А ты что помыслил?

Вижу: не терпится тебе выведать и о Мокше. Выскажу: не ошиблись мы в нем в дубраве той! Служил верно. И без оплаты! – поелику открылись у него богатейшие возможности для собственного секретного приработка.

Ибо соображал: никогда б не дорос до тиуна, обогатившегося сверх меры, не приподними его со стороны. Хотя и догадался вскоре, что под видом тайных стражников скрытного сыска, киевского, скрывались совсем иные.

А еже мы помогли ему заслужить доверие ленивого, равно бездельного, конюшего тиуна и его жены дарами многими, половину коих поначалу оплачивали мы, черпая из той же казны служебной, а вторую он сам, Мокша взял под полный свой контроль надзор над войсковым конным хозяйством и

его снабжением.

Снабжением! – соображаешь ли ты, елико тут можно украсть токмо на одном сене, не бая уже об овсе?!

Даже не упоминаю о мзде с каждой шорной мастерской, получившей подряд от войска.

А постоянные лукавства с лошадьми? Добился, к примеру, боярин Доброслав подряда на поставку их в войско по завышенным для казны ценам. И не просто так, поверь, достался ему тот подряд!

А лошажья смертность, еже помрет от сапа десятков-другой, а записывают всемеро боле?

И кому пойдет выручка от продажи на сторону тех, коих облыжно объявили сдохшими?

Кормись, не хочу! Внукам, и тем до скончания дней хватит! Ведь отдавая конюшему тиуну две трети от прибыли, злокозненной и скрытной, Мокша оставлял себе остальное.

И всего за несколько лет – сие случилось уже после моего убытия из Киева – прикупил изрядно землицы, да и немало угодий, выкупленных у потомков обедневших варяжских родов, и даже три обширных озера в личное пользование!

Однако не вообрази, по наивности своей, что конюший тиун все, что получал от Мокши, отправлял в свой кошель. Дополнительных расходов хватало и у него! Ибо надо было вознаградить и огнищего тиуна, равно жену его и двух полюбовниц, и главного воеводу с женой, а полюбовниц у того было аж пять, равно и иных вышестоящих. А иначе не стали

бы они закрывать zenки на лихоимства в войсковом конном хозяйстве!

И ведали мы отныне все о поставках в конное войско, княжеское, до последней подковы!

А возникла б надобность, в случае похода киевлян в Землю вятичей, могли и сократить лошадей в нем! – путем организованного при содействии Мокши падежа...

Однако с годами у многих прирастает самонадеянность и убывает разум. И когда Мокша возомнил о себе совсем уж чересчур, и попытался выйти из повиновения, тогда и прекратился он...

– А теперь точно все! – резюмировал Путята. – Схожу к роднику: в глотке уже пересохло.

И Молчан, провожая его взором и осмысливая токмо что услышанное, подумал, что лучше бы промедлил Булгак с прибытием, а старший родич рассказал еще...

XLI

Время шло, а не слышно было ни трелей, ни кукований. Ожидание начинало утомлять.

– Не иначе, Булгак вечор перебрал лишнего, и zenки никак не протрет. А еще на тура собрался! Не ожидал от него, – с приметным разочарованием в гласе молвил Путята.

– Родич мой старший, ежели время выпало, доскажи! – токмо что не взмолился Молчан, опустившись даже до некоторого подобострастия, кое не украсило его.

Старший родич покачал головой – как бы в раздумье, согласиться ли. И было очевидно, что пред боем иссякло у него желание к воспоминаниям.

Однако все же отверз он уста свои:

– Уж сказывал тебе ране, погиб мой начальствующий на допросе у Булгака. Все вынес, никого не выдал. Честь ему и слава!

– Разве погиб он? Не баял ты о том, – не без опаски возразил Молчан.

– Не успел, поелику ты перебил меня, дерзостно, предположив, по недомыслию своему, что выследил его Булгак, – не преминул восстановить истину Путята. – Не выследил! Пострадал Любослав по чужой оплошке. Хотя и собственную прибавил...

В киевском Нижнем граде, низинном, вдоль правого берега Днепра, изобиловавшем мастерскими и торговыми рядами, один доверенный мой человек, не назову его имени – еще не время, ладил бочки на продажу и слыл добрым бондарем.

И состоял в бондарной мастерской, коей владел он, некий ученик – ловкий, а нерадивый. Не раз доставалось ему от строгого хозяина. И озлился сей, и решил отмстить!

Таче начал выслеживать. Понеже начальные уроки оного искусства ему еще допрежь преподавал младший брат его отца. По службе метельник – помощник вирника, сбиравшего налоги и взыскания за уклонения от оных, он состоял в тайной дружине добровольного доносительства. А в нее входил

ли особо бдительные киевляне, скрытно надзиравшие даже за ближними своими, а не токмо за всеми иными, коих оглядывали подряд.

Не поверишь, почти ничего не получали они от киевского сыска за свои бесценные услуги – разве что по шкурке векши на праздник Перуна, а доносили из чистого рвения, не замутненного алчностью и корыстью!

Чему ж удивляться, что особо ретивым и прилежным ревнителям выслеживания и доносительства предлагали со временем перейти на постоянную службу – младшими соглядатаями, с перспективами завидного служебного роста до просто соглядатаев и даже старших из них. И никто не отказывался!

А самые совершенные могли дослужиться из старших соглядатаев до осведомителей второй потаенности с награждением по выходе на заслуженный отдых почетными кистенями – с правом на ношение и применение.

Долго не получалось у того ученика унюхать, выведать и нагадить. А все ж повезло ему!

Единою, в час, когда в мастерской обедали в подсобном помещении, а уже перекусившего ученика, оставили надзирать за входом в основное, явился неизвестный. И справившись, где хозяин, и узнав, что снедает он, попросил передать ему нечто, обернутое в кусок ряднины, сказав: «От Громобоя сие!»

Громобоем скрытно нарекли мы за голос его зычный

некоего Чурилу, давно покойного, бывшего в родстве с Голованом – оружейником при младшем воеводе Всеславе и преданным нам полянином.

Ученик пообещал, и – сам понимаешь ты, любопытный не по чину, развернул, едва тот вышел.

И узрел он перо копья странной формы, мигом сообразив: не приносят таковое в мастерскую по изготовлению бочек! Зачем бочарам мирным, всегда послушным власти и любящим любого князя, острый наконечник от боевого оружия?

Не крамола ли вьявь?! Что-то тут скрытное!

Передав оный сверток, подлый ученик еле дождался, вечера, когда отпустил его хозяин. И выйдя из мастерской, припустил ноги к старшему своему родичу, избранному незадолго пред тем в совершенно секретный совет нижегородского отделения тайной дружины добровольного доносительства.

Во счастье ему и на несчастье нам, метельник вернулся домой до срока, отпросившись у своего вирника под предлогом невыносимой зубной боли, мешавшей ему днесь собирать недоимки у лукавых неплательщиков. Взаправду же, намылился он с двумя соратниками отправиться в добровольный дозор по скрытному подслушиванию разговоров беспечных киевских обывателей, ведь в Нижнем граде по преимуществу обитает торговый и ремесленный люд, болтливый, и богато там рынков.

Вдруг, по неосторожности, кто-нибудь ненароком ляпнет

нечто чуждое и злокозненное? Будет тогда, чем порадовать киевский сыск! Тем паче, было неподалеку и одно узилище с застенком предварительного заключения.

И оттого метельник – доброволец и тайный дружинник, встретил младшего своего родича с явным неудовольствием. Мол не до тебя мне! Уже в дозор выхожу!

Все ж снизошел и с неохотой согласился заслушать взволнованный доклад. И сразу же по завершении одного внутреннего воспылал! Ведь ощутил мощный позыв к подвигам на ниве доносительства и выслеживания.

Вслед, возбуждившись весь, метельник справился, где сейчас может быть обидчик его младшего. Узнав, что почти наверняка еще в мастерской, подсчитывая выручку, проверяя, готовы ли к завтраму клепки, обручи и днища, и подсчитывая выручку за день, воспрянул он еще боле!

И вскричал, уже в пылу: «Бежим к твоей мастерской!»

Что тут сказать? Ничтожный доноситель, червь навозный, блоха в человеческом обличье, а поди ж ты, оказался разумнее многопытного Власта...

Эх, даже проговорился я в досаде и печали! Забудь, и не вспоминай! Ни к чему тебе лишнее. Меньше помнишь, слаще спишь!

Продолжаю рассказ свой, скорбный. Дождались-таки они!

Наш человек вышел, и – зашагал по направлению к реке Почайне, в коей позде Владимир-князь, учинив на горе киевлянам крещение, бесовское, утопил кумиров Перуна и Во-

лоса. И два соглядата следом.

Хотя бы раз обернулся он для проверки, топает ли кто за ним, чуть ли не нога в ногу!

А нет же! – шагал себе и шагал, доколе не подошел к жилицу некоему, и ступил внутрь его.

Выяснить, кто проживал там, было недолгим делом. И устремились они к тому из киевского сыска, кто заслуживал доклады метельника на стезе скрытного пригляда и тайного подслушивания.

Столь радел сей младший тиун о незаменимом своем доносителе, добровольном, что единожды уговорил своего начальствующего поощрить метельника на праздник Перуна – за особливые рвение и ретивость – не одной шкуркой векши, а двумя!

Однако поначалу усомнился даже он, несмотря на полное доверие к метельнику. Решил: переусердствовал тот! Как никак, а Любослава знало пол-Киева уважаемым горожанино, происхождением из некогда знатного рода, и владельца лучшей в граде косторезной мастерской, куда спускались за покупками и заказами даже из именитого Верхнего града.

Вместе с тем и обидеть ретивого доносителя представилось ему неверным. Ежели метельник впадет в расстройство, может упасть его рвение! Зачем доводить до сего?! Посему отправился он к своему начальствующему, прихватив и соглядатаев.

Однако и начальствующий, в чине тиуна, поначалу не за-

горелся, зная, что у Любослава есть связи, и могут найтись влиятельные заступники. К тому ж, и прямых улик не было, одни подозрения. А мало ли что могло привидеться юному прохиндею, явно мечтающему свести счеты со своим хозяином?

И скорее всего, доносу не дали бы хода. Однако начальствующий решил, на всякий случай, обсудить с двумя соратниками своими – в равном ему чине. Одним из них оказался Булгак, надзиравший за узилищем, возведенным поблизости. Он и взвился, почуяв наживу, сыскную!

Не ведаю, каковы резоны приводил, а все же настоял он, убедив остальных в необходимости немедленного обыска.

И тем же вечером нагрянули к Любославу сразу шестеро вооруженных под началом Булгаком, вызвавшегося возглавить! Он не впускал их, да тут же выломали двери под предлогом неподчинения приказу.

Знатную обнаружили добычу! Не токмо злополучное перо от копья!

Любослав готовил к скорой отправке рогожные мешки, заполненные с предельной аккуратностью. И по крайней неосторожности, стояли они у него заднем помещении. А в них – стрела с секретным оперением, особое кресало, предполагаемое для десятских и сотских в княжеском войске, опытный образчик новейших наручей, позаимствованный у ромеев, однако не принятый пока на вооружение войска, уменьшенный круглый щит, удобный при метании сулиц,

клея для прилаживания наконечников к стрелам – не из рыбьего жира, а из каковых-то древесных смол, и многое еще другое ...

Не утаю, что особое кресало, и новейшие наручи раздобыл старший родич твой, и немалых трудов стоило мне сие!

Содержимое рогожного мешка могло вельми пригодиться пытливым умельцам из наших скрытных мастерских. Опричь того наконечника к копыю.

Ибо выяснили мы спустя, он, двушипный, представлял переделку из охотничьего под боевой, хотя и для охоты убойность его была мала. А уж в бою копьем с наконечником сим можно поразить токмо ратника совсем без доспехов. Много ли таковых ратников?

– А дале-то что было? – не утерпел Молчан. Ибо его интересовали не избыточные – до мельчайших деталей – подробности, а голая суть. Ведь опасался, что не успеет услышать главное ране, чем придут гости из Чернигова.

И не понимал он тогда, что даже бойцам невидимого фронта, а особливо, тщеславным в душе, чешется хотя бы раз в жизни выговориться и покрасоваться своими подвигами пред кем-то из особо доверенных ближних. Касаемо же избытка подробностей, разведчик, ажно и дьявол, кроется в деталях.

... Путьята покосился со зримым недовольством, а все ж, против своего обыкновения, стерпел недозволенную дерзость младшего. И продолжил:

– А дале заточили Любослава в застенок, к утру и преставился там. Запытал его Булгак до смерти!

Громобоя, Голована и еще троих, меж коими был и старший помощник Любослава, десница его, изловчился переправить в Землю вятичей я, младший тогда помощник Любослава и шуйца его. Остался аз тогда в Киеве и за себя самого, и за старшего помощника, и за Любослава. И отныне отвечал за всех, кто перешел в мое подчинение. Наперво, сам восстанавливал, сам соединял наново, сам и решал...

Те соглядатаи были вскоре наказаны, сообразно ихней подлости. Наверняка обрадовались им днепровские рыбы!

Не промедлило и отмщение за Любослава!

В середине осени пятерица киевских кораблей сторела на их стоянке за одну ночь. А позде утопли в лесном озере два наособицу важных чина Секретной службы, киевской. В муках издох младший воевода Гремислав, лютый враг вятичей.

Не дотянулись лишь до Булгака. Дважды пытался я, да ловок он!

А настал час, когда и он не дотянулся до мя. Хотя почти преуспел.

Случилось сие из-за измены моего помощника.

Не положу на него зряшной охулки: до поры умел и полезен был. Подчинялся токмо мне, и не знал никого, помимо. Главной задачей имел: прием и отправку курьеров из земли нашей.

Еще использовал его для мелких надобностей, не скрытых. И доверял лошадей покупать для конных эстафет. В лошадях он, не умалю, разбирался...

XLII

– А с чего ж угодил он в Булгака лапы? Сам ведь баял, что умелым был, – полюбобытствовал Молчан.

– Я баял: до поры! – резко отреагировал Путята. – И добавлю тебе, несмышленому: в самый канун, когда попался, успел он отправить с эстафетой таковые сведения, что я и ноне не вправе поведать о них. Одно скажу: не было им цены!

А умелые и попадаются чаще, понеже самонадеянны они. Где самонадеянность, там и безрассудство с беспечностью! А где беспечность, жди беды... Не будь упомянутый Громобой столь беспечен и тороплив, разве передал бы он перо от копья чужому, а не из рук в руки, дождавшись хозяина бондарной мастерской? Да ведь и Любославу было не след содержать тот рогожный мешок у себя дома... Вот и помощник мой впал в безрассудство.

И ведь предчувствовал я допрежь! О замене его просил, срочной, чрез главного своего помощника, коего отзывали на повышение. Убеждал: выдохся он до срока! Стал склонен к срывам. Скверно отзывается на замечания и почти не поддается внушениям. И становится неуправляемым!

Всего ж опаснее: оказался, сверх всех пределов, падок на баб! – причем, на любых. И не вправе я был охолостить его! –

куда ему с таковым-то изъяном?

А позже, когда в Киев приезжал проверяющий, то передал мне от старших начальствующих: придется потерпеть, дондеже не подготовят нового...

И угодил он в застенок к Булгаку. Да таковым образом, что и вспоминать противно! Чистая дурь была, и не относилась к его обязанностям, скрытным.

Оплошал он в прибрежных кустах, когда уж вечерело. Попался на девке гулявой! Не сошелся с ней при расчете за ее труды. Зажулил. А она и завопила на всю округу: «Люди добрые! Бесчестит меня охальник сей!»

Он дернул прочь, однако по песку не очень-то разбежишься. А тут навстречу ватага рыбаблей с уловом. И скрутили его! И доставили в ближайшее узилище с застенком временного заключения.

А за оным карательным учреждением надзирал Булгак! И на беду нашу, оказался там, еже привезли моего помощника. С полудня пребывая в том главном киевском узилище, собирался он уже отъезжать, основательно отобедав, ведь еще два узилища были под его попечением. И с неохотой спустился в подвал, когда доложили ему о задержании некоего детины, что бежать пытался. А таковые дела Булгак полагал ниже умелости своей и навыков.

Добавлю, что по наблюдению нашего доносителя, еще по приезде пребывал он в самом добром настроении, никого не предал хуле еще с порога, что редко за ним водилось, порой

даже улыбался, что случалось еще реже, а раз и снизошел до шутки над нижестоящими. До того дошло, что даже расщедрился на похвалу палачу за пыточное усердие того, а сие было вообще неслыханным делом! И все терялись в догадках: с чего бы им оная благодать?

За свою скарედность, чреватую при недоплате за продажную любовь, мой помощник должен был отделаться лишь клеймом на чело и несколькими годами в остроге, однако вытащили бы мы его оттуда вскорости, а уж вслед определились, что делать с заклеянным придурком.

Однако Булгак терпеть не мог северян, а уж особое обличье их изучил наизусть за долгие годы в Чернигове, главном граде Земли той. Всегда, когда мог, измывался над ними.

И пока раздували огонь и готовили пыточные инструменты, на случай, ежели станет отпираться новоявленный узник, Булгак, отойдя в угол, вполголоса сказал, ослабившись, пыточному мастеру, а пыточный подмастерье подслушал: «Ужо попугаю сего бестолкового на дорожку, а то с самого утра скучаю. Пушай свои порты прямо при мне замарает, обделавшись по плечи! – тогда и отъеду».

И не откладывая, спросил со всевозможной свирепостью в голосе:

– Вот и попал ты, изменщик, в рuce мои! Доподлинно вем: ворог ты лютый всему княжеству нашему – поздно уже отпираться! Давно за тобой следим!

Выбирай: либо сразу повинисься, что на князя Ярополка замышлял, и кому подчинялся в злодействе сем, либо дыба и пытка огнем!

А таче на кол посадим. И когда он сквозь утробу твою пройдет, поздно будет каяться!

И каково же было удивление его, когда задержанный сразу и объявил:

– Все скажу! Во всем повинюсь! И начальствующего своего назову! Токмо не надо огня и дыбы...

Спасся я чудом.

В застенке, куда угодил подлый помощник мой, служил пыточным подмастерьем некий бедолага, состоявший на разовых выплатах у моего доверенного человека.

Не был он в чести ни у мастера, ни у иных подмастерьев по причине редкостной своей неумелости, равно и безалаберности.

То не наладит толком дыбу, то забудет раздуть угли в жаровне, где раскаляют щипцы, то не вымочит в молоке кончик кнута из сыромятной кожи, то скверно заточит затупившиеся шильца. И по мнению своих сотоварищей, не проявлял должного рвенія в самих пытках! А время от времени нарушал главный закон пыточного сообщества: сдавать в общий котел все вещи умученных для последующей продажи за полцены на мелких рынках киевских. Ведь умеючи, можно отстирать даже окровавленную рубаху, а браслеты либо кольца из обуший даже отстирывать не надо. А он не раз ута-

ивал, в свою корысть!

Потому и дожил до седых волос, не продвинувшись по службе. Его и держали-то из жалости, поелику был обременен семьей: семеро по лавкам. И любой приработок к малому жалованью принимал за большое счастье.

Привлечь такого легче, чем оземь плюнуть! А нас вельми интересовали киевские узилища. Даже в самом секретном из них был у нас человек в чине младшего тиуна, очень любивший мзду.

И держали мы за правило: аще будет в застенках предварительного заключения, либо уже в подвалах для постоянного содержания что-то особенное, докладывать, не откладывая. И чем раньше, тем выплата будет щедрей!

Едва помощник мой начал выкладывать Булгаку все, что знал, пыточный подмастерье сразу сообразил, что за известие о сем, мало будет одного серебряного дирхема, надо запросить два.

И едва узник выговорился, а Булгак милостиво разрешил ему передохнуть чуток, отпросился у пыточного мастера сбегать домой к себе, а жил он неподалеку, дабы наскоро перекусить – ведь с самого утра во рту ни крошки!

И получив согласие, ведь Булгак милостиво отменил пытку, и не было в нем особенной надобности, помчался он к доверенному моему человеку под личиной владельца лавки для одиночных рыбаков. Сей закупал товар в мастерских и продавал с небольшой наценкой, отчего и шли к нему поку-

патели.

Торговал острогами, плетеными вершами и мордами, пешнями для пробивания льда. А главную статью дохода его составляли железные крючки – сей товар пользовался особым спросом, и особенно, крупные железные крючки с петлей для крепления лесы и жалом с оттяжкой бородкой, удерживавшим пойманную рыбу, дабы не сорвалась она. На таковые ловили осетров, сомов и судаков крупных.

Мчаться к нему от узилища было не столь уж долго, и вскоре открылось моему доверенному лицу известие: выдан я Булгаку! И расплатившись с подмастерьем пыточным, не пожалев двух дирхемов, тут же закрыл он свою лавку, прихватил кошель свой, немалый, и поспешил седлать коня.

– Еще бы узнать, что делал тогда Булгак, и отчего оплошал с Путятой, – подумалось вдруг Молчану...

XLIII

А в тот час Булгак продолжал пребывать в пыточной камере застенка предварительного заключения. И изготавливаясь к очередной порции вопросов задержанному агенту вятичей, грыз от волнения ногти. Ибо непреложно осознавал: привалила ему большая и неожиданная удача, в дополнение и развитие вчерашней, коя может сильно поднять его во мнении руководства!

А сколь нужна была она ноне! Ведь после смерти Любо-

слава при пытке, едва не остался он без службы. Переусердствовал пыточных дел мастер!

Однако недосмотрел и сам Булгак, ведший допрос. И справедливо указали ему проверяющие на грубую ошибку! После дыбы, огня на жаровне под пятки и шила под ногти, намереваясь приступить к ломке перстов клещами, опрометчиво было облить его сразу тремя ведрами холодной воды из погреба-ледника. Хватило бы и одного ведра! А сице – не выдержало сердце.

Хотя кто ж предположить мог, что Любослав откинется всего от двух ведер, избыточных...

За промашку сию намеревались сурово вчинить Булгаку, как томителю, неразумному. И с превеликим трудом отвертелся он, сославшись на приказ старшего над ним – тиуна Кукши: «Выведать со всей строгостью! Запытать, изменника сего, аще молчать будет! Обратить в мешок с костями!».

Пришлось и присовокупить, в разор себе, щедрые дары женам проверяющих тех, а они обожали заморские благоволия. И у Булгака сводило скулы от злости, едва приходило ему на ум, елико дирхемов истратил он тогда!

Да и в сыскном промысле явный урон вышел. Откинулся вражина, а с ним – концы в воду! Не открыл, на кого работал. Не оставил даже ниточки!

Наметился, было, неясный след, когда Булгак заподозрил, что Любослав причастен и к гибели князя Святослава, и надо бы приглядеться к ближнему окружению Ярополка. Од-

нако, едва лишь высказал он сию догадку, наново взъярились на него вышестоящие! Ибо опасались: доложив князю, получат в награду отсечение глав своих за безосновательные подозрения, ведь не было у них прямых доказательств.

Меж тем, уже второй год как Киев охватила волна диверсий и покушений, начавшаяся вскоре после смерти Любослава.

Взять пять сгоревших за одну ночь новехоньких ладей, снаряженных для скорого отправления с воями – на пополнение войска, ведшего войну с печенегами. Налицо вражья лапа, когтистая!

А два утопленника из высших чинов Секретной службы, отправившихся в сопровождении конной охраны на лесное озеро недалече от Киева ловить карасей? Караси в том озере и точно славились на всю округу – нигде боле не встречались таковые великаны. Порою в локоть!

Однако незачем было ловить карасей на уду, аще для стола квартировавшей неподалеку старшей княжеской охоты их отлавливали неводом! И почему челн, в коем отплыли они, а на веслах был тиун Годун, не сопровождали иные, ажно подобало? Отчего таковая беспечность у Годуна и старшего тиуна Светозара? Не подманил ли их некто, словно карасей, на коварную приманку?

И получилось: вся охрана осталась на одном берегу, а лодка с двумя начальствующими удалилась к противоположному, густо поросшему камышом, где и находились самые уло-

вистые места.

Елико карасей успел выловить старший тиун Светозар, ведал, oprичь него, токмо тиун Годун. Да не расскажут они! – ибо вдруг перевернулась их лодка, а рядом никого не оказалось. Ни тот, ни другой не вынырнули...

Не верилось Булгаку в нечаянность двойной кончины сей! И не мог постигнуть он, отчего Светозар с Годуном, умудренные, не сообразили, что легко незаметно подплыть к ним, аще в рту – обрезанная с двух сторон камышина, другой конец коей чуть высовывается из воды. Он и сам умел сие еще с юности. По всему выходило: кто-то навел злодеев, придержавших высоких чинов под водой. И отбулькались они навсегда ...

Не вызвала у Булгака сомнений и злоумышленная причина пожара в секретной мастерской личного княжеского чародея, повлекшая кончину двух стражей, а главное, бесценных вершков, корешков, порошков и слитков. И куда, позвольте спросить, делся сам чародей? Трудно ведь допустить, что по неосторожности он упал в деревянное корыто с заготовками для эликсира бессмертия и целиком растворился, едва капнули туда мочу единорога!

Однако и сие тайное дело не сумели толком расследовать. И закрыли его, не докопавшись... А окажи ему доверие, уж точно бы он нарыл!

Увы! – не остывало недоброжелательство к нему от начальствующих.

И вскоре скоропостижно усоп в свои четыредесять лет – притом, неряшливо, младший воевода Гремислава, славный возвращением из похода на вятичей с обильной добычей и полонянками. Рухнул Гремислав на пиру, медом себя облил, добрым, и изрыгнул – на стол и по сторонам – все содержимое своей утробы, корчась и с воплями дух испуская.

А с чего бы пасть ему, замертво, не на поле битвы, а на столе?

И лишь на второй день сыскные чины допытались у дворни Гремислава, что скоропостижно исчезла младая знахарка, именем Веселина. Коя снабжала младшего воеводу тайными снадобьями для укрепления мужской силы его, однако ходили слухи, что и отравой – для устранения соперников Гремислава при княжьем дворе. А едва пришла весть о кончине младшего воеводы, сразу и обрыдалась Веселина, подывая. А двух подруг уведомила, взяв с них клятву именем Мокоши – богини женского начала, что не расскажут днесь никому: секретно слюбилась она с Гремиславом и не хочет жить боле, даже и одного дня, в разлуке с другом своим сердечным. Посему безотлагательно устремится к Днепру – топиться! И не смогли удержать подруги Веселину, выбежавшую из светелки, стеная! А позде никто уж не мог ее отыскать, утопшую...

«Утопла она лишь для бездумного следствия. Чую: не весело было издыхающему Гремиславу от проделки сей Веселины!» – хмыкнул Булгак, вновь ощутив, сколь бестолково

поставлено дело в сыскном ведомстве, киевском.

Меж тем, он, истинный мастер, вынужден надзирать за узилищами!

Наблюдая со стороны за скверной работой дознавателей и осмысляя их промахи, окончательно уверовал он: за диверсиями и покушениями стоят одни и те же. Точнее, один и тот же, во главе. Манера ведь каждый раз едина: дерзость замысла, пуще наглости, всегдашняя удача при исполнении, и – никаких следов, могущих стать зацепками.

А кто отдает ему приказы извне? Кому он служит?

Ромеям? Нет у них резона сжигать секретную мастерскую! Понеже до прибытия в Киев исчезнувший маг промышлял в Царьграде и удостоверились там: полоумный он. Не было у них и причин травить Гремислава. Вовсе не угрожали им те корабли. А утопить в озере третьего человека во всей Второй главной управе Секретной службы Киевского княжества, а ним и начальствующего за всей слежкой, никогда б они не рискнули... Явно, не ромеи!

Угринам, именующим себя мадьярами? Далече они. И некогда прорвавшись чрез Русь на нынешние земли, не станут поворачивать обратно: незачем им. Да и отслеживать их, смуглявых, вельми легко... Явно, не мадьяры!

Ляхам? Сии всегда радешеньки нагадить Киеву, даже и без поводов. Однако выявили их гнездо еще прошлой осенью – двоих посадили на кол, троих обезглавили, а остальные, кои на допросе покаялись, и выдали все, что знали, со-

держатся в железах в узилище... Явно, не ляхи!

Болгарам? Вот уж у кого премного обид на Киев из-за князя Святослава! Многие тысячи их отправил он на кол, не считая иных подвигов! Однако у них непонятно ноне, кто у власти. Не до Киева им... Явно, не болгары!

Печенегам? – корабли, сожженные, предназначались для перевоза войск именно против них. Да нет! – вряд ли бы они осилили: для этого целая ватага потребна, а где им ее в Киеве набрать, чтобы мы не узнали? Сами же столь приметны, что и шагу бы тут не ступили. И уж точно ни к чему им ни секретная мастерская, ни Гремислав, ни Светозар с Годуном... Явно не печенеги!

Вятичам? Давненько не отлавливали в Киеве сходников из Земли сей, а значит, развелось их немалым числом. На Гремислава у вятичей точно был зуб. Возможно, и на утопших. Хотя нельзя поручиться за корабли и мастерскую чародея... Получается: вятичи! Однако не явно.

Есть ли смысл размыслить, что скрытный враг орудует в ближнем окружении князя, ведь большая у него пря с младшим братом Владимиром?

Нет, ежели хочется жить и служить! Аще не вникать в сие, уцелеешь...

А единодесять дней назад случилось таковое, что князь Ярополк пришел в бешенство, несмотря на срочные его хлопоты в связи с известием, что двигается на Киев с варяжским войском Владимир – его младший брат, сводный, от Малу-

ши низкого происхождения!

Исчезли, будто и не было их вовсе, чертежи совершенно секретной греческой катапульты, новейшей.

Скопировали их в Царьграде, щедро заплатив. И переправили в Киев еще в начале зимы, по первопутку.

Хотя хороши у ромеев и нынешние катапульты! Без них не взять бы им Преслав, уничтожив осьмь тысяч войска Святослава.

Подробностей Булгак не ведал – ему не по чину было, однако от намеков тех, кто ближе был к теме, уловил: заряды выбрасывает она намного тяжелей, чем нынешняя, состоящая на вооружении ромейского войска.

Казалось бы, зачем Киеву осадные орудия особой мощности?

Ясно, не для кочевых печенегов, войны с коими – один убыток, ибо что взять при победе?! Ни мехов от них, ни меда с воском. Серебро и дорогие камни водятся лишь у вождей. А привези на иноземный торг узкоглазых и немых полонянок из того племени, ведь и не купит никто! – еще и засмеют.

И не для соседствующих с Киевским княжеством вятичей. Сквозь их леса непросто тащить катапульты, нет у них городов со стенами изрядной высоты и толщи, а огорожены простыми земляными валами, не пригодными к обороне при любом серьезном штурме. И не готово еще к таковому походу киевское войско – тут бы печенегов не пропустить! Ведь

аще вновь дойдут до Киева оные, не обдурить их уже повторно. Ударят!

Верный ответ заключался в стремлении киевских воевод основательно пожитья на просторах Ромейской империи. Оттого и подзуживали они своего князя сходить на греков – по примеру отца его, Святослава. И взять штурмом несколько богатых ромейских городов – о Царьграде, понятно, и речь не велась – дабы разграбить их подчистую. Рассматривались также потенциально обильные добычей города в мадыарской Венгрии и Болгарии.

Однако штурмовать хорошо укрепленные города, не имея в наличии хотя бы нескольких метательных боевых машин, несерьезно сие! А когда поступило секретное донесение из Царьграда, что изобретена новейшая катапульта особой мощности и есть возможность заполучить чертежи ее в копиях, возрадовались киевские воеводы! И с согласия князя Ярополка отдали приказ руководству секретной службы...

Приказ был исполнен в точности, несмотря на огромные траты. Определили и мастерские под изготовление сей техники. Воспрянули, в ожидании освоения греческих новшеств, кои и передрать не грех, именитые киевские оружейники. Вслед были предприняты меры по скрытной вербовке греческих операторов катапульта и дальнейшей их службы в Киеве с учетверенным, против царьградского, жалованием.

Позде застопорилось дело из-за кровавой междоусобицы, начавшейся в Киевском княжестве, когда убит был древлян-

ский князь Олег, средний брат Ярополка, а вслед князь Владимир, младший и сводный брат, сбежал из Новгорода за море, к варягам – просить подмогу у них. Набрал же войско, вернулся и начал войну, отбив Новгород, затем и Полоцк взяв, где надругался на глазах у связанных князя Рогволда и его жены над дочерью их Рогнедой, казнив затем на глазах обесчещенной княжны отца, мать и братьев ее.

Однако чертежи-то остались! И до поры тщательно хранились, ведь уповали на них. Где они ноне? Накрылись! А чем, и говорить срамно...

Вся Секретная служба Киевского княжества была поднята на ноги!

Разослали скрытных гонцов по всем городам и весям, дабы довести о чрезвычайной ситуации до уполномоченных на местах.

И тогдашние аналитики невидимого фронта в Киеве стали осмыслять: с какой, собственно, целью неизвестный вор спер у киевских воров?

Большинство рассудило: «Дабы перепродать хотя бы за полщены».

«Полный бред! – расценил Булгак сей вывод. – Кому ноне нужны новейшие катапульты, oprичь ромеев и нас? Никому! А ромеи уж точно не станут покупать сами у себя!»

Впрочем, цель хищения, дерзкого, не столь волновала доблестного тиуна, надзиравшего за тремя киевскими узилищами и застенками предварительного содержания в них.

Куда боле занимало его, кто во главе стоял?

По всему выходило: все тот же неизменно удачливый наглец, не оставляющий следов. Хотя на сей раз след, пусть и слабый, все же оставил ...

XLIV

– А оседлав коня, он пустился вскачь, – продолжил старший родич, уже без прежнего задора в речи: очевидным было, что уж утомился, излагая.

В тот вечер пребывал я на отдалении от Киева, немного вглубь изрядного леса. На другой день Ярополк-князь собирался выехать со свитой своей на оленей, и все мы, бывалые ловчие, а меня уже полагали бывалым, изговорялись к сему.

Сам понимать должен: большая княжеская охота для того и создана, дабы князь, промышляя зверя и птицу, остался доволен! И доверенный мой человек, с коим встречался я накануне, ведал о том, и гнал, не сворачивая.

Прибыл он на место, когда уж темнело. А еще в пути сообразил, каковым образом вызвать меня, однако и самому избежать чуждых глаз. Ведь не сомневался он: едва заподозрят пыточного подмастерья, а долго не продержится тот, понеже слаб духом, тут же пойдут и по его следу, начав с лавки для рыбарей. Потому и прихватил кошель свой, немалый, что ведал: боле он ни ногой в лавку ту! Аще ж промедлят с подмастерьем, все одно будут искать того, кто успел предупредить Хмару в лесном лагере большой княжеской охоты.

А придумал он! Натянул колпак, аж на уши. И оторвав от

рубахи своей кусок, обмотал им, акт тряпицей, завязав вслед на зашее, десную ланиту, будто мается зубами. И привязав своего коня к ближнему дереву, пошел вдоль окраины лагеря, высматривая кого-то из мелкой obsługi нашей.

Зараз же и повезло ему: некий из obsługi, возрастом чуть старше отроческого, тащил охапку хвороста – под растопку, для приготовления вечери на всех ловчих. И окликнул его негромко, изменив голос: «Эй, малой, подойди!»

Тот подошел, однако не вплотную, и с изрядной опаской: ведь на лице незнакомца сего явственно виделись токмо един зрак, да нос, а прочее было сокрыто повязкой.

Однако доверенный мой человек – днесь не утаю, что он ноне и сам начальствующий, хотя и далеко за пределами Земли вятичей, сумел успокоить малого, сославшись, что вся челюсть его воспалилась, оттого и вид таковой. И посулил ему две резаны, а в тогдашнем Киеве резана представляла половинку дирхема, разрубленного надвое, за то, что слово в слово передаст ловчему Хмаре от друга его по рыбалке, однако непременно отозвав в сторону, дабы не беспокоить остальных: «Родич твой с брадой рыжей столь занемог, что и сам ты заразишься. Бросай все, и направляйся к ближайшему целителю, не то не успеешь выжить! Да и сам я спешу».

Дал ему одну резану в задаток, а вторую обязался отдать, когда малой принесет ему подтверждение – знак от Хмары, что передано ему в точности, и внял он. А каковой знак, тот и сам ведает.

И воистину ведал я! – поелику загодя договорился о способе оповещения при грозной опасности, и каковой знак передам в ответ, ежели не смогу обозначиться иначе. Едва малой, разыскавший мя в кругу товарищей по ловитве и со всей почтительностью попросивший отойти в сторону, передал устное послание, открылось мне бедствие, ибо из рыжебородых был в моем подчинении токмо один – связной с Землей вятичей!

И ведь предполагал я, о замене его прося!

А знак мой в ответ, один из четырех обговоренных – ведь разное случиться могло, таковым был: подкова, кою всегда носил в кармане на поясе, рядом с карманом, где хранил огниво, некий ключ от замка дверного и рыболовный крючок. Что означало: «Бегу! А ты затаись на время в конспиративном жилище с припасами – тебе и ключ от него. И погодя несколько дней, выбирайся из Киева по Днепру на той грузовой ладье, где наш человек кормчим».

И когда юный гонец вернулся с ответом, доверенный мой человек расплатился с ним, удостоверившись по переданному знаку, что все было исполнено в точности, и заспешил к древу, где ожидал его конь на привязи...

– Выходит, у тебя в подчинении и кормчие были? – встрял Молчан.

– Лишь тот один, – уточнил Путята. – Ловок, смышлен, отважен. А под водой продержаться мог, якоже никто! Поелику готовили его не токмо управлять ветрилами и корми-

лом, дабы позже выбился в кормчие, благодаря и мзде киевским речным начальствующим. Со всем тщанием обучили его и умениям скрытного подводного ратника, включая приемы боевого удушения.

Вельми отличился он при поджоге пяти кораблей в днепровской гавани. И премного помог мне раздавить двух именитых аспидов из Секретной службы, киевской, когда на ладье его конопатили днище и латали ветрило, и порой мог отлучаться без лишних вопросов от хозяина ладьи. Добавлю: о раздавлении высказал я иносказательно, ибо испустили они дух по-иному.

Попались тогда на наживку мою! Хотя, не утаю, наживлял я на одного, о двоих и не чаял...

Зрю: у тебя уже уши торчком! Снизойду до любопытства твоего, изложив наспех и о сем. Тем паче, уже упоминал, пусть и накоротке.

Когда шел отбор соискателей в младшую княжескую охоту, о чем подробно излагал тебе, киевский сыск решил внедрить туда своих.

Чаю, ты и сам разумеешь: даже в младшей охоте многое выведать можно, ведь не с ратаями, либо торговцами, мелкими, охотились ловчие, а с теми, кто состоял на княжьей службе! – порой и в немалых чинах. Да и скрытно приглядывать за теми, кто в ловитве, вельми удобно. Аще же со временем перейдет кто-то в старшую охоту, возможностей станет и того пуще!

Ведая про то, мои тогдашние начальствующие и приложили силы, дабы соискатели от сыска, проходившие испытание под личиной киевлян из семей среднего достатка, отсеялись по причине кончин их.

Об одном из них, сверзившемся с дерева, уже упоминал. О двух иных промолчал, ибо упокоены были без меня – под видом их неосторожности.

Добавлю: и сам я трижды ходил тогда под смертью, ведь киевский сыск старался убрать всех, кто мог занять места соискателей от него, а я был приметен талантами в ловитве. И не токмо киевский! Тем же промышляли и от греков, и от ляхов, и от мадьяр – все норовили заслать своих лазутчиков в младшую княжескую охоту, а мест для приема имелось всего двенадесять.

Однако у Любослава, покойного, а он тогда надзирал за моим поступлением, промашка вышла. Ведал о трех соискателях-скрытниках от киевского сыска, а в последний момент добавили четвертого, именем Бова, однако на самом деле Михалап – в тайном для прочих чине осведомителя второй потаенности. И сумел поступить он, не выявленный и потому уцелевший.

Правда, вскоре, уже состоя, как и он, в младшей охоте, выявил я его. И Любослав, наделенный редкостным разумом, решил: ежели под моим надзором, пусть останется и живет, а вдруг пригодится?

Он и пригодился! Однако уже после смерти под пытка-

ми любезного начальствующего моего в Киеве. И я тогда поклялся отмстить за него смертью кого-то из высших чинов сыскных, не токмо теми кораблями.

Долго размышлял, прикидывая. И придумал: будет в подмогу мне, не удивляйся, Бова!

Не скажу, что привлечь сего секретного осведомителя чуждого сыска было для меня вельми трудным делом. Попотеть пришлось допрежь, накапливая опасные для него сведения. Ведь два совместных года в младшей охоте вел я скрытный пригляд за ним. Изрядно установил сам, а иное узнавал от Любослава, когда доводил до него свое. Ведь состоя соглядатаем и доносителем, беспечен он был и самонадеян, еще и небогат умом. Хотя и ловок в подслушивании.

И уж поверь, проведай в младшей охоте об его проделках, многих, недолго оставаться ему в живых!

Сам прикинь, что сделали бы с ним, узнав, что по его доносам охотничья дружина наша убыла – за выявленные им прегрешения, порой и ложные, на семерых! А один бывалый ловчий, непочтительно отозвавшийся во хмелю о жене князя Ярополка, даже в железа угодил.

Бова и под меня усердно рыл, аки вепрь под дубом, ища поживу. Однако не преуспел в своем копании. Ведь я-то осторожным был, ведая, кто он таков! Да и положение мое вызывало зависть у иных. В младшей охоте нашей даже особенно заслуженные считали меня лучшим из молодых ловчих. С их слов начали присматриваться ко мне и в старшей охо-

те, у коей были высокие покровители при княжьем дворе, и благоволил ей сам князь.

А когда назначили меня в старшую охоту, сообразил я, что гоже бы перетянуть туда и Бову, дабы под надзором был и всегда под рукой – на случай, аще для моих целей понадобится предъявить ему, сурово. И едва освоился на новом месте, раз за разом начал нахваливать его в присутствии бывалых ловчих: таковой, мол, умелец ловитвы остался в младшей охоте, что мне и не стоять рядом с ним. Те внимали и запоминали... Скрытного осведомителя второй потаенности подсаживали, дабы приподнялся он, и начальствующие над ним сыскные чины, киевские – ясно, почему. И единою он стал младшим ловчим старшей княжеской охоты, вскоре приступив к новым доносам. Всего чрез месяц завалил ловчего Тарха, зело уважаемого в нашей дружине охотничьей за рвение в ловитве и добрый нрав. И проведай о том друзья Тарха, ложному Бове мигом бы свернули выю, досадуя, что токмо одна она.

Выявил он тайные сношения Тарха с Румяной, женой гридня Братислава, охранника князя Ярополка еще с поры, когда тот был княжичем.

Казалось бы, в чем здесь великий грех по службе? Тем паче, Румяна и до Тарха со многими промышляла. Да и то багать, нечасто отыщешь святых пред собственными мужьями и женам, а редкие те, возможно, ловко таятся. И не иным судить, кому и с кем слаще! Однако Бова, донеся о том своим

начальствующим, намеренно высказал хитроумное предположение: а не выведывает ли Тарх от Румяны сокровенные тайны княжеского двора? Не сходник ли он?

Откроюсь – теперь уж можно: суть многих его доносов была известна нам еще тогда, когда состоял он в младшей охоте. Зане все они проходили чрез незаметного служивого киевского сыска – изрядных уже годов. За оное усердие не в пользу Киева ему, еще при княгине Ольге, определили мы скрытное жалованье – в тайную прибавку к его служебному.

Что оставалось делать начальствующим, знавшим, что Бова вряд ли остановится, и способен донести выше, а дело может дойти и до князя? Токмо принять меры! Они и приняла. Тарха изгнали из старшей охоты и препроводили, на всякий случай, в застенок временного заключения, откуда он вышел, спустя немного дней, полностью очищенным от подозрений и без двух перстов на деснице. Вслед отправили его на постоянное поселение в дальнее городище, дабы не высовывался и помалкивал.

Добавлю: измышления Бовы показались мне тем подлее, что Румяна была бестолкова, и не годилась в скрытные осведомители, а подходила лишь для утех с ней. В том лично убедился я, во имя вящих надобностей скрытной службы моей во благо Земли вятичей, и не смей помыслить об ином!

На какие жертвы не пойдешь, выполняя служебный долг, священный! И когда поступал приказ: «Надобно, Хмара, надобно! Не жалея чресла свои, Отчизны ради!», приходилось

и телом кривить – не токмо душой...

XLV

Была у Булгака ниточка! А толку-то? Не ему доверили вести дознание! Ибо начальствующие не верили в его сыскные способности. И относились к нему аки к выскочке, пристроенным в Киев своим покровителем – бывшим черниговским воеводой, вошедшим в силу при Ярополке и возведенным в чин княжьего мужа, коего небезосновательно считали они редкостной шельмой, доносчиком князю и казнокрадом.

Не удивительно, что относились к Булгаку с подозрением и остерегались вести в его присутствии разговоры на внеслужебные темы, памятуя и тот его огрех в Чернигове, наделавший немало шума в Секретной службе...

Тогда, принимая гостей со всех концов Киевского княжества, встретил он, в числе прочих, и незнакомого ране киевлянина средних лет в драгих одеждах и добрым мечом на поясе, а сей могли позволить себе лишь те, кто с изрядным достатком. Верные люди известили Булгака: мол, объявился приезжий, прибывший в Чернигов закупать лошадей для войска. И решил Булгак, что столь серьезного человека надобно, не промедлив, основательно приветить – таковые знакомства, полезные, всегда пригодятся таче!

При первой их встрече оный киевлянин – пригожей внешности, крепкого сложения и с бородой, подстриженной накоротко, представился Буриславом из княжьей дружины в чине купчины – сановного дружинника, состоящего при вой-

сковых воеводах по части важных закупок.

Ясно, что для таковой персоны, важной, нельзя было ограничиться одним угощением в трапезной! Надлежало предоставить и телесное яство, дабы запомнилось оно надолго! — с благодарностью в памяти к устроителю.

Посему Булгак и выставил Буриславу, по завершении трапезы и доверительного приглашения в совершенно секретную мыльню, лучших своих мастериц: Любаву, Забаву и Новицу, коими не брезговал порой и воевода.

Сам же поспешил к пруду, вырытому почти что рядом с мыльней, будто бы проверить, не завелась ли в нем тина. Подходить сюда иным, ближе, чем на полста шагов, когда в мыльне парятся, либо наслаждаются не токмо жаркой помывкой, категорически воспрещал он. Поелику заметить, чем занят был, спустившись к пруду, являлось вельми затруднительным.

Недолго выждав, он прокрался к мыльне с той стороны, что выходила на пруд, а иная сторона ее обращена была к гостевым строениям. Извлек из осьмого бревна снизу деревянный стержень толщиной в перст и прильнул к образовавшейся дырке. Немногое в нее узришь, ведь единственное слюдяное оконце, плохо пропускало свет, да и находилось почти под потолком. Дорога была та слюда, однако не бычий же пузырь помещать в оконный проем мыльни с повышенными удобствами для дорогих гостей!

Булгак привык к подобному неудобству и давно уж сми-

рился с ним. Тем паче, обычно подкрадывался к секретной дырке не подглядывать, а подслушивать. Да и то лишь в редких случаях, когда особливо заинтересовал его гость, а сей точно заинтересовал, ведь из Киева. Касаемо остальных, довольствовался он докладами своих искусниц, исподволь подзуживавших разомлевших и не протрезвевших еще гостей на непозволительные речи. Ему и в голову не пришло бы делиться с кем-то сведениями, почерпнутыми из тех речей. Сие рассматривал как личное свое достояние, рассчитывая, что рано иль поздно оно поможет ему в продвижении по службе. Вот токмо бы перебраться в Киев!

До поры ничего путного не доносилось из конспиративного отверстия. К тому ж зело отвлекало налетевшее комарье. И уже перекусило оно отчасти кровушкой подслушивающего, когда Бурислав вскричал: «Будя! А с озером – повременим!», и рухнул на лавку у стены, втайне пронзенной одиножды буравом Булгака.

Сразу же заметно улучшилась слышимость.

И едва отдышался Бурислав, сидючи на лавке, и в глас вступил, у Любавы, Забавы, Новицы и Булгака иже с ними зашевелились власа не токмо на главах их!

– Зрю я на вас, шалавых, и скорбно мне! С кем связались вы?! Ведь подвойский сей, под коим ходите, суть вошь, презренная, и гнида!

А воевода, у коего состоит он в прислужниках, подлых, и того мерзей! Казну обкрадывает, купцов грабит и весь, до

пят – гнилой уд, что пора отсечь!

Известно нам, радетелям княжества Киевского: оба они замыслили извести князя Ярополка, кормильца нашего и благодетеля. В заговор вступили, скрытный!

Вождедеют отравить князя греческим ядом. А вслед отворить киевские врата печенегам! – позде и на Чернигов навести кочевников сих, кровавых...

Однако не успеют они, ведь выявлены. И скоро будут казнены!

Хотите на плаху аки пособницы их в сношениях? Будет вам плаха! А ваши тела, блудливые, бросят в чистом поле – на радость стервятникам и волкам, не сытым... Готовьтесь, и ждите! Недолго осталось!

И Булгак представил, как затрепетали Забава, Любава и Новица, не ведая в простоте своей, что начальная стадия шантажа никогда не бывает ласковой. Да и по собственной его спине давно уж струился холодный пот...

Вслед дорогой гость совершенно секретной мыльни справился о чем-то, а у кого Булгак не видел, ибо невозможно с равной успешностью подглядывать и подслушивать, ежели дырка не толще перста. Приходится выбирать одно из двух!

И услышал Булгак суровый глас обличителя:

– Признавайся, как зовешься, пособница!

– Заб-ва-ва, – пролепетала та, запинаясь...

– Забава, значит, – чуть потеплел голосом вконец освирепевший, было, гость, оставаясь, по предположению Булгака,

на лавке и в полном обнажении. – Жить бы тебе, да жить.

Совсем ведь еще юна! И товаркам твоим, злосчастным, тоже б избежать живота лишиться. . .

Токмо чем спасти-то нежные ваши выи от неминучей секиры на плахе? Ведь даром никто не помилует. Заслужить надобно! Ясно тебе?!

Ничего не услышал Булгак в ответ от Забавы. И сообразил, что не в силах уж и слова вымолвить, она затрясла головой, являя понимание и подчинение, а вполне возможно, и обмочилась с перепугу от таких угроз.

– А они? Хотят ли они на плаху? – опять посуровел голос дорогого гостя, определенно имевшего в виду Любаву и Новицу. – Ежели не хотят, а говорить невмочь, живо на колени!

И не усомнился Булгак, что мигом исполнили они.

– Даже не ведаю: что делать с вами? – огласил дорогой гость после некоторого молчания, отведенного, как предположил Булгак, на изображение глубокого раздумья. – Собирался уже везти в узилище где вас изготовят к казни. Приказ таков! А вдруг озарило мя: может, повременить чуток?

Однако, о чем тогда докладывать начальствующим? Раскалялись, мол, девки, что вступили в сговор на убиение князя с подвойским-злодеем, и искупиться жаждут? Да за подобную речь меня самого под секиру бросят! Начальствующим не слова нужны, а донесения о приведении в исполнение!

Что же затеять, дабы спасти вас хотя бы на день-другой? А рискну! – попробую. Выложите мне тут же – по-простому,

по-бабьи – все, что ведаете худого о подвойском и воеводе, о разговорах их и злостных помыслах, и обо всех их привычках гнусных – даже и в мыльне сей.

Чем гаже расскажете о них, тем боле поверят вам начальствующие, когда доложу им. Глядишь, послабление дадут, и отделаетесь одним клеймлением, а казнить и не станут сразу! А ежели об очень худом доложите, могут и до милости снизить, временно отменив клеймление ...

Сейчас же ополоснитесь, и винитесь, немедля, сколь сможете!

Излагайте о злодеях самую лютую хулу!

Жду от вас токмо худа о них, и ничего, опричь худа! А иначе – плаха вам и секира!

«А ведь и впрямь доведут меня до плахи девки сии, блудливые! Понапрасну благоволил им, неблагодарным. И токмо избранным мужам подкладывал! Выложат все, что ведают обо мне, и даже то, чего сам о себе не ведаю», – сообразил Булгак, пропотевший уже насквозь.

Однако, хотя и с изрядным трудом, а все ж взял себя в руки, понеже не был он трусом. И принудил себя к размышлению, спешному, кто Будислав сей и можно ли открутиться от беды.

Кем состоит оный обличитель? На быстрый ум пришли лишь две очевидные вероятности. Или тем, кто подослан от завистников воеводы, мечтающих сбросить его с лакомого стяжательства в Чернигове, или вражьем сходником, от-

правленным для выведывания и дальнейшего шантажа воеводы и самого Булгака, дабы изменнически доносили они.

Скорее всего, сходник он – уж больно ловок в запугивании. Таковому мастерству долго обучаться надо у бывалых наставников! А служит кому?

По вельми скорому разумению Булгака, лазутчик мог служить либо ляхам, либо вятичам, не менее враждебным Киеву. Кто же направил его?

Ляхи или вятичи, ляхи или вятичи, ляхи или вятичи? Ляхи! – они еще наглей!

В любом случае, следовало незамедлительно задержать и примерно наказать на месте лживого обличителя.

Ежели направлен он врагами воеводы, худо ему будет! Тот не пожалеет сил, чтобы покарать его за навет подлый, узнать, от кого он, а вслед отправиться в Киев и воззвать к князю за злой умысел врагов его. «И тогда я – герой, еще и воевода вознаградит!» – сразу же и прикинул Булгак.

Ежели направлен он от ляхов, будет ему еще хуже! За пособничество врагам воеводы, скрытным, всего лишь обезглавят, а здесь и на кол отправят!

«И тогда еще больший герой я, весь в почете и славе! И в Киеве заметят! Статочное ли дело: подвойскому одолеть сходника от ляхов?!» – возрадовался он в душе. И наперед даже возгордился собой ...

Осторожно обойдя мыльню, заспешил он припрыжкой, резвой, к гостевым домам – за подмогой. И уже на ходу

определил, что привлечет к исполнению примерного наказания двух доверенных челядинцев, смекалистых и послушных ему во всем, переведенных сюда на повышение из бирючей на черниговских площадях.

Что немаловажным было, Здравень и Могута – здоровяк и силач – полностью соответствовали своим имянаречениям, что не сулило мерзавцу, обозначившему себя Буриславом, ничего хорошего.

Булгак всегда привечал сих молодцев за рвение по службе и голоса зычные, слышные далеко вокруг. И в бытность их бирючами добился через воеводу повышения им жалованья, ставшего вровень с палаческим. Ноне им и предстояло исполнить роль палачей, хотя и без смертоубийства...

Наспех наказав дворне в малом гостевом доме, чтобы стерегли Забаву, Любаву и Новицу, когда придут они, он отозвал на природу Здравеня и Могуту. И наскоро поставил задачу: предстоит им рукава засучить! Ведь выявлен враг воеводе, Чернигову и всему княжеству Киевскому! Сей миг таится он в мыльне – под видом купчины Бурислава.

Однако не Бурислав он, а засланец, дуже опасный при задержании! Князя нашего, любимого, извести затеял! Печенегов на Чернигов наводит!

Стало быть, нечего церемониться с ним! А Могуте – особое задание: одеть по железному кольцу с шипами на четыре перста десничных.

– Воевода вас не забудет! – заключил он...

XLVI

«Елико ж напрягал он свои чресла, Отчизны ради? Прямо мученик!» – прыскнул в душе Молчан, смешливый.

А неправ был он, по младому своему неведению, не постигнув еще базовых основ разведывательной деятельности во враьем логове. Ведь иное сладострастие по форме – су- щая мука по сути!

Посему, к примеру, вряд ли смог бы он повторить безза- ветный подвиг оперативника Хмары от 974 года, когда ре- зидент Любослав приказал тому срочно сблизиться с Голу- бой – старшей помощницей ключницы жены князя Яропол- ка Святославича.

Было ей шестьдесят, а всю румянилась, зело страхо- людная видом и статью! Око с бельмом, родимое пятнище на носу, четыре зуба на весь рот, вся в морщинах, кривобокая и сторбленная.

Еще и злобная. Изводила всех девиц, многих, бывших у нее в подчинении: кого ущипнет, кого огреет тяжелым, ко- го оговорит пред ключницей и порке подвергнут ту. А одна даже руце на себя наложила, не выдержав издевательств изо дня в день.

И обозначить Голубу каргой, мало будет!

Однако состояла в полном доверии у ключницы Купавы, коя была наперсницей княжеской жены-гречанки. А Яро- полк делился самым сокровенным с женой той.

И ясным было прозорливому Любославу: тот, кто станет полюбовником Голубы, получит чрез нее доступ к информации такового уровня, что выше и не бывает!

Отчего ж резидент Секретной службы вятичей в Киеве решил отдать на закляние лону оной кикиморы именно агента Хмару, принося его в жертву, аки агнца?

Да никто не подходил лучше! Возраст – двадцать четыре, ровно в полтретью младше срока Голубы. Зело пригож – все девки сохнут! Смекалист и проверен смертью ворогов, упокоенных им.

Всего за год продвинулся от стажера младшей княжеской охоты до младшего ловчего и уже на виду у его начальствующих. Уважителен со старшими. Беспрекословен при исполнении приказов. Вельми крепок к хмельному. В меру экономен в личных расходах. А сколь красноречив!

И сможет ли Голуба, оголодавшая без мужского участия, не втюриться в сего ясного сокола, когда откроется он в чувствах? Невозможно оно!

Правду сказать, когда Хмара выслушал распоряжение Любослава, свет помутился в очах его и токмо что не зашатался он. Ибо не раз зрел старшую помощницу ключницы жены Ярополка-князя и всегда содрогался внутренне!

Потому и запросился, супротив обыкновения, увильнуть от задания и выбрать на вахту к Голубе кого-либо иного, кто точно справится. Однако молвил ему резидент – торжественно и сурово: «Надо, Хмара, надо! Родина ждет! Нев-

мочь Земле вятичей без твоего подвига!»

И подчинился он, стеною в душе. А члены его стеною в унисон с ней...

Голуба и точно не стала возражать, едва заметила первые же признаки внимания, кои оказал ей Хмара, явившись, будто бы по надобности – как посланец от старшего ловчего младшей княжеской охоты, в хозяйственную пристройку к княжьему терему, где старшая помощница ключницы вершила свое началование.

А завидев ее, всплывшую и спешащую на суровый разбор, ибо не по чину было ловчим младшей охоты кланчить на княжьем дворе щелок, дабы при случае отмывать с его помощью слегка запачканные одежды, вперил он взор столь благоговейного восторга, что екнуло сердца Голубы и чуть не прервалось навек от половодья нахлынувших чувств!

Удостоверившись в явной обоюдности чрез первые же слова меж ними, сблизились они еще до первых петухов, когда старшая помощница провела младшего ловчего в свою светелку, где одних перин на постели, говевшей последние четверть века, имелось аж шесть, отчего даже Хмара взобрался с трудом и не сразу.

И перво-наперво попросил он предстоящую возлюбленную погасить обе свечи, дабы не лицезреть сию рожу, хотя объяснил свою просьбу целомудренной робостью пред свершением совокупного на двоих таинства, а в темноте ему сподручнее будет разом осмелеть!

Увы! – даже и в темноте осмелел он не сразу, а сильно по-
года. Уже и Голуба засомневалась, не обманул ли ее сей мо-
лодец, касательно пылких чувств. А токмо с двухсотого по-
вторения мантры: «Надо, Хмара, надо! Родина ждет!» оси-
лил Хмара подвиг по приказу, ощущая подступавшую тош-
ноту. Ибо не было у него иного выхода без противоречия со
служебным долгом и оперативными надобностями скрытно-
го выведывания.

Зато в ближайшие полгода неисчислимо добыл он бес-
ценных сведений! Центр передал аж две благодарности Лю-
бославу, хотя скупой на похвалу резидент отметил заслуги
Хмары лишь единою.

И доведись Молчану ознакомиться с описанием того эпи-
зода в совершенно секретном личном деле своего старшего
родича, не оспорил бы многомудрую сенетенцию: «О, сколь-
ко нам открытий чудных готовит сходничества дух!»

А ведь и верно...

XLVII

Последние шаги на пути к совершенно секретной мыль-
не делали они крадучись, дабы не спугнуть. А когда Булгак
чуть ли не на цыпочках подкрался к входной двери и чуть
приоткрыл ее, услышал знакомый голос:

... – А на пиру с иными злодеями подвойский, подлый,
заставлял плясать на столе голой и задирает пятки, pupa вы-

ше! Лютую хулу изрыгал при том о князе нашем, суля ему смерть неминучую, и воевода был с ним в сговоре!

«Ну, Новица, погоди!» – расценил Булгак, окончательно решив для себя судьбу трех мастериц. Ибо ничуть не сомневался он, что Забава и Любава еще и не то выскажут! Либо уже высказали ...

Надлежало, предварительно запугав, похлеще Бурислава, ложного, определить их в гарнизонные прачки! И сами пушай выкарабкиваются!

... Булгак и не подозревал, что всего через семь с половиной веков одна гарнизонная прачка, неизвестной и по сей день национальности, однако точно без единой капли русской крови, выкарабкается аж до трона, на который взойдет после смерти своего мужа. И будет официально править Российской империей боле двух лет, пока не помрет от каждодневного пьянства, начинавшегося несколькими подряд стопками по пробуждении, и столь же насыщенного «амурного промысла», еженощного, с любовниками, коим несть числа.

А почему ж выпало ей подобное счастье? Да потому что заслужила его!

Ибо, начав со стирки солдатских портов, превозмогла все испытания и вершин достигла! Раз от раза набираясь практики и совершенствуясь в навыках, осилила на пути своем, женском, многое и многих, возвысившись поначалу до некоего Бауэра – должностного лица в Российской армии, кон-

фисковавшего ее у нижних чинов в личное пользование. Затем на нее положил похотливый глаз фельдмаршал Шереметьев, зело старший в звании над Бауэром, и изъял у подчиненного для собственных сладострастных нужд.

А следующим ринулся на чаровницу ту денщик и фаворит государя, бывший самым ушлым в «гнезде птенцов Петровых» состоявшем из махровых ворюг и лихоимцев, на любом из коих было решительно негде ставить печати. До смертного одра он так и не научился чтению и письму, зато возвысился до герцога Ижорского, Светлейшего князя, генералиссимуса Российской империи, владельца 90 тысяч душ и многих городов, став и самым добычливым казнокрадом за всю трехсотлетнюю историю Дома Романовых, совокупно укравшим на сумму, равную тогдашнему годовому бюджету империи.

Меншиков и переуступил Марту Скавронскую, кою нарекли Екатериной Алексеевной много погодя, самодержцу Петру Алексеевичу, расщедрившемуся за проявленное мастерство на цельный серебряный дукат!

А годы спустя государь сводил ее под венец, обернувшийся для него увесистыми рогами не токмо от Виллима Монса, равно и насмешками, изобильными...

А значит, теоретически вполне вероятно, что Забава, Любава и Новица не сгнули даже по изгнании их в прачки. Не след печалиться о них, загодя!

Ибо всего через два года в Киеве воссел Владимир-князь, свергнувший своего старшего брата, убиенного вскоре. А бу-

душий креститель Руси славился тогда любвеобильностью и на Западе! Посему и назвал его Нестор-летописец, насчитав у него 800 наложниц – 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и еще 200 в Берестове, «ненасытным в блюде», а современный Владимиру немецкий хронист Титмар Мерзербургский – «великим распутником».

Допустимо ли, что среди восьми сотен личных прелестниц Владимира, не считая, понятно, его одновременных собственных жен – «чехини», родившей ему Вышеслава-первенца, Предиславы, Рогнеды, Гориславы, Юлии, Адельи, Мальфриды, Владивои, Милолики, и многих-многих чужих, отнятых у их супругов, могли оказаться Забава, Любава и Новица, либо одна из них – самая прыткая? Вполне! Почему и нет?

... В мыльню ворвались втроем. И застали врасплох четверых – без намека на одежды: дорогого гостя, сидевшего на лавке, и трех прелестниц пред ним, дающих показания, невытяжку.

Булгак, не давая опомниться им, выдал ор еще с порога: – Вон отсюда, срамницы! Бегом в гостевой дом, малый!

И переменяв тон на спокойный, обратился к дорогому гостю:

– А ты и не вставай! Незачем тебе, ведь вмиг ляжешь...

– Да ведаешь ли ты, кто я таков, при исполнении? – попробовал пугнуть подвойского дорогой гость, попытавшись все же встать.

А не получилось у него с первого раза – видать, отчего-то ослабли коленки.

– Вем! – четко отвечивал Булгак. – Сходник ты! Зрадник! Засланный убивец князя!

И с ляхами снюхался, что зарятся на достояние наше от предков. Не видать им вильных галушек в мисках и ридного сала в шматах!

Злобствуешь на самостийность нашего княжества? На незалежность его нацелился, идущую от Адама с Евой и сына их? Бей его, хлопцы!

Когда все ж утомились хлопцы, а Бурислав, ложный, пластом вытянулся на полу, чуть шевелясь и подрагивая пятками, Булгак, приказав окатить его водицей и приподнять, изготовился к строгому допросу. И обратил внимание: удалые Здравень с Могутой, войдя в раж, отходили дорогого гостя от всей души, и замарали пол, будто многих свиней резали.

«Похоже, хлопцы погорячились!» – прикинул Булгак, когда мнимого убивца князя в сговоре с ляхами окатили и приподняли. И при взгляде на месиво взамен недавнего лица, пригожего, несколько убавился его запал.

Тут же припомнился ему выкрик зрадника в самом начале примерного наказания, за что и получил от Здравеня носком сапога в зубы, и боле не способен был внятно вопить: мол, не Бурислав он, а из сыска.

«А вдруг и точно из сыска он? – запоздало дошло до подвойского. – Как же не предусмотрел я?! Ужель не додумал

в спешке?»

На местный сыск он не грешил, и нисколько не опасался его, зная там каждого пса. А допрежь, состоя в невысоких чинах, даже имел от него небольшой доход по выполнению разовых заданий, тайных. Да в Чернигове никто бы и не рискнул замахнуться на него, ближнего человека воеводы!

Ежели ж и точно оный негодяй – сыскной из Киева, тогда скверно дело... Запросто предъявят за увечья, нанесенные при исполнении! И останется токмо одно упование – на поддержку от воеводы. Аще замолвит он слово за бесценного для него подвойского на самых верхах киевских, то могут там и снизойти до рассмотрения оправдательных резонов. А тогда, не сомневался Булгак, начальствующие сего лазутчика могут согласиться на закрытие дела при условии тайных выплат каждому из них – за умышленное попрание чести и достоинства скрытной их службы!

И что ж поделать? Придется смириться, что зело оскудеет личная мошна. Иначе – себе дороже! «Свинье не до поросят, когда ее смолят!» – вспомнил он к месту.

Предчувствие его не обмануло! Когда драгой гость отворил все же зенки свои, обретя и частичную способность издавать, пришептывая, внятные звуки, присвистывая сквозь свежие прорехи в зубах, и перекривляясь при кашле, отдававшем в сломанные ребра, безропотным стал и послушным.

При том, что еле слышал из-за повреждений в ушах.

Вслед прошепелявил всю правду, выпотрошенную из него

крутым подвойским, тоже допросчиком знатным!

Наперво она казалась безрадостной для подвойского, однако при зорком рассмотрении оставляла надежды на лучший исход. Причем, немалые!

Сей покалеченный являлся-де младшим тиуном Лутоней, скрытно посланным его начальствующими в Киеве для проверки сигналов с мест о лихоимстве черниговского воеводы и бесчинствах его подвойского.

И действовал он строго по инструкции, данной ему пред убытием в Чернигов тиунами Нахвалом и Колядой: запугать дворню Булгака так, дабы обделалась она и дала на него показания.

Ежели ж даст самые лживые, се еще лучше! – боле им будет веры у высших чинов княжества! А опираясь на них, прижать самого подвойского, и вынудить сдать воеводу с потрохами.

И по выполнении было обещано ему производство из младшего тиуна в тиуна – распоряжением самого князя Ярополка!

– Оп-па! Неладно, что он воистину чин в сыскной службе Киева, а ладно, что дурак и мелочь! – оценил Булгак совокупность полученных данных.

Ибо выходило, что не он, а Лутоня, дав под побоями слабину, попрал честь и достоинство скрытной службы, обозначив отсутствие оных!

Крепко подгадил сей своим начальствующим, огласив о

кознях их при трех свидетелях. И себя раскрыл по имени и чину, и двух начальствующих своих выдал.

Не прощается такое в тайных службах! «Не ведаю, что будет со мной, – оценил Булгак, – однако Лутоню точно выпрут!»

А пригрозят они мне, пригрожу в ответ и я. Мол, токмо троньте, и доверенные мои люди станут предупреждать всех приезжающих в Чернигов знатных гостей, дабы остерегались они, на какие пакости горазд киевский сыск! На все Киевское княжество ославлю! И возрыдают те, опосля!

Посему и уведомя начальствующих чинов, охранных, во избежание им такового срама: аще они закроют дело, то онемею я, держа в утайке их облом, аки тать с вырванным языком. И вдобавок предложу кошель, доверху набитый дирхемами. Пушай делят промеж себя! Дороговато, конечно, выйдет, однако дешевле, чем собирался допрежь! – благодарствую за то Лутоне...

По итогу так и вышло. Воевода, а крепко озлился он на провокацию тиунов Нахвала и Коляды в исполнении младшего тиуна Лутони, замолвил за своего подвойского слово пред главным воеводой Свенельдом. Сам Булгак довел до тех, кто стоял выше Нахвала и Коляды, свою позицию о возможной дискредитации его обвинителей и смешивании их с грязью; обдумав, вняли они ей. А заодно выставил им кошель, и не остались они в накладе.

А вот младший тиун – красавец-мужчина до визита в со-

вершенно секретную мыльню, заработавший в ходе спецоперации по приказу вышестоящих частичную глухоту, зияния в обеих челюстях, широкое рассечение верхней губы, дурно сросшейся впоследствии, отчего и стала она, будто заячья, повреждение зоркости на око шуюе, и хроническую депрессию до скончания дней его, пострадал, по служебной линии, хуже некуда!

В ходе внутреннего расследования его откровения пред чуждыми слушателями были признаны грубейшим нарушением священной присяги, сыскной, и изменой своему высокому долгу, скрытному. И получил он, пожизненно увечный, несоответствие занимаемой должности, разжалование из чина, изгнание из спецлекарни, спецтрапезной и спеццирюльни, выселение из ведомственной избы и отставку без выходного пособия...

Понятно, что высшие чины Секретной службы еще тогда затаили на избыточно увертливом подвойском. И когда его, по протекции, назначили – с повышением в чине! – в их ведомство, отнюдь не возрадовались они, приняв совокупное решение: никуда не допускать сего проныру и прохиндея, помимо надзора над узилищами и застенками предварительного заключения.

И ныне, из недоверчивости и зависти к дарованиям его, сохранялось у них подобное отношение! Даже и после обыска у Любослава, на коем настоял именно он, Булгак. Благодаря лишь ему, у врагов не оказалось секретного оперения,

особого кресала, новейших наручей и даже клея из смол древесных. Сберег их для Киева и заключил в железа главного сходника!

А что взамен? Черная неблагодарность, едва оступись из-за досрочной смерти Любослава. Он ли повинен, что у того оказалось слабое сердце? Не он! А кому тогда выговаривали боле иных? Вот и служи таковым! – сколько ни бейся, не дождешься от них повышения!

Эх, дали б ему потянуть за ту ниточку, выявленную им, благодаря счастливейшему стечению обстоятельств! А ведь уже на третий день от хищения чертежей, украденных у ромеев, Булгак вычленил искомое звено в цепи своих умозаключений. И звалось то звено Прекрасой...

XLXVIII

Чую: весь изъерзался ты, ожидая, когда ж перейду к главному. А ведь оно всегда состоит из подробностей, не всегда приметных на первый пригляд.

Уступая твоему нетерпению, перехожу.

В ту пору был под моим началом один проверенный в деле человек, о коем уже упоминал, рассказывая о Мокше. Ему и поручил я выйти на Бову.

Располагались мы тогда в лесу, в дальних окрестностях киевских пригородов, понеже летние охоты на зверя и птицу были в самом разгаре, а обеспечение их возложено было на нас.

Неподалеку и озеро имелось, славное карасями неимоверной величины, кое любили посещать персоны высоких чинов, дабы наблюдать с берега, как их челядь собирает неводами.

И единою, в будний день, после обеденной трапезы и непременно нашего сна, а никого не ожидали мы и не были обременены хлопотами, явился в наш лагерь некий торговец на телеге и стал предлагать свой товар. Все дружно заинтересовались, ведь выпались и пребывали в благодущии, однако уж и скука подступала, а тут – развлечение некое.

Выставил на продажу доброе, ано и запрашивал недешево. Все ж не скупилась многие, поелику в наших кошельках и поясных карманах водились серебряные дирхемы и резаны, а не медная мелочь.

За особливую цену предлагались тем торговцем женские украшения от киевских мастеров и заморские благовония. Тут и покупателей почти не оказалось! При том, что ножи с костяными рукоятями, кресала разных видов, дорогие серьги, а любили вдевать их себе в обушия многие ловчие, и мужские браслеты, украшенные, бывшие еще дороже, шли прямо нарасхват. Чего уж таить, не водилось в нашей дружине привычки одаривать хоть чем-нибудь своих подруг.

Однако, вопреки сему обычаю, Бова нацелился на витую серебряную гривну, предполагавшую ношение на вые. Еще б ему не нацелиться, когда для него ее и привезли! Да и прибытие мнимого торговца к нам организовано было мной имен-

но с одной целью. Ведь Бова, а будучи осведомлен, сколь я его нахваливал, он отчасти проникся ко мне, обмолвился незадолго пред тем в нашем разговоре, что мечтает девица его вожделения о витой серебряной гривне в подарок. А напрасными были первоначальные чаяния скрытного осведомителя второй потаенности! Торговец заломил за гривну ту совершенно несуразную цену. И воззвал покупатель ко мне, стоявшему рядом, выбирая из трех ножей с костяными рукоятками: грабеж, мол, сущий! – хуже уличного...

– Нет! – решительно оспорил я. – Гонишь кривду! Зане грабеж сей не хуже уличного, а равный ему, и узаконен он нашим князем. А значит, сие – норма рыночных отношений, включая и торговые. Ведь Киев ноне – сплошной рынок, где все продается втридорога, а иначе никогда не догоним мы болгар по добыче сосновой живицы! Лишь откинув сомнения, добьемся удвоения всего того, что вовсе не бывает, опередив и кочевых печенегов!

Разве ты против норм, установленных князем любимым, нашим? Не верю сему! – оба мы всегда за!

И самые лучшие они, сии нормы! – о том же и бирючи в Киеве вещают на площадях каждый полдень.

А не хочешь, не бери! Ежели ж сильно хочешь, поторгуйся...

Тут и торговец поддержал мя:

– Верно излагает сей, не ведаю, кто он! Когда на улице киевской грабят, могут оставить и без исподнего.

Кто обвинит мя, что снимаю исподнее со своих покупателей? Даром не нужно оно мне, даже и стиранное!

А поторговаться – допускаю сие. Закончу с прочими, подсчитаю выручку, тогда и обговорить можно. Будет она гожа мне, допускаю и некую скидку. Однако в разумных пределах! – не служу я при князе, и неоткуда черпать мне, помимо торговой наценки. Не говоря уже о расходах на мзду надзирающим за моими продажами.

Пожалуй, смогу и сбросить на треть. Однако лишь при доброй выручке, общей, и тут я не отступлю ...

И токмо разошлись иные ловчие, а я стоял в отдалении, наблюдая, тут же и подскочил к телеге осведомитель второй потаенности.

Оглядел его сверху вниз мой человек, и молвил. Здесь не могу поручиться я за каждое его слово, понеже не стоял рядом. А изложу по инструкциям данным ему мною.

– Припаздываешь ты, Михалап, в прямом подчинении у тиуна Годуна. Заждался я тебя, сыскная гнида, и осерчал! А осерчав, могу и порешить тут же. Кровушку таких, якоже ты, считаю ведрами – не каплями!

Аще ж позову иных ловчих и оглашу им о Тархе, да про доносительство твое в младшей охоте, сами они порешат тебя на суку, а дознавателям скажут, в един голос, что повесился ты, незнамо зачем, по собственной воле.

Задрожал? Дозволяю. Однако не обмарай портов! Иначе – выдашь себя пред иными ловчими. Крепись, елико мо-

жешь! – чай, не малое дитя в твои-то дведеcять девять. Кивни, ежели уразумел...

Зрю: кивнул. Стало быть, в соображение впал. Отраднo сие!

Доподлинно ведая, что ты за гадина, не стану предъявлять тебе. И выдавать тоже не стану. Ты мне потребен для иного – дела обоюдной выгоды. Таковой, что ты и повыситься сможешь в скрытном чине. И здесь не шучу я!

А посему: внимай мне, пуще чем Годуну! Сей миг, по команде моей, десять раз вдохнешь и выдохнешь, да поглубже! – не то наказан будешь. А допрежь, смежив зенки, представь зазнобу свою – безо всего, однако с гривной на вые. И не смей отвлекаться на иное!

Представил? Кивни, не отворяя зенок! Начинаю счет...

– По истечении тех десяти раз Бова отчасти пришел в себя, – внес ясность старший родич. – И мнимый торговец, доныне состоящий в нашем скрытном строю и дважды повышенный в чине, перешел к сути.

XLIX

Открыл он ему свою великую тайну, а небогатый разумом Бова жадно внимал. Оказывается, торговец являлся на самом деле скрытником от ромеев. Причем, одним из старших в Киеве, имея доверенных лиц даже в киевской сыскной службе! Отчего и не было для него секретом, что доносителем в младшей княжеской охоте, днесь и в старшей, являет-

ся осведомитель второй потаенности Михалап под личиной младшего ловчего Бовы.

Ноне же, с прибытием из Царьграда нового начальствующего, что старше его годами, давнего недруга еще по совместному обучению в тайной школе иноземного сходничества, наступили для мнимого торговца худые времена! Новый начальствующий – тупой, неумелый, корыстолюбивый, а вдобавок и блудодей, не отвергающий и отроков, не забыл прежних обид и начал отыгрываться за старое. А понеже в царьградском руководстве засели дружки того негодяя, днями поступил оттуда приказ на мнимого торговца о срочном убытии, будто бы не справляющегося с обязанностями своими, скрытными. Ясно ему, что по возвращении он либо будет отставлен от службы – даже без выходного пособия, либо получит назначение с большим понижением и явным уроном в жалованье.

И не в силах вынести таковой обиды, лютой, решил он отмстить пред убытием! И открыть Секретной службе Киева всю скрытную ромейскую сеть и всех ее доносителей из местных – особливо тех, кто таится в самом киевском сыске. Сие великое благодеяние для Киева оценивает он в триста серебряных дирхемов, и торговаться не станет! Поелику и оное полагает редкостной дешевизной, на кою вынужден пойти из-за срочности с отъездом.

Когда передаст он тайны, а взамен получит дирхемы? Токмо на третий день от сего! Ведь на четвертый убывает он,

успев до арестов, и загодя очистившись от любых подозрений.

Где и когда состоится оная передача? Здесь же, неподалеку – на том берегу озера, что зарос камышом, и ближе к вечеру.

С кем, единственным, согласен иметь дело? Лишь с тиуном Годуном, чьи приметы известны ему, о коем окольно знает от доверенных своих из подчиненных сего тиуна, что тот – человек свирепый, зато держит слово.

Хотя дирхемы он все одно проверит – не со свинцом ли? Аще выявит примесь либо подмену, передача сведений закончится, еще не начавшись.

И зря понадеется Годун, что сумеет выследить его отход, разместив соглядатаев своих в зарослях на том берегу, дабы отобрать полученные дирхемы, подло зажулив их! На сей случай, зная в тех зарослях каждый куст, подготовил он таковую каверзу, что не покажется мало ни самому Годуну, ни всей Секретной службе Киева! Посему пушай и не пробует!

Станет поджидать он, схоронившись в прибрежных камышах, и лик его будет закрыт черной повязкой по самое чело. А Годуну надлежит подплыть с дирхемами на одиноком челне, без сопровождающих, и начинать удить – для отвода надзирающих за ним зенок его подчиненных. Тогда он и выплывет, скрытно, прикрытый бортом челна от соглядатаев с противоположного берега.

Однако и рта не раскроет без предъявления оплаты!

Все оное должно быть донесено лично Годуну, и никому иному, не позже вечера следующего дня! И открывается для Михалапа таковая возможность отличиться и повиситься в скрытном чине, коя выпадает токмо раз в жизни! Ведь возлюбил его Годун за великую услугу, оказанную им всей Секретной службе Киева! Еще и наградит разовой выплатой в двойном размере! И слава о нем разойдется по всей сысской службе, на зависть иным осведомителям...

А дабы не взбрело Годуну, что замышляется уловка супротив него, Михалап уже сей миг получит даром троих киевских, кои давно уж доносят им, ромеям. Сих можно отправлять в застенки, немедля! И назвал мнимый торговец войскового сотского Душана, детского Торопа из младшей княжеской дружины и младшего тиуна Девятко из киевского сыска.

Один из них – Девятко, точно доносил ромеям. А Душан и Тороп причинили много горя нашим соплеменникам, и были в крови, выше локтей, когда Святослав ходил в Землю вятичей для грабежей и злодейств.

– Вот каковой была наживка твоя, – вырвалось у Молчана.

– Таковой, и вельми уловистой! – не без самодовольства, зримого, подтвердил старший родич. – Ведь на нее клюнул и старший тиун Светозар, начальствующий над Годуном. Громкий чин в Секретной службе Киева, о коем и не чаял я!

По докладу Годуна, одоббив предложения того о согласии выкупа секретнейших данных за триста дирхемов, решил и

он присоединиться, тряхнув стариной и покусившись на грядущую славу Годуна, дабы не досталась тому одному. Тем паче, Девятко уже дал признательные показания, пройдя две дыбы и три прижигания.

Душан и Тороп пока упорствовали, однако, по уверению мастера-палача, вот-вот должны сознаться и они. И ведь сознались! Причем, в самый канун убытия Светозара со Годуном на озеро – с охраной, и под предлогом ловли карасей на уду. Три признания кряду окончательно убедили их, что небескорыстный мнимый торговец вельми сведущ.

Помню, когда еще издали завидел я, что плывут к нам в челне двое, обеспокоился и изготовился отменить задуманное. Однако, чуть погодя, рассмотрел, что на веслах – Годун, а рядом с ним сам Светозар, решил рискнуть.

И в разгар недовольства фальшивого ромея с черной повязкой по самое чело, державшегося за борт челна, выкатившего двум именитым чинам за дирхемы, привезенные в мешке, хотя могли бы сообразить, что приметен он, и лучше бы в двух кошелях, подплыл я под водой со срезанной камышиной во рту. И дотронулся до подчиненного своего, подавая ему условный сигнал.

Челн мы мгновенно перевернули вдвоем! И удостоверился я, что не даром обучали его умениям подводного удушителя: при моей посильной помощи ловко разобрался он с обоими!

Ни тот, и не другой даже пикнуть не успели...

И еще раз отличился он, когда, бесшумно нырнув в самую глубину, поднял со дна мешок с дирхемами, коей нельзя оставлять было не токмо из соображений скрытной наживы. Ведь извлекая утопленников и обнаружив его, киевский сыск сразу и сообразил бы, что нечисто дело!

А тут списали на несчастный случай, обрадовавший многих сыскных, ибо и Светозар, и Годун отличались свирепостью нрава, злопамятностью и мстительностью. И никто из подчиненных не мог сказать о них доброго слова. Потому и расследовали, спустя рукава...

Да где же, в конце-то концов, Булгак?! Елико добираться можно?! Уже начинаю тревожиться, не заподозрил ли он чего, не ускользнул бы от меня...

– А чего ж тревожиться? Ты ведь и сам ускользал от него! – вновь проявил ехидство Молчан, наново утомленный многословием старшего родича, равно и приводимыми им деталями: допрежь дойдет до сути, заснуть можно!

– Будя! – воскликнул Путята, впадая во всамделишный гнев. – Пресеклась моя терпеливость!

И высказал в адрес своего младшего родича таковое, что никак нельзя привести из соображений благопристойности...

L

Была та Прекраса главной и многолетней полюбовницей

мечника Бажена, состоя и женой Истома – ловчего-старейшины старшей княжеской охоты. И по рождению первенца ея, вскоре и сообразили все, что вряд ли зачинал его муж. К пяти же годкам того мальчика отпали и последние сомнения: рыжий, конопатый, курносый – точь-в-точь Бажен, коему всегда все сходило, аки с гуся вода, по причине близкого родства с главным воеводой Свенельдом.

Еще три года тому, вслед за тризной по Люту – сыну и наследнику Свенельда, убиенному по приказу древлянского князя Олега, среднего брата Ярополка, что и предопределило будущую междоусобицу, Бажен, став ближайшим советчиком главного воеводы, возрос боле прежнего. Сильно прибавил в потаенных своих доходах, провозглашая, что живет токмо с жалованья от князя, отстроил дом – подлинно дворец, обзавелся личной конюшней, где и иноземные кони были, и вождедел уже боярства.

Свенельд же, бывший еще шесть лет тому десницей князя Святослава, а до того шуйцей княгини Ольги, напрочь сокрушив древлян и ограбив их подчистую, являлся закоперщиком похода на иноземные города с катапультами, прельстив обещаниями богатой добычи иных воевод и даже князя Ярополка. И скопированные чертежи хранились, под особым надзором, именно у него.

Ноне же, всего за полгода сильно утратив прежнее влияние при князе Ярополке и сдавая одну былую позицию за другой – из-за интриг воеводы Блуда и в пользу того, он убыл

из Киева собирать войско для отражения варяжской рати под началом Владимира Святославича. Не подозревая при сем, что коварный Блуд, главный его соперник при княжеском дворе, окончательно переметнулся к Владимиру и уже измыслил, как извести Ярополка, предварительно запугав его, что и сделал потом.

Секретные же пергаменты Свенельд доверил перед отъездом на хранение Бажену. Из покоев одного мечника чертежи, в его отсутствие по выезде на охоту, и исчезли...

А кто был вхож в те покои?

Жене своей, Ружице, Бажен позволял появляться там единожды в году – в ночь накануне праздника Лады – богини брака и семьи, из опасения, что иначе прогневаётся она и сурово накажет его за хроническое неисполнение супружеского долга. Прочее время проводила она в собственных покоях на другой половине дома, разделяя с мужем лишь вечерю, когда за общим столом собирались и дети их – юного и отороческого возрастов.

За уборкой в покоях Бажена лично надзирала ключница Богдана – главная над всей домовою прислугой, имевшая столь вздорный нрав, что даже самые кусачие и гавкучие псы, завидев ее, мигом поджимали хвосты и спешили слинять подале.

Некий Добыш в личине поставщика к двору княжьему заморских вин, попробовал, было, привлечь Богдану к скрытному сотрудничеству, понеже, вразумлял ее он, крепчают

внутренние враги на тайном иноземном содержании, при том, что никогда не дремлют внешние, и должно неусыпно бдеть даже и в покоях своего хозяина, о чем ему, Добышу, при исполнении, докладывать. А обернулось для него вельми уныло.

Борзая ключница, полувековая, не боявшаяся ни Перуна, ни злобных банников-женоненавистников – нечисти, промышленявшей в мыльнях, ни тиунов из сысского ведомства, не промедлив, ринулась выцарапывать бойцу невидимого фронта очи его, карие, стремясь и выдавить их из орбит! Однако, из-за разницы в росте, пришлось довольствоваться глубоким, сообразно величине когтей ее, процарапыванием сугубо враждебных ланит.

А еже они воспалились, ведь не соблюдала Богдана опрятность своих когтей, и не смогли помочь Добышу в спецлекарне, лишь обмазали чем-то вонючим, пришлось обращаться к знатному целителю Кудеяру – тайному ревнителю выявления внутренних врагов по линии Второй главной управы, состоявшему в скрытном ведомственном чине осведомителя первой потаенности.

Вместе с тем, была она безусловно предана Бажену, хотя терпеть не могла любовниц его, при том, что Ружицу не терпела еще боле.

Обстоятельства сии исключали вероятность лукавых подходов к ней вражьи сходников, ибо не спустила она даже прыткому служивому Секретной службы, не прикоснувшись

к личине его, скрытной, однако не пощадив натуральную.

В покоях тех была – с обратной стороны, куда можно подняться, минуя густой придомовой сад, исключительно с черного входа, содержащегося под замком, и тайная дверка с еще одним замком, тоже вне контроля Богданы. А ключи от них, помимо самого мечника, имела Прекраса, и лишь она одна, как самый близкий Бажену человек и в Киеве, и за его пределами.

Булгак давно уже проведал о том из собственного скрытного источника – от ее задушевной подруги именем Белослава, с коей вступил не токмо в агентурные сношения, втайне от вышестоящих над ним. Поелику, задолго до хищения секретных пергаментов, затаил он мечту продвинуться по службе с помощью всесильного главного воеводы, раз уж собственные начальствующие тормозили его. И решил начать с извилистого выхода на Бажена.

Путь к достижению лакомой цели избрал он таковой: соблазнение задушевной подруги Прекрасы – личное знакомство чрез нее с самой Прекрасой – личное знакомство с Баженом чрез Прекрасу – личное знакомство со Свенельдом чрез Бажена. Предполагалось, что главный воевода вскоре сообразит, елико полезным может оказаться, аще приблизить его, столь даровитый тиун, недооцененный в Секретной службе, хотя чудеса творил он еще в Чернигове и уже в Киеве арестовал матерого затаившегося врага.

Отчасти уже преуспел он. Дюже невзрачная Белослава,

ибо иных задушевных подруг у красавиц и не бывает, отнюдь не воспротивилась ему, будучи завистливой к блудежам Прекрасы и охочей до любовных забав, на кои скупился ее муж. Вслед познакомился чрез нее с главной полюбовницей мечника. И когда мысленно сравнил вынужденную свою возлюбленную, от коей воротило его, и приходилось понуждать себя, с неверной женой ловчего-старейшины, сравнение оказалось сильно не в пользу Белославы...

По совершению кражи чертежей греческой катапульты, осмыслил он данные, накопленные в общении с Белославой – постылой, зато полезной. Ибо золотое правило сыска: с лица воду не пить, был бы осведомитель хороший!

И четко вывел: надобно копать либо в ближнем окружении Прекрасы, либо в ближнем окружении ее покладистого Истома. У Прекрасы такового не имелось, поелику ей вполне хватало, из предосторожности, одной Белославы, мухортой. Оставалось окружение ловчего-старейшины старшей княжеской охоты, с коим – фальшивым отцом своего первенца, Прекраса предусмотрительно сохраняла ровные отношения, не позволяя ему ничего иного; впрочем, он и не домогался очередности с мечником.

Главное затруднение заключалось в том, что в окружении гостеприимного и хлебосольного ловчего-старейшины состояла чуть ли треть старшей княжеской охоты. И хватало меж них удальцов, не вышедших за пределы младости!

Прекраса же, пылкая, давно пресытившаяся Баженом,

имевшим и других любовниц, oprичь нее, имела обыкновение заглядывать на пиры Истома со товарищи. Явно высматривала, кому б из ловчих отдаться ловчее!

Ежели преуспела она в сем, мог ли ее избранник оказаться вражьем сходником под видом служивого старшей княжеской охоты? Еще сколь мог!

А способен ли оный сходник выманить у нее, либо, что еще вероятней, выкрасть на время, ключи от черного хода и тайной дверки, и проникнуть, никем не замеченным? Даже сомнений нет! – сходники, они ловкачи. Сам он, Булгак, точно не преминул бы!

Вслед начал он исподволь прикидывать, в свободное от службы время, в ком таится злодей, совершенно упустив из виду, что к отгадке можно привлечь и Белославу. И лишь вечер, пребывая по необходимости в ее объятьях – первый раз за многие дни, понеже сначала некогда было ему, да и желаний не возникало, а потом нельзя было ей, осенился он!

И велеречиво молвил – с вкрадчивой нежностью в тоне:

– Умаялась ты! И меня умаяла... Лучше тебя и не встречал никого! Рядом с тобой не токмо Прекраса, пожухлая, а и любая из киевских прелестниц померкла. Ничтожен погасший огарок супротив горящей свечи!

– А она пожухлая, на твой пригляд? – встрепенулась Белослава, не в силах скрыть радость свою, кою Булгак, понятно, провидел.

– Не слепец я: говорю то, что зрю! И знамо мне, отчего

таковой стала.

– Да отчего ж?! – токмо что не вскричала Белослава.

– Ясно тут! Мечнику она давно наскучила – сама ты говорила, а с мужем не спит из вредности, и нет у нее сердечного друга, вроде мя у тя.

Да и кто ж на нее польстится? – телеса наела, и чрево у нее, будто на сносях!

Сколь ни сладостно было Белославе, худобой своей наминавшей ему хворостину в женском обличье, услышать сие, все ж возразила она, в чем и не сомневался Булгак, поелику жены в Киевском княжестве обожали вступать в противоречия:

– А вот и есть! – из младших дружков Истома. Уж и не ведаю, почто он на нее польстился ...

– Не верю! – воскликнул Булгак, возликовав в душе. – Не бывает такового коварства в старшей княжеской охоте! Там лишь дичь промышлять умеют...

Огласи его имя, горлинка моя, коханая, и тут же возражу тебе!

Однако вместо воркующего ответа, честного, что предвкушал он, голубка его лесная начала вилять и уклоняться, ссылаясь на клятву, данную Прекрасе. Злостное неповиновение оной вороны, ощипанной, надлежало пресечь на корню! – оставляя все ж возможность для раскаяния. Он и пресек:

– Аще душу мою изранила, встаю и надеваю порты! Клят-

вы не словами дают, а любящим сердцем, аки у мя! Доверилось оно, не лукавило, а зрю: напрасно было сие...

Ты даже Прекрасы хуже! Та, не любя тебя, все же открыла секрет свой. А ты – говорившая, что любишь мя, чужой таишь!

Не хочу и ведать о полюбовнике том! Спросил, дабы разговор поддержать, и что открылось? Змея на груди моей, доверчивой!

Не обманешь боле, доколе натягиваю сапоги! И не увидишь! Ухожу навек, ведь и не осознала ты...

Белослава столь опешила от жгучей обиды в гласе возлюбленного ея, что не сразу и сообразила, чем ублажить сию скорбь. И лишь почуяв бедствие, едва ль поправимое, и ощутив в душе пронзительную горесть, вцепилась в руце его, когда уж начал он неторопливо натягивать иной сапог:

– Не серчай! Прости бестолковую! Хмарой его зовут... И не помышляла обидеть тебя! Останься! – Ладой и Мокошью молю...

– Допускаю, что прошу, почитая Мокошь. Однако не сразу! Слишком оскорблен я, и еще не скоро отляжет от сердца и заживет в израненной душе...

Помыслю, тогда и решу! Надейся, хотя и не вполне: сперва заслужить надо! – смилостивился, вроде бы, Булгак, лихорадочно мысля вовсе не о Белославе. И не о Ладе с Мокошью!

Хмара!!! Вот он, сходник! И точно от вятичей. Предполагал ведь я, что они...

Нашелся! Уж теперь-то не уйдет!

И чуть погодя, стремясь поскорее упорядочить мысли свои и наметить планы особой срочности, покинул конспиративное жилище, в коем встречался с Белославой. Выделено оно было сразу троим тиунам для встреч с личными их соглядатаями.

Однако, oprичь сыскных надобностей, чаще встречались они с очередными возлюбленными, заранее договариваясь, дабы не пересечься. И держали в строжайшей тайне блудливость свою на служебных лежанках! Ибо начальствующие, сами не без греха по той же части – вот токмо располагали они пуховыми перинами, а не соломенными матрасами, строго взыскивали за таковое, когда попадались нижестоящие...

Уходя, он сказал Белославе, еще не определившись, кем воспринимать ее отныне – то ли вороной, коханой, то ли общипанной горлинкой – однако безусловно в тоне горчайшей досады:

– Зришь сама, во что обратила мя. Уже невмочь и прикоснуться к тебе! – весь я в расстройстве. Уйду, дабы не высказать лишнее, усугубляя печаль и раны. Ежели прощу, тогда и вызову.

А пока забудь вход в сей дом! Все же позволяю надеяться: порою отходчив я...

На улице его дожидались верные Здравень с Могутой – стражи его с прошлой осени.

Он шел и размышлял на ходу. Ликовал от удачи и упивался собственной прозорливостью.

Ведь верно рассчитал, что за историей с чертежами почти наверняка стоят сходники от вятичей. Загодя определил, что искать надобно чрез Прекрасу! И боле того, выявив примерно два десятка возможных ее покорителей, зрил в числе подозреваемых и сего Хмару – отчасти знакомца его, давнего.

Тут же вспомнил он и о тех приметах, кои давно уж вывел, размышляя о том, кто стоит за серией загадочных злодейств, не раскрытых. Дерзость замысла, пуще наглости, всегдашняя удача при исполнении, и – никаких следов, могущих стать зацепками...

– А вот и не сошлось у него! С зацепками и вечным везением точно закончилось! Осталась токмо дерзость, наглая. Однако близок конец и ей, и ему! – в азарте пробормотал он, сам того не заметив.

И точно! Зацепка по имени Прекраса была налицо. Нельзя доверять подругам свои блудливые секреты! – чревато сие... Не предусмотрел Хмара!

Ясно теперь со Светозаром и Годуном, утопшими в озере, недалече от полевого лагеря старшей княжеской охоты, где пребывал и сей ловчий.

Еще и корабли сжег! Нет пока прямых улик, а и они будут! Явно преуспел и с Гремиславом, неустанным ворогом именно вятичей.

Зачем было поджигать секретную мастерскую, тайна сие!

Все же и здесь проглядывает подлая его манера.

И мало того, что чертежи спер, еще и на него покушался дважды!

– Да, – подумал Булгак, убыстряясь в ходе, – дошло теперь до меня, что он и тут замешан! Эх, догадаться б о том ране! Хотя и вовремя остерегся я.

И точно вовремя! Когда на спуске из Верхнего града в Нижний – на ногах, а не в седле, ибо по ясной погоде захотелось следовать в ближнее узилище пешком – летела в спину ему двуконная повозка с грузом, ведь, якобы, понесли лошади, а возница, безмолвный, не мог, будто бы, удержать, и обернувшись в последний миг на грохот сзади, успел извернуться он, то незамедлительно доложил начальствующим, что мстят ему за смерть вражьего сходника. И настоял, дабы перевели к нему – с зачислением на скрытную службу, Здравеня с Могутой, кои давно уж рвались в Киев. А того возницы и след простыл, ибо не в силах был Булгак, весь в потрясении, гнаться тогда за ним...

И понимая, что чудом уберется от неведомого ему злодея на повозке, не сопоставил он тогда со встречей одной, двумя днями ране, на том же спуске. Был он верхом, и тоже спускался, а навстречу поднимался конный, чей лик показался ему знакомым, однако не мог припомнить, кто таков. И лишь, когда сблизились они, узнал: тот самый черниговец, непохожий на северянина, с коим, по заданию тамошнего сыска, довелось пересечься. Хмарой именовался он, пре-

бывая торговцем мелким.

И оный его узнал, тоже не выразив радости.

А еже миновали друг друга, и взглянули – каждый в каждого – пристально, то недоброе исходило из зраков Хмары, о коем разузнал позже, что состоит ловчим старшей княжеской охоты. Однако Булгак ничего не заподозрил тогда, и токмо сей миг прозрел: «Да ведь он выведывал, каковым путем ежду в узилище я, предуготовляя мне смертельную каверзу!»

Здравень с Могутой выручили уже вскоре. По выходе из секретного жилища поздним вечером, едва свернул он за угол, набросились на него трое – с кистенями. Будучи настороже, успел отскочить он, крикнув на помощь своих стражей. А те – на каждого и двух кистеней мало, не замедлили, выскочив из-за угла! И худо пришлось злодеям супротив черниговских богатырей! – еле ноги унесли, бежав с позором, а один и с кровищей из носа...

И вдруг пришло ему на ум, что при всем подвалившем счастье возможны и затруднения. Как представить начальствующим свою сыскную удачу? Ведь сразу же и спросят: «От кого, тиун, выведал ты таковое?» И что ответить?

Сослаться на скрытную возлюбленную? Сразу же и затребуют ее к себе – на самое строгое дознание! И выложит она, коза тощая, едва пригрозят ей, связь свою с ним, тайную, на служебном матрасе. А ведь непременно застрашают!

«И тогда конец мне! – дошло до новоявленного счастливица. – Мигом взыщут, ведь токмо и ждут, дабы поскользнулся

я».

К тому ж, тут замешана Прекраса. А рискнут ли они за нее взяться? Ведь за ней – мечник, а за тем – главный воевода! Аще вернет себе Свенельд расположение князя, одолев войско Владимира, полетят головы у тех, на кого нажалуются ему Бажен.

Несдобровать и старшим тиунам! – не ему одному. И едва ли замолвит слово прежний благодетель – не до того ему ноне, когда Владимир идет с варягами на Киев, и вся приближенная к Ярополку знать уже намылилась бежать с уворованными богатствами в иные пределы.

Да ведь и на Хмару есть пока лишь внутренняя уверенность. «А доказательства где?» – непременно осведомятся начальствующие, сославшись, что весь Киев блуден, однако не каждый блудник – вражий лазутчик!

Ведь не успела забыться им оплошка с ловчим старшей княжеской охоты Тархом, оказавшимся всего-то потаскуном, а об ином мечталось, однако потерявшем в застенке предварительного содержания часть своих перстов, что вызвало ропот во всей старшей охоте и жалобы от нее вышестоящим. И вряд ли они дадут согласие на задержание ловчего той же охоты – с допросом в пыточной камере, без явных свидетельств его причастности...

«Получается: могу поставить капкан на самого себя!» – открылось приткому тиуну. Ибо сложилось в Киеве: для высоких чинов, погрязших, нет наказаний. А всякий лиходей,

дружный с князем по прошлому его, и вовсе неприкосновенен! Буде ж чин невелик, а попался, устроят показательное судилище.

И замедлившись в шагах своих, решил он повременить с докладом начальствующим, кои понятия не имели о тайном его открытии, а стало быть, и не торопили. «Выжду чуток, а там видно будет!» – определил он для себя.

Все же бессонной ночью нашел он, как и начальствующим преподнести, и обойтись без упоминания Белославы. Для основательной подготовки требовалось всего три дня с вечерами. А вслед: герой он! И в наградах...

LI

И кольнуло в сердце Доброгневе, когда осмотрелась она по выходе! Поодаль иных в обозе, стояла телега, рядом с коей увидела она Некраса, мужа той самой Млады. А кто она, и сколь тосковал о ней Молчан в первые годы их семейной жизни, Доброгнева ведала доподлинно.

Ведь еще девчушкой на пороге отроческого возраста, тайно влюбленной в Молчана, наблюдала она Некраса, тогдашнего его задушевного друга, а уж о Младе, завидовала коей и ревновала к ней, даже и баять нечего!

Однако, взяв себя в руце и не выдавая огорчения, подошла она к Молчану, вся прихорошенная и в жемчужном ожерелье, самом дорогом для сердца ее и заветном, и молвила при всех:

– Муж мой, любимый и желанный, прими сие в дорогу

оберегом!

И протянула ему жемчужину на раскрытой длани своей.

– Исхитрилась изъять из ожерелья, не повредив его! Лучшая у мя жена! – подумал Молчан, растроганный.

И обняв ее, тоже при всех, поцеловал в уста сахарные...

Едва последняя телега обоза въехала в лес, Молчан определил: «Пора!» И громогласно отдал команду: всем спешиться и подойти к нему.

Когда исполнили и обступили начальствующего своего, открыл им он:

– Дабы не было в городище перетолков, когда выезжали мы, решил чуть отсрочить известие особой важности. В канун отъезда оповестили меня, что в пути может ожидать нас разбойничья засада!

И будто бы, сии лиходеи состоят под началом Жихоря – жил некогда таковой, не столь далече... Случится сие доподлинно, иль нет, не ведаю. Однако обязан уведомить вас о том предостережении.

Немного было сил в нашем обозе еще сначала. Ноне и они убыли. Отказались четверо, а добавились двое. И получается: двенадцать на семи телегах да конных трое. Напади разбойники, будет их, предполагаю, гораздо боле.

Ежели вернемся, никто не осудит нас, а родные еще и обрадуются. Однако и товар останется непроданным.

Аще возобновим движение на торг и доберемся туда, то, по продаже товара, закупим там кому что надобно. А и риск

немал! Добавлю, что могут напасть на нас не днесь, а при возвращении.

Рассудите сами: продолжать нам путь, либо повернуть обратно. Сам я встречать не буду: соглашусь с вашей волей...

– А что, дружина моя, не пора ль рассудить нам, как обоз встретить, дабы никто не ушел? – обратился к разбойничкам Жихорь, давний знакомец наш, известный в банде вожак ее, Берсенем. – Осьмой, с тебя начну. Излагай!

И взяв в кулак лохматую браду, кою любому уважающему себя вятичу полагалось в нормальных условиях расчесывать каждый день, а хорошо бы и умасливать ее в самом буквальном смысле, ведь оберегала она мужскую силу от износа, и зело немаловажно сие, Осьмой изложил свое суждение:

– Бude налетим с обеих сторон, застав врасплох, никто не уйдет!

– Врасплох отнюдь не получится! – огорошил его Берсень. – Предупреждены они, и настороже будут.

– Предупреждены? Кем? Кто ж сей изменник? – вострепнулся Осьмой, а с ним и остальные.

– Мной, – поведал Берсень самым спокойным тоном. – И не измена сие, а хитрый замысел, ослабляющий обозных.

– Да рази ж не измена, ежели предупреждены они?! – раздалось возмущенное восклицание из второго ряда.

– Отзынь, Гудим, не то осажу тебя, будто лошадь, еще и плетью угощу! Допрежь выслушай, а суди вслед! И прочие помолчите! – вразумил Берсень разбойный коллектив, де-

монстративно не отрывая десницу от шаровидного с четырьмя шипами навершия булавы – знака его начальствования, рукоять коей была засунута за пояс.

– Внимайте, – продолжил он, – и соображайте хотя бы иногда! Обоз намечался из десяти телег и троих верховых в сопровождении.

Всего получалось у них пятнадцать вооруженных. Однако меж ними и бывалые, изведавшие ратный бой, и каждый из оных не уступит двоим из наших.

Много ли нас? Двадцать, однако трое – новички в ратном деле. Аще без кривды, а никогда не кривлю с вами, то равными получают силы. Стало быть, когда налетим, окажутся и те, кто живота лишится, и ты, Гудим, первым!

– Отчего ж первый я? Почто мне смерть сулишь? – взвился, не утерпев, первый кандидат в покойники.

– Оттого, что неумел ты с оружием и бесполезен при налете. С зимы с нами, а не овладел даже кистенем. Чаше попадаешь гирькой по самому себе вместо обозных! – объяснил Берсень, начиная вскипать, ибо не терпел вольностей подчиненных, когда держал пред ними слово. – И бесчестишь дружину нашу своей подлостью!

– Явная лжа! Нет во мне изъянов! Сам-то каков? – завопил Гудим, зримо выходя из подчинения. И Берсень ощутил: аще навек тут же не прекратить сего бузотера, натворит делов и сорвет весь замысел!

– Не лжа, отнюдь! – огласил он сурово и зычно. – Когда

бой, ты за иными прячешься. А едва собирают для общего дележа по справедливости, утаиваешь от добычи часть! Нет греха большего, чем обездолить честнейших своих товарищей по доблестному разбойному промыслу, ты же из их долей крадешь!

Зачем у тебя в портах внутренний карман, тайный?

Затем, что прячешь там уворованное от нас!

Эй, ближние к нему, тащите с него порты, да сами узрите! Забейте ему кляп, дабы не мешал уличать его, да покрепче держите!

Когда же исполнили они, вывернув тот карман у трепыхавшегося Гудима, узрели два браслета серебряных, три цепочки из того же металла, ровно девять резан и даже серебряную гривну на шею.

– Ясно с ним! Может, и прочие таковые? – негодуя, спросил вожак.

И затрепетали прочие, взирая на мычащего что-то Гудима, и представив аналогичную укоризну для себя! Ибо потаенные карманы для скрытных заначек из общей добычи, были у каждого из них, что не являлось для Берсеня тайной.

– Всем таковым скажу: отличитесь в бою, прощу любой грех, и даже никого досматривать не стану, – успокоил их он. – Однако не прощу сию крысу!

Гудим не токмо обкрадывает вас, еще и козни строит! Топорами по спинам уготовляет вам, други!

Предаст за медовухи ковш! За резану перережет выю!

Погубит всех, шкуру свою спасая! Рад будет мукам вашим!

Кончай его!

И верно рассчитал Берсень! Мигом прикончили! Ибо люблю толпу – большую иль малую, нетрудно направлять, куда захочется, накалив ее эмоциями, где не должно быть иных смыслов, причь чисто животных...

Вслед продолжил он:

– Доволя чрез старого знакомого своего еще с детства, что нападём на тот обоз, чего добивался я? Ослабления силы обозных и уменьшения потерь наших – вот чего! Не ведаю, елико из них доподлинно напугались, узнав о нашем нападении на их пути, однако уверен: под половину, а то и боле. Понеже помню, каковые живут в городище сем: немногие там отважны.

Ожидая подозрения, что предаю, собой я жертвовал, вас спасая. Ведь и поймать меня могли в городище! А вы чуть не вняли Гудиму, крысе...

Зрю на вас, и омрачаюсь! Досадную от неблагодарности сей! И мыслю: не презреть ли мне таковых, да покинуть! Не возражаю, дабы другой начальствует над вами: скорее окажетесь на колах...

Враз опечалилась вся ватага, придя в уныние от прямой и явной угрозы. Ведь найди еще столь добычливого жоака! Да и отнюдь не прельщала озвученная перспектива.

А первым возопил Осьмой:

– Прости нас, старшой, неразумных! Не ведали мы, причина обиду...

И солидарно поддержали его иные...

Берсень изобразил сомнение: простить, аль нет? Все же простил!

Ему и дела не было до подчиненных злодеев, опостылевших за примитивность, ничтожность в желаниях и полное отсутствие рвения к профессиональному росту.

И давно уж вывел он: способны сии отбросы токмо глушить кистенями в разбое да жрать медовуху с гулявыми девушками.

Ни размаха в них, ни полета! Мелкота...

Даже Осьмой, единственный не совсем убогий, был бы последним в прежних его коллективах, разбойных.

«Ноне упокою Молчана, лягут и остальные с ним, а добычу пушай берет себе ватага! – мне она ни к чему. Как дележ начнется и лай, кому больше хапнуть, скрытно покину их вместе с Осьмым, многое посулив ему. В пути же упокою, пожалуй, и Осьмого – из предосторожности...».

Так прикидывал в канун налета, готовясь к убытию в иные края, где ожидал его партнер по торговле, старший совладелец двух ладей, плававших по Оке и реке Итиль, он же единственный собственник трех теремов, прогулочного челна и конюшни на седьм лошадей, промышлявший и деньгами в рост...

«Война войной, а обед – по расписанию!» – некогда приказал своим интендантам король Пруссии Фридрих Вильгельм I, страстный курильщик и матерый вояка, известный как «король-солдат», изловчившийся зачать в интервалах между походами на супостатов 14 детей от супруги своей Софьи. И не осмелились прекословить сему императиву монарха те снабженцы в военной форме! С той поры прусская армия прибавила в агрессивности, ведь жить ей стало лучше и веселей.

Доброгнева не являлась современницей одного пруссака, не служила в его армии, да и в Пруссии никогда не бывала – по той уважительной причине, что в начале одиннадцатого столетия такового королевства, за без малого семь веков до его образования, не было и в помине.

А славная жена аналогично славного Молчана, сколь ни превозноси ее, все же не была рекордсменом долгожительства, подобно достоверно запечатленным ветхозаветным персонажам: Адаму, опочившему в 930 лет, Сифу, представившемуся в 912, Кананаину, до срока покинувшему земные пределы в 910, и даже вельми младому в оном достопочтенном ряду Ною, о коем доведено в Священном Писании: «Ною было пятьсот лет, и родил Ной Сима, Хама и Иафета», а в шестьсот он осилил построить достопамятный ковчег для сохранения от Всемирного потопа себя, своего семейства, равно и избранной живности – чистой и нечистой, каждой твари по паре...

Все ж, даже не примеряясь дожить хотя бы до четырехсот с лишком, соблюдала она – со всей непреложностью и тщанием! – правило: «Обед – по расписанию!» И стало быть, проводив мужа и смахнув невольные слезинки уголком платка, приступила она к готовке.

Дневной прием пищи наметила из гороховой каши и пареной репы, ничуть не сомневаясь в востребованности сих блюд старшими сыновьями, да и самой были они по вкусу. Не окажись же в отлучке Молчан, ту кашу, всю распаренную, уплетали бы не в три, а в четыре ложки, а вслед доскребывали.

Невелика печаль, что пучит от нее в утробе, зато отменно вкусна она у Доброгневы, не отнять!

А почему? Да потому, что она хозяйка никогда не ленилась ни до варки еще, ни таче!

Загодя перебирала сушеный горох, отделяя негодный, дробила его, замачивала на ночь, заливая холодной водицей и оставляя разбухать, утром опять перебирала. При варке вовремя снимала жирную пену, а когда докипала вода на доньшке, наново добавляла кипяток – иначе всю кашу испортишь. Вот и получался смак!

Оттого-то и не сомневалась: когда выложит вслед пареную репу, сразу по выпеканию хлеба дозревавшую в печи в большом горшке с водой на доньшке, будет солидарно одобрена и она.

И воздадим должное: даже предуготовляя дневную трапе-

зу, она размышляла не токмо об ее наполнении! Куда пуще была озабочена информацией Молчана о возможном налете лиходеев на беззащитное от них городище.

Иная бы лишь и думала вслед, где укрыться ей с детьми, дабы не достигли вороги. Не таковой была Доброгнева!

Разве не она с азартом осваивала оружие, предложенное мужем? Именно, что с азартом! А обучаться стрельбе из лука сама и настояла! Наловчилась бы и добывать дичь, да муж возревновал к ее успехам ...

При всех своих неоспоримых достоинствах Доброгнева точно не являлась кроткой голубицей, безропотно переносящей, когда ее мутузит голубь. И ни за что не подставила бы вторую щеку, врежь ей кто-то по первой, незамедлительно ответив выскребыванием зенок из чуждых орбит!

Не быв по природе мстительной, наизусть помнила она все обиды, кои претерпела сызмальства и доселе. А ведь зря! Ибо многая память – многие печали. И в дурном настроении могла подолгу перебирать худые воспоминания, словно бусины четок, надувшись на весь белый свет, аки мышь на крупу.

Впрочем, становилась вслед отходчивой, ежели муж, почувяв ее печаль, накотившую, догадывался вовремя молвить доброе слово – словно авансом. Однако за всю их супружескую жизнь догадался он о сем, либо пожелал догадаться, не боле раз, неже перстов на обеих дланях.

А встань поперек ее супружества подлая соперница, воз-

намерившись увлечь Молчана, затем и увести его, починал бы ту, бесстыжую, челюстно-лицевой хирург по срочному вызову, и не факт, что сумел...

Есть женщины в селищах и городищах вятичей особой боевитости, переходящей порой и в лютость!

И когда дошла до полной готовности каша, а Храбр с Беляем уж ерзали в нетерпении у стола, мысленно постановила она, исчислив, взвесив и найдя искомую диспозицию: «Докажу ему, и городище спасу! И не изловчится он возразить, когда вернется... Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Диспозиция же, предложенная Молчаном, не согрела душу ея, в коей уже запели боевые трубы! Ведь показалась она избыточно осторожной, хотя и из самых лучших побуждений, мужниных. А Доброгнева пришла уже в агитацию, точно скаковая лошадь под жокеем, нетерпеливо перебирающая копытами, пред тем, как рвануть со старта.

По уважительной причине сей не все наставления бывалого супруга расценила она стратегически верными. Скажем, восприняла пораженческим его наказ: «Ежели почувешь недоброе, без промедления собирай детей, и беги с ними к валам».

И рассудила, уже воспылав азартом возможного боя: «Ни шагу назад!»

Не одобрила Доброгнева и иную директиву Молчана, в коей заподозрила умаление и недооценку ее морально-волевых качеств: «При необходимости испроси совета у Скураты и

Балуя, ежели окажутся рядом. Проверены они боем и не убоются любых лиходеев».

Не убоятся они! А рази ж она боится?!

Было, однако, в наставлениях Молчана и дельное, кое пришло ей по душе. К примеру, захватить с собой, торопясь к валам, все оружие в доме.

«Валы – пустое: отступать – не станем! Перенести же оружие к месту возможной засады для врагов, кое определю позже, разумно сие!» – мысленно постановила она, всецело согласившись с завершающим наказом Молчана: «Аще понадобится, не жалейте с Храбром ни стрел, ни сулиц, ни ножей, а ты и топорика! И не страшитесь ни на миг...».

Ведь Доброгнева и в мыслях не держала страшиться!

И еже пришло позвать Храбра с Беляем к столу, подытожила дальнейший план действий. Перво-наперво, сразу вслед обеда надлежало обежать товарок из числа тех, кто не в поле, и покрепче духом, нежели иные.

Довести до них о грядущей угрозе, дабы надавили на своих мужей, кои заняты ноне ремеслами – пушай всполошатся и те, осознав, что вскоре злодеи начнут сильничать их женок, еще и жилища сожгут. Да вразумить, что спасение для сих, в портах, одно: бросить, немедля, свои работы, изготовить оружие, а оно в городище имелось на всякий случай у каждого мужа, а затем прибыть вооруженными на общий сбор во дворе ее дома.

По завершении целевых указаний, следовало тут же на-

правиться к Балую, живущему неподалеку. Уклонился он ехать на торг, хотя и неведомо, отчего. Возможно, совестно ему пред Молчаном и иными отъехавшими.

«Передам ему об опасениях Молчана, доведя: пушай, немедля, бросает свою кузню и снаряжает кого-то из своих малых оповестить Скурату, своего друга, да Гладыша, соседа! – дабы поспешили они, при оружии, в наш двор, – наметила Доброгнева. – А попробует увильнуть Балуй, натравлю на него Весняну, жену! – под каблуком он у нее, втайне блудящей с Гладышем. Аще воспротивится Весняна надавить на мужа, шепну ей, что ведома мне тайна та – враз шелковой станет!»

По всему выходило: соберется под два десятка мужей с оружием, да с пяток молодцев, коими обозначались те, кто превышали по возрасту отроков, однако еще не женились – тоже вооруженных. Не малая сила! Лишь бы успеть изготовиться до налета и всех отстроить!

«А ведь отстрою!» – решила она. И приступила к исполнению ...

ЛШ

Булгак прибыл на службу весь в благодушии от предвкушения. И уже собирался отъезжать, дабы, проверив и два иные узилища, находившихся под его попечением, приступить в полуночную пору к осуществлению задуманного, как доставили некоего простофилю, решившего сэкономить на продажной любви. А оказался сей скрытным связным Хма-

ры с Землей вятичей!

Чудо, сколь добычливо проведя допрос, бравый тиун ощутил, что привалило ему, превыше всяких чаяний, будто на лесной тропке нашел серебряный слиток, размером в бычью ногу.

Одного не допер Булгак! Шальная удача – девица бойкая и ежели не приголубить ее мигом, незамедлительно достигнув вслед безоговорочной взаимности, упорхнет она к другому, боле смышленому и прыткому, да и не обернется даже! А он, затаив с предварительными ласками взамен решительных действий, непростительно промедлил...

Ему бы безотлагательно ринуться верхом к высшим начальствующим Секретной службы в Верхний град, дабы тут же объявили они охоту на ловчего-резидента. А он отправился на доклад к ним значительно погодя – по завершении второго допроса.

Пред тем Булгак отчасти преуспел. Выпотрошив малодушного связного до самой его хребтины, выведал, что третьего дня тот конной депешей отправил в Центр пять пергаментов, свернутых в трубки и переданных ему Хмарой, а ромейские чертежи были скопированы именно на пергаменте.

Узнал, что с прошлого лета по нынешнее, депеш для Центра было осьмь.

Установил и место, где находится тайная конюшня, поднадзорная связному.

Однако ничего пуше допрашиваемый не сообщил, хотя и

тужился с превеликим усердием. Понеже Хмара не допускал его до иного, и никогда не общался связной ни с одним из вятичским скрытников с постоянным пребыванием в Киеве.

И получилось, что все время второго допроса, за кое конная группа захвата вполне успела бы в полевой лагерь старшей княжеской охоты, оказалось потраченным с вельми малой пользой!

А еже она прискакала на место – по самому срочному приказу начальствующих, пришедших в исступление от запоздания Булгака с докладом, содержащим новость особой важности, и долго искали Хмару в почти уже темном лесу, ведь скрылся он незаметно, не предупредив иных ловчих, пока сообразили рвануть по кратчайшей дороге в Землю вятичей, резидент уж пересаживался на второго подменного коня, загнав первого...

И все же не зря кони группы захвата Секретной службы славились самым резвым ходом во всем Киевском княжестве! Ночь, весь день, да еще ночь мчали они вдогон, поочередно отдыхая от всадников, и останавливаясь лишь на недолгий отдых с заправкой овсом и водой.

Следующим же утром почти догнали беглеца, уже и последний конь пал под ним за мертво, и безостановочно шел он, весь в изнеможении.

Всего и оставалось погоне, выскочившей из леса с киевской стороны, что настичь его в заросшем бесхозными травами поле, за коим начиналась пограничная дубрава Земли

вятичей – со сторожевой засекой в самом начале и заставой, чуть позади.

Обернувшись, увидел Хмара, что близки уж вороги, мчащиеся вскачь. И осознав, что может и не успеть, возопил он из последних сил в родную сторону: «Братцы, выручай вятича!»

И тут же выехали от опушки седьмь верховых при оружии, ибо на заставе еще издалека заметили неладное, а за ними появились из леса пешие лучники. Припустив, достигли они своего соплеменника, допрежь киевлян, закрыв его конями. А старшой их, высоко подняв секиру в деснице своей, крикнул начальствующему над группой захвата, натянувшей уже поводья: «Эй, осади! Опоздал ты! Вятичи своих не выдают!» И премного досадуя, понял тот – в чине гридня, что и точно опоздали они. А попробуй отбить сходника, могут и не воротиться в Киев! – их пятеро, а вятичей боле, даже не считая лучников. Дал приказал повернуть назад...

С той роковой оплошкой и рухнул Булгак, мигом разжалованный из тиуна в осведомители первой потаенности, толком не успев воспарить, хотя мечтал, по талантам своим, со временем встать во главе киевского сыска, а там, глядишь, подняться еще выше. А по возвращении из Царьграда – одноухим и со шрамом во всю щеку, уже и не мечталось ему сие.

С превеликими трудами выхлопотал себе должность, соразмерную чину своему, и начал заново покорять Чернигов.

Со временем, благодаря розыскным усердиям и двум сфальсифицированным заговорам супротив власти, был пожалован во младшего тиуна и возвращен в Секретную службу Киева, будучи поставлен на черниговский филиал высшей школы внешнего сыска, в коем готовили сходников в Землю вятичей под личинами торговцев, ремесленников, рыбарей и скрытных убийцев.

Булгак преподавал на отделении скрытных убийцев. И исполнял свои обязанности с особым тщанием! Поелику лелеял намерение расквитаться с Хмарой, о коем Секретная служба Киева прознала уже, что Путята он, приближенный к Высшему совету старейшин Земли вятичей.

И не токмо за Киев вождедел отмстить он. Имелась причина и вяще!

Ибо годы назад, не залечив еще раны, причиненные ему в царьградском подвале, пыточном, и собрав всю накопленную за время спецкомандировки наличность, отправился он, накануне отплытия из ромейской столицы, с обмотанной еще главой, к извергам, изуродовавшим его.

Те встретили его с удивлением, ощущая и некую неловкость за явное небрежение чувством прекрасного, допущенное в работе над ним, с одновременным отступлением от эстетических идеалов.

Ведь имперские застенки охватило тогда повальное увлечение зеркальной симметрией. И применительно к сходнику от Киева, надлежало: определив нос осью будущей компо-

зии, отрезать оба уха, не прибегая к увечью ланиты. Либо прижечь раскаленным гвоздем обе ланиты, не посягая на ухо.

А нынешний облик иноземного лазутчика, представлявший рукотворную эстетическую аномалию и такую диспропорцию, вовсе не соответствовал заданным эталонам новейшей пыточной моды, являя в глазах подлинных ценителей явный производственный брак, невежество и бескультурие.

И когда Булгак предъявил всю прихваченную наличность в обмен на сведения о том, как раскрыла его секретная служба, царьградская, а подозревал он и кое-кого в представительстве Киева в Царьграде, старший в подвале, имевший доступ к некоторым тайнам имперской безопасности, презрел служебные обеты и открыл ему приметы доносителя, оговорив, что не ведает ни имени, ни племени его, а по-гречески тот чешет, почти что ромей.

По всем приметам вышло: Хмара! – один в один. Хотя Булгак до смертного своего часа так и не узнал, подозревая кое-кого в представительстве киевском, что именно сей «кое-кто» небескорыстно осведомлял Хмару...

LIV

Отличившись на новой службе, ведь на счету его воспитанников значилось немало именитых вятичей, хотя и не везло никак с Путятой, Булгак отчасти восстановил доверие

вышестоящих. Удосужились они вспомнить, елико полезно-го сделал он для Киева в Царьграде. И назначили его началь-ствовать в черниговском подразделении Второй управы Сек-ретной службы Киевского княжества, ориентированном на выявление сходников – преимущественно из вятичей. Здесь и воспрянул он, заслужив вскоре восстановление в чине ти-уна.

Касаемо частной жизни, и по сей не женился, предпочтя свободу узам.

По молодости, еже строил карьеру, некогда было, да и незачем: не ведал он отказов, аще вождедел, а продолжать своим чреслами род Булгаков считал излишним, ибо все три старших брата его впали в таковое многоплодие, что скоро нечем будет кормиться их потомству. Да и не желал он неудобств от подрастающего поколения, бездельного, умею-щего токмо транжирить сбережения родителей, предаваясь праздности. А для отдохновений имел домоправительницу, вдвое моложе себя, и сенных юниц, тоже угождавших ему.

В увлечениях своих предпочитал охоту, поставив ее с го-дами превыше сладострастия. Однако из предосторожности никогда не охотился один, выезжая с парой ловчих и сопро-вождением из осведомителей второй потаенности.

Никогда не приходили ему во снах особи женского пола, равно и те, кого упокоил он в застенках. Являлось иногда десное ухо, вопия: «Почто оставил меня в Царьграде без по-гребального костра и тризны?», оставаясь донине в неведе-

нии, что Булгак давно уж перешел – одним из первых в Чернигове, в иную веру, бичевавшую оные обычаи как злостное язычество. А чаще всего снилась изобильная ловитва, где добывал он, кого хотел, и токмо тур всегда ускользал от него. И пробудившись думал не раз: «Вот незадача! Не выпало мне охотиться на тура наяву, а и во сне не поддается он!»

Ибо на туров в Киевском княжестве дозволялось охотиться лишь князю Владимиру – в сопровождении лучших ловчих большой охоты.

Не удивительно, что весь воспылал он, проведав от младшего тиуна Доброслава, завязтого, точно сам Булгак, охотника, состоявшего при воеводе, надзирая за тяжбами, что в полях, разделяющих границы Киевского княжества и Земли вятичей, объявился матерый тур. А раз никому не принадлежат те поля, нечего и опасаться княжеского гнева!

И Булгак без проволочек приступил к подготовке большого выезда, распорядившись о подменных конях, ведь до тех полей не добраться и за день. Напросился с ним и Доброслав. Бдительный тиун, подозревавший всех и вся, недоглядел, увы, ворога совсем рядом! Поелику Доброслав – с богатым послужным списком и многими отличиями по службе, являлся сходником от вятичей, действуя по приказу Путяты – высшего своего начальствующего...

Однако допрежь надлежало выяснить, не объявились ли конные отряды на подступах к ничейным полям со стороны Земли вятичей. И поступили ответы, что не замечено ничего

особливого в движении по основным путям. Зато из городища близ реки Москвы пришло неожиданное известие, что прибыл туда небезызвестный Путята за младшим родичем своим, начинающим охотником, и днями собирается выехать с ним в приграничье, где будто бы объявился одинокий тур.

– Эге! Вспомнил ворон сей свое ловитвенное прошлое. На тура моего зарится! Шиш ему, а не тур! Не успеет он! Сам ему зенки выключю! – эмоционально рассудил главный черниговский добытчик сходников от вятичей.

А на следующий день поступило еще одно донесение из того же городища. Путята и младшой с ним выехали на тура! И Булгак незамедлительно сообразил: открывается возможность сразу для двух побед, великих: и тура взять, и сего ворона, о коем годами мечталось ему, не мене, чем о чудо-звере! Чуть погода, рассчитал он примерное время прибытия своего врага.

Попутно пришел к выводу: никогда не отважится бывалый ловчий отправляться на тура вдвоем, а стало быть, кто-то присоединится к нему в пути. И елико конных будет в отряде том? Ежели немало, пленение Путяты существенно затруднится.

Однако по-прежнему не докладывали ему о выявлении больших отрядов. И уверовал он: немногие с Путятой будут! А значит, вслед за туром настанет и того черед!

Одновременно рассудил о бывшем резиденте Секретной службы вятичей в Киеве – злостном и заслуживающим са-

мых суровых кар, предстоящих ему в скором времени:

– Не стал бы он болтать всеу об охоте сей, и брать с собой младшего, буде каверзу замыслил. Можно выезжать!

И опрометчиво расслабился...

Не ведал он в расчетах своих, что связной, принимавший сии донесения, устные, дабы, через двое суток скачки, меняя и лошадей в пути, передать их иному связному, а тот еще через двое суток, передавал их третьему, коему и предстояло, завершать этапы скрытной эстафеты, конной, давно уже выполнял приказы Путяты.

И будучи единою разоблаченным его людьми, столь преуспел на своей службе, новой, что пади в ноги Булгаку с чистосердечным покаянием, его бы и сие не спасло. Сами же донесения, намеренно придержанные, припаздывали в Чернигов на три дня каждое.

Не всякий доверенный нарочный подлинно прыток, и в редкостной цепи не заведется со временем слабое звено!

А вот доносителя из городища, возглавлявшего резидентуру Первой управы Секретной службы Киевского княжества в округе, включавшей семь городищ и осьмнадцать селищ, не призвали на новую для него службу.

Поелику слишком преуспел он на старой, и допрежь не оказался раскрыт, стал причиной гибели не одного подчиненного Путяты.

Теперь же, с последними извещениями в Чернигов – о Путяте и выезде на тура, отпала необходимость использовать

его втемную, держа под незримым контролем тайный канал вражеской связи. Ибо с предстоящим захватом Булгака сему каналу все одно пришел бы конец. Не идиоты же служат в Чернигове! – доподлинно сообразят при расследовании, скором.

Посему резидент тот, непригодный отныне для скрытного использования и ставший, вследствие сего излишним, аки червь в яблоке, был по убийти Путяты с Молчаном предан некоей трясине, навзрыд голося пред тем...

И хотя вынужденно задержался Булгак с выездом из-за кончины престарелого отца и последующих надлежащих церемоний, времени, полагал он, еще достаточно, дабы дважды ублажить давние свои чаяния. Особливо ж возгорелось в нем ретивое, когда по итогам последней проверки доложили – уже по прибытии его на дозорную заставу: тур пасется в том же месте, где и был выявлен. И точно красавец он!

Яснее ясного, что сие волнительное известие надлежало как-то отметить. Предполагал ограничиться малым, а получилось, как получилось. И пробудился Булгак с тяжелой головой, приходя в себя не один час. А когда пришел-таки, не погонял дружину свою, следуя к полю тому не торопко. По-неже некуда было спешить, а вчерашнее излишество болезненно отдавалось в зашее при ускорениях ...

LV

Ежели б Молчана из самого конца мая 998-го, за несколько мгновений пред тем, как всадил стрелу в лошажье брюхо,

диагностировали бдительные читатели знаменитой статьи в «Правде» от 28 января 1936-го, они с полным основанием могли вывести: в голове сего молодого человека – явно, не пролетарского происхождения, что вызывает вопросы об его социальной изнанке, сущий сумбур вместо музыки героической битвы с классовыми врагами!

А и впрямь! – растерялся, было, младшой в первой своей битве. И незачем тут приукрашивать! Бой – отнюдь не гламур, слащавый и показушный, и пахнет он не парфюмом, а проливаемой в нем кровью...

Едва вдогон трели Шуя с дозорного древа ринулся он к своему Серку, затем оседлал и выскочили они, впятером, в поле, где уже сближались двенадцать черниговских и Путьта с Берендеем, и услышал он глас старшего родича: «За вятичей!», за ним – ответное: «За Киев!», персты его вострепились дрожью и все заколотилось в нем...

Тут же – потемнело, громынуло и, сказали бы те, кто читал в Библии о Всемирном потопе: «Разверзошася вси источницы бездны, и хляби небесные отверзошася».

Никто из них – ни в том, ни в ином лагере, отродясь не держал в дланях Библию, даже и такого слова не слыхивал, равно и тур, резво дернувший вбок еще до первого громового раската, рассудив: «Окружить хотят мя! Пора уносить копыта!», а все ж не поддались стихии!

Уже вблизи от вражьего арьергарда, а не учуяли вороги скакового топота из-за громов и трех-четырех молний, раз-

далось впереди истошное «А-а-а!», будто наступили кому-то сапогом на сокровенное, упрятанное в портах, однако незнакомым был звук оного вопля.

Не успел Молчан осмыслить сие, как предстали шагах в тридцати пред ним, преграждая дальнейшее продвижение, лошадиные зады, хвостатые, числом четыре.

И вмиг придя в себя, осадив Серка и вспомнив о задании, ему доверенном, озадачился он, ведь потемнело, и не разобратъ длину вражых влас, выбивавшихся из-под шлемов: «А где ж Булгак тот? В чей круп целить?»

Тут же сообразил, что Булгак должен непременно быть впереди, как уверенно полагал Путята, излагая план захвата сей лесной гадюки.

А каковым образом пробиться туда сквозь сей задний фронт, не считая даже всадников на нем, представших тылом?

Однако сразу вслед в три вражьи спины вонзились стрелы, и лишь одно тулово осталась не задетым. «Держись за мной, паря! Проломимся!» – крикнул Молчану Шуй, оказавшийся вдруг одесную и чуть впереди, хотя, когда выскакивали из леса, конечным он был. И направил своего жеребца в просвет между двумя конями, шарахнувшимися врозь уже без всадников, вылетевших из стремян.

Исхитрившись не споткнуться о рухнувших, вылетели они через миг-другой-третий на пространство, не столь великое. И за ним, ошую, узрел Молчан четверых на траве и

Берендея меж ними, и пятерых – поперек их курса, махающих оружием, бок же о бок с Путяткой – незнакомый ему конный с кистенем в деснице, а в гриву коня его была вплетена красная лента, и сразу понял, кто таков.

Теперь-то и распознал он Булгака по власам длинным! Выхватив из тула стрелу со срезнем, пустил ее, не задумываясь, в брюхо вражьего коня – понеже, целясь со стороны, не рискнул он в круп.

И ведь не промахнулся младший родич! Не отступил от плана Путятки. Исполнил!

В бою верховом без разницы, кто падет первым: ворог в седле иль конь его. Однако ворога незачем жалеть ...

– Не задохся бы: кляп-то я глубоко вогнал! – обратился Невзор к своему начальствующему, кивнув на связанного пленника, лежавшего ничком.

– Дело баешь! Будимир и Первуша, подымите его, да кляп выньте. И отступив немного за спину ему, стойте, держа в готовности топоры. Дернется вспять, рубите немедля! – распорядился Путятка.

Когда исполнили они, и выпрямившись, раздышался Булгак, не являя даже малых признаков робости, Молчан, бывший сбоку – шагах в десяти, невольно сличил, наблюдая, старшего родича своего с черниговским аспидом.

Стояли друг против друга – с обнаженными главами, что невозможно было по сану их в иной ситуации, два русоволосых добрых молодца, пригожих, хотя давно уж не младых.

Ладно сложенные, преизрядного роста, могучные даже с виду. Подстриженные их бороды были равно прихвачены серединой. И очи у Булгака, кажись, тоже голубые. Разве что вла-са у него спускались ниже, дабы закрыть корноухость. А дол-гий рубец на ланите никуда не спрячешь...

И Молчану пришло на ум, что нет между ними особых различий – ни внешних, ни по делам их. Будто ровня они!

Сшиты, словно на одну мерку, и живут по схожим обыча-ям, служебным, в коих не всегда и выведешь для себя, где геройство, а где злодейство, определяя в зависимости от то-го, на чьей ты стороне.

А держись он, вкупе со старшим родичем, христианской веры, ведая и ритуалы ее, мог вывести о Путяте и Булгаке: «Одним миром мазаны» ...

LVI

Восстановив дыхание, Булгак, обратился к Путяте:

– Ну что, давний мой враг, главный, потолкуем напоследок?

– Отчего ж и не перемолвиться, – согласился Путята, – говори, ежели дельное. Однако в меру! Твои-то – уже покой-ники, им спешить некуда; а у меня двое раненых. И до ближ-ней веси, где помогут им, полдня конного ходу.

– Ловко ты мя провел, не оспору, – без тени огорчения высказал Булгак, разминая пясти. – А я ведь, тура добыв,

собирался подождать тебя, затаившись. Хотя и смущение испытывал.

Ведь прискачет он, думаю, весь в азарте. А тут и я! Вместо тура. Неловко даже и совестно...

– И мне неловко, что пришлось огорчить тебя. – солидаризовался Путята. – Однако непричастен к тому, что ехал на тура, а объявился ты. Не приглашал я тебя охотиться!

– И верно: не приглашал, – охотно согласился Булгак. – Подманил токмо.

– Укор твой от неведения, явно! – как бы оспорил Путята. – И вразумлю тебя, ради давнего знакомства нашего. Самое обычное дело в ловитве, ежели промышляют с приманкой. И тянется дичь, скудоумная, к ней, забыв про осторожность, а тут и охотник!

Тот же, кто охотится не в лесах и полях, а по жизни, сам становится дичью, попав на приманку из-за того же малого разума. И уж не осерчай за правду, потому и попался ты...

– Да вовсе не серчаю я! – расплылся в радушной улыбке Булгак. – Понеже, не поверишь, соскучился!

Лишь вспомню последнюю нашу встречу в Киеве, еже ты меня выслеживал, предуготовляя мое убийство, аж сердце щемит: елико лет прошло! Эх, где они, молодые лета наши?

– А ведь и я по тебе истомился. Хоть в чем-то сошлись! Изрядно рад! – ухмыльнулся Путята.

– Мню: еще боле рад тур! – продолжил Булгак, развивая тему. – Не будь сей встречи, не уйти ему.

– Отнюдь не уверен, что ты преуспел бы! – энергично возразил Путята. – Довелось мне состоять в двух охотах Ярополка на тура, а в каждой из них токмо ловчих, не считая иных, пуще было, нежели в дружине твоей. И многие меж ними – бывалые, знающие все туры повадки.

А что вышло? Пять ловчих полегло! Еще четыре, кто упокоился в охотах тех, помощники их. А в княжьей свите убили три, один из коих в чине детского. При том, что второго тура не чисто взяли! Истек кровийшей он, весь истыканный сулицами и стрелами, а поразить его копьём Ярополк не рискнул.

– Допускаю правду твою, однако не исключаю: все же добыли бы! – пусть и с потерями, – возразил Булгак. – Да теперь-то к чему гадать?! Умчались туры рога вместе с хозяином...

И даже сей миг, когда захвачен я, токмо сего мне и жаль: всегда вождеделел их!

«Верю ему, точно себе! – подумал Молчан. – Ведь и сам зело сожалею!»

– А я вот владею турьим рогом! – не удержался прихвастнуть старший его родич.

И Молчан живо растопырил уши, елико возможно.

Ибо накрепко запечатлелось в его памяти вчерашнее обещание: «Отличишься, будет тебе турий рог: мое слово – твердое!». Не сей ли подразумевался?

– Ужель князь Ярополк подарил? – с явным недоверием

и не менее очевидным ехидством справился черниговский тиун.

– Не он, а Болеслав, сын Мешко, князя ляхов, – энергично возразил Путята. – Сей Мешко изрядно расширил прежние свои земли новыми, богатыми лесом. И туров на них хватало!

В ту пору я и прибыл туда по делам неким...

– Да сообразил я, что за дела! – оживился Булгак. – Когда князь Владимир отнял у ляхов Перемышль и Червен, озлобились они! И стали с радостью привечать всех матерых ворогов Киева – таковых, как ты: вдруг, что подкажут?

Не случись увечья моего, сам бы напросился для скрытного осведомления в Гнезно, главный город их. От наших заправлял там знакомец мой по службе в Киеве – точно обрадовался бы мне! Да не судьба...

А тебя, выходит, ляхи наградили турым рогом за козни супротив нас. Угадал?

– Вот и кривда твоя! – высказал, как отрезал, не на шутку задетый Путята, ощутив, что словесный поединок начинает складываться не в его пользу. – Когда Болеслав, а ныне он ляхами правит, выехал на тура, в ловитве его оказался и я.

Поначалу тот зверь, завидев нас, внезапно выскочивших, оторопел, шархнул и припустил с таковой прытью, будто охочий жеребец за кобылой. Однако вскоре опомнился, замедлился и встал.

А повернувшись и набычившись, попер на тех, кто гнал

за ним. Самый резвый конь был у Болеслава, ему и досталось первому! Взлетел на рогах вместе с конем!

Тут бы и добил его тур, да успели двое из всей ловитвы: ловчий из ляхов и я. Заскочили с двух боков его, и изловчились всадить свои копыя! Он – в загривок, я – в брюхо. А едва тур развернулся на нас, подоспели остальные...

После охоты Болеслав распорядился отдать оба рога нам – в награду за доблесть нашу. Ловчий задумал оправить свой в серебро и хранить на видном месте. А я, не сообразив сразу, как поступить с таковой наградой, обработал его, дабы не подгнил, и оставил в прежнем виде, не украшая. Доныне хранится он в жилище моем, и возвращаясь, всегда прикасаюсь к нему – на удачу... Сам видишь: и здесь я тебя обошел!

– Горазд ты бахвалиться! – отреагировал Булгак, резко переменяя ход беседы, доселе едва ль не дружеской, внешне. – Однако вспомни, елико сходников, засылаемых тобой, так и не добралось до Киева, ибо скверно готовил их ты, а я наперед знал, когда они отправлялись...

– Не ликуй! – осадил своего врага Путята. – Деяна, оповещавшего тебя тогда, выявили мы. И вслед использовали его в своих целях, о чем и не подозревал он. Ноне, как отпала надобность в нем, а он, сам того не ведая, помог мне обдурить тебя, утоп твой Деян в болоте! При том, что не хотелось ему!

Да ведь и на поле сем не я, а ты насмерть положил свою дружину! Лишь сам и остался, да и то – токмо из-за служеб-

ной моей надобности...

LVII

– Выманил и упиваешься? – укоризненно покачал головой Булгак, будто сокрушаясь от таковой невежливости. – Аще б не тот, коего я полагал Доброславом, не изловчиться тебе!

– Выманивал я на себя! И супротив единодесяти. А ты и возликовал от подобного счастья, не заподозрив! Не пытайся взыскивать с иного за собственное неразумие. Смешон ты!

– А взял ты меня чем? Не срази твои, по подлости, моего коня, прорвался бы я...

– Аще коня разят, сие, по-твоему, подло. А ежели убивец от тя мне в спину стрелой попал, то доброе было? – повысил Путьята в тоне.

– За донос твой в Царьграде еще и не то заслужил ты! Не забуду вовек! – вскинулся Булгак, разом побагровев.

– А что заслужил ты, памятливый, за Любослава и еще шестерых героев наших, замученных тобой уже в Чернигове? И кончен спор! – утомил ты меня, – озлобился, вспомнив прежнее, и Путьята. – Прекращай разминать пясти – не допущу до меча, и не надейся! И вытягивай руце: наново вязать их будем.

– И что спустя? Огнем пытать будешь? Так не успеешь его развести, а уж отойду я – ведаю секрет. И запомни, Путьята: недолог и твой век! Наперед озаботился я о том. Жди!

– Не пугай! Не страшно!

– Разве? А чего ж руце вязал и приказал вновь? Много вас вокруг, а я един, и не успеет ко мне подмога. Однако не я дрожу, а ты! Понеже боязлив стал по старости.

Слабо тебе потягаться со мной в честном бою, где лишь ты да я, и никого опричь! И посмотрели бы люди твои, кто храбрее.

Не трусь! – на тебя ведь нижестоящие смотрят. И даже младшой твой. Не срамись перед ними! Ведь некогда даже ты не всегда робел... Пушай и хоронился в сторонке, посылая на риск иных! Токмо и способен, что выманивать. Плюю на таковых! Тоже мне, вятич...

Верно рассчитал черниговский тиун! Давний его враг, главный, пришел в неистовство от подобного посрамления, вельми лживого, на виду у подчиненных и Молчана. И вне себя от оскорблений, нанесенных, выкрикнул:

– Подымай меч! Будем до смерти биться!

«Вот и взбеленился он, – возрадовался в душе Булгак. – Еще бы разжечь в нем лютости! Тогда, рассвирепев вконец, потеряет он осторожность, и порешу его!»

И целясь в ту же уязвимую точку, из-за коей, незадолго пред ним, Молчан взбесил старшего родича, молвил он вслух:

– Беру свои слова обратно, раз ты отважился все ж. Когда одолею тебя в честном бою, героем буду! А сразишь меня ты скарамасаксом своим, краденым, вся хвала твоей станет.

– Краденым?! Меня им старейшины наградили за подви-

ги мои! – вскричал Путята, окончательно утратив душевное равновесие.

– И что с того? Не укоряю же тебя, что сам ты его и спер, хотя и не отважусь поручиться.

Однако рассуди сам! Ежели ты, по заданиям своих старейшин, прислуживая им, крал в Киеве наши секреты, полагая сие доблестью, отчего бы и им самим не украсть что-то, дабы расплатиться с тобой? Чем они лучше ты? – резонно возразил Булгак.

И добавил:

– Угомонись! Вернись в обличье зрелого мужа! Негоже тебе, по старшинству пред твоими нижестоящими, попусту впадать в бешенство! Лучше приглянись к рукояти своего меча. А она – из кости морского зверя, именуемой рыбьим зубом. Добывали ее варяги – дальние предки мои, в северных морях, наполненных льдами. Вятичи таковых и не видавали... Взгляни, не поленись, что на нем начертано, и многое откроется тебе!

Похоже, чисто машинально, однако явно понапрасну, Путята извлек из ножен, крепимых на ремне, заподозренный скарамасакс и поднес его к очам.

– Приглядываешься? – продолжил Булгак участливым тоном. – Зри: на одной стороне прорезано, тонко, да оное и для тебя не секрет, осемь знаков, называемых рунами, значение коих неведомо тебе. Аще первый из них похож на стрелу из лука, сие – руна Тейваз, сулящая победу в битвах. И непре-

ложно получится, что твой скрамасакс еще при княгине Ольге был украден у Руальда – родича моего, пусть и не прямого, коего я видел однажды еще мальцом. А Руальду достался он от знаменитого отца его Ивора, ближнего человека князя Олега, правившего Русью аж тридцать лет.

История скрамаскаса сего известна всем в нашем роду!

Путята в безмолвие впал, подобно боксеру из наших дней, оказавшемуся на полу после тяжелого пропущенного удара...

– Ежели ж первый знак в ряду иной, стало быть, и украден он у иных потомков варягов, пришедших на Русь! – безжалостно резюмировал черниговский тиун. – Однако явно, что умыкнули его для твоих старейшин, либо спер кто-то из них самих, скрытно проникнув к нам в молодые лета. Иначе и быть не может! Сии мечи столь редки, что в Киеве каждый из них – наперечет. И точно известно, что в сражениях никогда не доставались они нашим ворогам.

Посему решай сам, с каковым оружием идти в бой супротив меня – с честным, либо бесчестным ...

На Путяту было больно смотреть! В присутствии подчиненных он, не убоившийся кинуться вдвоем супротив единадесяти, унижен был – не мене, чем унижал сам, пребывая хозяином положения.

А враз переменилось! И теперь красовался, открыто дерзя безо всякой робости, уже Булгак – безоружный и в плотном окружении пяти неприятелей.

И вновь ощутил Молчан, сколь схожи сии двое, при том, что Путята, в отличие от Булгака, едва ли когда покушался на чужое, помимо секретов для старейшин. А в том, что сей скрамасакс краден не без них, даже не усомнился он, услышав об его приметах.

Ведь еще до убытия на тура доверил ему старший родич подержать в руке, однако под зорким приглядом, чудо-меч, коим невероятно тщеславился. И обратив внимание на знаки те, запомнил тогда Молчан, что первый из них в точности напоминал стрелу с оперением вниз.

«Верно говорил он: «Сколь извилисты пути земные наши! Не угадаешь, где рухнешь, и почему; где возвысишься, и отчего», – подумал младший родич, ожидая, чем старшой его ответит аспиду, василиску и лесной гадюке.

Путята ответил красиво!

Вонзил оземь свой меч, бесценный, и молвил, внятно и веско:

– Не применю его против тебя, и впредь не возьму в длань! Пусть останется в поле сем, пока не подберут его черниговские, прибыв на твой розыск. Легче им будет догадаться, кто победил здесь!

Не причастен я к его хищению, ибо не вор, якоже ты, черниговский лихоимец! Однако сожалею... И обойдусь сей миг лишь саблей! – не посетуй, что в крови она одного из твоих...

Изготовился? Тогда в бой!

За вятичей!

– За Киев!

И встречно ринулись они! – насмерть, не прибегая к щитам...

Дождь все не унимался, небо было по-прежнему затянуто тучами, и сей локальный катаклизм предопределил тактику их боя. Ибо сделал бессмысленным следование базовому нормативу подобных противоборств: закружив схватку, оказаться спиной к солнцу, когда соперник, оказавшись против светила, хотя бы на миг ослепнет и пропустит роковой для себя удар.

В остальном они следовали типовым правилам контактного боя: уходили от ударов, увертываясь; ловили взгляд противника, предугадывая его действия; при отражении представляли плоскость клинка, дабы не затупить лезвие; держались прямо, выдвигая грудь и тулово, одновременно стараясь не отрывать от земли подошв с каблуками, что помогало – особенно на скользкой траве, удерживать необходимое равновесие.

И действовали столь резко, что впившийся в них взором Молчан не всегда успевал осознать.

Заточенный на весь клинок однолезвийный широкий меч Булгака с долем – продольным желобком для уменьшения веса и стока крови, и навершием в качестве противовеса, был длиннее узкой сабли Путяты, что помогало ему удерживать удобную для себя дистанцию.

А оружие Путяты – с лезвием на вытянутой стороне, рукоятью крестовиной, елманью, представлявшей расширение в верхней трети клинка, и темляком, намотанном на запястье, дабы не выронить в бою, имело иные очевидные плюсы.

Ибо у сабли, при рубке, достигается – за счет изогнутого клинка, большая площадь поражения, нежели у меча. Да и удар ее разнообразней: не только рубящий, способный развалить от плеча до грудины, а и скользяще-режущий – с возможностью потяга, возвращающего оружие из рассеченного тела, откуда кровь начинала литься чуть ли ни ручьем. Сие весьма увеличивало возможность быстро вывести противника из строя.

Бились они молча – с полным ожесточением, выкладываясь на всю силушку.

И всем четверым, кои наблюдали за боем, представлялось очевидным: кто-то из ратоборцев оных может лишиться живота своего в любое следующее мгновение! – хватит одного меткого и мощного удара, когда не выручит даже доспех...

Молчан будто на иголках был, волнуясь за старшего родича и сопереживая ему!

В пылу схватки, яростной, долго еще скрещивались меч и сабля, то и дело высекая искры. А едва разминулись они на миг, разом пресекая бой! И солидарно пресекая дождь, будто дожидался сего...

Булгак, отбросив свое оружие, охватил дланью шую предплечье, вмиг окровавив персты.

А Путята, пошатнувшись, а все же устояв, не выпустил саблю, прорубившую кольчужный доспех врага. И на бедре его, десном, ниже брони, проступило, расширяясь, кровавое пятно.

– Мой ты! – огласил на выдохе высокий чин Секретной службы Земли вятичей.

– Не твой я! – оспорил, затрудняясь в дыхании, не последний чин Секретной службы Киевского княжества. – Не дождешься пытать меня... Не переметнусь, поддавшись!

– Не поддавайся! – согласился Путята, силясь не убавить в своем тоне. – Уж незачем ты мне по расставании с мечом моим. Обойдусь!

Что надобно, от Доброслава услышу – за многие лета в Чернигове времени он не терял...

Славный подарок преподнес ты своим начальствующим: уложил по глупости треть подчиненных своих по службе в Чернигове, проморгал у себя под носом сходника, и сам угодил рылом в лужу!

Когда околеешь, никто о тебе, змеюке, не скажет доброго слова. А скажут: «Сдох сей кат, и радостно!»

Ускользнуть от меня хочешь? Ускользай! За мной останется последнее слово! – не за тобой.

На униженного, боле некуда, Булгака было больно смотреть! – как давеча на Путяту.

И лик его, зримо бледневший от кровопотери, исказила некая гримаса. Последнее слово точно оставалось не за ним!

Все ж, ясно осознавая оное, напрягаясь из последних сил, дабы явить предсмертное достоинство, взял он себя в руце, и молвил с кривой улыбкой:

– Жестоко ты со мной напоследок! – как-то не по-людски сие... Да ладно уж: не держу обиду...

А за Царьград не прощу! – не надейся. Поквитаюсь с тобой даже с иного света. Жди!

И оторвав свою десную длань от раны, резко уткнулся челом в браслет на запястье, рухнул навзничь, будто подрезанный сзади, не единожды дернулся всем туловом, и замер – уже навсегда...

– Ужалил себя, аспид, в собственный хвост! – подытожил Путята.

И не было в тоне его ни сожаления, ни радости. Одна усталость, запредельная.

И чуть переведя дух, а пятно на бедре расплзлось все шире, добавил он:

– Ведал я о том, смазанным ядом шипе, в браслете его. Однако не стал препятствовать. Сие – его выбор! И его право...

Ловок был, гадюка! Мало кто б мечом так смог, а он – пырнуть изловчился...

Закройте ему вежды! А то и впрямь, не по-людски будет...

Невзор принимай отряд! Шуй тебе десницей...

Берендея с Будимиром водрузите на коней с особой бе-

режливостью. Приглядывайте за ними в дороге – Доброслав вам в помощь: понимает он в целительстве...

Едва соберетесь, сразу и трогайте...

Младшой, подойди!

И когда исполнил Молчан, старший родич, опиравшийся на плечо Невзора, дабы не рухнуть, сказал ему, прерываясь и уже убывая в гласе:

– Не обманулся я в тебе. Гордись! – отныне воин ты...

Рад, что невредим остался, и дождутся тебя родители...

А о туре – не сожалей! Успеется...

Что-то еще хотел промолвить он, да начали закатываться очи, и накренило его – еле успел подскочить Доброслав, поддержав с иной стороны. А погода, они втроем осторожно опустили своего начальствующего на сырую траву...

LVIII

Когда осрамил его Молчан за ту скверну, и некуда было деться ему, и не к кому обратиться за помощью и советом, бросился наутро Жихорь в ближний лес – наложить на себя руки от позора да боли лютой за Младу!

И уже взбирался он на самое высокое дерево, дабы сигануть с него вниз головой, как вдруг открылось ему, что останется не отмщенным, а токмо сам он может отмстить за себя. Однако понимал: не осилит он Молчана ноне!

Тут и пришло ему на ум: отправиться куда-нибудь подалее, окрепнуть духом и членами, обзавестись надежны-

ми друзьями и вернуться, дабы рассчитаться.

По прибытии домой, известил он вдовую матушку свою, что намерен убыть надолго, ибо невоготу стало ему из-за неудачливой любви. Расплакалась она, а не укорила, пожалев его материнским сердцем своим. И рассудила:

– Уже не отрок ты. Решай сам, где тебе лучше... Мнится мне: видимся в последний раз, и когда возвратишься, меня уже не застанешь.

Коли надумал, ступай! И подскажу: лучше бы выбрал псковские земли, либо сам град Псков, откуда мать моя – бабка твоя, произошла.

Наслышана я от нее: люди там добрые, зря не обидят; приключится же беда, не растопчут. Да и не скудно обитают там, а в достатке. Присмотрись, когда дойдешь, и уразумей, как достичь того же...

Буду ждать, аще жива! И храни тя Стрибог! А в дорогу я собираю...

И с зарей покинул он дом, отчий и материнский. Двинул на север, голодая в пути, когда проел все припасы в котомке.

И исхудал, аки щепка, допрежь добрался до Изборска, знаменитого бьющими из скалы Словенскими ключами, недалече от славного града Пскова.

Тут и остановился, понеже не осталось сил двигаться дальше.

Округу ту населяли северные кривичи – выше вятичей ростом, знаменитые ратной доблестью, выраженным личным

достоинством и непривычным говором, избыточным цоканьем, чоканьем и смешением многих звуков.

Долго было невмочь Жихорю осилить сие наречие, и чудным казалось оно ему. Понеже не враз догадаешься, к примеру, что «жима», «зелеза», «чепи», «нацальник», «дожгь», «елга», «друзина», «вешна», «журавина», «диянки», «похлебуха», означали у аборигенов зиму, железа, цепи, начальника, дождь, ель, дружину, весну, клюкву, варежки и сытное варево.

Все же преодолел сию помеху, и бывая в граде Пскове, третьем тогда на Руси после Киева и Новгорода, вскоре уже оглашал: «Мы пскопские!»

На первых порах кормился он, будучи принятым за харчи в артель, промышлявшую очисткой выгребных ям в окруженном высокими деревянными стенами детинце – с квартировавшими там наместником, челядью и дружинниками, да и в теремах местной знати, что были отстроены неподалеку.

Выгребные извлечения вывозились в бочках и выливались в Городищенское озеро, характерное подземными источниками и белыми кувшинками.

Артельщики зело гордились, что достойнейший промысел их проистекает в Изборске еще с правления Трувора, младшего брата небезызвестного варяга Рюрика, а таинства профессии сей передают по наследству от отцов к старшим сыновьям – с хранением их в строжайшем секрете, не выхо-

дяди за пределы трудовых династий, дабы не проведали конкуренты.

И приглядевшись к подсобнику Жихорю, единою вразумили его!

Мол, через два-три лета, ежели не оступится он на тернистом избранном пути, кропотливо взбираясь к вершинам умений, золотарных, равно и соблюдая тщание за доверенным ему делом, может, при очевидных уже талантах, дорасти аж до помощника старшего золотаря Разумника – подлинного мастера золотые руки, и станет получать оплату не токмо харчами! Хотя, понятно, что счастья сего достигнет он лишь при женитьбе на одной из многочисленных дочерей Разумника, подраставших к выданью.

Однако огорчил Жихорь доброжелателей тех, суливших ему столь завидную участь! Решив, что не осиротеют без него отхожие места, вкупе с вершинами золотарных гор в них, презрел он трудовые подвиги на оной стезе, благостной, изменив высокому призванию выгребателя, и переметнулся в посад, где загодя нашел место скорняжного подмастерья.

А мог бы правофланговым стать, попав на изборскую Большую Бересту Почета! – ибо долго хранит береста, пригодная для многовековой консервации, начертанные на ней знаки,

Понеже сызмальства помогал своему покойному отцу – знатному скорняку, единственному в селище их, в выделке и обработке звериных шкур, а матушка его вельми умела с

прялкой, и явил хозяину мастерской некие навыки в оном ремесле.

Изрядно размышлял хозяин, можно ли доверить сему новичку подготовку мехов к дальнейшей работе над ними, ибо велик будет убыток, аще загубить их нерадивостью.

Ведь чьи сии шкуры? Бобров, соболей, горностаев, куниц и лисиц! – не то, что коровьи, лошадиные и козьи у кожевников, на кои, необработанные, даже мелкий тать не польстит-ся.

Не польстился бы и Жихорь, ведь иное задумал он, намного боле крупное! И год готовился к тому...

Для начала ему доверили первичную обработку лисьих шкур, поелику были они много дешевле остальных, когда наносил он на мясную сторону шкурную овсяный состав и оставлял на несколько дней для размягчения. Однако к следующему этапу обработки, важнейшему, не допустили его и спустя целое лето.

Ведь на том этапе, решающем и завершающем, ажно обозначались наиважнейшие года пятилеток, грядущих тысячелетие спустя, с помощью специального ножа счищалось размягшее мясо и решалось, елико прослужит мех, и в какую цену будет продан. Аще с мездры – кожаной части шкуры, соскребли жир сверх нормы, становилась сухой, ломкой и недолговечной, предопределяя дальнейшее обильное выпадение волосков из меха. Коли же не доскребли, мех мог испускать неприятный запах, а кому из покупателей понравит-

ся сие?

Однако Жихорь вовсе не испытывал внутреннего негодования от недоверия сего, хотя для виду мрачнел, когда напрашивался на скребеж, а ему раз за разом отказывали – со ссылкой на неопытность и отсутствие навыков. Поелику нацелился он уменьшить число обработанных уже мехов, хранившихся в особом и хорошо проветриваемом помещении, хотя бы наполовину. Ведь невозможно было спереть ему слепопродажную выручку: хозяин всегда уносил ее с собой, никогда не оставляя в мастерской.

Стыд и срам временам тем и нравам их! Ибо украсть не у казенных учреждений, а посягнув на священную частную собственность из достатка доверчивого хозяина – что может быть бесчестней?! Не иначе, Жихорь еще в отрочестве подпал под тлетворное влияние улицы, поддался ему по неопытности, а вслед необратимо затянуло его в пучину чреватых соблазнов... И таковой еще о Младе помышлял! Вековуху ему, беззубую, а не прекрасную юницу!

Листва на деревьях уж всюю распрямилась, еже ночной порой, промеж первых петухов и вторых, за коими – всякий знает, изготавливается к срочному убытию любая нечисть, дабы не сгинуть с криком третьих, свершил он, подлое! А именно: хищение, без предварительного группового сговора, многих хозяйских мехов из помещения того, включая четыре куньих, три бобровых и два соболиных; лисьими погнушался он. И никто не пресек его!

Буде же тогда вневедомственная охрана, аки в двадцать первом веке, и поставлен на сигнализацию массивный дверной замок с замысловатыми секретами, что не устояли, впрочем, супротив жихорева ломика, недостойного нечестивца скоро повязал бы прибывший дежурный наряд.

Меж тем, избежав задержания и наручников, покинул он мастерскую с увесистым мешком, рассчитав, что задолго до полудня успеет на знаменитый псковский торг с двумя тысячами лавок, клетей и амбаров, где легко затеряться от неизбежных преследователей, равно и укрыться от недобрых зенок.

Одного не учел он: хозяину, непонятно, какого лешего, приспичило прийти в мастерскую сильно ране обычного срока – ведь пренебрег утренним перекусом. И обнаружив раскуроченный замок, затем и пропажу особо ценной даже утренней трапезой пушнины, живо допер он, кто замешан и где будет реализован товар.

Вслед побежал в детинец, стеноя по пути, и быстро договорился там, с тремя дружинниками, арендовав у них и коня. Вчетвером пустились они вскачь по кратчайшей дороге в Псков, коей по неосторожности следовал и легкомысленный Жихорь, гнусно посягнувший на неприкосновенность частной собственности. Настигли его уже вблизи града и горько пожалел он, что не вышел на дело с первыми петухами, полудночными...

В подвале ближнего псковского узилища, известного же-

стокостью в нем, узнал он, изрядно побитый, что за покушение на чужие меха ждет его таковой штраф, что о выплате не могло быть и речи. Однако, аще не выплатит, будет томиться! – хотя бы и до скончания дней своих. Безрадостная перспектива сия отнюдь не вдохновляла Жихоря, а избежать ее – не в силах был.

Тут и подошел к нему некий обывальый сиделец б одном оке, ибо давно уж выбили ему иное, ожидавший сурового наказания за разбой. Выведав же у новичка темницы, кто таков, а Жихорь не преминул упомянуть службу в золотарной артели, молвил он свистящим полушепотом: «Ты-то мне и надобен!».

Оказалось, что нестерпимое зловоние в темнице той, немалой, превысило все пределы и узники начали натурально задыхаться, ставя под угрозу, в случае их досрочной кончины, и вынесение приговора, и его исполнение! Посему начальствующие в узилище распорядились выводить тех, кто еще способен передвигать ноги, а таковых меньшинство было, на оправку – два раза в день и по двое, в некое деревянное сооружение, стоящее во дворе, примыкая к стене узилища – за ней был вольный град.

А выведя жаждущих облегчения, стражники тут же убежали обратно, зажимая носы свои и сдерживая дыхание, забирая облегченных лишь вельми погода. Сие и подсказало новому знакомцу Жихоря, именем Былята, перспективный способ побега. Было надобно: усердно выполнить подкоп под

сооружением тем и стеной, когда один роет, а иной стоит в дозоре.

– Будем проситься на выходы по двое – схоронил я во рту резану, когда брали меня, и есть чем расплатиться со стражниками за услугу. Наскоро свершив неотложное, настанет черед твоего подвига! – ведь обнаружил я в темнице нашей железный прут размером в полтора локтя. Буду на страже, а копать – тебе. Сам я иного не осилю – помру от смрада, а ты – привычен. Не сразу, пусть и за многие дни, а все ж исполнишь ты! – вразумил Былята Жихоря. – А когда преодолеем подкоп, окажемся на свободе и побежим к реке Пскове, что недалече, никто из жителей и не подумает приблизиться к нам, зело смердящим!

И согласился Жихорь с задумкой сей, ибо не оставалось у него выбора...

Настал день, и свершились сии труды! И перетерпев, елико смогли выдержать, умышленно попросились они на пару во второй половине дня, когда стража начинала подремывать в духоте, утрачивая бдительность.

Преодолев подземный лаз, скрытный, едва не задохнувшись в нем, выбрались-таки наружу, добежали до Псковы, нырнули в нее и переплыли. И наспех выжимая одежды свои в прибрежных кустах, наблюдали всплывавшую вверх брюшком рыбью молодь, сомлевшую от запахов их, могучих.

Хватились шустрых облегчавшихся не сразу.

А выбежав из узилища и достигнув той части стены, где

с обратной стороны стояло пресловутое сооружение, стражники узнали от четверых отроков, игравших в «бабки», что двое вельми зловонных, появившись, будто из-под земли, устремились по направлению к реке. Однако, когда примчались к ней, не оказалось рядом ни лодки, ни плота, ни даже толстого бревна для переправы. Да и беглецов, понимали они, уж и след простыл на том берегу...

Когда слегка восстановили они силы в жилище задушевной подруги Быляты, успевшей указать им, где хранит запасы съестного, а вслед тут же выбежавшей, незнамо куда, и вернувшейся лишь три дня спустя в надежде, что выветрилось, прикинули, чем жить дальше.

Бывалый старшой предложил: разбоем – однако уже лесным, двинувшись подальше на восток, где никто не додумается искать их, а у реки Торопицы знал он заброшенную избу в безлюдье – вместительную и с печкой, вокруг коей лес, обильный непуганой дичью.

И вновь согласился Жихорь, понеже и тут не оставалось у него выбора. Былята безотлагательно привлек в шайку четверых лихих дружков своих, а вызывала их к нему его задушевная подруга.

Оснастились они кистенями да ножами длинными, были и три охотничьих лука с двумя топорами, а дубинами решили обзавестись уже по прибытии на места промысла.

В начале осени отправились, передвигаясь по ночам, к Торопице. Нашли тот дом, поправили его, там и перезимова-

ли, кормясь охотой на птицу и мелкого зверя, равно и подледным ловом. По весне же, когда подсохло, сделали первую вылазку, напав на малый обоз и никого не оставив живыми.

Много еще было таких обозов, и возрастала их злодейская ватага, и ширилась недобрая слава о ней! А продолжалось сие осемь лет...

LIX

В полном соответствии с предположением прозорливого Молчана, недолгой случилась пряха в благородном обозном собрании.

Поначалу меньшинство, было, взбрыкнуло, вознамерившись назад.

Однако твердое большинство, настырное, изначально непреклонное к разномыслию, и неудержимое в следовании истинным курсом, отвергая любой иной, настояло на своем. И припугнуло, что в случае сепаратного возвращения, оппортунистов и уклонистов прихватят на полдороге лесные убивцы, а невозможно отбиться экипажами трех телег.

Вслед открылись тем два варианта, а иного не было дано. Первый – следуя на торг: «Ох, и худо!». Второй – следуя домой: «И того хуже!»

Что оставалось обозным меньшевикам, поверженным диктатурой большинства и собственным страхом? Токмо стенать в душе, что не предупредил их загодя Молчан, коему нет прощения, и ощущать дрожь при мыслях о грядущих

рисках, ибо не рвались они в покойники, даже и с пышной тризной.

«А ежели я промахнулся в своих расчетах, не бывает тех, кто без упрека. Даже и Путята ошибался не единожды!» – мысленно подытожил рассудительный обозный лидер.

Тут вспомнил он последнюю встречу со старшим своим родичем, не всегда искренним, однако неизменно дорогим ему, невзирая на споры их, не редкие, и расхождения во взглядах на средства, потребные для достижения больших целей. И открыл ему тогда старшой, непривычно осунувшийся, чуть сторбленный и уже в морщинах, избороздивших чело:

– Чую: смертушка моя по пятам идет... Может, и не свидимся боле. Посему скажу, о чем допрежь не стал бы.

Справился ты в Царьграде – не беру в расчет твой загул. А в Тмутаракани, Булгаре, да и в Суваре с Биляром, подлинно был хорош! Доволен тобой. Порадовал! За Киев же – особая похвала: без тебя не скоро бы выявили обороня в наших рядах!

Однако и повиниться хочу – вдруг сидим напоследок?

Обещал, еже на Булгака ходили, не привлекать тебя дале, отпустив с миром, аще отличишься в бою. Да не сдержался, ведь вдосталь в тебе талантов для нашей службы, и понадобился именно ты.

Сожалею ноне! И права твоя Доброгнева, что на меня косятся. Беда, что и иные, кои сменят меня, когда отойду к

Стрибогу, положили на тебя взоры.

Ведь не бывает свободного выхода из тайной службы даже и и для тех, кто единственный раз и лишь боком вовлекался в нее. Волчья у нее хватка! – вцепится, уж не выпустит. И елико бы лет и зим не прошло, а единою нежданно подойдет к тебе какой-нибудь мужичок – мухортый и в одежде скромной, коего никогда не различишь в любой толчее, а увидев, забудешь в тот же день, и скажет вполголоса: «Привет тебе от Бушуя. Надобен ты ему... Будь готов!». Ответишь: «Со всем почтением!»

Так и получишь новое задание, и преподнесут его будто неотложное...

– А кто сей Бушуй таков? – напрягся Молчан.

– Кому положено, те и ведают оное, – уклонился от ответа Путята, не став пояснять, что оперативный псевдоним «Бушуй» – для связи с Центром, был дан ему, еже, после смерти Любослава, возглавил резидентуру в Киеве.

Есть тайны, кои хранятся вечно!

– Не мог бы ты оградить меня от тех ведающих? – открыто спросил Молчан, отнюдь не жаждавший новых заданий, скрытных, не состоя к тому же в Секретной службе. Ведь семья у него, жена и двое малых, и за всеми нужна забота. Пусть ищут иных! – моложе, еще рьяных до подвигов в зарубежье. А ему уж тридесять три...

– Не могу! Даже мне невмочь! За то и винюсь. У нас и захочешь, не отвертишься! – признался Путята, преодолевая

желание отвести очи, либо опустить их долу. – А дерзнешь возразить, худого жди! Самое малое: попадешь под особый надзор... И запугивать начнут, чем угодно.

Не держи обиду, и не поминай лихом, ежели что...

И обещал Молчан не держать, однако простился с ним без привычных радушия и приязни, ощутив себя вещью, кою передают от одного к другому. Особо досадно было, что задания Путяты выполнял он – по просьбам того, из личного уважения и родственных чувств. А отныне грозит ему подчинение неким заведомо чужим, и нет тут кровного, а токмо приказы их!

«Было за что повиниться Путяте!» – подумал он с горечью.

А в конце того же лета об ином думал он, просветленно вспоминая на тризне старшего своего родича, незабвенного.

Настигла его на лесной тропе стрела в спину – вторая уже, и на сей раз – смертная.

«Дотянулись, вражины, до мя...», – токмо и успел выдохнуть Путята, истовый радетель за отчизну свою, пав на гриву коня и отбывая в небытие.

И отлетела душа его на суд к Стрибогу, ведь язычником был.

Так Земля вятичей осиротела на охранителя своего, доблестного...

Пресекая ворогов ее, не всегда он был безупречен, ежели мерять в традициях людских убеждений, обычаев и правил.

И неизбежно сие! Не бывает святости в секретных службах! Невозможны там ангелы...

Ведай об его заслугах великих, собрались бы на тризну о нем многие!

Однако кубками, полными ставленого меда, поминали его лишь те родичи, что успели подъехать, да безымянные герои по ведомству скрытного фронта и молчаливое начальство их, сверлившее всех, кто не состоял в его прямом подчинении, взорами явного недоверия и неустанной бдительности ...

LX

На ближних подступах к своему 31-летию урожденная Анна-Жозефина Тревань в одночасье тронулась от сильнейшего стресса. И угодив в тогдашнюю «дурку», безо всякого блага заняла положенное ей койко-место. Там и скончалась, немного не дотянув до 55-ти. А до рокового момента, когда толпа радикальных соплеменниц публично раздела ее догола и высекла розгами посреди Парижа, в саду Тюильри, была известна во всей Европе как Теруань де Мерикур, она же «Мессалина революции», она же «Куртизанка убийц». Дело было в разгар шабаша, обозначаемого Великой французской революцией.

Все же, превыше легендарных подвигов на добычливой ниве сладострастия с герцогами, графами, маркизами, банкирами и почти всеми лидерами Конвента – без учета уличных революционеров, коих тоже привечала, не огорчая отка-

зами, прославилась она, истинно воинствующая феминистка, любившая щеголять в красном мужском сюртуке, своей революционностью, а на первой стадии оной и участием в убийствах, включая обезглавливания.

А когда отправилась качать права к тогдашнему королю Франции – с саблей в деснице и пистолетом в шуйце, во главе возбужденной женской колонны, состоявшей в значительной части из проституток с заряженными ружьями и топорами, тащивших на Версаль и пушку, ведь надобно было им хоть чем-то потешить свою пылкость, ибо революция наложила ограничения на сексуальный промысел, настал ее недолгий звездный час!

Казалось бы, при чем здесь добродетельная Доброгнева, окровавившая рuce свои лишь однажды, когда, во время очередного убийства Молчана на спецзадание, обезглавила петуха, переставшего по возрасту топтать своей гарем, дабы приступил к обеспечению яйценоскости его рьяный преемник?

Да при том, что возглавила женский отряд самообороны, вдохновив его на подвиги и определив место каждой воительницы в боевом строю, задолго до того, как та же Франция обзавелась Бастилией, Версалем и садом Тюильри, где подвергли поруганию пресловутую Теруань.

Доброгнева, и лишь она, создала прецедент женского сопротивления – в пример и назидание иным племенам и временам!

Именно ей принадлежит исторический приоритет! И по-

стыдно замалчивать ее деяния в течение неполного светового дня из низкопоклонства пред чуждым Западом, приписывающим себе даже изобретение монгольфьера!

При том, что не могла всерьез рассчитывать на действительную помощь со стороны мужских половинок данного городища, живущих поблизости.

Поначалу возлагала она надежды на примерно два слишком десятка мужей и молодцов с ними, однако, снимая пену, поднимавшуюся от горохового варева, призадумалась: годятся ли оные, дабы всерьез поставить на них? Однако, переосмыслив, омрачилась: пустые надежды! Не потянут они!

И то рассудить, один – межеумок, второй – пеньтюх, третий – фуфлыга, что и на рожу скверен, и видом немощен, четвертый – недогораздок, пятый – захухря, шестой – сбрехливый, седьмой же и вовсе курошуп, способный токмо задирать юбки самым податливым.

Да и иных не за что похвалить! – то заполошный, то колготной, то рохля, то вихлявый тютя, то смурной, способный заразить унынием всех прочих.

Касаемо молодцов, отчего ж до сих пор не женаты, а давно пора? Оттого, что шастают по вдовицам и гулявым, а семейного гнезда и не выют! А когда нет семьи и защищать ее незачем, не жди от них ярости супротив злодеев!

Разве мыслимо одолеть врагов с таковым личным составом? Не тот расходный материал!

Так ведь и отговорятся многие, выдумав разные поводы!

А Скурата и Балуй с ратным их опытом, аще и присоединятся, не внесут перелома, ведь двое – не дружина. Еще и в начальствующие вознамерятся! Шиш им, а не началование!

Оставалось уповать лишь на женок да девиц на выданье – непременно крепких телом, рассудила она, ведь незачем в бою худосочные!

И едва накормив сыновей, Доброгнева ринулась по товаркам – из тех, кто проживали неподалеку, дабы созывали они на сбор у старого пепелища.

Ближе к вечеру сие высокочтимое место заполнялось заслуженными ветеранами женского пола, проживавшими окрест, хотя иные – из того же возраста, что на подступах к конечной остановке на магистрали земного бытия, закольцованной от станции «Раннее детство», беззубое, до станции «Глубокое детство», аналогичное, усердно ковыляли сюда, нередко и при посредстве клюк, аж с оконечностей единственной в городище улицы, напоминавшей с птичьей вышины кишку изрядной длины с отростками в виде проулков.

Каждая из них занимала активную жизненную позицию, не поступалась принципами, была, по ее твердому убеждению, праведницей и невероятной труженицей от рождения, а даже вполнину не воздали ей за оное, как надлежало бы, и досконально ведала, кто-когда-с кем. И по просьбам многих жен, жаждавших хотя бы вечером перевести дух от воспоминаний, наставлений и язвительных реплик неугомонных свекровей, сей провинциальный майдан был оборудован, для

удобства прибывавших, сидячими местами, представлявшими четыре продолжительных обрубка рухнувшей от бурелома вековой сосны, расколотых вдоль и выложенных конфигурацией квадрата.

Обсуждение злободневных вопросов велось здесь строго по старшинству, начиная с тех, кому было под осьмьдесят либо даже боле.

Вот и прикиньте, часто ли выпадало блаженство высказаться, излить душу и поделиться злободневными наблюдениями тем, кто перевалил лишь за шестьдесят?

Накануне, к примеру, обсуждались контакты женатого Местяты с Блаженной – мужатой, а не за Местятой! И суровым был разбор их любовных полетов! Иные даже клюками постукивали в азарте благородного негодования...

Однако успели высказаться токмо семь праведниц, хотя желающих принять участие в прениях по обличающему докладу Яромиры – соседки прыткой Блажены, было впятеро от того. А те, кому не посчастливилось выплеснуть принципиальные свои суждения, покидали сходку опечаленными, томясь невысказанным, уныло оседавшим в глубинах их. И прискорбно сие...

На призыв Доброгневы откликнулись, сообразно доблестям по первичным половым признакам.

Как и опасалась она, мужей, из ближних по проживанию, собралось всего ничего: Балбош – с острогой, Лиховид, Дробн и Легостай; Дробн и неженатых сыновей привел

– Предислава и Волога.

Прочие ж отказались под явно лживыми предложениями: неотложности домашних дел, неверия в налет лихоимцев и резкого обострения хворей: у троих зубья, у двоих – чирьи; еще приключились недостоверная ломота в пояснице у Негослава и непредъявленная Кандыбой грызь, коей нет доверия даже и за версту!

Зато откликнулись аж полтора десятка жен и достойных девиц на выданье – с добротными статьями и столь грозного вида, что не каждый взбесившийся бык рискнул бы нагнуть на них рога, ведь другие у него уж не вырастут.

На вооружении их, для предстоящего боя, имелось сулиц с десятков, топориков три, ножей – четыре. Буяна же пришла с вилами, а Глафира и с луком – оказывается, владела им, чего и не подозревала Доброгнева.

Всю последующую сходку наша воспламененная закоперщица являла трибуна-харизматика, берегиню городища и воительницу. И сулица в деснице ее внушала собравшимся не хуже, чем дирижерская палочка – оркестрантам.

Кто истово озарился, порой обращается в витию! – пусть и на краткий миг ментального своего зенита. И без разницы тут возраст, социальный статус и даже моральный облик. Вдохновился сам, вдохновляй иных! Магнетизируй их, заражая своей верой и не давая опомниться даже на миг!

Оное и случилось с Доброгневой, а века спустя – с обозначенной Теруань.

Поведав о грядущих бедах и пострашав во все присущее ей красноречие, перешла она к изложению диспозиции, испуская таковую энергетiku, подавляющую инакомыслие еще при пробуждении его, что и возражать боязно!

А все же одна диссидентка рискнула, по умишку своему, скудному. И незамедлительно поплатилась за опрометчивость...

LXI

Елико веревочке не виться, а единою совется в петлю!

Таковое случилось и с бандформированием Быляты, когда выследил его верховой отряд кметей, направленных воеводой Домном.

Прорвались сквозь кольцо оцепления только двое на конях: Жихорь, давно уж ставший десницей Быляты и носивший в знак своего высокого положения серебряное кольцо с алым лалом в шуюем обушии, да Зван – самый младший среди них, почитавший Жихоря за своего наставника в многотрудном разбойном промысле и не отходивший от него ни на шаг.

Остальных взяли в копыа, а тех, кто сдался, тут же и вздернули, заткнув им допрежь рты, дабы не орали. А Быляту удостоили особой чести – по примеру изобретательных древлян, упокоивших избыточно жадного киевского князя Игоря: привязали за ноги к согнутым деревьям и резко отпустили их.

И когда они остановились-таки, а долго гнали во весь

опор, хотя никто их и не преследовал, пришло время обдумать: как дальше быть?

Не сомневаясь, что оставшихся сотоварищей уж прикончили, одновременно и скорбя о них, Жихорь не в меньшей степени скорбел об утрате всего, что было нажито многолетней пахотой с кистенем.

В начале одиннадцатого века Русь не могла, увы, похвастаться развитой кредитно-денежной системой, как, впрочем, и в наши дни, независимые от Ашхабада, Бишкека и острова Даманский. И пренебрегали приездом в нее ростовщики иноземного происхождения.

А менялы в Киеве, Новгороде и Пскове толком еще не овладели навыками сверхдоходного ростовщичества.

Не обрели хождение и тамплиерские чеки – с непременными отпечатками пальцев их владельцев, ведь еще не родился первый Великий магистр оных храмовников, и произойдет сие лишь более полувека спустя.

Да и не вызывали на Руси доверия отнюдь не бедные рыцари Ордена бедных рыцарей Иерусалимского храма из-за их злокозненной принадлежности к Римской церкви, состоявшей в прямой конкуренции с Царьградской, а потому – заведомо погрязшей во всех немислимых грехах, ложной, чуждой и алчной, токмо и мечтающей господствовать в том же Изборске с прилегающими пустошами, одновременно вождедея доходов местного причта.

Посему приходилось импровизировать и самим откры-

вать подступы, внедряя самородные ноу-хау – при обязательном соблюдении коммерческой тайны, ибо успешное ведение бизнеса, даже и бандитского, предполагает скрытность, не хуже, чем в разведках и контрразведках.

По традиции, заведенной Былятой в оном сообществе недобрых молодцев, половина добычи отчислялась в общую казну. А иная половина передавалась, путем дележа, в личное пользование, сообразно занимаемой должности, стажу разбойной деятельности, внеурочным переработкам и коэффициенту трудового участия.

И сии коллективные накопления были вверены на попечение некоего Годоты, отвечавшего и за выдачу из нее средств на оперативные нужды.

К примеру, для пополнения арсенала кистеней, топоров и сулиц. Либо для отстежек подвижникам сыска из ближних городищ.

А те состояли на службе и опасной, и трудной, и не видной на первый взгляд, равно и на второй-третий-четвертый-пятый, даже для их начальствующих, не говоря уже об обывателях.

При том, что кое-кто из них порой, и не токмо порой, а много чаще, отказывался жить не по лжи без дополнительных внебюджетных выплат. Равно и вести незримый бой, коего невозможно было разглядеть и в упор.

Дозволялось ему и кредитовать промотавшихся членов трудового коллектива из общей казны, базовую часть коей

хранил в столь укромном месте, что и вовек не докопаешься. Однако при обязательном условии: возврат – не позже, чем через тридцать дней, и в двойном размере от выданного!

А иначе оную недоимку возмещали посредством физического воздействия на голый зад; когда ж тот превращался от батогов сих в сплошную рану, неплательщика по кредиту привязывали на ночь к дереву, оставляя без портов, дабы отвела душу на его увечном седалище лесная мщица.

Кара должникам оказывалась столь действенной, что повторных невыплат к сроку боле ни у кого не случилось, и незачем было обращаться к свирепым коллекторам...

Дабы не запомнить, надлежит, немедля, довести: Годота имел личную заинтересованность, получая в размере пятой части от каждого возвращенного кредита, что, предполагал Былята, остережет его от финансовых лихоимств.

Увы! – недооценил он, наивный, сколь податлива человеческая натура на соблазны такового рода.

Ведь Годота не токмо зажуливал из общей казны, а и втайне давал в рост – тем же сыскным из ближних городищ, под вельми щадящие, по его, корыстолюбца, мнению, пятьнадесть ссудных процентов – в полтора раза превыше, нежели выручали при ссудах тамплиеры, хотя прочие ростовщики растленного Запада брали все сорок.

И алчный заимодавец поставил дело так, что и те заемщики не шалили, возвращая с указанными процентами, яко главный сыскарь в округе оной ценил постоянные выплаты

от Годоты и строг с подчиненными был.

Впрочем, сие не уберегло скрытного ростовщика от повешения на березовом суке упомянутыми кметями воеводы Домна, коего, по роковому недомыслию Быляты, бывшего не столь предусмотрительным, как его казначей, не обеспечили постоянными выплатами, включая пушнину из награбленного и серебряные изделия с дорогими камешками. Вот и осерчал он на сию скаредность, решив дать предметный урок всем остальным кровавым татям, промышлявшим в его округе!

Хотя на недалеких кметей, не сообразивших выявить хранителя казны и выпытать у него, ране предшествовавшего казни забитого кляпа, где затаил ее, он осерчал куда пуще... Ведь елико ни перекапывали вслед всю территорию разбойничьего стана, равно и лесные окрестности, так ничего и не выявили.

И Жихорь осиротел на изрядную долю в общем хранении, не говоря уже о прочих сбережениях, немалых, скрытно зарытых в окованном железом ларце под высокой сосной в глубине того леса, а верной приметой был огромный муравейник поодаль.

Совокупно хватило бы на терем в три яруса, двух добрых коней для выезда, еще тройку для справной упряжки, шесть-семь прислужников и богатые дары семье невесты из родовитого купечества с изрядными связями, кою не раз представлял он в мечтах, соглашаясь и на убогость в лице, абы

не была с ланитами, изъеденными рябинами. Ибо то всегда остужало его вожделения.

Еще б и самому осталось на личные расходы, широкие!

Теперь же, разом лишившись всего, что было нажито непосильным трудом, разбойным, располагал лишь тем, что на нем имелось: кольцом с лалом в обушии, да массивной серебряной чепью на вые, поелику тогдашние бандюганы не носили голд, ввиду отсутствия на Руси золотоносных рудников и дефицита привозного злата.

А потаенным карманом на изнанке портов не обзавелся он из гордости, ложной, рассудив, что недостойно сие главного помощника Быляты. И ноне горько сетовал на собственное тщеславие, зряшное и убыточное, ведь в тот карман могла вместиться не одна горсть резан.

«Выбрался из узилища во Пскове, и опять весь в дерьме. Елико лет впустую! Должно выбираться наново!» – прикинул он.

Однако легко сказать, а попробуй, воплоти!

Что умел он, oprичь лесных грабежей? Ничего! Хотя в избранном ремесле своем искусен был и добычлив.

А можно ли обратить сей навык в пользу, не имея под началом вооруженной ватаги? «Вполне!» – сообразил поутру Жихорь, когда зело отделились они от округи, управляемой жадным до чужого добра воеводой, переночевав в лесу и насыщаясь черникой, ибо отсутствовали у них съестные припасы, а заезжать в какие-либо веси еще опасались они...

Незнамо с чего, погодная умеренность поутру обратилась в натуральное пекло пополудни.

«Ну, и жарынь! Не укоряй мя, Ярило, однако сие избыточно!» – подумал Молчан, неспешно покачиваясь в седле. И припомнилось ему таковое же палево пред боем с дружиной Булгака. Путята прервал тогда рассказ из-за неумного ехидства младшего родича, о чем Молчан из 1020-го вельми сожалел.

А поелику с дозорного древа в тот час еще не трелили и не куковали, решил он стонять к опушке, дабы наново полюбоваться туром.

Зело насытившись, аж отвисло брюхо, тот праздно фланировал в поле – возможно, и подремывал, предаваясь сие-сте. И будучи отвергнут сородичами за небрежение коллективным началом, присущим любому стаду – даже не токмо в фауне, являл полное удовлетворение своим бытием, ибо оно и определяет любое сознание – в зависимости от степени наполнения чрева.

Вот к чему приводит моральное разложение в отрыве от рогатых масс!

Неподалеку хрустнула ветка. И подкрался не ворог, а Берендей, вставший поодаль и несколько позади, с той же созерцательной целью.

– Что за суетное житие у мя?! Даже в лесу кто-нибудь

непрерывно рядом, точно выслеживает. И как тут предаться думам высокого смысла?! – с раздражением рассудил Молчан, сугубый индивидуалист, злостный.

Однако, когда на него спикировал, затем и впился слепень, удостоверив, что высокое и суетное неразделимы, стало ему не до зряшного брюзжания, растирая место укуса. Все же, чуть погодя, впал в новое размышление.

– А с чего я полагал, что осилим его? – аналитически вывел он в уме, переводя любование чудо-зверем в практическую плоскость. – В ловитве способен один Путята, а иные – не ловчие отнюдь! И лишь у двоих из нас копыя, а токмо ими возможно взять тура. Не может не понимать Путята оного! Стало быть, кривил передо мной еще в городище, а о туре и не помышлял...

Сходник, он и есть сходник, пущай и наш, а не вражий! – невозможно ему без кривды, аки рыбе без воды.

Однако голодно мне! – чуть ли не полдня прошло от раннего перекуса. Согласился б, рискнув зубами, и на турье мясо, когда запечь его в угольях...

Сей же миг тур, будто уловив флюиды гастрономических устремлений, исходившие от Молчана, и оскорбившись ими, несколько раз энергично ударил хвостом по бокам своим, набычился и повернул в сторону опушки, с которой велось наблюдение.

Да и кому б понравилось, когда его вождедеют, ровно какую вырезку, намереваясь допрежь освежевать и запечь? Не

бывало даже и в приграничье, а о Земле вятичей и баять нечего, таковых мазохистов!

– Се пагубно! – резво смекнул Молчан. – Не надобны мне рога, на кои меня подымут!

Меж тем, чудо-зверь, явно нацелившись на место, откуда выглядывал младший родич, начал набирать скорость...

– Тикай, малой! Дуй в лес! – услышал Молчан выкрик сзади.

И накренив главу, припустил он, елико мог – без оглядки и взора вперед! А как не остался без очей, налетая на сучья многие, есть вышняя тайна!

Допустимо, что миновал бы он, мча, пуще зайца, и сей лес, и следующий. А все ж замедлился, услышав: «Охолонься, малой! Оторвались мы!».

Не без труда затормозив, обернулся он и узрел Берендея, взмыленного.

– Драпая от тура, даже меня обогнал! За тобой и не угнаться! Ежели и в бою явишь таковую же прыть, на ворогов ринувшись, героем станешь, либо упокоишься враз! – высказал богатырь, тяжело дыша.

– А где он, где? – справился Молчан, не узрев никого за Берендеем, и ощутив, что сердце его вот-вот покинет грудь от избыточной натуги.

– Да бес его знает! То ли умаялся гнаться за нами, то ли и в лес не забегал. Некогда было мне озираться...

Утри кровь с чела и ланит, да бегом назад! – в стан наш.

Опоздаем к сигналу, все дело загубим!

И ускорились они вспять – из самых последних сил...

– А с чего бы мне вспомнилось сие? – удивился Молчан. – Нет радости в оном, хотя и укоризны для себя не усматриваю: от тура любой дернет!

«Да с того, – подсказал ему внутренний глас, – что палево то грозой сменилось. Не ударило б и тут!» ...

Изрядно уже продвинулись они, когда четверо обозных запросили у Молчана остановку; меж ними и Некрас. Вслед потянулась в кусты и часть прочих.

И тут к Молчану на коне подгреб Мезеня, торопко прихрамывая.

Молвил вполголоса: «От Млады тебе!» И когда разжал протянутую длань, сердце Молчана как обручем сжало: ведь лежал в ней столь памятный ему особый камешек, с проточенным в нем водой отверстием.

По солидарному поверью в Земле вятичей, таковые камешки, дырчатые, являлись оберегами от злых сил, отводили неприятности и притягивали удачу, исполняли желания и защищали от наводимой порчи.

А дабы свершилась заветная мечта, коя иначе едва ли сбудется, надлежало на восходе солнце посмотреть сквозь отверстие на небо, и загадать...

Камешек, переданный Мезеней, имел отверстие точно посередине, а значит, был наделен высшей силой.

Вельми редко сыщешь подобный, и уж почти никогда,

чтобы вдобавок он был черного цвета с красными вкраплениями. А таковой считался лучшим оберегом для влюбленных! Однако осьмнадцатилетнему Молчану повезло – после долгих поисков в верховьях отдаленной речки, быстрой.

Ведь ведал он древний обычай: ежели камень с проточенным отверстием кому-нибудь дарят, то одариваемый обязан поцеловать того, кто дарил. И одарив им Младу, достиг он тогда самого первого у них поцелуя...

– Уж полыхало у них, а пламя захватывало клеть, в коей где-то таила камешек сей, и не забыла она о нем, – чуть ли не скороговоркой изложил Мезеня. – Подпалила брови и ресницы, однако вынесла, спрятав.

Некрас и по сей день косится на нее: зачем, мол, в огонь полезла, когда еще и не приступили тушить, по каковой надобности? И не ведая причину, остается в недоверии...

А пред отъездом нашим из селища, незаметно от Некраса отозвала мя и попросила передать тебе: «Оберегайся, Молчанушка, любый мой! Дурное мне снилось три ночи кряду, и недоброе чует сердце. Пусть сохранит тебя оберег оный, как я сохранила его...».

Молчан аж зубами заскрежетал от лютой тоски, накатившей. И так хотел бы узнать о Младе, ведь боле у некого было ему спросить, да уже отошел Мезеня, едва успев к повозке до возвращения Некраса...

LXIII

И повернули они на юг – в направлении славного Смолен-

ска. Ведь наслышан был о нем Жихорь от одного из их разбойной артели, рожденного от псковича и смолянки.

Впредь не таились они в пути, и даже закупали провизию, поелику у запасливого Звана – в потаенном кармане с изнанки портов, вблизи причинного места, имелись некоторые женские украшения, пригодные для продажи, либо прямого обмена: ожерелья, две литые подвески из серебра, височные кольца и даже отрезанный от платья убиенной воротник, расшитый жемчугом, а еще – с десяток резан и три перстня.

Сие составляло стартовый капитал предприятия, задуманного Жихорем. Его собственный материальный взнос составила та самая чепь в изрядную цену, а слишком уж приметное кольцо с лалом извлек он из обушия, решив вдеть наново, когда станет он во главе собственной ватаги.

Чем привлек его именно Смоленск, о коем археологи по сей день спорят, еще городищем являлся он в начале одиннадцатого века, либо уже городом? Занимая нейтральную позицию, обозначим как поселение городского типа, кое весьма подходило для осуществления идеи с долгосрочной реализацией, озарившей Жихоря.

В Смоленске, стоявшем на главных торговых путях и в сторону Киева, и в сторону вятичей, и в сторону ляхов, хватало, понятно, не токмо купцов, а и разбойников. Злодеи более нацеливались на ладьи, ходившие по Днепру с немалой охраной, однако со столь ликвидными грузами, что соблазны нередко оказывались превыше любых опасок. Однако регу-

лярно разграблялись и лесные обозы.

И Жихорь, отменно зная технологию таковых налетов, смекнул: взявшись за охрану обозов, быстро преуспеет он в отражении разбойничков, местных, а там – не торопясь, подберет и людишек, проверенных в деле. По прошествии же необходимого времени возьмет – со всем наполнением, особливо богатый обоз, доверенный в его охранное попечение, и навсегда исчезнет из оных краев, вместе с подобранным личным составом, покорным его воле...

Всего и надобно было наняться на службу к не самому разумному, однако непременно состоятельному купцу, причастному к организации обозов со своими товарами.

Седьмь дней кряду высматривал он такового, расхаживая на набережной Днепра по самому большому торгу Смоленска, отслеживая возможных кандидатов по богатым одеждам и числу сопровождавших, а вслед и по действиям их на торге. Не ленился и наводить, будто невзначай, справки у завсегдаев торга. Наконец, определился-таки!

И в торговый полдень по нечаянности поскользнулся на самом ровном месте, а пав, ненароком зацепил шуйцей голенище сафьянового сапога некоего купчины, дородного и разукрашенного, шествовавшего впереди пятерых прислужников его.

Тут же вскочил он, и – весь трепетное почтение, кротко и потупившись, обратился к рыночному богатею, уже открывшему рот, дабы обляять незнакомца сего за дерзость, недо-

пустимую:

– Прости меня, купец, честной и знатный, благородного, зрю я, торгового рода! Погруженный в печали свои, из коих напрасно искать выход, не удержался я, поскользнувшись... Винюсь пред тобой со всем почтением моим! Не держи зла...

Вслед отдал поясной поклон и медленно повернул вспять.

– Эй, молодец, погодь! – крикнул ему вслед купец, на самом деле вовсе не честной и знатный, насчет же благородства и упоминать не стоит, потрясенный подобной учтивостью, неслыханной в рыночных рядах, где не мене троих из каждых четырех торговцев – законченное хамло, а почти все торговки – натуральные хабалки, и заинтригованный, касаясь безвыходных печалей.

Жихорь, будто вздрогнув и очнувшись от нового погружения в тяжкие думы, обернулся и обнаружил, что его подзывает выбранный им купчина.

И едва подошел он, потупившись, справился тот:

– Каково прозвание твое? Куда путь держишь? С чего печаль таишь?

Жихорь зримо призадумался – словно сомневаясь, надобно ли открыть свою тайну, страдательную и сокровенную, человеку достоинств многих, однако незнакомому. Все же решился, и тряхнув головой, кудрявой, приступил:

– Слушай же купец, честной и знатный, скорбный рассказ мой! Гамаюном зовусь я, урожденным на Псковщине. Служил старшим стражником в славном городище Изборске, пя-

терых имея под своим началом. Денно и ночью выискивал я татей, задерживал их, презренных, и доставлял в узилище. За беспорочную службу имел похвалы от начальствующих.

И уже собирались перевести меня, с повышением, в град Псков – на хлебное место в застенке предварительного заключения, а случилось страшное! Столь подлое, что не уверен даже, продолжать ли...

– Да ты уж продолжай, коли начал! – суетно вскинулся купец, якобы честной и знатный, зря подзабыв, что беспечное любопытство, праздное, порой оборачивается большими убытками – пусть и не сразу, а погодя, для любознательных не по уму. И кого токмо не ловили из века в век на сей не самый замысловатый крючок, и вечно будут ловить!

Вновь призадумался мнимый Гамаюн, и вновь решился! И продолжил:

– Единою поутру в детинец, где обитали мы, примерные стражники, прибежал некий хозяин скорняжной мастерской, стеная навзрыд. И огласил он нам, из-за него пробудившимся, что ночью ограблен был своим подмастерьем, взломавшим замок и оставившим владельца без мехов, особо ценных, меж коими бобры были и соболи.

Сжалился я над хозяином тем! И согласился отправиться в погоню за ночным лиходеем, прихватив с собой еще двоих, всего за три резаны, составлявших цену шести куньих шкурок; не противился бы я и оплате шкурками, однако настоял он именно на резанах. Еще резану посулил за то, что предо-

ставил я ему лошадь под седло.

Однако ничего не захватил он с собой, установив кражу и побежав в детинец. А расплатиться поклялся лишь по возвращении. И согласился я, добропорядочный, в долг! – ведь сам никогда не лукавил, зане и иным верил, за что не раз укоряли меня бывалые старшие стражники.

О, простота моя от чистого сердца! О, доверчивость из глубины души! Напрасны вы на свете оном! Не воздается за вас...

Здесь Жихорь живо сообразил, что перебрал в складной своей лживости, коей и сам уже упивался. Ибо сколь малым ни являлся сей купчина, может и усомниться в провозглашенной добропорядочности. Ведь три резаны за внеплановую халтурку и еще одна – за аренду лошади, суть натуральный грабеж. Посему он перестроился на ходу.

И спешно внес коррективы:

– Не подумай, купец, честной и знатный, что великоват был запрос тот. Ведь содержал я вдовую мать с увечной сестрой!

А товарищи мои, коих взял с собой, влачили жизнь во все убогую: у одного – семеро по лавкам, и все впроголодь, у второго же приспела пора выплачивать большую недоимку, а нечем было, и предстояло ему изгнание из стражников, вслед и правез с каждодневным, исключая лишь праздники, битьем палками.

К тому ж оный злодей, сопровождая телегу с награблен-

ным, был вооружен до зубов, и каждый из нас рисковал при его задержании животом своим! И три резаны, а четвертая – за лошадь, ведь и она могла, жеребцам в печаль, стать убиенной во цвете лет своих, справедливой оплатой были бы.

Увы! – не досталось нам даже одной. Поелику, когда догнали татя уже при въезде его в град Псков, куда намеревался он на главный торг, дабы резво сбыть украденные меха, и притащили в ближайшее узилище, а немало их было во Пскове, и доставили меха в Изборск, к мастерской той, скорняжной, объявил ее хозяин, что ничего не заплатит нам, ведь не было свидетелей моей договоренности с ним.

А когда возроптали мы и подступили к нему, заорал, как оглашенный: «Убивают мя, злодеи стражники!» Тут и все его подмастерья выбежали и приблизились некие из уличных, бездельно шатавшихся. И ни в ком не проявилось сожаления к нам!

«Вот мои заступники!» – вскричал он.

Вслед же, убавив в гласе, дабы лишь мы слышали, открыл: «А с вас теперь четыре резаны, ведь имею свидетелей, что собрались напасть и изувечить!»

А не отдадите, направлюсь к наместнику, и донесу ему, что подло вымогали их у за малую услугу, цена коей – шкурка векши, а вы на осьмь кунных зарились. Еще и своевольно бросили место службы, своей, не отпросившись у начальствующих и личной корысти ради. И поверит он, ведая, каковы все, кто в его подчинении...

Жду от вас четыре резаны к вечеру! А послушаетесь, не миновать позора вам: со службы выгонят, и в яму посадят за долг!»

Что оставалось делать? Вернувшись в детинец, испросил я приема у наместника, каковой не раз отмечал мя за усердную службу – с тех пор еще, когда охранял я купеческие обозы.

Выслушав, молвил он:

– Знамо мне, сей хозяин – подлец и мошенник! И не раз он подсовывал покупателям своим худые шкуры, а когда возмущались они, их же и обвинял. А за то, что всех моих подчиненных позорил пред вами, спрошу с него с лихвой, когда падет его двоюродный брат – таковой же лихоимец, состоящий ноне при псковском воеводе. Однако, пока он в силе, не рискну с ним ссориться.

Помню твое благомужество, когда еще младшим стражником сопровождал торговые обозы, и извел многих злодеев, нападавших на них в лесах, ран от них не считая. Ценю тебя и хвалю, а все же не в силах вступиться, ведь обидчик твой тут же побежит к своему брату!

Могу помочь днесь токмо советом: заплати те резаны и на время покинь Изборск. Не то сей подлец не оставит тебя в покое, затребовав и еще! А везде тебя примут с радостью, ведь всем надобны герои, кои не просят многого за подвиги свои. И вот тебе резана от меня на дорогу...

И приняв подношение сие с великой благодарностью, последовал я сему напутствию, заплатив тем же вечером него-

дяю тому.

А наутро, купец, честной и знатный, убыл я в град сей, ведь один из подчиненных моих, родом смолянин, рассказывал о нем доброе. Да и куда еще податься мне, северному кривичу, аще не к соплеменникам, своим, заселяющим сии земли еще от общих пращуров наших?

Вот и вознамерился я!

Ноне же и не ведаю, чем пропитаться впредь, ибо никого не знаю в Смоленске, а токмо и умею, что изничтожать городских татей и лесных лиходеев...

– Ты-то мне и надобен! – воскликнул внимательный его слушатель, живо напомнив лже-Гамаюну о таковых же словах, с коими обратился к нему в псковской темнице Былята. – Направляю я обозы с товарами во многие веси, даже и в грады, бывает. А распоясались лесные лиходеи, и нападают. Великие убытки несую!

Зрю: человек ты опытный, и недорого запросишь. Иди ко мне в охрану!

– Благодетель мой! Век не забуду! – расцвел, изобразив осиянность, бесстыдный лжец, уверенный наперед, что и сей благодетель век его не забудет...

LXIV

Когда последний из отходивших вышел на дорогу, Молчан объявил проверку оружия. Памятуя уроки сурового Невзора, он всегда исполнял сие, когда оказывался старшим

в обозе.

Для начала осмотрел свое. В порядке оказались и боевой топорик, и восемь сулиц, и нож длинный. Да и кольчужное облачение сидело, как влитое.

Вслед проверил конных – самых испытанных на страже обозов, коим доверял, ажно себе. Не оплошали они и в этот раз: не придраться было и к топорикам их, и к охотничьему луку у Забоя, и к копьё Колывана, и к тулам, полным стрел, и к ножам. Порадовало Молчана и то оружие, что рознилось у них. На ходу еще раз уточнил место каждого из них в обозном ордере.

Могучий Забой, способный раздробить своим кистенем даже лосиный череп, выставлялся, вместе с Молчаном, в авангард – с десной стороны дороги. А Колыван – копейщик, ловчей коего не было во всем городище, таковой же богатырь статью, намечен был в арьергард – прикрывать обоз с тыла.

У двух следующих пар пошло хуже. Уже на первой из телег, с Буяном и Довгушом, выявил он у Буяна всего одну сулицу, а надобно б хотя бы две, и затупленное перо копья у Довгуша – поразить врага копьем с подобным дефектом можно лишь двумя руками и наваливаясь всем телом.

«Оба не готовы к бою!» – вывел Молчан и распорядился убрать в обозной колонне сию телегу с первого места и переставить на третье.

Не лучше обстояло и у Взрада с Деядтой. Полностью готовы к бою были токмо ножи у обоих да топорик у Деядты, а

сулиц оказалось у них три на двоих: явно недостаточно для плотного ближнего боя! «Поедете шестыми!» – распорядился Молчан, к явному неудовольствию у Взрада.

Предстояло определиться с двумя важнейшими позициями: чей экипаж поставить во главе колонны, и чей замыкающим.

Буян с Довгушем и Взрад с Деятой были уже выбракованы.

Оставалось три телеги, где было по двое: Некраса с Мезеней, Алабыша с Твердоликом, Басмана с Талалаем.

Некрас с Мезеней отпадали сразу: щуплый хромец Мезеня – никакой не боец, и будет бесполезен со своим топориком. А Некрас, хотя и был когда-то отважен, однако не проверен в бою: ему бы Мезеню защитить, и то дело!

И было указано им: «Ваша телега четвертая!»

Замыкающая пара была важнее, ведь Забой в одиночестве был. Посему Молчан выбрал Алабыша с Твердоликом, имевшим совокупно два боевых топорика, пять сулиц, два ножа, кистень и охотничий лук.

А Басману с Талалаем, располагавшим двумя топориками, шестью сулицами, одним копьём и двумя ножами, предстояло следование в авангарде.

Телега одиночного Бармы – в пластинчатом доспехе, с луком, саблей, добытой им при отражении набега печенегов, когда состоял в ополчении, четырьмя сулицами и ножом, была поставлена в обозном ордере на второе место, вслед за

Басманом и Талалаем, и впереди Буяна с Довгушем. На ней перевозились и товары Молчана. А Хотен, второй одиночка в обозе, единственный в нем со щитом, вооруженный копьем, охотничьим луком и ножом, обойдясь без сулиц, оказался на пятом месте – после Мезени с Некрасом, опережая Взрада с Дедадой.

По окончательном определении походного ордера, Молчан водрузился на коня своего, командирского, поднял десницу в знак общего внимания и огласил, якоже услышал каждый:

– Всем приблизиться!

И когда исполнили те, молвил, веско и внятно:

– Не вмешивался я в спор ваш, двигаться дальше иль возвращаться, оставив на ваше усмотрение. Сей же миг откроюсь: я и сам не рвался ехать на торг, однако, дав ране согласие, не счел возможным отказаться. Ноне же поздно спорить нам! Время изготавиться к бою! Не ведаю, когда ударят злодеи. Возможно, и на обратном пути. А все ж, из предосторожности, надобно ожидать их уже днесь.

Мыслью: навалятся они на нас, аще нападут сегодня, у Беданова камня. До него еще далече. Там крутой поворот, и самое удобное место для налета.

А возможно ли, что ударят допрежь? Для лиходеев все возможно!

Так або иначе, а ринутся на нас с обеих сторон дороги.

Я, следуя первым, а Колыван будет чуть позади, заметив

неладное, крикну: «Бой!» Тогда все возницы бросайте поводья, и хватайте оружие свое!

Ежели что не так, крикну: «Стой!», и должно, немедля, остановиться.

В бою держитесь спиной к спине, оберегая друг друга!

Сулицу держите не в центре древка, а на треть от наконечника. Показываю! При броске берите немного вверх: чтобы попасть в грудь, цельте на уровне шеи. А в ближнем бою разите ей в упор, аки копьем!

Аще с топориками вы, по плечам рубите! – страшен удар сей!

Режьте ножами, когда сцепились. Изловчился, и по вые его, по вые!

Лучники, пуская стрелы, берите прицел в середину груди!

Добивайте врагов! Пушай издохнут они! Никакой пощады!

И завершив, отер он пот с чела своего тыльной стороной шуйцы ...

LXV

Се просчиталась Беяна, одна из первых бездельных говоруний во всем городище, высказавшая: не так уж и страшны тати, кои ноне напасть могут. Ведь поведала ей аналогичная подруга, что позапрошлым летом налетели они на селище у речки Неплюйки, и никого не покалечили, лишь коз увели да курей – кубыть, оголодали в лесу-то. А у нее в семье, по бедности, нет живности, опричь старой лошади, что на ра-

ботах в поле. Нечего ей бояться!

И не станет она зазря вступаться за чужое! Да и иным не присоветует геройствовать даже за коз!

Ох, не к добру отворила Беляна рот, языкатый!

Кому поперек пошла, безрассудно?! Нашла, с кем тягаться!

Не то она лягнула, и не при той, что спустит подобное!

Доброгнева и не спустила:

– От кого я услышала сие? Горазда токмо лясы точить, а к чему еще пригодна? Бедна, излагаешь, а руце твои откуда? Знамо, не из плеч! Нить в иглу, и то не вденешь! И мужа с детишками не соблюдаешь! – всегда они в грязном, ведь даже постирать ленива.

Истинно расщеколда ты, и ничего боле! Пустоцвет!

Аж покачнулась та провокаторша, вся в пятнах на ланитах, и вознамерилась срочно покинуть сходку. Да не тут-то было!

Ибо очи пассионарной Доброгневы точно молнии извергли, и гаркнула она, гневная, на дезертира в заплатанной полове:

– Стоять! Живо ответствуй мне: сильничали тебя, аль нет?

– Почто срамишь мя? – пискнула опозоренная Беляна, кляня себя в душе, что по глупости накатила на предложенную диспозицию.

– Нет? А будут! И именно днесь – у ближнего тына, либо

на подступах к нему! Не захотела оборонять городище и саму себя, сподличала пред нами, достойными, в кусты вознамерилась дернуть, так тебе и надобно! Когда же надругаются, еще и порешат: ведь убивцы! Теперь же вали, срамница! И принимай у тына супостатов тех! Готовься и жди, печалась! – провозгласила Доброгнева, ликвидируя оппозицию в самом зародыше. Ведь женская демагогия, супротив таковой же, пуще даже мужской!

Мрачное пророчество витии – де-юре, из слабого пола, однако, де-факто, таковая поставит в непотребную позу едва ли ни любого из сильного, произвело на слушателей могучее и даже неизгладимое впечатление!

Все они, словно воочию, представили предстоящие массовые поругания, и никому не захотелось их!

Ни женам, при коих состояли в мужьях избыточно ревнивые собственники, поелику изведут вслед попреками, равно и подозрениями насчет недостаточной сопротивляемости насильникам, ни девам, кои еще не обзавелись мужьями, однако таковых может и не случиться, когда получишь дурную славу публично обесчещенной, ни Балбошу, Лиховиду, Дробну и Легостаю иже с ними, ведь им отнюдь не улыбались рога, пусть и причиненные без прямого умысла со стороны жен, понеже невозможно будет утаить их от злослышной общественности, ни даже Предиславу с Волотом, ибо злодеи могли нанести невозполнимый урон безупречной доселе репутации поголовья городищенских девиц на выданье, а из

кого ж тогда выбирать?

И истовая убежденность Доброгневы, запрограммировавшей саму себя на неизбежность налета, разом передалась всей внимавшей ей аудитории, восседавшей на плахах, отполрованных заслуженными седалищами славных долгожительниц с активной жизненной позицией.

Меж тем, надвигалось голосование по кандидатуре главы воинства.

Сия представлялась для большинства слушателей бесспорной! Особливо, когда Доброгнева ловко ввернула насчет своего мужа – безусловного авторитета во всем городище, сославшись, когда излагала диспозицию, на мнение Молчана, что злодеи могут напасть токмо от реки.

«И тут я, владея сулицей, боевыми ножом с топориком, равно и луком, согласная с ним. Ведь на сей раз дело он баял!» – добавила Доброгнева, внедряя в извилины доверчивых слушателей мысль, что разбирается в стратегии лучше бывалого вояки и самого знатного охотника окрест, и способна даже его поставить на место. А столь впечатлившее всех упоминание о владении оружием сразу четырех типов, что вельми похвально для любого командира, еще боле склонило симпатии потенциальных избирателей в ее пользу.

Окончательно ж солидаризовались они в едином мнении, когда Доброгнева огласила, как надобно препятствовать прорыву злодеев от реки. Ясное дело, что допрежь надобно выставить дозорных, а к ним и смену определить. «Тут на-

значила бы я...».

И перечислила четыре женских имени, определив из тех, кто не особо и рвался в бой, одновременно мгновенно заручившись их признательностью и безусловной поддержкой при голосовании.

А сколь лихо, хотя и исподволь, обозначила свое начало-вание, закрепляя неизбежность одного в подсознании избирателей!

Буде ж заметят дозорные, что вороги крадутся, либо побежали, не таясь, от реки, надлежит прибегнуть к звуковому оповещению, одновременно и запалив костер – на самом их подходе, когда те почти выберутся наверх.

И надобно подготовить наполнение одного соломой, хворостом и бесхозными чурками, дабы, когда запыльхает, не пройти ни одному лихоимцу.

А от реки нет иной прямой накатанной дороги в городище! Стало быть, попробуют, взбираясь, обойти с боков, где и будут ждать все, кто с луками и сулицами, а Балбош и с острой. Касаемо сулиц, присоветовала она, как верно метать их, не упомянув, что се Молчан подсказал ей и обучил.

«Рассудила я, – продолжила Доброгнева, с ближним умыслом и твердо веруя в силу беззастенчивой лести, – что днесь надлежит оберегать младых, ведь воздадут они позже нам, состоящим в доблестях, за попечение о них. А мужество свое и верность городищу они уже удостоверили, прибыв сюда!»

Вслед огласила кандидатуры на подготовку наполнения и надзора за ним, буде собрано, заявив Предислава с Волотом, а в оперативное подчинение им – всех четверых заневестившихся дев брачного возраста, уже и перезрелых.

Однако кострищу должен предшествовать костерок поодаль, дабы зачерпнуть из него для большого пламени. Кому доверить его разведение и поддержание огня, равно и старшинство над всем младыми? Дробну-отцу и доверить! – ведь не поленился прихватить на поясе огниво и сынов привел. А когда возгорится преграда татям, примкнет к иным лучникам.

Так Доброгнева обзавелась очередными преданными сторонниками...

Все ж надлежало заручиться симпатиями и остальных. Доброгнева не сплеховала и здесь, воздав двум еще не задействованным мужам, а начала именно с них, ибо сильнее женок ранимы мужи от дефицита льстивых и неумеренных похвал, а вслед и каждой воительнице, обозначенной поименно. При том провозгласила, что доверяет им самые почетные позиции при отражении налета, буде главная ратная слава досталась бы самым заслуженным.

И ощущая, сколь потеплела к ней аудитории, ликовала в душе сия популистка, что не подоспел еще бывалый Балуй, способный не токмо встрять с возражениями, а и претендовать в начальствующие. А Скурата, таковой же, проживавший на ином краю городища, и подоспеть не мог: за ним по-

слали лишь пред началом сходки.

С Балуюем же обстояло иначе. По завершении дневной трапезы помчалась она к нему, как и намечала. Встретила ее Весняна – с явной настороженностью, ибо отродясь не было у них взаимной симпатии. На вопрос, а где ж муж, ответила, что еще с утра умотал с Гладышем, соседом, и еще с одним ловить бреднем карасей в озерце. А когда возвратятся, то не ведомо ей.

– Да ведаешь ли ты, что днесь нас всех поджарят, аки тех карасей? Ведь лиходеи налетят! – воскликнула Доброгнева, негодуя на недопустимую праздность тех троих в канун суровых испытаний.

А Весняна, блудливая, и не ведала о том, отчего и всполошилась мигом!

– Так живо отправляй старшего сына за ними, дабы возвращались скорей! – приказала Доброгнева. И побежала та за старшим, бывшим во дворе...

LXVI

Названный Гамаюн преуспел уже вскоре. Пересерстив всю охрану обозов нового хозяина его, именем Резвой, отбраковал половину и набрал новых, чуть ли не поголовно с обличьями и повадками, не характерными для добропорядочных обывателей.

И не искал он добропорядочных!

С каждым из новобранцев провел индивидуальное собеседование, предупредив, что в случае малейшего неповино-

вения отрежет уши и выпустит потроха, а при полном повиновении будет, опричь хозяйского жалованья, сам доплачивать за усердие. И мигом прониклись они, представляя в большинстве своем местный криминальный сброд, что такому вожаку выгоднее подчиниться, понеже не станет шутить, а прирежет, ровно цыпленка! – ведь явно проступал в нем бывалый убивец с правильными понятиями.

Дале прошли они многодневные тренировки по овладению луками и сулицами, ведь с кистенями и ножами прекрасно управлялись и до того. А за день до выхода обоза воспрещалось им употребление хмельного.

Нечему удивляться, что уже вскоре недисциплинированные разбойники из местных, нападавшие на обозы с такой охраной, не изменяя прежней беспечности, начали нести тяжкие потери. И подлинно взвыли!

Пробовали подсылать к сему стервецу, пришлому, переговорщиков, предлагавших изрядную мзду за ослабление его попечения на лесных дорогах. Однако непреклонен был он, предлагая в ответ иное: валите прочь, подобру-поздорову, пока еще живы, либо переключайтесь на речной промысел!

А еже пытались плакаться ему: мол, недостает у них резан на закупку большого числа лодок, потребных для добычливого разбоя на Днепре, Десне и Соже, а невмочь им валить из любезных сердцу лесов, ведь патриоты родного края, ответствовал, невежливо и без сочувствия, что не жалует он убогих.

И вошел Гамаюн, мнимый, в подлинную славу у смоленского купечества! Дошло до того, что многие транзитные торговцы, включая именитых, начали набиваться к Резвому, дабы отдельные телеги их с особо ценными товарами стали включаться в его обозы в сопровождении сего героя. И соглашаясь, Резвой, втихую брал с них, однако утаивая се от героя и не делясь с ним.

Проведав о скаредности оной, Жихарь лишь усмехнулся в душе. «Дурень ты, Резвой! – подумал он, незлобиво. – Рази ж кормят несущку, добрую, сорным зерном? Да ежели б я и не затаил на тебя ране, днесь точно замыслил! И возрыдав об обозе своем, сообрази, что дорого стоит жадность».

Впрочем, он и сам брал втихую, не ставя в известность Резвого, установив тайную мзду за конечные места в обозном ордере, ибо, состоя в задних рядах, легче удрать, развернув повозки, при налете, а с передних рядов – затруднительно сие. И понятно, что диктовалось оное не личной корыстью, а изысканием средств для дополнительных выплат личному составу!

Обзавелся он и иными источниками доходов, каждый раз выдвигая главными действующими лицами своих доверенных людей и в первую очередь, Звана, ставшего в Смоленске Миролюбом. Понеже предпочитал пребывать в скрытности, почитая скромность и отвергая саморекламу.

Для начала освободил все местные торги от тамошних рэкетиров – кого-то пришлось и упокоить для острастки про-

чим. И заменил своими кадрами, наделив их правом взимать за присмотр с теневых хозяев одного промысла.

Однако, из внутреннего благородства, повысил расценки лишь на треть!

Не оставил без опеки и гулявые дома, ибо всегда доведен организованный платный блуд. А на заднем дворе самого посещаемого из них оборудовали, по его распоряжению, пристройку, с отдельным проходом к ней – для особо состоятельных посетителей.

Ведь претило им, устремляясь к отдохновению, сталкиваться с недостойной чернью, направлявшейся по той же надобности!

Одновременно обдумывал он возможные ответвления будущего личного бизнеса, разбойного, прорабатывая, как сказали бы нынче, бизнес-план. Вельми заинтересовали его сведения о возможностях добычливого промысла на волоках.

Поелику непросто налететь разбойной лодочной флотилией, не понеся больших потерь и обрета немалую добычу, на ладьи с грузами – каждая под охраной многих стражников. А вот когда выгружают на землю и на колесах переволакивают грузы от реки до реки, отдельно от ладей, то при внезапном нападении можно изрядно пожитья!

Прибыв на разведку в то междуречье, побеседовав с бывалыми людьми и почерпнув из их опыта, удостоверился он: при наличии необходимых сил, есть смысл попробовать самому! И вдохновила его сия перспектива!

Не запомнил он и о заветном ларце, окованном железом. Через два лета, а раньше не получилось, отпросился у Резвого в Изборск – проведать вдовую мать и увечную сестру, коя никогда и на свет не рождалась. И взяв двух поводных коней, направился по направлению к речке Торопице – на расстоянии многих конных переходов от Изборска.

Однако, по прибытии на место, а таился он весь семидневный путь туда, опасаясь быть узнанным, и даже черную повязку на око надел, с горечью удостоверился Гамаюн, он же Жихорь, сколь непредсказуемо во всех своих проявлениях человежье житие!

Ибо рукотворно оплешивел прежний бор, а от высоких сосен остались одни пни, и невозможно стало отыскать собственный клад! Явно не пощадили лесорубы и того муравейника, приметного, вышиной под три локтя: даже и следов от него не осталось.

В чем же была причина подобного надругательства над беззащитной местной флорой?

Оказалось, что возникновение пней имело прямое касательство к вышеупомянутому воеводе Домну, решившему развернуть небезвыгодное строительство теремов на пленэре в два и даже три яруса – с пейзажками и пейзажами в почтительном отдалении, для любившей сибаритствовать и нежиться в объятях с природой местной номенклатурной знати, равно и нуворишей от купечества.

А поелику лучшим материалом для таковых теремов тра-

диционно считались хвойные породы и особенно, сосны, не стал он долго раздумывать, вспомнив тот бор, в коем его кмети прикончили разбойную дружину...

LXVII

В любые исторические времена непременно отыщется «пятая колонна», наострившая кол в спину, либо еще ниже! К примеру, в тыл самодержавия, революции, огосударствления, разгосударствления, удвоения ВВП, под коим подразумевается валовой внутренний продукт, а не иные умножения, вертикали власти и даже дружины местной самообороны под предводительством Доброгневы.

И ежели вовремя не пресечь, случится страшное...

Вот и Доброгнева, по ее единогласному избранию вожаком, предалась необходимой бдительности. И задумалась: не действует ли в городище скрытный враг, состоящий в тайных сношениях со злодеями? Ведь не могло не быть такого, когда основательно прикинуть! Сие противоречило бы всем нормативам внешних и внутренних войн. И как тут не впасть в конспирологию?!

Оставалось вычислить оного. И в подмогу нашей воительнице пришел случай. А предстал он в облике Балуга, добравшегося, наконец, к эпицентру организационно-мобилизационных мероприятий, изрядно удивившемуся ими и вознегодовавшему. Ибо рассчитывал он еще два-три раза пройтись с бреднем, а прервали его. На месте же не обнаружилось ни-

каких заявленных Доброгневой лиходеев, вознамерившихся поджарить городищенских обывателей!

Объектом его публичной критики стали, допрежь всего, две позиции. Первая: с чего, собственно, сыр-бор, и с какой стати Доброгнева накрутила о налете, коего и не будет тут? Вторая: место во главе дружины, кое ей не положено: не бабье дело мужами командовать!

И подытожил: «Живо разоружайтесь, да впредь никого не смешите!»

Ох, не к добру выкатил Балуй! И нарвался. Ибо женская ответка, олицетворяя возмездие, бывает столь мощной, что прогнет и титановую поковку!

Аж затряслась Доброгнева от выпада сего, злостного! – еще и прилюдного. И высказала, вся гневная, на одном дыхании и долго не прерываясь, дабы обидчик не мог и кашлянуть в ответ:

– Во главе я, поелику выбрали меня по-честному, у тебя не спросив. Пока ты с карасями валандался, мы оборону строили!

И неладное, зрю, затаил ты! Разоружить захотел нас! Чашешь пред ворогом расслабить? Не выйдет! Не обломится гнилым твоим помыслам, вражьем! На рогатину такового надобно б!

Кто побудил тя? От кого получил команду? Почему кривишь, что не будет днесь лиходеев? С какой подлой целью увильнул от обоза, а на карасей – пошел? Не для того ли,

дабы под видом бредня и следы заметая, тайно встретиться с чуждым лазутчиком и открыть ему все подступы к городищу?

Трое вас за рыбой намылились, а вернулись сколь? Ты и Гладыш! Третий где? Нетути! Явно, лазутчик он!

При оглашении обвинительного заключения лики присутствовавших дружинников зримо посуровели. А Буяна, изрядная ростом и персями, задетая, как и соратницы ее, обидными словами, насчет «не бабьего дела», всем на смех, даже вилами встряхнула!

И приметив сие, вдохновилась Доброгнева еще боле! А Балуй, напротив, зело омрачился в душе, сообразив, что понапрасну покинул то озерце.

– В нашем отряде, доблестном, каждого, кто упорствует, супротив, а сам в сговоре с врагами, ждут вилы в бок, неминуемые, и не увернуться тебе! – вскричала главная воительница. – Открывайся, пока еще позволяю, по всем вопросам моим! Не то навек опоздаешь...

«Совсем ополоумела баба!» – пронеслось в мыслях вконец ошарашенного Балуга, не робевшего и в бою, ведь неровен час, точно нарвешься на вилы!

Понеже порывисты и импульсивны жонки в Земле вятичей: допрежь продырявят бок, а лишь опосля опамятуются! И дрогнув волей, поникнув в душе, аки ветви плакучей ивы, решил он дать некие признательные показания.

Некто Вольтер, о коем речь впереди, предостерегал: «Вы-

дать чужой секрет – предательство. Выдать собственный – глупость». Балуй выдал оба.

Выложил во всеуслышание, что отправился на озерце за карасями, ибо не рискнул отправляться с обозом по причине известия о предстоящем налете на оный. Поведал же ему о том Яроок, знавший Жихоря, главаря той злокозненной банды, еще с детства. Он же, Балуй, довел сие до Скураты, своего приятеля, и до Гладыша, своего соседа. А третий, зря заподозренный в сходничестве, суть знакомец Гладыша, проживающий в селище дальнем, и прибыл вернуть тому давний долг в четыре векши, вслед приглашен был, поелику бредень сподручнее тянуть втроем. И нет тут его, Балую, вины!

А ежели в чем неправ был, и обидное ляпнул, не зла сие, а по недомыслию...

И натурально оцепенела аудитория! Ведь многое ей открылось, рождая дополнительные вопросы. Оказывается, имелись в городище те, кто знали о лиходеях, а утаили о намеченном налете, подвергнув угрозе не ведающих о ней поселян. Таковым и вил мало! Острогой бы их, острогой!

И сердце Доброгневы будто разом сдавило железной рукавицей в шипах! «Молчанушка, соколик мой, да как же ты там?! Не зря я беду чуяла!» – пронзило ее, точно насквозь.

Однако, спустя мгновения, долетел к ней из памяти наказ мужа. И усомнилась она. Не мог Молчан ошибиться, предположив налет на городище! А злодеи не рискнут разделяться надвое. Знамо дело, ударят тут!

И усилием воли своей преодолела она нагрянувшую скорбь. Ведь для истинного воеводы, радеющего за свою дружину, личное – на втором плане!

Тем паче, дошло до нее, что дружинники вот-вот задумаются, а к чему ж тогда они изготовились, аще бандформирование нацелилось на обоз?

Дабы отвлечь их, и перевести стрелки, Доброгнева командовала:

– Яроок, баешь? Эй, Балбош с Легостаем, и Буяна с вами! Отправляйтесь за сим изменником, и притащите сюда! Допрос учинять будем!

И наново воспрянула она! Ведь иным ярим воительницам легче пресечь разъяренного зубра, нежели избыточный огонь в себе...

LXVIII

Немало лет и зим готовил Жихорь, коего, oprичь Звана, все знали, как Гамаюна, и токмо, свой уход от Резвого.

Частично переменился состав доверенных его людей: кто-то сложил голову, кто-то женился и стал непригоден на перспективу, кого-то и порешить пришлось – за непослушание, заматерел и стал самостоятельно возглавлять охрану иных обозов Зван, переменившийся в Миролоба, а все выжидал он.

Дело было в принципе: давняя промашка с изборской пушниной оставила в его душе неизгладимый след, и томился он жаждой реванша.

И вожделем уйти непременно красиво! – лишь с лучшими мехами и упиваясь собой.

Ведь мир, непреложной частью коего является и разбойный промысел, одухотворен красотой! А Жихорь обожал прекрасное в себе и округ!

Увы! – на пути к возвышенному стремлению он имел объективные препоны. Обозы, формируемые в самой Смоленщине, грешно и угонять было, посемеру и грабили их с неохотой.

Ибо профильными отраслями в ней, тогдашней, считались смолокурение, производство дегтя, кузня, гончарное дело, изготовление телег и саней, да керамика и ювелирное дело в городище Гнезново, однако его жители торговали своей продукцией лишь у себя, не вывозя ее.

Охотничий же промысел пребывал в нижней половине того перечня. Ведь оные края не изобиловали ценным пушным зверем.

Касаемо же отменных меда и воска, добываемых в них, они, как и лучшие меха, всегда переправлялись по воде – в силу боле высокой степени защищенности от разбойников, нежели при перевозках посуху. По сей уважительной причине лесные грабители из аборигенов предпочитали зариться на транзитные обозы с широким ассортиментом, где случалась, будто разбойный деликатес, и ювелирка.

И лукавили они пред Гамаюном о своем патриотизме, ибо вовсе не посягали на продукцию местных смолокуров и ма-

стеров дегтярного промысла!

Однако, на пятом году, судьба улыбнулась-таки тщеславному эстету!

Некий преуспевающий купчина, именем Бабич, наблюдая, сколь успешен Гамаюн-страж, решил сэкономить на водных перевозках, ибо переволакивание грузов на пути к ляхам плюс оплата стражников из тогдашних ЧОПов обошлись ему недешево.

И обратился он к Резвому, дабы включить в его обоз три своих повозки с предметами роскоши, одна из коих была загружена женскими украшениями – преимущественно серебряными, а две иных – сплошь мехами бобров и куниц в самую высокую цену.

«Настала моя пора, а то уж почти разуверился!» – возликовал Гамаюн, проведав о наполнении обоза, предстоящего к очередному сопровождению.

К чести его, разбойничьей, осиротил он обоз оный, убыв в неизвестном направлении с шестнадцатью соратниками, и Зван меж ними был, лишь на содержимое тех трех повозок.

И не посягнул, из внутреннего благородства своего, на остальные двадесять две. А в них чего токмо не было!

Из кузни – ножи, долота, замки, удила, сверла, серпы, шилья, скобели, стремяна, косы, подковы и гвозди; из кухонной утвари – туеса, корчаги, балакири, бурачки, ставцы, махотки, крынки, братины и даже черепушки – мелкие миски, предназначавшиеся для салатов, солений и приправ; ткани

из шерсти, льна и конопли; выделанные кожи; косторезные изделия из костей коров и лошадей, рогов оленей и лосей – гребни, пуговицы, рукояти ножей, украшения. И прочая, и прочая, и прочая!

Все сие оставил честной Гамаюн нетронутым, не покусившись на чужое добро! Ибо не пожелал хлопот с реализацией тех товаров.

А взысканное Бабицем за убытки его, великие, с жадного и недалекого Резвого, суть внутренние разборки их! – и не нам встревать...

LXIX

– Убогая у тебя дружина, да и сам ты уже не тот! Запустил себя, жирком зарос, все чаще к хмельному прикладываешься. А в целом разочаровал мя! Вкладывал в тебя, вкладывал, а что на выходе? Где слава твоя хотя бы на два поколения вперед? – без предупреждения харкнул желчью внутренний глас.

«Елико ж лет он изводит мя!» – подумалось в сердцах Молчану.

А впервые объявился при нем сей критикан сразу же после женитьбы. И тут же поучать начал, давая наставления даже и по интимной части.

Обеспокоился Молчан, ведь не заткнуть от сего незваного и непрошенного уши, и пошел по волхвам, дабы справиться

у них, сведущих в тайнах, неведомых иным смертным, не началось ли у него раздвоение личности, а с ним и глюки.

Волхвы излагали разное. Однако с примерно схожим резюме.

Мол, скорее всего, до раздвоения еще не дошло, хотя и нельзя поручиться. Вполне возможна шизофрения, и здесь не след преждевременно огорчаться: до поры дельные бывают и среди шизофреников – иные из них и племенами правят, а встречаются и наделенные исключительными дарованиями, коих не встретишь и у здоровых.

Налицо признаки звуковых галлюцинаций, однако вряд ли помешают они ловитве.

И не обойтись без строгой диеты и полного отказа от вредных привычек, включая хмельное, мясное, рыбное, мучное, сладкое, кислое и горькое, а пуще всего, жареное и печеное, довольствуясь лишь пареной репкой в день – допустимо и с ее ботвой, в сочетании с утренней зарядкой и обливанием ледяной водой, ранним отходом ко сну и здоровым образом жизни, невозможным без строгой умеренности в супружеских ласках.

На досуге показаны плетение лаптей, любование первыми звездами и вдыхание природных ароматов.

И опечалился Молчан от таких диагнозов, а пуще того, рекомендаций, следуя коим, и жить не захочется!

Тут и вспомнил он о самом древнем из живущих в Земле вятичей волхвов – старце Людогосте, не раз хвалимым Пу-

тятой, как самым мудрым из всех вятичей.

И отправился к нему, пребывавшему в четырех днях конного хода.

Не сразу принял его тот, а лишь узнав, что Путята доводится Молчану старшим родичем.

Долго и внимательно выслушивал, не раз и задавал вопросы. А в завершение определил:

– Незванный советчик твой – явно сущность из иных пределов, величаемая внутренним гласом.

И не страшись его! – предполагаю, во благо тебе он, а не в печаль.

Явно, что ноне ничем не примечателен ты, помимо добычливой охоты. Однако не исключено, что вышние силы готовят тебя для гораздо большего.

Вот и старший твой родич, а он в авторитете у нас, хотя сам из светских, как-то обмолвился мне, что видит в тебе особенное, хотя еще и не скорое.

И сей внутренний глас, разумею, командирован с небес.

Внимай ему, соблюдая почтение и вежливость, ибо в совокупности прозорливее он всего городища вашего, хотя вряд ли с медовым характером – ведай, что все мудрецы сварливы!

А едва покинули они обитель ту, сразу же и высказал внутренний глас:

– Истинно молвил сей старец! Внимай мне, и не прекословь! – может, и умным станешь, следуя моим наставлени-

ям...

Так и появился у Молчана надоедливый наставник, от которого не отвяжешься. Через многое прошли они в последующем, даже сдружились отчасти.

Однако с прошлого лета внутренний глас как с резьбы слетел и пошел в разнос! И наладился обдавать Молчана, будто из брандспойта, потоками сварливых, ядовитых и зело обидных словес.

Вот и сейчас полилось таковое же!

И не выдержал Молчан, спросив у многолетнего советчика с неизменным критиканским уклоном, с чего бы взбух он на ровном месте. Уж не разладился ли нервишками по избытку годов?

А взбеленился внутренний глас, в точности, ажно тот осел из Царьграда! И возопил:

– С тобой любой обветшает до срока! – при том, что в очереди на регенерацию и омоложение придется стоять три века.

А мне еще и недоплачивают за вредность твою, зажуливают за переработки и не отстегивают за амортизацию моей сущности со дня прикрепления к тебе, когда женился ты и стал полноценным вятичем! О командировочных же и не мечтаю...

И посему, в знак внутреннего протеста, решил я: не стану перегружаться впредь!

Перестану просвещать тя! Тем паче, не в коня корм!

– С чего же баешь оное? – покривился Молчан от еще одной хулы.

– Да с того! Не развиваешься ты якоже личность! Не работаешь над собой! Зазубрив некогда тыщу слов на ромейском устном, на том и остановился.

Не растешь ни ввысь, ни вглубь, ни даже в сторону!

А самообразование для тебя – пустой звук. Истинно: пень пнем!

Смотри, переметнется от тя Доброгнева к тому, кто хотя бы буквы освоил.

– Да где ж я мог освоить их?! – неподдельно вспылит Молчан.

– Хотя бы и в Киеве! – там иные горожане уже и кириллицу разумеют. А чем занимался ты, в свободное от сходничества время?

Сам и ответу: заглядывался на пригожих молодок, норовя и прилабуниться. Не раз и блудил вслед!

Меж тем, заказав у тамошних кузнецов, а размер они бы замерили сами, гульфик целомудрия из ковких металлов, упрятанный в портах, и отдав резиденту ключик от него – на весь срок в Киеве, мог пройти у монахов-книжников обучение не токмо буквам, а и числам.

Вот и остался бездуховным невеждой!

Брезгливо мне с тобой! Лишь о суетном мыслишь, да плотском! А где твои думы о непреходящем астрале?

Да и что с тебя взять!

Ведь даже твой старший родич, кумекавший на пяти языках, а со свейскими диалектами и на седьми, умел читать, oprичь своей тайнописи для сходников, лишь по-гречески, да и то по складам. Письмом же не владел вовсе. А еще начальствующим был!

– Да отчего ж не срамно тебе?! – оскорбился Молчан, негодуя. – Разве не ведаешь о правиле: «О мертвых либо хорошо, либо ничего»?!

– О правиле таковом и впрямь не ведаю, ибо не было его от веков в статуте узаконенного предписания, нет, и никогда не будет!

А взять того же Путяту, разве не ты – да и не раз, перемышлявал его опаленные погребальным костром косточки, пущай и в душе? При том, что душа – истинное отражение твоего «я», а язык – лишь орган сокрытия твоих потаенных мыслей.

И не оспорить тебе меня! – можешь и не тужиться. Ибо каждый твой импульс отслеживаю, фиксирую и вынужденно запоминаю навсегда, не испытывая, поверь, никакой радости.

На житейском же уровне сию демагогию воспринимают лишь невежды, далекие от адекватности.

Ведь первоисточник из античности наделен совсем иным смыслом: «О мертвом либо хорошо, либо ничего, кроме правды». Заметь, «о мертвом», а не о «мертвых», как переделали, убрав и «кроме правды», позднейшие пошляки.

Все ж и те недалекие, единою не утерпев, столь изложат

о покойниках в близком своем кругу, что лучше бы и не замалчивали допрежь! Уж такова человеческая натура: долго в ней не удержится, и непременно вывалится, точно тесто, все замешанное в ней на дрожжах нетерпения...

Добавлю, что согласно твоей безмозглой логике, нельзя и слова худого молвить о любом серийном убийце, когда издохнет тот.

Как же опостылела мне земная тупость! – один примитив квакнет, а вслед все болото хором...

А вот Вольтер из дальнего будущего, а пращурами его были нынешние франки, ровно чрез семь веков выскажет – в развитие приведенного у Диогена Лаэртского, со ссылкой на спартанца Хилона: «О мертвых – токмо правду!».

Прими, за неизбежное: не доживешь ты до сего мыслителя. Однако будь уверенным: солидарен я с той цитатой!

И когда наемни узнал о вакансиях для внутренних гла-сов на осемнадцатый век, а и Вольтер значился в списке будущих подопечных, сразу и подумал: «Не я ли и подскажу ему?».

– Выходит, ты изменишь вятичам, ради иноземных франков, став предателем нашего племени в угоду чужому? – всколыхнулся Молчан, заподозрив.

– Отнюдь! Не изменю я, ради франков, и даже ради евро не изменю, грядущих через десять веков. Ибо не будут конвертироваться они в нашу виртуальную валюту и запретят их к оплате в астральных торговых точках. Шутка!

Не токмо люди уходят в небытие, а и великие государства. Смертна, к слову, и Ромейская держава, да и не одна она! Что до франков, долговечнее они окажутся, нежели вятичи.

Так уж преначертано свыше, и не мне, рядовому ноне чину астрала с чайними вернуться к прежнему – на пять рангов выше, оспаривать сие...

Ты же – следуй своим путем, а прощу тебя, и моим советам.

Ибо верно сообразил Людогост: наметили тебя, единственного среди вятичей, для дела, судьбоносного для всей Земли вашей, и даже намного шире!

Так соответствуй избранности своей! Расти! Глядишь, и оправдаешь предначертание свыше...

LXX

Из Смоленщины беглый отряд направился от кривичей к вятичам, добравшись за десять дней до важного торгового пути. Там, рвением воротил новгородской торговли, наладили волок Ламский, по коему суда перевозакивали из одного речного бассейна в бассейн Москвы и наоборот. А то, что Москва впадала в Оку, та же – в зело полноводную магистраль, именуемую тогда рекой Итиль, открывало дополнительные возможности для торговых экспедиций.

Здесь хитроумный Гамаюн учредил два скрытных дозора – по четверо в каждом, для постоянного наблюдения; один располагался у Шоши, другой – ниже по течению, у волока в московский приток Волошню.

Сам же, с остальной частью своей ватаги, отправился на дальние торги для реализации товара с тех трех повозок, а исполнив, начал грабить обозы на прилегавших лесных дорогах, поддерживая вместе с тем конную связь с наблюдателями у Шоши и Волошни, равно и меняя их на новых.

И год спустя, а в дружине его, разбойной, набралось уже боле полста, ударил он по новгородцам, переволакивавшим груз с ладей в Волошню и не ожидавшим такового подвоха, о коем в тех краях доселе не слыхивали.

Сеча была жаркой и не менее половины личного состава навек упокоилось. Однако и добыча оказалась столь обильной, что всем оставшимся в живых впору было завязывать с кровавой татьбой и мирно доживать в достатке.

Большинство так и решило, забрав свои доли, немалые. Благородный Гамаюн не стал укорять и препятствовать, а устроил засаду на пути отхода оных, и упокоил, силами оставшихся с ним, всех недостойных вольнодумцев, вернув и всю добычу их.

Увы! – после распри сей недосчитался он многих верных. А изъятое у изменщиков поделили меж выжившими по правилам Быляты...

У самого Гамаюна оказалось столь изрядно, что озарился он новой задумкой: «отмыть» свой криминальный капитал, приобретя ладью для дальних речных перевозок. И уговорил он Миролоуба, тоже преуспевшего в накоплениях от награбленного, стать его компаньоном.

Сии накопления были переведены – для удобства при перевозке – в полновесные дирхемы, коими тогда предпочитали расплачиваться при крупных сделках, и потребовало оное изрядной ловкости, ведь искали их по всей Земле вятичей. А оставшимся соратникам своим он предложил участие в новом промысле – чисто торговом.

Вслед спешно откочевала ватага та к богатому торговому городищу, стоявшем на берегу Оки, где никто б не догадался найти их, ибо находилось оно в двенадцати днях конного пути от волока у Волошни. Недалече разбили свой стан и стали хаживать на местную пристань, где, oprичь стругов, останавливались и ладьи с торговыми товарами – на веслах и под парусами.

Гамаюн и Миролюб выдавали себя за ближних слуг богатого купца из дальнего града Смоленска, пославшего их в дальнюю торговую разведку, дабы изыскали новые рынки для продвижения товаров его.

А прибыли, мол, по суше, а не реками, по причине одновременной разведки обозных подходов к разным пристаням на Оке.

Прочих же с ними представили они своей охраной в многотрудном и опасном странствии своем. И никуда не торопились они...

Единою причалила ладья, груженная товарами и со стражниками, куда большая, чем те, что на Днепре и Москва-реке. Неудачным оказалось ее хождение по реке Итиль, называе-

мой порой и Волгой, до града Булгара! Ибо, повстречав лодочную флотилию на веслах, еле оторвалась она, повернув вспять. И от огорчения стенал владелец, он же и кормчий ее, не ведая, как откупиться ему, убоившемуся сразиться с речными разбойниками, от купцов, направившим его на торги в Булгаре.

Тут и пришел ему на выручку старший слуга смоленского купца, представясь Гораздом.

Вразумил он страдающего, что хозяин его выделил, помимо прочего, средства на покупку торгового судна, ежели выпадет таковая возможность, а цена окажется сходной. Однако не может он, Горазд, превысить отведенный ему бюджет! – иначе сурово спросит хозяин, и придется ему, растратчику, оказаться в разоре, а у него жена и пятеро детей, мал мала...

Оплошавший речник внял сему здравому суждению и согласился на скидку – впрочем, весьма умеренную. Сразу же встал вопрос: как с товаром быть, и кто его оплатит?

Горазд, почесав в бrade, высказал: аще за полцены, может напрячься он – из личных накоплений за всю свою жизнь честную, а выше никак не может надбавить он, уж лучше самому кормчему отправиться на правеж и битье палками по иску купцов, коих он наказал своей трусостью.

И прикинул судовладелец и кормчий: возместив купцам половину стоимости за счет выручки от продажи ладьи, сможет со временем накопить на новую, а угодив на правеж, едва

ли уже поднимется. И ударили они по рукам, скрепив сделку при свидетелях и в присутствии старейшин городища сего.

Сице названный Горазд и верный его помощник, многолетний, стали совладельцами вместительного речного судна и богатого товара за полщены.

Рассчитав стражников, они частью заменили их своими соратниками; рассчитали и команду, оставив лишь троих для поддержания на судне порядка. И остались все на зиму в городище оном.

А поздней весной, с полной командой и тридесатью стражниками, направились под управлением бывалого кормчего, с тем же товаром, сбереженным, в тот же город Булгар. И вернулись с богатой выручкой, отбив в ходе плавания два нападения и отправив на прокорм рыбам многих злодеев, преступно посягавших на чужое добро...

LXXI

И тронулись они в дальнейший путь, навстречу врагам. Однако опередила их мшица, навалившись на обозных и лошадей сущим облаком. Вся, без исключений, женского пола, ибо гнус мужского питается лишь нектаром и соком растений, встретила она обозных восторженным писком, возликовав: «Пожаловали кормильцы наши! То-то изопьем крошечки!» ...

«С той самой поры, как Путята уговорил меня в Царьград, не встречал я мшицы, столь изрядной!» – подумалось Мол-

чану.

И живо припомнил он, как на другой год от рождения Храбра объявился, едва обзавелись дерева первой листвою, в городище их Путята – с тремя в сопровождении, меж коими и Шуй без малого перста на деснице, не уведомив о своем появлении загодя.

Сразу же и смекнул Молчан: неспроста сие! Лукавый старший родич, явно что-то затеял, намереваясь втянуть и его.

«Наново наобещает, а обернется по-иному. Не бывать се-му! Хватит с меня охоты на тура!» – твердо решил он.

Однако ошибся младший родич! Понеже начал Путята с иного, уведомив Молчана, что привез ему обещанный турий рог, и еще захочет он, тут же и распорядится, дабы поднесли.

«Ежели дарят, то сразу! А сей, не иначе, петляет!» – заподозрил Молчан изворотливого старшего родича в отсутствии большого желания всерьез расстаться с главным своим трофеем, охотничьим. И гордо отказался от дара!

– Досадно оное, однако было бы предложено, – отреагировал Путята, не озаботившись изобразить даже подобие досады. – Я свое слово сдержал, а раз пренебрег ты, будет и впредь у меня храниться.

Все ж турьи рога – дело прошлое. А пора озаботиться нынешним. Не поверишь, приехал душу отвести, младость, давно прошедшую, вспомнить...

«Ни за что не поверю!» – подумал Молчан, непреклонно.

Однако согласился назавтра отправиться в лес, дабы узнать-таки причину приезда Путятя. Наутро и отправились они, не вполне здоровые из-за вчерашнего пира.

Когда прибыли и спешились, Путятя приказал Шую:

– Мы тут потолкуем, а вы отправляйтесь за дичью. Ведь негоже возвращаться пустыми. Ищите и добудьте! А за лошадей своих не тревожьтесь...

– Явно завлекать станет! – предположил Молчан. – Не поддамся ему!

Путятя начал издалека, и не заметил младший родич явного завлечения.

– Сам помнишь, сколь предан я Земле вятичей, не щадя ни себя, ни иных, и равного в усердии сем нигде и не сыщешь боле! А посему любезно мне и отрадно, что столь привязан к ней ты, не мя и нос высунуть за ее пределы!

Любо сие! Горжусь я тобой! И в душе завидую...

«Отчего же не мню я? – вмиг подумал Молчан. – Всякое может быть».

... – Рассуди сам, сколь прав ты!

Еже вернется с дичью Шуй сотоварищи, и приготовит из нее твоя Доброгнева, вкус, конечно, много уступит царьградской птице фазан, испеченной на углях и начиненной отборной рыбой, однако свое будет, родное!

И не беда, что редька, кою подаст на закуску, далека от царьградского сыра невероятной вкусноты, ибо приготовлен он из самого отменного молока и дозревает годами, да и за-

пьешь квасом, а не вином из ягоды виноград. Зато воздух в избе твоей, когда ее изрядно проветрить, будет, пожалуй, чище царьградского. А любая наша блоха, кусачая, ближе к телу, чем зарубежная!

Зачем нам чуждые сыры, когда пахучи и наши онучи? Похвально чрево, целомудрие коего в запрете для иноземных яств! И во благо ему сие...

«Что за благо в целомудрии том?» – усомнился Молчан, ощутив, что было бы неплохо и слегка перекусить. Однако запах онучей не прельстил его.

... – Не утаю, что хорошо в Царьграде мясное. Представь: отрезаешь ты сей миг от нежнейшего окорока холодного копчения, а рядом – ломоть хлеба свежей выпечки и добрый ковш вина! Не раз наслаждался ими. Однако при сем всегда тосковал о жареной брюкве, нашенской, и березовом соке!

Что до оливок ихних и артишоков со спаржей, а и те зело вкусны, скажу, аки на духу: недостойны они истинных вятичей! Понеже располагают к неге и отвлекают от гордости землей своей, коя должна быть непреходящей!

Не оставлю без укоризны и морскую живность названием устрица, подлинно тающую во рту. Ибо должно оборонять нам патриотизм утроб своих!

Хрен да репа – вот наше истинное! Ими и победим...

«Предпочту побеждать, перекусив чуждым окороком с нашим тертым хреном. Не одолеть нам Киев на одной репе!», – мысленно оспорил Молчан.

... – И не утаю: сладостью своей и сочностью порочны плоды названием персики супротив наших яблок! – ведь косточки в них, а не семечки. О плодах же названием финики и айва, кои еще слаще, не стану даже упоминать...

«Извел меня он рассказами о царьградских яствах! Невмочь боле! Прерву разговор сей и кинусь в чашу – хотя бы листьев молодых пожевать. И пусть Путята винит самого себя!» – изготовился уже Молчан.

Однако, почуяв сие, старший родич перевел на иные искушения. – И все же, – молвил он, – ни персики, ни финики, ни айва не столь порочны сладостью своей пред истинными вятичами, аки мужатые прелюбодейки из того же града, блудливого, равно и царьградские девицы, презревшие добрачную непорочность. Не встретишь у них отказа! – еще и скидку предложат. А кто покажется им особливо пригожим, вроде тебя, вовсе не потратится!

Вот она, скверна во плоти! – сегодня один задарма, завтра – иной, а на третий день рухнет рынок платных услуг. И что впредь?! Сушая скорбь одна да реформ руины!

Радуюсь, что не испытаешь сего, ведь не поедешь в Царьград, куда собирался направить тебя на подвиги во благо Земли вятичей.

Однако вовремя опомнился я, узрев, сколь доволен ты бытием своим, размеренным, ибо нет соблазнов в нем, благочестивом, как наш погребальный обряд! Да ты б и сам отказался из-за постоянства своего, преданный жене своей, охо-

те и рыбалке.

Вельми счастлив я, как старший твой родич, что полагаешь ты постылыми иные радости жизни, нежели в твоём городище! И хотя молчишь, четко ощущаю, сколь презираешь чужестранное обжорство вкупе с иноземной похотью, и нашенская еловая шишка дороже тебе всех персиков Царьграда!

И в самом деле, зачем тебе, лесовику, соблазны оногo великого града с площадями его, дворцами и торгомами, любой из коих в три раза боле твоего городища, поелику съезжаются на них со всего света и даже черные кожей? Разве жаждешь ты ароматов заморских благовоний, ежели и запах лесного зверя вполне хорош? Не для тебя чуждые поцелуи, изощренные, от коих у любого все всколыхнется разом! Излишни они, аще под боком старая жена! – здесь подразумеваю я: одна и та же – из ночи в ночь, а отнюдь не лета ее.

И троекратно правота твоя в презрении растленного Царьграда!

– Да с чего решил ты, что презрел его я? – отозвался, наконец, Молчан.

– Из-за затворенных уст твоих, – возликовал в душе коварный искусситель. – Раз молчит он, не подавая гласа, рассудил я, то согласен с правдой моей! Не выступает поперек!

Да и к чему тебе самому вкушать те яства? – ведь рассказал уже о них, и вполне достаточно оногo! И разве привлекут тебя тамошние прелестницы, от коих и очей не оторвать?

Ведь навязчивы они, хотя и обворожительны своей лепотой, безмерной, и до того сладострастны, что и описать никому невмочь! – лишь вздыхать, вспоминая...

Сам удостоверишься в том, когда очаруются тобой, чужеземным молодцем, а падки они на таковых торговых гостей, и предлагаться станут!

И осмысли: зачем сие, когда и одной жены тебе за глаза хватит от чистоты твоей? – духом, а надеюсь, и телом...

«Без тебя разберусь, зачем, побывав в Царьграде!» – подумал Молчан.

Вслед огласил он:

– Ежели надобно для блага вятичей, готов я к подвигам!

– Что ж, – нахмурился старший его родич, возликовав в душе еще пуще. – Аще так, не имею права перечить! Хотя и скорблю...

Однако, допрежь прочего, обязан предупредить тебя о возможных опасностях. Понеже не в лес направляешься, а в Царьград!

Начну с любострастия, а иное, столь же чреватое, обсудим вслед.

Перво-наперво, никогда не доверяйся царьградским оболстительницам! Ведь по вечерам заманивают они беспечных и самонадеянных. И все они, подхибетные, станут лестью тебя дурить: мол, не видывали мужей, столь справных. Аще клюнешь на то, пропал!

И запомни: чем осторожнее водишься с таковыми, тем ре-

же и к знахарям пойдешь, любящим заламывать цены. Да и в прочем накладны прельщения на стороне! – ведь недешевы серебряные браслеты, цепочки, серьги и иные украшения. А в Царьграде еще и золото чтят, что даже серебра дороже!

А дабы не укорил ты меня в преувеличениях, расскажу тебе самую достоверную историю, имевшую быть не столь давно. Хотя и опасаясь я, что окажутся втуне все предостережения мои, и не на то растратишь дирхемы...

Был в Царьграде некий шинок, где в потаенных комнатах находили отдохновение знатные горожане, боле иных привечавшие дочь шинкаря, именем Анастасо, прекрасную и безмерно блудливую. Всегда к ней живая очередь, а товаркам ее приходилось набиваться самим. И уже вскоре слава Анастасо вышла за пределы Царьграда! Елико жеребцов заездила, и не сосчитать!

Во, кобыла, лихая! Сам бы рискнул взнуздать таковую! – воскликнул Путята, озарившись неким внутренним огнем, блеснувшим в очах его.

Впрочем, спохватившись, тут же добавил он, из праведности своей:

– Однако сие – токмо в интересах службы моей, нашей Отчизны ради!

И продолжил:

– А как-то раз забрел в тот шинок и наследник престола Роман. И впечатлился он Анастасо! Пошел туда во второй раз, и в третий, а на четвертый предложил стать женой его,

ибо иначе не мог пресечь тех, кто честно соблюдал очередь. И снизошла она до него!

Поменяла имя, став из Анастасо Феофано. Выгнала из дворца сестер Романа, заточив их в монастырь, и умерла от горя мать Романа. А в браке, не довольствуясь лишь мужем, родила двух сыновей – возможно, что и от Романа, один из коих, Василий, сегодня и правит.

И сказывают, заласкала Романа до смерти, ибо неистощимой была, а вскоре вышла замуж за Никифора Фоку, ставшего следующим василевсом. Однако и сего показалось ей мало! Решила стать василиссой в третий раз! И приблизила к себе военачальника Иоанна, армянским прозвищем Цимисхий, что означает «туфелька», понеже тот армянином был, Гургеном от рождения.

Славный был вой сей, падкий до хмельного и юниц! И несмотря на малый рост свой, никого не страшился и всех побеждал. А под Доростолом, болгарским, предложил поединок Святославу Киевскому – испытанному бойцу. Мол, обойдемся без войсковой битвы: аще ты меня побьешь, сложат оружие все мои ратники, а одолею я, сложат оружие твои. Однако отказался тот...

Единою поддался Цимисхий уговорам Феофано! И ночью ввела она его с подчиненными воинами в спальню Никифора, где убил он своего родича, раскроив ему череп. Однако оный Иоанн не дурак был, и воссев на трон, незамедлительно изгнал любовницу свою, опасаясь, что та захочет стать ва-

силиссой в четвертый раз... Вот какво коварство царьградских обольстительниц!

Открываю тебе сие, предполагая, что возмужал ты, и оцени мое доверие!

«Премного благодарен я!» – осклабился в душе Молчан...

... – Пора и о деле. Не стал бы тревожить тебя, а пришлось! Есть у нас скрытная связь с Царьградом, и не одна. И у каждой – собственная тропа.

Намедни узнали мы, что на самой надежной из них, уже недалече от Киева, а от Днепра до Царьграда есть водный ход, пропал наш связной с устным донесением особой важности. Грешим на лесных разбойников, однако допускаем захват киевским сыском и даже измену – либо его собственную, либо кого-то из начальствующих, либо в самом Царьграде кем-то из наших.

Допуская оное, не можем использовать, пока не разберемся, в чем дело, оный проверенный путь. Не можем послать и иных подготовленных курьеров: аще измена у нас в руководстве, где знают каждого из них, не дойдут они!

Посему избран новый путь, о коем ведают всего трое: я, подготовивший его, начальствующий мой, да Шуй – на полном моем доверии.

С каковой стати избран освоить его именно ты – под видом купца?

Никто не ведает о тебе – ни в нашей службе, ни в ромейской, ни в киевской. Чист ты пред иными сысками! Значит,

ноне и охотиться за тобой не станут. А дарований к исполнению у тебя на троих хватит!

Понимаю: собираешься спросить, когда отправление твое и как осуществится оно. Вем, что чрез три дня намерился ты с обозом на весенние торги, ведь ноне подсохло много ране обычного. Когда доберешься туда с товаром, тебя и встретят – главным будет Шуй. И ни о чем не беспокойся дале!

А жене своей откроешься вечером накануне отъезда. Объяснишь, что отправляешься с доверенными людьми на иные торги, дальние, где взлетели цены на пушнину. Посему удержишься чуть не до зимы, зато и вернешься с большой прибылью. Ежели любит, а любит она, поймет и даже наперед простит! С малым же помогут твои и ее родители – благо, в силе еще и здравии.

Не приглянулся я ей, явно заподозрившей меня в недобром. Извиняю оное! Ведь откуда жене твоей ведать, елико пекусь о благополучии ее мужа!

«Сколь понимаю я Доброгневу! – подумал Молчан. – Такого лицедея, пожалуй, нигде не сыскать. Однако красиво врет! – порой и поверить хочется».

– Придя к солидарности в главном, переходим к подробностям, – молвил старший родич. Тут-то и налетела безмерная мшица...

LXXII

И следующие шесть лет не простаивала в навигацию их ладья! Неоднократно выходил на ней и новоявленный Горазд,

а еще чаще – верный помощник его, именуемый уже Благо-славом, настолько заросший бradой, чуть не до зенок, что и не признать было в нем ни прежнего Звана, ни прежнего Миролюба. Да и все остальные, кто прибыл с ними, поменяли свои имена на иные.

Ходили по одному и тому же маршруту – от городища того, обустроенного в месте, где в Оку впадала река Серебрянка, кое, разрастаясь, все боле напоминало малый град, до Булгара и обратно. Ближе – к центральным территориям Земли вятичей, не спускались они из предосторожности, не забывая, что находится там и волок у Волошни, и не желая подвергаться риску...

Булгар, основанный за век до того на месте впадения в Итиль реки Камы, с замечательно оборудованной гаванью, являлся тогда главным торговым центром на реке Итиль до ее низовий. Ежегодно сюда прибывали на ярмарку со своими товарами торговые гости из многих краев, включая варажский Север, арабские Багдад и Дамаск, Испанию и даже Китай. А у иноземцев шли буквально нарасхват болгарские ювелирные изделия, кузня, кожи, лес и мед.

Ладья Горазда и Благослава доставляла туда, на преогромный Ага-Базар, пушнину – бобров, куниц, горностаев, бобровую струю, бобровый жир и даже бобровый пух, изделия ювелирного промысла вятичей, среди коих особливим спросом пользовались плетеные перстни и витые гривны, не упоминая уже о семилопастных височных кольцах, не изготов-

лявшихся боле нигде в мире, продукцию косторезных мастерских, льняные ткани и выделанные кожи.

За баснословную цену шли осмоленные дубовые бочки со знаменитым далеко за пределами Земли вятичей ставленным медом, выдержкой от пятнадцати до двадцати лет. Хмельной напиток сей даже самими вятичами употреблялся лишь на главных пирах и был доступен немногим; потому и на ладью погружалось каждый раз не боле двух-трех бочек. Охотно брали в Булгаре воск, а вот мед шел чуть хуже, ибо в приоритете был там тот, что добывался бортниками Булгарии.

В свою очередь, они изрядно и закупали в Булгаре – для прибыльной продажи по возвращении: оружие, янтарь, моржовую кость, вина, пряности, богатые одежды и украшения, стеклянные сосуды и бусы, пурпур и шелка.

Торговые дела велись столь успешно, что на пятый год прикупили они еще одну ладью. Казалось бы, живи и процветай! – пользуясь уважением всех купцов честных, ежели таковые бывают на свете белом, равно и бесчестных.

И вдруг, нежданно для самого, заскучал Горазд! Возжелал он старое вспомнить, взбодриться духом явного риска, потешиться над людишками, дрожащими, одолевая их и казня, да схлестнуться с врагом, равным себе.

«Не те еще лета мои! Успею погрязнуть в богатстве. А ныне встряхнуться хочу! Не тшусь стать нищим и голодающим, как по приходе в Изборск, однако опостытели перины и яства. Елико лет не спал на подстилке хвойной, а вкус требухи

коровьей уж подзабыл почти!» – вывел он для себя.

Истолковывая в современных понятиях, затосковал он по адреналину, и захотелось ему драйва, точно в лихие молодые лета его!

И начали сниться ему былые разбойные подвиги – с неизменным экстримом, где в азарте боя, не уstraшаясь стрел и сулиц, равно и копий с топорами, прегордо упиваясь собой при том, крушил он охрану любого обоза! Известно ведь: первая любовь никогда не ржавеет и всегда помнится!

А единою явилась во сне и первая его любовь в области сердца. И укорила: мол, роскошествуешь ты, накопив на крови, а я, горбатясь всю жизнь и не воруя, худо живу от праведности своей! Где ж справедливость тут?!

И попытался он вразумить ее, что праведность вознаграждается лишь в сказках, ибо жизнь – иная совсем: не для овец она, праведных, а для клыкастых волчар, коих кормят и поят грехи их! А разбои с убийствами останутся необходимой стадией первоначального накопления капитала и тыщу лет спустя. Когда большой бизнес по щиколотки в крови – се норма, а не злодейство!

Не ответив, Млада махнула десницей, укоризненно: дескать, что с тебя, упыря, взять, и растаяла, аки облачко...

Пробудившись, обрел в себе Горазд Жихоря до Гамаюна и живо припомнил, что до сей поры так и не рассчитался с Молчаном за сердечную любовь свою двадцатилетней с лишком давности. Ведь недосуг было!

То очищение сортиров в Изборске – муниципальных и частных, где скопытился б от смердящей загазованности любой террорист, не успев и помочиться, то скорняжная мастерская, где предуготовлял дерзкое хищение, то узилище во Пскове и побег из него, то лесные разбои – окрест реки Торопицы и дале, то бегство на Смоленщину – с охраной там торговых обозов, завершившейся реквизицией крупной партии мехов, то новые разбои и налет на переволоку у Волошни, то бегство в иные места, то покупка собственной ладьи, то навигации по Оке и Итилю, то хлопоты по преумножению своих накоплений.

Не до сведения старых счетов, ежели столь разбрасываешься!

Ноне же сосредоточился он и нацелился: приговорить и исполнить!

«Не вем, жив ли еще сквернавец сей, а буде жив, точно упокою его, хотя и не стану пред тем мучить – по доброте своей!» – накрепко решил он.

А чрез считанные дни, основательно обдумав, обратился к Благославу, и не поддался на его отговоры!

По окончании долгого спора рассудили они, подытожив: Благослав остается на хозяйстве, а Горазд, нутром полный Жихорь, а отчасти и Гамаюн, уйдет – по окончании навигации и до следующего лета, будто в отпуск без содержания. И с неохотой согласился Благослав на резоны Горазда.

Ведь самое благое дело – наказание за оскорбление, быв-

шее без малого двадцать два года тому! Чем дольше ждешь, тем большее мстишь!

Бывалый лиходея, много повидавший и испытанный, не раз и смерть в глаза видевший, Жихорь провидел и немалые трудности в осуществлении своих противозаконных намерений.

Перво-наперво, надо было собрать собственную ватагу и натаскать ее, начиная с мелких грабежей, непременно и по-вязав каждого кровью.

Понятно, что общий ее уровень не мог быть достойным, ведь набирать придется либо из новичков, жаждущих острых ощущений, не подозревая, сколь чреватые они, либо из отщепенцев воровского мира.

Ибо все дельные в том сообществе не пойдут в банду без громкой славы, что добычлива она и справедлив дележ в ней, а вожак – истинный хват.

А некому было замолвить слово за Жихаря, ведь за охранную деятельность на Смоленщине полагалась ему, по криминальным понятиям, не одна лютая казнь, а от властей заслужил он, за грабежи и кровопийства, и того боле.

Да и не стремился он напомнить о деяниях своих, громких, понимая, что в случае оглашения их, непременно дойдет до сыскных, и конец ему, неминуемый! А не о том мечталось Жихорю!

Выход представлялся ему один. Решая кадровую проблему путем собеседований, определяя при сем, не засланный

ли, презреть выпячивание себя, не обмолвиться и словом о былых подвигах своих, за кои до сих пор жаждут посадить его на кол не мене, чем в трех землях на Руси. А все же дав понять, что человек он сведущий и рискованный, способный научить многому и лишенный чрезмерной корысти при дележе добычи.

Понятно, придется и вынужденно опроститься – почти до уровня второсортного люда, набираемого им в артель особого свойства, обозначив себя лишь чуть выше их, сообразно своему главенству в банде. Ведь с манерами богатея не будет правдоподобен он, и вызовет подозрения!

«Обозначу себя Берсенем – с немалым разбойным опытом, бежавшим из Новгорода, никого из ватаги своей не подставив, по ограблении гостей варяжских, а те наябедничали посаднику, любящему мзду.

И будет ко мне приязнь, понеже наказать пришлецов – самое достойное дело, а власть у нас все ненавидят за ее непреходящую продажность!» – определился Жихорь.

Однако допрежь необходим был указчик, выводящий на человека с некоторыми знакомствами и авторитетом – хотя бы и небольшим.

LXXIII

– А вот в Царьграде – никакой мшицы! – подумал Молчан, всю отбиваясь от токмо что налетевшей. – Да и откуда бы ей? Лесов в нем нет, лишь парки. Зато мух полно! – особенно в мясных рядах. А еще пуще там домовый напасти,

именуемой ромеями «корис», что таится в лежанках, а может и с потолка на тебя прыгнуть! Измучила меня она на подворье в предместье имени ихнего мученика Маманта, где проживают купцы с Руси, ведь кровь мою пила!

Сице и главный наш в Царьграде окончательно поверил мне, еже узрел, что расчесаны руце мои аж до ссадин, высказав: «Не сомневаюсь, в каковом подворье остановился ты – все там чешутся!»

И вспомнил он о встрече их в конспиративной сапожной мастерской. Взойдя туда и раздвинув приоткрытую на палец дверь, Молчан удивился, сколь мала она – с трудом помещались в ней даже заготовки, инструменты и приспособления. Сам хозяин, он же единственный работник, аккуратно вгонял деревянные гвозди в подошву сапога, стиснутого меж его колен.

Наведался он туда чрез много дней от прибытия. А допрежь не соблюдал, отнюдь, наказ старшего родича: «Прибыв в Царьград, именуемый у них Константинополем, и разместившись, где и прочие с вашего судна, избегай прогулок по городу, допрежь не продашь весь товар! Иначе сразу же и заподозрят тебя...

Выполнив же все, что поручил тебе, можешь и расслабиться, расхаживая, елико душе угодно, до дня отплытия. Непременно не забудь о подарках жене, да о погремешках малому. И не увлекайся иным!»

Все приметы, обозначенные Путяткой, оказались налицо.

Хозяин предстал малорослым и невзрачным: с кучей бороденкой, жидкой, и таковыми же усами, с карими зенками и прорехой на темени, величиной в гусиное яйцо. Еще и курнос.

И вряд ли начальство доверило бы ему скрытные задания в гинекее – женской части дворца василевса. Не преуспел бы он! Разве что став евнухом, пожертвовав заветным при исполнении служебных обязанностей...

Ощупав Молчана зраком, исполненным полного недоверия, хозяин не проронил и слова. Пришлось отворять уста незваному гостю.

– Кланяется тебе тот, у коего зажулил ты резану, да и не возвратил! – молвил Молчан тайные слова от Путяты.

Хозяин злобно зыркнул, однако вместо ясного ответа забормотал по иноземному, явно закашивая под непонимание. Путята и сие провидел!

И повторил Молчан, уже с прибавлением:

– Кланяется тебе тот, у коего зажулил ты резану, да и не возвратил! И сожалеет, что не лишил тебя зубов, еже приезжал ты запрошлым летом.

– Напугал сей ежа голым задом! – обрел вдруг хозяин родную речь. – А ты излагай по делу!

– Велено было мне передать: «Не тронь сыча в дупле: не время! Немедля, смени гнездо на иное! А филин сам прилетит!» Что означает сие, не ведаю.

– Еще бы ведать тебе! Соплей не вышел! – фыркнул хо-

зьяин. – Однако плохо расслышал я, кем послан ты. Опиши его...

– Твоих он на вид лет, хотя и без плечи. А ростом пониже ты. Очи голубые. Балагур и повадками хват, – уклончиво отобразил Молчан.

– Да, да, да – припоминаю, будто бы! Кажись, ведал я такого – вроде, и точно встречались запрошлым летом. Еще и убыток у него в зубах нижних...

– Никогда не зрел оного! – решительно опроверг Молчан.

– И быть того не может! Запомятовал ты... А! Се я сам перепутал с брадой его черной...

– Не черная она, а русая! – отреагировал Молчан, впадая уже в гнев.

– Твоя правда: русая! И зубы все на месте...

Он, истинно он, знакомец мой старый! А ты не серчай: порой хвораю памятью...

– Нет у него двух зубов сверху, коли так допытываешься. Еще и об его причинном месте вызнай! Не отрок пред тобой, а муж! Плюну тебе под ноги, и вон пойду! Побежишь тогда за мной по улице, – взъярился Молчан.

– Да будет тебе! Не гоношись! Уже и пошутковать невмочь...

– С иными шуткуй! А со мной – забудь! Ничем я тебе не обязан!

– Живо охолонил бы ты, окажись в моем подчинении!

Однако пора пресечь сию прю. Признаю: неправ был...

Тому же, кто направил тебя, передай, как вернешься – слово в слово: «Не трону! Сменю! А филин пушай поторопится!». Не вздумай позабыть!

Повтори, что сказал! Да громче! Не запнулся? Оно и лучше...

Что не перепутал, хвалю! Можешь передать сие направившему тебя...

Да не в родстве ли ты с ним? В чем-то смахиваешь ликом...

– В самом дальнем, – отчасти приврал Молчан, соблюдая конспиративную предосторожность, однако не заподозрив: все одно оплошал он, по разумению резидента Секретной службы вятичей в столице ромеев.

– Эх, ты, зелень! Зря себя мужем мнишь!

Я спросил, он и признался! А для сыска нет разницы, что лишь в самом дальнем. Аще состоишь в родстве, стало быть, дал ниточку, потянув за кою, можно распутать клубок, а за ним и на скрытное гнездо выйти!

А ежели начинается та ниточка с тебя, окажешься крайним – должны же кого-то назначить виновным, коли открыли дело, а клубок оказался ложным. И закончишь свои дни в узилище! – при том, что в граде сем тебе еще и гашиш подбросят: есть у них таковое средство.

Да кто ж выдает сокровенное первому встречному? А будь я ворог?!

Сразу очевидно: не из наших ты! Ведь из нашего не вытя-

нешь таковое и клещами! Спроси у него посторонний, чихал ли он давеча, и то ни за что не откроется! Не говоря уже об икоте и вспучивании утробы от гороха...

«Совсем ополоумел сей скрытник! – вывел тогда Молчан. – Рядом с ним даже Путята – откровенный самый! Оный не разрешит подчиненному и до ветра сходить, допрежь тот не вспомнит тайного слова!»

Впрочем, расстались они почти радушно. Хотя хозяин взял с Молчана обязательство: никогда не заглядывать к нему впредь!

Обо всем, что случилось с ним вслед, не любил вспоминать Молчан, и всчески гнал от себя мысли о прискорбии том, обернувшимся печальями многими и могучим щелчком по тогдашней его гордыне, что наперед и к лучшему.

И неправедно винить его любому, претерпевшему от опрометчивости своей, блудной. Пусть припомнит свои курорты, когда жена оставалась дома!

Неискушенный провинциал на первом задании, оказался окружен он пучинами столичного непотребства. Утлый челн прежней его чистоты, врезался в айсберг царьградского разврата, коварно направленный навстречу ему двумя нештатными осведомителями ромейского сыска и ренегатом иже с ними. И прощай, порушенный «облико морале»! – доселе не початый, понеже всерьез никто на него и не покушался.

Сице и предался он творению прелюб! Хорошо хоть, живота не лишился...

Бесспорно, что Молчан понапрасну не внял предостережениям старшего родича, коему многократно приходилось жертвенно растрачивать себя, исходя из благородных надобностей скрытной его службы, во имя священного долга и высших идеалов, даже и в царьградских блудилищах, названных так пламенными обличителями из тамошнего монашества.

Однако далеко не каждому выпадает счастье состоять в секретных службах, жертвенных, равно и в действующем резерве под прикрытием, где растрачивают себя еще интенсивней.

И что там ни говори, соблазны всего слаще, когда по собственному влечению! А окорок куда заманчивее репы...

LXXIV

Справившись у доверенных соратников по налету у Волошни, зело почитавших его, ведь все стали в городище том уважаемыми людьми с постоянным доходом, а многие и обзавелись семьями, вышел Горазд, он же Гамаюн, а от рождения Жихорь, на Шестака, ноне Веденя.

Допрежь тот был из первых в любом налете и умельцем выпытывать любые секреты, держа жаровню под чуждыми пятками, а ноне, перевалив за тридесять, состоял владельцем немалого дома с баней за ним, кузни с тремя мастерами, однодеревки, куда вмещались шестеро – для водных прогулок и рыбалки, да и участка с прудом – под прибыльное разведение на продажу гусей и уток. Еще владел двуконной по-

возкой и породистым жеребцом для выезда.

Имелся у него меньшей брат, именем Осьмой – последыш. Шестак же, шестой у родителей, был старше того на три года. Прежде прохладно относясь к нему, Шестак проникся к Осьмому, когда тот, еще мальчонком, пискнул за него супротив взбеленившихся бездельных родителей.

А те умели токмо плодиться. И ленились даже придумать имена своим детям, обозначая их как бы порядковыми номерами, начав с Первуши и Вторака. Вот и клянчили у кого могли и всегда спешили пораньше спихнуть на сторону сыновей, едва выходили они в установленный пятнадцатилетний брачный возраст, избавляясь от голодных ртов и получая отступное за них.

Поводом для лютой ссоры, где Шестака зело чернили, стал его отказ жениться на перезрелой и побитой оспой дочери горшечника Гатеня. Сей посулил родителям за шестого их сына приплату из козы, двух несушек и поросенка на вырост. И не досталось им ожидаемых двух яиц в день, молока от козы – не обильного, а все ж не сравнить с козлом, и будущего борова для продажи на мясо, хотя загадка, чем откармливать его, равно и кур, ведь в семье никогда не оставалось объедков, а вылизывая миски, полировали их языками.

Мыслимо ли было упустить таковое богатство?! А упустили...

Минули годы. Шестак, сбегав из дома вскоре после распри, четыре с лишком года бродяжничал, питая тягу к стран-

ствиям. И кормясь от разовых подсобных работ в городищах и селищах на путях своих, равно и мелкого разбоя, когда встречал одинокого путника, добрался до Смоленщины, где сколотил из сверстников малую артель, промышлявшую на выездах с торгов.

И совпало, что незадолго пред тем прибыл в Смоленск беглый Жихорь, став в одночасье Гамаюном и начав формировать команду свою из местных.

Высмотрев Шестака, расположился к нему Гамаюн, обнаружив самородке от кистеня незаурядные данные вкупе с полным отсутствием сдерживающих нравственных начал. А вслед предложил ему охранную службу в безоговорочном подчинении себе, посулив и припугнув. И пошел младой Шестак в рост, ибо смекалист был и ловок, предусмотрителен и осторожен, дисциплинирован при исполнении приказов и не страшился проливать кровь.

А в знак особой симпатии Гамаюн поставил его надзирать над тем гулявым домом повышенной доходности.

Когда ж рванули они из Смоленщины с особо ценными товарами и домчали до Земли вятичей, Гамаюн доверил ему командовать скрытным дозором у реки Шоши. Чрез месяц его сменили. Вслед принял деятельное участие в четырех налетах, отличившись в них.

И затосковав вдруг, единою попросился у начальствующего отпустить его на недолгую побывку в родные места – в городище у реки Клязьмы, где не был со дня побега от ро-

дителей, поелику ностальгия возможна и у серийных убийцев. Гамаюн – внял и разрешил. Однако воспретил задержку с возвращением, предупредив: намечено большое дело и вскоре он будет нужен тут, состоя в доверии. Настрого же наказал Шестаку: ни слова, кто он, да откуда, даже и самым близким, у коих есть языки и соседи – всегдашние доносители сыскным, и пусть изготавится, что нескоро повидает те места вновь.

Прибыв, обнаружил он, что местный люд в основном живет нескудно – за счет развитых ремесленных промыслов, пристани для судов с товарами и большого торгова на набережной; стало быть, есть кого пограбить, аще надобность. Доводя до встреченных знакомых с детства, что он, проживая в славном граде Муроме – не роскошествуя, зато и не голодая, заехал проведать родичей, начал искать Осьмого – единственного, кто ему интересен был; родителей же пожелал видеть не, хотя и дошло до него, что обнищали они, хуже прежнего, оставаясь в бездельности и перебиваясь подажнями.

Не сразу, а нашел братца-последыша. Тот явно не процветал, обитая с двумя такими же в заброшенной прежними хозяевами двухуровневой полуземлянке с бревенчатым срубом, возвышавшимся от земли примерно на два локтя, и выложенным деревом дном.

Завидев старшого, однако не поприветствовав его, несмотря на долгую разлуку, взмолился Осьмой, что оголо-

дал он – уж брюхо урчать перестало, и случится худое, аще не насытится разом!

И когда добрались они до набережной, а Шестак даже вприпрыжку едва поспевал за Осьмым, меньшей изумил бывало злодея, в коего немало влезало, однако куда ему! Ибо тот умял в один присест два курника, по пирогу с визигой, с зайчатиной, с капустой, да и с яблоками, запив четвертью кваса!

Завершив, зычно рыгнул, и наконец высказал радость от встречи со старшим братом.

Из последующей беседы выяснилось, что Осьмой несчастен по жизни, зане постоянно не везет ему, а с юной женой пришлось расстаться, ведь выгнала его по козням своей матери, как, якобы, нахлебника и дармоеда, и не пустит обратно, ежели не станет кормильцем, чего не вожделеет он. Не берут его в торговое дело, не обучен он ремеслам, а в артель рыбарей сам не желает, понеже не умеет плавать и страшится утопнуть.

И с горечью осознал Шестак, что нет в последыше сем привычки к добычливому труду, аки у него самого, а склонностью к праздности пошел он в незадачливых родителей.

А все же меньшей брат! Надобно попробовать направить его в нужное русло – вдруг, и получится? Тем паче, имелись у Осьмого в детстве и некоторые достоинства, кои, возможно, не пропали еще. Не робок был, соображал отчасти, верховодил среди своих сверстников. И решил Шестак наскоро

обучить брата тому, что искусно умел сам, трижды показав ему на деле, как вечерами и в сумерках грабить на окраинах подгулявших обывателей.

На четвертый – вручив кистень, стоял уже поодаль, будучи готовым прийти на помощь. И с удовлетворением увидел, что Осьмой справился и сам. Добыча оказалась небогатой, а все ж хватило бы на три пирога. «Отныне не околеет с голоду, – подумал наставник. – Вывел его на путь истинный!»

Меж тем, приспела пора для срочного возвращения. На прощанье Шестак научил меньшого, как привлечь ему для уличного разбоя и тех двоих, тоже бездельных, кои делили с ним убогое жилище.

Подарил ему тот кистень и еще два, втайне приобретенные на торге. А ножами пушай обзаводятся сами! Дал еще несколько практических советов, пожелал удачи в первом для него промысле, ибо иных и не пробовал он из лени.

И наказал:

– Увидимся вновь нескоро. Не пытайся искать мя, все одно не найдешь! И никогда не упоминай имя мое в разговорах! – не то без головы останешься, и никто не спасет.

Ежели решу передать тебе весточку, прибудет человек надежный. Верь ему, когда предъявит знак, тайный. Вот он! Ломаю гребень, купленный ноне: одна половинка – твоя, а себе оставляю иную. Когда встретитесь, приложи свою половинку, с коей никогда не расставайся, к той, что предъявит

он. Все его слова моими будут! – исполняй в точности! И прощай на время...

Оный Осьмой и стал единственной зацепкой для Жихоря. Он не возлагал на нее больших надежд. Ведь за годы, прошедшие от встречи Осьмого со старшим братом, запросто мог оказаться тот в узилище, мог голову сложить, мог откочевать куда-то, и не сыщешь. Не мог он токмо остепениться и принять образ жизни добропорядочного обывателя – в сие Жихорь решительно не верил, обдумав рассказ Шестака об его меньшом.

С изрядным трудом и лишь благодаря счастливой случайности отыскав Осьмого, новоявленный Берсень сразу и вывел: «Се точно не Шестак! Ворона он – не орел: нет в нем полета! Годится лишь подсобным».

Впрочем, остальное обстояло вовсе не худо. У Осьмого было шестеро под его началом и несколько смертных кровопролитий за спиной. Имелись у него небольшой, а все же авторитет и некие знакомства.

И подобрать людишек, обучив их и проверив в деле, дабы весной, когда подсохнут дороги, покончить с Молчаном, представилось Берсеню вполне посильным делом...

LXXV

Истинно молвлено в народе: «Кто старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому оба вон!»

«В последний раз столь тревожу Доброгневу! – восседая в седле, мысленно постановил Молчан, погруженный в думы,

а все ж прислушиваясь и озираясь. – Впредь откажусь охранять обозы главным: есть и моложе меня!

И боле не высунусь за пределы Земли вятичей! Посвящу себя жене с чадами. Ведь елико раз Храбр и Беляй могли остаться без родителя, сгнувшего вдали от родного дома! Уж осьмь лет вполне обхожусь без иноземья, чреватого опасностями многими и обильного соблазнами для всех, кто тщится соблюсти себя. И впредь обойдусь с радостью!

А ежели вновь захотят вовлечь, не поддамся возврату в скрытность! Премногим обязаны мне, не раз мог и живота лишиться, а благодарность какова? Даже в подорожных ущемляли, якоже чужака со стороны!

Становился для них своим, лишь когда особенно нуждались в моей помощи. И плевать им было, что в чужих краях буду ходить под смертью! Так ведь и ходил не единожды...

Да и тогда источали лживое словоблудие: мол, раз не удостоился попасть в наши кадры, радуйся и гордись уже тому, что состоишь в доверии и имеешь возможность нештатно скрытничать, рискуя собой и сотворяя подвиги, о чем все мечтают, а удается лишь избранным!

А была ли поддержка от Путяты – с его-то огромной властью? Вступался ли он, когда несправедливо наезжали на меня его подчиненные, коим поручал он начальствовать над мной при исполнении заданий в Киеве, Тмутаракани, Булгаре, да и иных?

Увы! Умышленно не ставил на место ущемлявших меня,

из опасения, что заподозрят его в побрякках по родству. Сам единою попросил: «Ты уж не горячись, аще накопело! Не давай повода тем, кто мечтает меня подсадить!»

А разве оплачивались хотя бы единожды мои дополнительные траты, вынужденные? Отнюдь! Зажулили даже две трети обратного пути от ромеев!

Никогда не выставлял я Секретной службе за убытки по собственным прихотям, понеже не алчен и не лжив, однако с какой стати неизбежно восполнять перерасход по служебным надобностям из собственного кошелька?

Оседлали мя, взгромоздились, и неровен час, опять вознамерятся погонять! И поделом! – никто не заставлял меня поддаваться лукавству Путяты тринадцать лет тому... Что ж, сам допустил, самому и сбрасывать!

Ведь иное ноне. Вон и в Киеве новый князь».

А и верно! Секретная служба Земли вятичей результативно попользовалась Молчаном с подачи его хитроумного старшего родича. Однако обошли нештатного бойца невидимого фронта какими-либо отличиями за сие.

Его не удостоили даже скрытной благодарности в аналогично скрытном приказе, и куда годится сие?!

Согласно совершенно секретному положению о тайных выплатах привлеченным скрытникам, ему, нештатнику, полагались лишь умеренные командировочные. Однако Путята и их выдавал за личное благодеяние! Еще и утаил, что плавание в ромейскую столицу оплачено лишь в один конец...

И не запамятовал Молчан, как старший родич, напутствуя его туда, изобразил неслыханную щедрость, заявив:

– В личный дар тебе разорюсь аж на десять дирхемов. На, владей! Погуляй, продав свой товар и мое задание выполнив! Однако не увлекайся...

О, лицемерие, злостное и постыдное! Ведь на опыте собственных трат Путята был прекрасно осведомлен: при тамошних ценах на товары и услуги, включая и любострастного свойства, невозможно разгуляться на десять дирхемов, обменяв их – с изрядным убытком из-за грабительского курса, на ромейские милиарисии – тоже серебряные. Хотя не мог не понимать он: уже вскоре Молчану придется залезать в кошель, черпая из собственных средств. Что и произошло в Царьграде!

А по-иному и быть не могло. Понеже пиры с тамошними прелестницами, равно и презенты им, а не скупился, загуляв, Молчан, широкий, требовали немалых затрат, не говоря уже об окончательных расчетах.

Ведь коварно слукавил Путята, заверяя, что вовсе не запрашивают царьградские девицы с тех, кто покажется им особенно пригожим. Лжа, и еще раз лжа! Сообразно ромейским законам распутного промысла, запрашивали они, и еще как! И разве воздержались хотя бы единожды, когда угощал их?

Сходным образом пришлось раскошелиться ему и в иных краях. Хотя там он был уже начеку! Причем, сопут-

ствующая убыточность для собственной мощи имела место, несмотря на внеплановые свершения Молчана на ниве скрытности, oprичь выполнения обязательной программы от Путяты!

В той же Тмутаракани выявил он тайного агента болгар при дворе князя Мстислава Владимировича, о чем незамедлительно уведомил состоявшего с ним на связи оперативника резидентуры Секретной службы вятичей в оном княжестве. А был им Будимир из того спецназа Путяты, ходившего за Булгаком, в коем Молчан-дебютант состоял младшим. И в довершение сумел увлечь – по личной инициативе, весьма осведомленную хазарянку, чьи родители бежали из разграбленного киевлянами Итиля – столицы Хазарского каганата.

В Биляре же распознал, и тоже инициативно, одну из местных, коя открылась ему, разомлев от ласк его, что сотрудничает с болгарским сыском в качестве нештатного осведомителя, поведав немало ценного для резидентуры Секретной службы вятичей в Болгарии.

В Киеве ж и пуще того отличился, а не время еще открыть...

Однако так и не улыбнулись ему поощрения из премиального фонда – со сметами под грифом «Совершенно секретно! Хранить вечно! Не перепроверять!» Ибо нигде не ценят привлеченных энтузиастов, вечно экономя на них и выгадывая, а особливо – в тайных службах, обделяя порой, до самого недавнего времени, даже кровных родичей. Ноне уж не

обделяют...

«Неправедны с тобой начальствующие сходники! Однако и сам ты повинен, – встрял внутренний глас. – Аще даны тебе зубы, так огрызайся! А ежели робеешь, не причитай задним числом» ...

LXXVI

Допрежь не доставили Яроока, объявленного Доброгневой изменником, вопреки презумпции невиновности, дружинники продолжали укреплять позиции и отрабатывать действия боевых расчетов при неизбежном налете. Хотя у иных из них и зародились сомнения, относительно целесообразности оных действий, инициированные признанием Балуга, с позором отправленного под домашний арест – до выяснения всех отягчающих обстоятельств.

Что до Гладыша, тому все же доверили собирать чурки для большого костра, однако под наблюдением, подозревая: способен сбежать к ворогам!

Тут Доброгнева сообразила, что подчиненное воинство не оснащено сухими пайками, кои вдохновляют воев в канун битвы пуще призывов к мужеству! И приказала она не отходившему от нее Храбру, а Беляй был оставлен присматривать за Третьяком, взять с собой двоих дружинников и отвести в жилище семейное, дабы загрузились они там некими припасами.

Подлежали выдаче: мед – два кувшина глиняных и ложки к ним; соленая рыба – двадцать; остаточный кусок коп-

ченого окорока из кабана; деревянная кадушка с груздочками; половина ковриги, что планировалась на вечернюю трапезу; все наличные птичьи яйца, кои можно испечь и на месте; кувшин отбродившей сыты, однако сие – лишь по отражении налета.

Опречь того, широкая щедротами своими Доброгнева распорядилась отловить четырех курей, дабы приготовить их, ощипанных, на костерке под надзором Дробна, и отлить березовицы в три бурачка. Не сомневалась она: возрадуются вслед чрева подчиненных, потеплеет в душах их, и дополнительно проникнутся они к матери-командирше – не батяни лишь потому, что от природы не росла у нее борода. Ибо каковой же вятич не любит халявного угощения!

Еще не вернулись с припасами, подоспел Скурата – с топориком, сулицей, луком и тулом, полным стрел, да и с ножом на поясе, мигом подпавший под подозрение дружинников, ведь предупредил его Балуй о нападении на обоз, а не оповестил он все городище.

Однако Доброгнева, зримо удостоверившись, что подлинно боец – сей, аще вооружен столь, сразу и сообразила: лучшего помощника по чисто ратным вопросам не найти ей! К тому же, Молчан рекомендовал. И отведя Скурату в сторонку, скоренько ввела его в курс дела. Не умолчала при том о тяжести возможных обвинений от дружины, дабы не чванился, знал свое место и понимал: свобода его – в руке Доброгневых!

Скурата, не в пример Балую, был наделен разумом, прозорливостью да и тяжелой десницей, отчего жена его даже не помышляла гульнуть налево, провидя неизбежное наказание, суровое, хотя мечталось ей, и даже во снах являлось.

Посему, оперативно прикинув, согласился он стать в подчинение Доброгневы, избранной всей дружиной, возглавив непосредственное руководство предстоящей бранью, решительно не веря в ее возможность, равно и в тупость разбойников, кои могли славно поживиться, токмо напав на обоз.

А таче, подумал он, непременно предъявит Молчану за сию неадекватную энтузиастку. Однако в деликатной форме, иначе самому дороже станет!

Вслед Доброгнева во всеуслышание огласила, что кореш за кореша – не отвечает, и нет на Скурате безусловной вины, а с врагами – отважен он, о чем и супруг ее, Молчан, не раз баял. И способен зело пригодиться в бою!

Тут и припасы прибыли. И вдохновилась вся дружина, мысленно воздав должное Доброгневе за лакомое попечение, подтвердившее, что верно избрала она именно ее! Все ж, некие – с червоточиной в душах и жадные, высказали мнение, что не имеет подозрительный Скурата права на долю при дележке.

И когда отчасти насытились чрева их, а предстояли и куры, поджаренные, благодушно восприняли дружинники, как, с доставкой Яроока – под конвоем, начался публичный допрос, завершившийся его этапированием в подклеть – под

охрану; неважно, что раскаялся он, даже о снисхождении просил.

Должно упомянуть, что Доброгнева, потроша подследственного Яроока, не прибегнув и к пыткам, вмиг распутала всю преступную цепочку – от Жихоря до Балую! При таких-то талантах к экстренному дознанию служить бы ей в прокуратуре – следователем по особо важным делам, либо преуспевать по благородной линии политического сыска!

И никому не в печаль, что лиходеи так и не напали со стороны реки. Ведь обернись иначе, ни на шаг не отступило бы воинство Доброгневы! А спасло городище, разбив и победив врагов! Виват командирше и берегине!

Сетовал лишь Яроок в погребе, использованном ажно поруб в остроге. Вспомнили о нем и освободили, когда стемнело, а до того не выводили даже для оправки. И томился он, проклиная себя, что открылся Балую, коего с радостью задушил бы...

LXXVII

До Беданова камня оставалось еще изрядно. Время помыслить о насущном отнюдь не истекло.

«А ведь Путята с охотой направил бы меня наново!» – вспомнилось Молчану. И точно! Уже по возвращении его из Булгарии, когда долго сидели они, употребляя не квас, старший родич высказал с дальним прицелом:

– Всем хороша твоя жена, однако примечаю: податлив ты пред ней...

– Чем же? – вскинул брови Молчан.

– Податлив, и не отпирайся! А будь иначе, предложил бы тебе вновь отправиться к ромеям. Надолго, зато занятие подлинно для тебя! И скрытно прославился бы тайными подвигами. Возможно, и вельми обогатился, ведь верю, что избежишь провала, а место – явно доходное.

Таковая честь выпадает немногим! И сразу же принят был на службу к нам, получив и достойный чин. А ежели встанет поперек твоя Доброгнева, не принимай к сердцу!

Хотя и не стану корить ее, рожденную для уборки по дому и каждодневной готовки. Понеже жертвовать собой во имя Земли вятичей дано лишь героям, с коими и ты почти ровень! – совсем немного осталось...

«Э, родич, на старые уловки уж не клюну! Да и на новые не поддамся!», – хмыкнул в душе Молчан. И осведомился, будто из любопытства:

– А место для тайных подвигов каково? Ежели попечителем женского монастыря в долине реки Ликос, да на все лето, пожалуй, подумаю...

– Ничуть ты не взрослеешь! А ведь уже за тридесять: пора бы! – в сердцах высказал Путаея, явно досадуя, что промазал, однако не утратив еще надежд. И прицелился наново:

– Ждут тебя и радости, вожделенные! Ибо поначалу направлен будешь в порт Авидос, стоящий на берегу пролива Геллеспонт, соединяя два моря – Пропонтиду и Эгейское, и лишь потом – в Царьград, коей ты упорно называешь Кон-

стантинополем, а я уж по старинке...

Авиденки же – первейшие распутницы во всей Ромейской державе, поелику оттачивают свое мастерство каждодневно и еженощно, обслуживая команды всех прибывающих в Авидос судов, а берут, к чести их, недорого. Правда, и в болтливости нет им равных, однако, поверь мне, притерпеться можно и к сей помехе!

А дале, встретившись там, и не для праздной беседы, с доверенным моим человеком, прибудешь в Царьград и пристроим тебя в охоту сановного вельможи, дед коего состоял в ближнем окружении самого Василия Лакапина – евнуха, оскопленного своим отцом, василевсом Романом в семилетнем возрасте, а позже бывшего паракименоном – первым министром, при четырех императорах, впервые заступив в сию должность всего в двадцать годов...

– Отец оскопил родного сына? Чудно сие! – усомнился Молчан.

– Не удивляйся и никогда не верь, еже начнут тебе кривить об особливом благочестии, тамошнем! Промеж высшей ромейской знати внутрисемейные убийства, ослепления, оскопления и насильственные пострижения – самое обычное дело из века в век. Не токмо отцы, а и матери, не задумываясь, прикончат либо искалечат своих сыновей ради большей власти, своей, а чада не пожалеют родителей, вставших поперек их планов. И много тому примеров...

Тот же василевс Роман оскопил и младшего брата Васи-

лия – Феофилакта, коего семилетним возвели в иподиакона. Едва оному младшему минуло семьнадесять – возраст, когда и в мнихи не постригают, Роман-отец продвинул его в патриархи. И столь безгрешен был по женской части сей перво-священник, коего услаждали непотребным образом личные шуты и мимы, что усоп в тридесять шесть не от дурной хвори, а пав с лошади.

Однако вернемся к насущному. Ромейская знать зело увлечена охотой на оленей, косуль, зайцев, и даже кабанов. Недалече от Царьграда есть и огромный охотничий парк. А сановник тот давно уж ищет искусного иноземного ловчего; буде найдет такового еще до твоего прибытия, есть и иные знатные, желающие того же.

Вот и подумывал я пристроить тебя, племени твоего не скрывая. Ведь в ловитве несть вятича, ни ромея, бо все и во всем – охота!

Насчет же дев, будь уверенным: их, рядом с теми вельможами, боле, чем они осилить могут. Нес бы тайную службу, отдавался ловитве, любимой, получал достойную оплату в солидах, и не знал счета в прелестницах, когда б не твоя Доброгнева, кою, примечаю я, вознес ты избыточно высоко. Меж тем, для истинного вятича превыше всего – забота о вольном процветании земли нашей, и ничтожно в сравнении с ней любое иное! Не забывай о сем!

«Да что же до сих пор не обрежу я сего лицемера, дабы поперхнулся он?! Уже и в семью мою лезет, наглея, а я мол-

чу, и молчу!», – укорил себя Молчан, отчасти и озлившись.

И высказал – вполне нейтрально, применительно к сверстнику, однако не вполне – по отношению к представителю старшего поколения:

– С женой своей сам и разберись! – без подсказчиков. А завлекать на подвиги и жертвенность, ради собственной служебной корысти, тебе бы, родич, надобно не за сим столом.

Верно упомянул ты, что мне уже за тридесять! – вот и лови на крючок доверчивости тех, кто куда моложе. Доброго тебе клева!

Истинно поперхнулся Путята! А прокашлявшись и побагровев, выдал:

– Вставай, и иди – не держу! Не ожидал от тебя, а ведь со всей душой!

«И я не ожидал, что у начальствующих сходников бывают души», – мысленно усмехнулся Молчан. Встал, поклонился хозяину, направился к выходу.

И встретились они в иной раз лишь незадолго до гибели Путяты...

LXXVIII

Бытие определяет сознание, ежели есть последнее.

По весне до разбойного главаря окончательно дошло, что всего за осень и зиму опростился он боле разумных пределов, и мало осталось в нем от респектабельного совладельца двух ладей, собственника трех теремов, прогулочного челна

и конюшни на семь лошадей, равно и уважаемого заимодавца.

Вернувшись к романтике налетов и накрепко восстановив былые ощущения, Жихорь нерпеложно определил, что яства все же куда смачнее, а хвойная подстилка взамен перины допустима лишь за гранью беспросветной нищеты и полнейшего убожества. Опустившись до примитивности подчиненных, не смог он хоть чуть приподнять их до прежнего своего уровня. И вынужденно растрачивая собственную энергетику без адекватной подпитки извне, безостановочно тупел.

Вдруг открылось ему: «Чернь духом не выбелить добела! Пустая башка отторгает любую мудрость! Свяжешься с шелупонью, измельчаешь сам!»

А почитывая Жихорь пред сном Энгельса, чья брада еще длиннее была, чем у него, о том, каковым волшебством образовался гегемон природы и даже обзавелся обонянием, непременно вывел бы самородную формулу: «Гомо, временами сапиенс, произошел от злобной обезьяны, некогда выбравшей орудием труда увесистую дубину для охоты на сородичей».

Отчасти утешало лишь то, что для ликвидации Молчана, а с ним и всех обозных, сгодятся и сии, никчемные. Худо-бедно, а все же натаскал их он. Семь добычливых налетов за зиму и раннюю весну – зело не слабо!

К тому же прикинул он, где Молчан будет ожидать его, и где не станет. Для сего понадобилось досконально обследо-

вать путь, ведущий на торг.

Жихорь промерил его не верхом, а собственным шагом, скрытно заночевав в лесу, при вступлении в него дороги от городища Молчана; поутру же вышел и добрел к полудню до конца того леса, примечая и запоминая.

И завершив, вывел: «Ведаю, где обидчик мой надеется отразить меня. Всего удобнее напасть у Беданова камня! А вот и шалишь, сквернавец!»

Силы распределил таковым ордером: сам он и еще осмь налетают с одной стороны дороги, а остальные десять во главе с Осьмым – с другой. Наблюдателем с дерева и сигнальной кукушкой будет Цукан из десятки Осьмого – туповат, однако урожденный лесовик, умевший подражать птичьим голосам.

«Когда завидит обоз, подпустив его поближе, оповестит кукованием», – решил Жихорь, не подозревая, что сей фокус хорошо известен Молчану.

На всякий случай, ведь глуп Цукан, в помощь ему был намечен Осляб, соответствовавший своему имени, означавшему «дубина», зато исполнительный. А исполнительная дубина – всегда страшная сила!

Лошадей оставили шагах в трехстах, исключая двух, коих привязали рядом с Жихорем и Осьмым. Ведь подчиненному личному составу было куда сподручней днесь ринуться на обоз пешими. А вслед, с упокоением Молчана, надлежало вернуться в коммерцию, вновь став Гораздом.

И рассчитал Жихорь: когда алчные подчиненные начнут

дележ добычи, незаметно покинет их с Осьмым, посулив тому тридесять резан, пришпорят они коней, и – поминай, как звали! Понятно, на первом же привале надлежало упокоить и Осьмого: ведь ведал он имя его и ремесло своего брата.

Подобные ниточки полагается рвать с концами!

Истинно береженный тот, кто сберегает себя сам...

LXXIX

«Все великое земное разлетается, как дым...», – еще когда констатировал Василий Андреевич Жуковский, перелая Фридриха, не нашего, Шиллера.

Однако с чего ж разлетается оно? Да по прихоти вышних сил!

Взять Наполеона – абсолютного фаворита госпожи удачи, коему во всей истории человечества не было равных по везучести.

И сражения проигрывал вчистую, а кто-то, вопреки его приказу, являлся и выручал – ценой собственной жизни. А главный конкурент его за славу первого полководца тогдашней Франции, преуспев в объятьях Жозефины задолго до будущего императора, вдруг опочил в 29 лет при весьма подозрительных обстоятельствах. И наособицу симпатизировали ему тайные общества, причем, Жозеф, старший брат, даже имел 33-ю степень посвящения, последовательно возглавляя масонские ложи Великий восток Франции и Великий восток Италии. А контр-адмирал Нельсон лишь из-за шторма, лишившего его быстроходных фрегатов, выполняв-

ших дальнюю разведку, не отправил генерала Бонапарта на дно со всем 35-тысячным экспедиционным войском еще в 1798-м. И тайно драпанул он из Египта, преступно бросив на погибель свою армию, а вместо надлежащего трибунала ему всемерно помогли при организации государственного переворота. А за 17 дней до переворота те же силы посадили в кресло главы Совета пятисот – нижней палаты парламента, куда могли избираться лишь лица, достигшие тридцати лет, его 24-летнего брата Люсьена, без чего у генерала-дезертира вообще не было шансов прийти к власти и оказался бы он, в лучшем для себя случае, в тюрьме «Синнамари» во Французской Гвиане, где выживали всего три процента сосланных.

Что до удачливого падения в ров при штурме Аркольского моста и спасения в последний миг, елико было потом подобных спасений!

Он оставался целым при покушениях. Неуязвим был в битвах для пуль и даже ядер, падавших у его ног без разрыва; когда же возникла уязвимость, его адъютант Миерон пожертвовал жизнью. А драпанув и оставив околевать в российских снегах ошметки своей армии – 600-тысячной на момент вторжения и микроскопической в «сухом остатке», невредимым домчал до Парижа.

И многое-многое иное, что при подробном рассказе займет не один десяток страниц убористого текста...

А потом фантастическое, направляемое свыше везение

обернулось кармическим бумерангом, едва наскучил Наполеон небесам!

Презрели они его, и разлетелось, аки дым, величие, обратившись в частную жизнь под аглицким надзором, в окружении немногочисленной челяди, на мелком острове, неизменно далеком от Франции.

Там и прекратился вчерашний властелин чуть ли не всей Европы.

А и от Жихоря вдруг отвернулась фортуна, показав ему оголенный, будто у павиана, тыл!

Ибо оскорбил ее эстетические начала и сопутствующую изысканность манер невтерпеж у намеченного в сигнальщици Цукана, равно и его самодеятельность, вопреки вышним помыслам. И в наказание, разово опростилась она, под стать тому!

Хотя первопричиной стало промедление Молчана с отъездом обоза. Поелику все злодеи, изготовившись грабить еще до полудня, попросту изнемогли в ожидании! Ведь даже в лесу припекает, когда жарынь – над кронами деревьев.

И на четвертом часу наблюдения Цукан ощутил: подступает в нем! И воззвал к соратнику, стоявшему неподалеку, надзирая за ним:

– Слышь, Осляб! Срочность меня припирает! – сил уже нет... Обернись сей миг! А ты полезай на сук да за кукушку побудь...

Высказав, Цукан спустился по стволу, быстрее векши, и

рванул в отдаление, мелькая подметками и каблуками юфтовых сапог своих...

А едва грузный Осляб не без труда вскарабкался и стал высматривать, сразу и узрел он, шагов за осьмьдесят, обозный перед. Ему бы повременить, дав ворогам приблизиться хотя бы вполовину, да дубиной был по уму!

И от радости, что все же дождались они и вскорости хорошо поживятся, огласил он с таковой зычностью и протяжностью, что обзавидовалась бы любая воронья стая: «Ку-ку! Ку-ку!».

Однако, прикинув, что может оказаться мало, добавил – на всю округу, лесную, разовое «Ку!».

– Осляб громыхнул! – определил главарь. – Да и неверно! Любая кукушка всегда двоит. А Цукан где?! Воспитал я уродов на собственную выю...

И не подозревая, что обоз еще далече, возопил он, дабы слышно было и людишкам Осьмого: «Эй! Навались!»

Последним выскочил из придорожных кустов Цукан с кистенем в деснице, на ходу подтягивая порты шуйцей ...

И когда издалека донеслось: «Ку-ку, ку-ку... ку!», живо смекнул Молчан: «Сей кукух – с кистенем!» А определив примерное расстояние и возликовав в душе, крикнул своим: «Стой!» вместо запланированного: «Бой!»

LXXX

«А чегой мы выперлись ране?» – дружно подумали выспавшие с обеих сторон злодеи, смешавшись на дороге друг с

другом, и обнаружив, что до обоза бежать еще и бежать.

Жихорь, он же Гамаюн, он же Горазд, он же Берсень и вовсе чуть ли не в ступор впал!

Даже не имея навыков стратега во главе войска, не ведая о понятии «дефиле», и не слыхивав о трехстах спартанцах в Фермопильском ущелье, мигом сообразил он: в узком проходе – с лесом по обе стороны, вся выгода у обороняющихся по фронту. Да и неожиданность накрылась, неприлично чем!

И придется, забыв о фланговых обходах и охватах, атаковать в лоб – с очевидными потерями, либо спешно рассеяться в лесу, расставшись с мечтой о разбойном подвиге, запланированном, удостоверившись, что подвиги по расписанию удаются лишь телевизионному барону – тому самому.

Однако отвернуть и рассеяться было решительно невозможным для Жихоря! И не опасения о порушенной славе разбойного главаря Берсеня являлись тому причиной. Затратить окончание осени, зиму и всю, считай, весну на подготовку к вожденной мести, и отказаться в самый канун ее? Не для него оное!

И решил он: будь, что будет, а не предаст свою мечту, кровавую...

А и Молчан оторопел, узрев впереди по курсу, шагах в седмидесяти, скопище разбойничков, коих нагоняла темно-серая туча. Рухнула и его диспозиция! – ведь не с боков накатят, а спереди.

Зря передумал брать свой боевой лук, а сколь бы тот при-

годился! Ведь луки имелись токмо у Забоя, Алабыша, Бармы и Хотена, и лишь один из них был в удобной позиции.

Надлежало срочно переместить в авангард Алабыша, Барму и Хотена...

Из всех растерянных лиходеев отважился справиться у Берсеня, куда ж им теперь, едва успев до первого раската грома позади, токмо Осьмой, единственный приближенный к нему по чести, совести и профессионализму.

Окинув недобрым взглядом ораву подчиненных и персонально просверлив им высоченного Осляба, кукнувшего до срока, высказал Берсень – взметнув булаву в деснице и в полный командирский глас:

– Не трусы мы, подобные тем, кои дрожат в обозе! По четыре в ряд, и бегом! Мы с Осьмым скачем одесную и ошую!

Вперед, за лихое дело наше! Кистенями их, кистенями!

А всего чрез миги рванули они! – двое конных и семнадцать пеших. И тут же над ними и обозом разом разверзлась туча! – по принципу слива в унитазе тыщу лет спустя. И хлынул ливень, омывая благородное, смывая недостойное, и затрудняя лучникам прицел, равно и устойчивость полета стрел.

Первый ряд пал на дальнем подходе, двое рухнули от метких стрел на ближнем, а одного сразил сулицей Молчан. Все ж и обозные понесли потери!

Барма, почти в упор всадивший стрелу в безмерную грудь Осляба, не увернулся от гирьки его кистеня в чело – тут и

доспех не мог выручить; вслед пали оба, и навсегда. А последний во втором ряду ловко зацепил Забоя крюком на пике, предназначенной именно для конных, и рухнул богатырь оземь, ажно корабельная сосна.

Выручая его от добивания, кинулся с топориком Алабыш и зацепил ворога, однако получил кистенем в предплечье шуйцы от некоего из третьего ряда, и повисла она.

Еле оборонялся Хотен, оставшись лишь со щитом и ножом, длинным: лук он отбросил, солидарно с Алабышем, а в спешке не прихватил копья.

Сам Молчан, метнув две сулицы, рубился в третьем ряду, прорываясь в четвертый и высматривая Жихоря, однако все не замечая оного, и уже не раз выручил его кольчужный доспех. Было собрался он воззвать к Басману с Талалаем, дабы перешли из резервистов в атакующих бойцов, да услышал глас, напомнивший ему многое: «Обходи с боков их! Бей по телегам!»

Вскинув очи, узрел он: одесную из-за пеших злодеев выскочил конный в браде, изрядной, и был сей явным Жихорем! А боковым зрением, столь полезным и на охоте, и в бою, узрел и еще конного, безмерно брадатого, прорывавшегося с иного бока. И оценив чреватые последствия маневра хитрых ворогов, отсидевшихся до поры за пешими, крикнул: «Колыван! Ко мне! Копьем их! Твердолик, готовь сулицы!».

Он бы приказал и всем иным, да в тот же миг встал на задние копыта конь его, пораженный в круп ворогами, и еле

успел он высвободиться из стремян и с трудом стать на ноги по приземлении.

А и Жихорь заметил Молчана еще издали!

Предшествующие мгновенья не мог определить он, с чего начать: прорваться к ближним обозным телегам, прикончив для надежности всех, кто был в них, дабы не стали помехой вслед, и уж потом ударить по сквернавцу сему сзади, либо сразу же налететь на него. Когда же обезлошадел тот, не осталось сомнений: добивать, и немедленно!

Однако с поворотом коня, понял он, что не дотянется до Молчана, заслоненного подчиненным Берсенья, именем Ерга, тщившимся вонзить в Молчана сулицу, не соображая, что не возьмет она знатный доспех.

И некогда было ждать Жихорю, пока ворог его окончательно придет в себя! Посему, весь уже в кураже боя и жажде кровопролития он хватил булавой недоумка Ергу, аки досадную помеху!

Злополучный подчиненный все ж посмертно отместил своему несправедливому начальствующему, подгадив своим падением под передние копыта коня.

И запнулся тот, и чуток отпрянул, ибо не конское дело – месить трупы! А когда все ж вывез Жихоря на Молчана, тот уж восстановился полностью, держа сулицу в деснице, а нож с длинным клинком – в шуйце, и явно не оробев.

– Все в сторону! – приказал оставшимся злодеям их вожак. – Се мой бой!

Равно и Молчан отмахнулся от благополучно поднявшегося Забоя:

– Добивай остальных! Я сам!

И тут же раздался позади них вопль, от коего могли задрожать даже вековые дубы: «А-а-а! У-у!». А вслед пресекался он, словно и не было...

«Колывана копьё!» – сообразил Молчан.

«Издох Осьмой!» – сообразил Жихорь.

И осознал он, что дело принимает скверный оборот. Либо и того плоше! Ибо, по резвому рассуждению, выходило: у Молчана два крепких бойца, помимо самого, один из коих токмо что упокоил вельми не слабого Осьмого, и к тому ж, на коне он. А у него после Осляба и Осьмого – закоперщиков в любом налете, не осталось знатных бойцов, и никто не подставит ему плечо, ежели пошатнется. И уже приближается тот верховой копейщик...

«Даже одолей я Молчана, не дадут его добить, а меня-то явно лишат живота! Отнюдь не успею удрать!» – живо прикинул мнимый Берсень, бывавший в разбоях и лже-Гамаюном.

И старший совладелец двух ладей и единоличный собственник трех теремов, прогулочного челна, конюшни на семь лошадей и личных накоплений, данных в рост под двенадесять годовых сей же миг резво отринул романтику!

Ведь обрыдло ему опрощение, кое обернулось ментальным тупиком и дисгармонией в его душе, возвышенной! А

мечь может и повременить!

Резко вывернув в противоположную копейщику сторону, ударил он каблуками по крупу, а вслед и повторил.

Взржал его гнедой от одного неуважения и рванул! – никто и помешать не успел. И лишь один попытался.

Се Некрас, вскочив в телеге, попытался хватить топориком Жихоря, а обернулось, что сей хватил его булавой.

И рухнул Некрас навзничь на товары, заготовленные для торгова, а Мезеня кинулся останавливать тряпицей кровь, хлынувшую из проломленного чела.

Взрад же с Дедадой, да и бывалый Твердолик струхнули пресечь скачущего мимо злодея! – даже сулиц не метнули...

А тот, минуя уже заднюю телегу, обернулся и крикнул:
– Не ликуй, Молчан! Ужо сочтемся!

Все повторяется в мире сем, пусть и в вариациях на тему. Молчан не добыл тура, Жихорь не добыл Молчана...

LXXXI

Некрас – отходил. И осознавая оное, обратил свои последние слова к Молчану, державшему его пробитую главу на своих коленях.

– Помочь тебе хотел... Искупить старую обиду ... Да не судьба... И Млада меня так и не полюбила... Одна она с детьми остается, помирает семьи кормилец... Ты уж позаботься...

И еще скажу тебе...

А что хотел молвить еще, уж не успел он, прерванный про-

щальным вдохом на остаточном краешке земного бытия. И затворил Молчан его вежды...

По возвращении в городище с упокоенными Бармой и Некрасом, к обозным сбежались от мала до велика, ведь горестная молва всегда резвее доброй.

И заголосила не токмо вдовица, потерявшая мужа, а и иные из пола женского. Позде, еще до рассвета, придет и черед Млады...

Выйдя из того скопища, за ним и жена с Мезеней, молвил Молчан:

– Ненадолго спущусь к реке – продышаться. А ты, Мезеня, отнеси к нам в клеть ваш товар: продадим в иной раз. Доброгнева, покажи ему! И в кошеле, сокрытом, зачерпни половину – на тризну, и семье его на первый расход. Без кормильца остались, еще и горели наемни... Первым моим другом был в юности, а днесь не утратился и с честью пал.

Обернусь, мы с Мезеней сразу и отъедем с ним. Неспешным ходом будем в его селище еще до первых петухов...

А когда зашагал он, рванув ворот, дабы легче вдыхалось, окликнул его мужичок, незнакомый.

Мухортый и в одежке скромной, коего никогда не отличишь в любой толчее, а увидев, забудешь в тот же день.

И молвил вполголоса:

– Привет тебе от Бушуя. Надобен ты ему... Будь готов!

Молчан взглянул на него, ощущая тянущую тоску в груди, будто при расставании навек с чем-то давно прошедшим, а

все ж небезразличным донине и щемящем порой.

И потому промедлил с давно выношенным ответом.

– Будь готов! – с явным нажимом, одновременно и с укоризной на беспамятство Молчана, не отреагировавшего, как должно, на тайные слова, озвученные ему всего-то семь лет назад, повторил гонец, неприметный.

И выложил в сердцах Молчан! – без увертливости, а точно наотмашь:

– Не готов, и впредь не буду! Со всем моим почтением!

А тем, кто послал тебя, передай: «Не родичи вы мне, и не хозяева! Ничего не должен вам, ничем не обязан! Не ваш, а я собственный! Им и останусь. Сходничайте впредь – без меня!»

И тяжело ступая, пошел к реке...

Так или примерно так – аж тыща лет минула, всего и не припомнить, в поселении вятичей, что обустроилось на плоской вершине холма, устремленного в пойму Москвы-реки, завершался долгий день в самом конце весны.

И некому уже удостоверить название сего городища. Ведь даже последний из туров опочил еще в 1627-м! И не оставил потомства.

А что там случилось вслед, Бог весть! Сквозь замутившуюся от давности призму десяти веков и не различишь вдруг. Разве что изрядно попытаться...